

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

12(4) 2026

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Трансформация социального пространства Северной Евразии в оптике социологии
THEME OF THE ISSUE: The Transformation of the Social Space of Northern Eurasia from a Sociological Perspective

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 12, № 4. 2026

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 12, № 4. 2026

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Задорин И. В., научный руководитель исследовательской группы ЦИРКОН, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Сухотский Н. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и инновационной работе, Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Заместитель главного редактора: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Ответственный секретарь: Ковальчук О. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Технический секретарь: Семченко И. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Технический секретарь: Заводян И. С., старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Редактор английских текстов: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Алексеев А. А., доктор социологических наук, и.о. заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, профессор, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия.

Бакрач В. Б., доктор социологических наук, профессор университета Черногории, Черногория.

Благоевич М., доктор социологических наук, главный научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии народного хозяйства государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Igor V. Zadorin, CEO, ZIRCON Research Center; Senior Researcher, Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Nikolay Sukhotsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research and Innovation Work, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Olga Kovalchuk, Ph.D. in Philosophical Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

TECHNICAL SECRETARY: Irina Semchenko, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

TECHNICAL SECRETARY: Irina Zavodyan, Senior Lecturer, Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Anna Alekseenok, Doctor of Sociological Sciences, Acting Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Orel, Russia.

Vladimir Bakrač, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the University of Montenegro, Montenegro.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a Chief Researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой Демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Иванов Д. В., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Кублицкая Е. А., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахстан.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Республика Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова А., PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Певная М. В., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия.

Проказина Н. В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Ростовская Т. К., доктор социологических наук, профессор, директора Института социальной демографии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской Академии наук, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, ведущий научный сотрудник Уральского отделения Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Сухотский Н. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и инновационной работе, Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь.

Титаренко Л. Г., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь.

Тодорович Д., доктор социологических наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Филоненко В. И., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социально-политических исследований, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Dragoljub Djordjević, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Federal Research Sociological Center Russian Academy of Sciences, Russia.

Dmitry Ivanov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of St. Petersburg State University, Russia.

Elena Kublitskaya, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Social Demography of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Lamazha Ch. K., Doctor of Philosophy, Professor of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Kazakhstan.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Republic of Belarus.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Maria Pevnaya., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia.

Natalia Prokazina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair “SAR – Society of Anthropology of Religion”, American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Tamara Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, leading researcher of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Nikolay Sukhotsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research and Innovation Work, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

Larisa Titarenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Belarusian State University, Republic of Belarus.

Todorovic D., Doctor of Sociological Sciences, Professor at the University of Niš, Serbia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Viktor Filonenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Center for Social and Political Research, Southern Federal University, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, директор Института социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шилова В. А., кандидат социологических наук, руководитель лаборатории, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Ivan Czvilkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, Director of the Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Valentina Shilova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory, Leading Researcher at the Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semanova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Алексеев Е. А. Ценностно-мотивационный профиль неформально занятого населения в условиях трансформации социально- профессиональной сферы регионов Северной Евразии	6	Yekaterina A. Alekseenok Value-motivational profile of the informally employed population in the context of the transformation of the socio-professional sphere in the regions of Northern Eurasia	6
Вукчевич Н., Видойкович М. Особенности адаптации сербских и китайских студентов в России	20	Nemanja Vukčević, Milena Vidojković Specific features of the adaptation of Chinese and Serbian students in Russia	20
Мухаметов Д. Р., Домбровская А. Ю., Огнев А. С. Возможности комбинирования регрессионных моделей и имитационного моделирования в изучении эмиграционных установок российской молодежи	32	Daniyar R. Mukhametov, Anna Yu. Dombrovskaya, Alexander S. Ognev Possibilities of combining regression models and simulation modeling in the study of emigration attitudes of Russian youth	32
Юргелас А. Л. Ценностно-мотивационные детерминанты трудовой миграции в Россию: сравнительный страновой анализ на примере Армении, Беларуси и Таджикистана	52	Anna L. Yurgelas Value-motivational determinants of labor migration to Russia: a comparative country analysis on the example of Armenia, Belarus and Tajikistan	52

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Багдасарян Д. А. Социальная безопасность в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии: теоретико-методологические подходы к социологическому анализу	67	Diana A. Bagdasaryan Social security in the context of the transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia: theoretical and methodological approaches to sociological analysis	67
Брандт Я. А., Бурмакина А. Л., Рыбакова О. С., Кранзеева Е. А. Социальная консолидация и мобилизация региональных женских и молодежных сетевых сообществ Сибири	83	Yana A. Brandt, Anna L. Burmakina, Oksana S. Rybakova, Elena A. Kranzeeva Social consolidation and mobilization of regional women's and youth network communities in Siberia	83
Рославцева М. В. К вопросу о демографическом поведении мигрантов из стран Северной Евразии в России: теоретический подход	103	Maria V. Roslavl'tseva On the demographic behavior of migrants from the countries of Northern Eurasia in Russia: a theoretical approach	103
Хрипкова Д. В., Хрипков К. А., Соловьев Д. Ю., Юркова О. Н., Соловьева Н.Е. Цифровой социальный капитал как фактор пространственной адаптации: региональные сообщества России в новой геополитической оптике	116	Diane V. Khripkova, Kirill A. Khripkov, Dmitry Yu. Soloviev, Olga N. Yurkova, Natalia E. Solovieva Digital social capital as a factor of spatial adaptation: regional communities of Russia in a new geopolitical context	116

Шаповалов Д. А. Миграционные стратегии молодежи: факторы миграции разных профессиональных групп	130	Danil A. Shapovalov Migration strategies of youth: factors of migration of different professional groups	130
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Гайдукова Г. Н. Социологическая оценка специфики формирования социально- технологической безопасности крупных городов Северной Евразии	146	Galina N. Gaidukova Sociological assessment of the specifics of the formation of socio-technological security of large cities in Northern Eurasia	146
Лебедева Т. В. Правовые и институциональные механизмы управления образовательной миграцией как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	171	Tamara V. Lebedeva Legal and institutional mechanisms of educational migration management as a factor in ensuring national security of the Russian Federation	171
Леденева В. Ю. Региональная инфраструктура в формировании адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов	185	Viktoria Yu. Ledeneva Regional infrastructure in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants	185
Петровская Ю. А., Федосеева О. В., Фадеева Н. Л., Сачук Д. И., Андреева Н. О. Социальный портрет молодежи Республики Карелия в условиях трансформации геополитического пространства Севера Евразии: результаты эмпирического исследования	201	Yuliya A. Petrovskaya, Olga V. Fedoseeva, Natalya L. Fadeeva, Denis I. Sachuk, Natalya O. Andreeva Social portrait of the youth of the Republic of Karelia in the context of the transforming geopolitical space of Northern Eurasia: results of an empirical study	201
Рыбакова М. В., Иванова Н. А. Влияние цифровых технологий на эффективность государственного управления в Узбекистане и Таджикистане: взгляд студентов	215	Marina V. Rybakova, Natalia A. Ivanova The impact of digital technologies on the efficiency of public administration in Uzbekistan and Tajikistan: students' view	215

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316. 334.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-1

Исследовательская статья

Алексеев Е. А.

Ценностно-мотивационный профиль неформально занятого населения в условиях трансформации социально-профессиональной сферы регионов Северной Евразии

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
улица Октябрьская, дом 12, Орел, 302027, Россия
aleksienok-ea@ranepa.ru

Аннотация. В данной статье на основе качественного анализа выявляются и типологизируются ценностно-мотивационные профили неформально занятых в условиях трансформации социально-профессиональной сферы регионов Северной Евразии. Исследование профиля неформальной занятости в региональном ракурсе позволяет определить локальные особенности её основных форм проявления, понять логику построения поведенческих практик людей данной социальной категории. Выделяются следующие профили: «*вынужденные маргиналы*» – неформальная занятость не их выбор, а единственный доступный способ выживания, доминируют установки на краткосрочную выгоду, а не карьерный рост; «*гибкие профессионалы*» – неформальная занятость их осознанный выбор автономии и гибкости, доминируют установки на автономию, независимость, креативность; «*рисковые предприниматели*» – неформальная занятость является их способом получения максимального дохода, доминируют установки получения результата любой ценой в ущерб социальной ответственности; «*традиционалисты*» – неформальная занятость их традиционная форма трудовых отношений, передающаяся из поколения в поколение, доминируют установки преемственности, доверия внутри «узкого круга», опоры на личные связи. Выделенные профили позволили дифференцировать основные направления государственного регулирования, для представителей каждого из профилей неформально занятого населения, а также выявить основные направления совершенствования политики по регулированию неформальной занятости с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: социально-профессиональная сфера; ценностно-мотивационный профиль неформальной занятости; профессиональные траектории; тройственная детерминация социального действия

Информация для цитирования: Алексеев Е. А. Ценностно-мотивационный профиль неформально занятого населения в условиях трансформации социально-профессиональной сферы регионов Северной Евразии // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 6-19. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-1.

Yekaterina A. Alekseenok

Value-motivational profile of the informally employed population in the context of the transformation of the socio-professional sphere in the regions of Northern Eurasia

Central Russian Institute of Management – RANEPa Branch,
12 Oktyabrskaya St., Orel, 302027, Russia
alekseenok-ea@ranepa.ru

Abstract. This article uses qualitative analysis to identify and categorise the values and motivations of people in informal employment in the context of socio-professional transformation in Northern Eurasian regions. A regional perspective study of informal employment profiles helps us identify local characteristics of its main forms and understand the logic behind behavioral practices of people in this social category. The following profiles are distinguished: “forced marginals” – informal employment is not their choice, but the only available means of survival, with a dominant focus on short-term gain rather than career advancement; “flexible professionals” – informal employment is their conscious choice of autonomy and flexibility, with a dominant focus on autonomy, independence, and creativity; “risky entrepreneurs” – informal employment is their way of maximizing income, with a dominant focus on achieving results at any cost to the detriment of social responsibility. “Traditionalists” – informal employment is their traditional form of labor relations, passed down from generation to generation. The dominant values are continuity, trust within a “close circle”, and reliance on personal connections. The identified profiles allowed us to differentiate the main areas of government regulation for representatives of each profile of the informally employed population, as well as to identify key areas for improving informal employment regulation policy, taking into account regional specifics.

Keywords: socio-professional sphere; the value-motivational profile of informal employment; professional trajectories; and the triple determination of social action

Information for citation: Alekseenok, Ye. A. (2026), “Value-motivational profile of the informally employed population in the context of the transformation of the socio-professional sphere in the regions of Northern Eurasia”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 6-19. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-1.

Введение (Introduction). В условиях значительных трансформаций социально-профессиональной сферы и рынка труда в регионах Северной Евразии неформальная занятость приобретает особое значение. Её рост можно объяснить тем, что в условиях функционирования современного социума она часто связана с гибкими формами трудового графика, цифровыми платформами, самозанятостью и прочими новыми моделями организации труда.

Все это делает неформальную занятость устойчивым и масштабным элементом социально-профессиональной структуры Северной Евразии в целом и её отдельных регионов в частности, который с одной стороны играет роль адаптационного механизма, быстро реагируя на изменения социально-экономической сферы и обеспечивая занятость и доходы населения в условиях экономической нестабильности, а с другой стороны, представляет собой источник серьёзных социальных рисков, для социально-профессиональной структуры, таких как социальная незащищённость работников и отсутствие социальных гарантий,

нарушение трудового законодательства, снижение прозрачности рынка труда, сокращение налоговых поступлений в бюджет государства. Исследование профиля неформальной занятости в региональном ракурсе позволяет определить локальные особенности её основных форм проявления, понять логику построения поведенческих практик людей данной социальной категории, а также выявить основные направления совершенствования политики по регулированию неформальной занятости с учетом региональной специфики.

Методология и методы (Methodology and Methods). Такой мультипарадигмальный феномен как неформальная занятость обусловил рассмотрение степени разработанности заявленной проблемы с различных ракурсов.

Фундаментальную основу диссертационного исследования заложили работы классиков социологической науки, чьи научные взгляды распространялись на проблемное поле, заявленное в работе. Среди таких можно выделить теорию социальной стратификации П. Сорокина, открывающую возможность для анализа влияния неформальной занятости на социально-профессиональную структуру и социальную мобильность (Сорокин, 2020); теория социального действия М. Вебера, позволяющая исследовать мотивы участия населения в неформальной занятости в контексте идеальных типов (Вебер, 1996); классовая теория К. Маркса, позволяющая рассматривать социальное неравенство как проявление и следствие структурных противоречий капиталистической системы (Маркс, Энгельс, 1982); теория структуризации Э. Гидденса – способствующая выявлению взаимосвязи между структурными ограничениями, и агентностью индивидов (Giddens, 1988); концепции прекариата Г. Стэндинга позволяющая исследовать социально-экономические последствия неформальной занятости и её роль в формировании прекариата (Стендинг, 2014), а так же теория прекаризации труда З. Т. Голенковой и Ж. Т. Тощенко – позволяющая исследовать неформальную занятость как сложный социально-профессиональный феномен, ведущий к формированию прекариата и ухудшению условий труда согласно российским социальным реалиям (Голенкова, 2016; Тощенко, 2023).

Наибольшие возможности для исследования заявленной проблематики открывает структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона – дающий возможность оценить функции и дисфункции неформальной занятости в социально профессиональной структуре общества, выявления её роли как механизма адаптации, так и источника социальных рисков (Parsons, 1956; Мертон, 2006). Структурный функционализм открывает возможность исследовать различные виды неформальной занятости по социально-профессиональным сферам, социально демографическим группам, оценить их конструктивное и деструктивное влияние на социально-экономическую и социально-профессиональную сферы общественной жизни. Неоинституциональная теория Д. Норта позволяет исследовать институциональные факторы, способствующие воспроизводству неформальной занятости, а также анализировать формальные и неформальные правила в социально профессиональной сфере (Норт, 1997). Неоинституциональный подход, фокусирует внимание на анализе влияния формальных институтов (законодательство, контроль, налоговая система) и неформальных практик (обычаи, традиции, неписанные правила) на неформальную занятость как элемент социально-профессиональной структуры.

Оценить мотивы выбора неформальной занятости помогает концепция тройственной детерминации социального действия А. Г. Здравомыслова. В своем исследовании совместно с академиком В. А. Ядовым они подняли данную проблематику еще в 70-е гг. (Здравомыслов, Ядов, 1964). Концепция тройственной детерминации социального действия позволяет исследовать, как потребности индивида, его мотивационные интересы и ценности оказывают влияние на выбор неформальной занятости, а также определить причины и последствия данного выбора.

Теоретико-концептуальные основы, заявленные в работе, помогают понять мотивацию

работников сферы неформальной занятости, что дает возможность для разработки стратегий социальной политики, которые направлены на интеграцию неформально занятых в формальную социально-профессиональную структуру, а также открывают возможности для исследования неформальной занятости не как маргинального явления, а как результата социально-экономических и культурных трансформаций (Каира, Сапрыкин, 2023). Именно анализ данных концепций позволил разработать сценарий для проведения качественного социологического исследования.

Из всего вышесказанного следует, что теоретико-методологическая основа исследования неформальной занятости исходит из постулата о том, что она представляет из себя сложный социальный феномен. Несмотря на определенное сходство социально-профессионального статуса «неформально занятые» они обладают высокой внутренней дифференциацией внутри социальной группы (Алексеенок и др., 2025). Это проявляется в выстраивании трудовых траекторий и трудовых практик, субъективных оценках собственного положения в социально-профессиональной структуре общества, отношению к свободе, государству, трудовым перспективам, переходу в формальную сферу труда. Таким образом эмпирическое исследование неформальной занятости необходимо вывести за пределы исследования ее институциональных характеристик и сфокусировать на ценностно-мотивационных основаниях, определяющих настоящую логику их трудовых практик.

Ограниченность количественных социологических эмпирических исследований заключается в первую очередь в том, что они фиксируют объективные характеристики неформальной занятости, масштаб ее распространения, ряд ее структурных параметров. В рамках количественной методологии невозможно исследовать субъективный смысл, который неформально занятые работники вкладывают в понимание собственной трудовой ситуации, основания на которых выстраивается выбор собственной социально-профессиональной траектории. Применение качественной методологии дает возможность изучения не только внешних обстоятельств, влияющих на попадание в сферу неформальной занятости, но внутренних ценностно-мотивационных установок, превращающих визуально тождественные трудовые практики в качественно дифференцированные социально-профессиональные стратегии (Пиняева, 2025).

Таким образом, метод фокус-групп дает возможность исследовать логику аргументации участников, установить определенные причинно-следственные связи между представлениями неформально занятого населения о труде и их ценностными ориентациями, определить какие ценности являются для них первостепенными при выборе формы трудовой занятости, отношения к государственной трудовой и фискальной политике, возможностях оказываться в рискованных ситуациях и иметь неустойчивые трудовые позиции, возможностям автономии и гибкому графику, наличие социальных гарантий (Дмитриева, 2022). В данной связи фокус-группы выполняют не вспомогательную (дополняя количественные методы), а концептуально значимую функцию, которая дает возможность перейти от технической фиксации различного рода высказываний участников к аналитическому выделению повторяющихся ценностно-мотивационных и/или поведенческих моделей, на основе которых будет выстраиваться типология (Тертышникова, 2022).

Все вышесказанное необходимо заложить в сценарий фокус групп, выстраивая его поэтапно. На этапе «растопки льда» необходимо предложить участникам высказать свое определение имеющегося социально-профессионального положения, выявить наиболее общие трудовые установки, а также причины попадания в неформальную сферу. На этапе проведения основной части беседы необходимо выявить отношение к формальной занятости и возможность перехода в данную социально-профессиональную сферу, отношение к государственной трудовой и фискальной политике. Определенный тематический блок

беседы должен затрагивать вопросы касающиеся отношения к риску и социальной защищенности, возможностям получения социальных гарантий и профессионального развития, свободы и автономии или устойчивости трудовых позиций. Поэтапное исследование ответов участников фокус-групп позволит продемонстрировать, что неформальная занятость как социальный феномен представляет собой определенную форму социального самоопределения, отражающую дифференциацию жизненных ориентиров, субъективных представлений о свободе, автономии, справедливости и способах взаимодействия с системой социальных институтов (Белановский, 2024). На основании ответов участников по заданным направлениям можно перейти к выстраиванию ценностно-мотивационного профиля неформально-занятого населения, который позволит интегрировать объективные трудовые условия и факторы с субъективной логикой выбора и воспроизводства трудовых практик в неформальной сфере занятости.

Эмпирическую основу работы составили результаты исследования «Ценностные ориентации и поведенческие установки неформально занятого населения». Метод исследования фокус-группы (Алексеев, Каира, 2019). Исследование проводилось в марте 2026 г. на кафедре «Социология и социальные технологии». В состав участников фокус-групп вошли: представители, занятые в только в неформальной сфере – 8 человек, представители, совмещающие в полном объеме как неформальную, так и формальную занятость – 9 человек, а также те, для кого неформальная занятость является нерегулярной подработкой – 12 человек. Группы разнородны по полу, рандомизированы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ результатов беседы с участниками фокус групп проводился по вопросам касающимся «причин входа в такую социально-профессиональную сферу как неформальная занятость», «отношений участников беседы к формальной работе по трудовому договору», «социально-профессиональных мотивов и трудовых ценностей», «восприятия свободы и социальных рисков», «отношение к роли государства в регулировании социально-трудовых отношений» позволил сформулировать вывод, о том что неформально занятое население представляет достаточно разнородную социальную группу. В результате проведения фокус групп были выявлены различные мотивационные установки, представления о социально-профессиональной сфере в целом и положении в не работающего населения в частности, и разные поведенческие практики. Одни связывают неформальную занятость с необходимостью выживания, другие – с автономией и профессиональной гибкостью, третьи – с предпринимательским расчетом, четвертые – с привычным локальным укладом. Именно поэтому типология должна фиксировать не только формальный статус занятости, но и ее ценностно-мотивационное содержание. На основе качественного анализа результатов фокус групп неформально занятое население было дифференцировано в четыре социальные группы «вынужденные маргиналы», «гибкие профессионалы», «рисковые предприниматели», «традиционалисты», представленные в Таблице.

Таблица

Table

Ценностно-мотивационный профиль неформально занятого населения региона
Value and motivational profile of the informally employed population in the region

Ценностно-мотивационный профиль / Value and motivational profile	Характеристики / Characteristics
«Вынужденные маргиналы» / “Forced marginals”	- Неформальная занятость не их выбор, а единственный доступный способ выживания / Informal employment is not their choice, but the only available means of survival. - Имеют низкий уровень образования и квалификации, ограниченный социальный капитал / They have a low level of education and qualifications and limited social capital. - Представляют уязвимые категории (мигранты, молодёжь без опыта, жители депрессивных территорий) / They include vulnerable groups (migrants, young people without work experience, and residents of depressed areas). - Доминируют установки на краткосрочную выгоду, а не карьерный рост / Their dominant attitudes prioritize short-term gain over career advancement.
«Гибкие профессионалы» / “Flexible professionals”	- Неформальная занятость – их осознанный выбор автономии и гибкости / Informal employment is their conscious choice of autonomy and flexibility. - Имеют высокий уровень образования и квалификации / They have a high level of education and qualifications. - Представляют группы, для которых недопустима избыточная регламентация (фрилансеры в ИТ, дизайне, консалтинге) / They include groups for whom excessive regulation is unacceptable (freelancers in IT, design, and consulting). - Доминируют установки на автономию, независимость, креативность / Their dominant attitudes focus on autonomy, independence, and creativity.
«Рисковые предприниматели» / “Risky entrepreneurs”	- Неформальная занятость является их способом получения максимального дохода; они готовы на нарушения правил ради увеличения прибыли / Informal employment is their means of earning maximum income; they are prepared to break rules to increase profits. - Имеют среднее профессиональное или высшее образование и квалификацию / They have secondary vocational or higher education and qualifications. - Представляют владельцев малого бизнеса в торговле, услугах, строительстве / They include small business owners in trade, services, and construction. - Доминируют установки на получение результата любой ценой в ущерб социальной ответственности / Their dominant

Ценностно-мотивационный профиль / Value and motivational profile	Характеристики / Characteristics
	attitudes prioritize achieving results at any cost to the detriment of social responsibility.
«Традиционалисты» / “Traditionalists”	- Неформальная занятость – их традиционная форма трудовых отношений, передающаяся из поколения в поколение; для них это не стратегия, а привычный уклад жизни / Informal employment is their traditional form of labor relations, passed down from generation to generation; for them, it is not a strategy but a customary way of life. - Имеют средний уровень образования и квалификации, значительный социальный капитал / They have secondary vocational education and qualifications and substantial social capital. - Представляют семейный бизнес, ремесленные мастерские, сельскохозяйственные промыслы / They include family businesses, craft workshops, and agricultural trades. - Доминируют установки на преемственность, доверие внутри «узкого круга», опору на личные связи / Their dominant attitudes emphasize continuity, trust within a “close circle”, and reliance on personal connections.

Остановимся на характеристике представленных типов подробнее.

«Вынужденные маргиналы». Данный тип неформальной занятости формируется, там, где существует дефицит возможностей для формальной занятости. Доминирующим фактором попадания в данную группу является не осознанный выбор, а вынужденная необходимость. Среди основных причин необходимо выделить нестабильность рынка труда. На попадание в данную социальную группу так же оказывает влияние отсутствие опыта профессиональной деятельности, необходимость быстрого получения материальной прибыли, отсутствие возможности легкого вхождения в формальный социально-профессиональный сектор. Это подтверждается такими ответами участников как: «...возникла необходимость начать быстро получать материальный доход», «...сразу после окончания вуза не мог найти работу в формальном секторе из-за отсутствия практического опыта», «...отсутствие вакансий в формальной сфере из-за слабого развития отрасли». Из ответов участников следует, что неформальная занятость для них является временной и не вполне желаемой формой положения в социально-профессиональной сфере, которая позволяет им удовлетворять базовые материальные потребности в условиях ограничения имеющихся ресурсов.

Для «вынужденных маргиналов» основными мотивационными установками являются: получение краткосрочного дохода, удовлетворение минимальных базовых потребностей, экономическая предсказуемость и стабильность в ближайшей перспективе. Такие ценности как автономность, независимость от руководства, отсутствие жесткого рабочего графика не являются для них доминирующими, а скорее выполняют компенсаторную функцию при отсутствии возможностей для формальной занятости, которая остается желательной, но недоступной. Отношение к государству у представителей группы «вынужденных маргиналов» обычно патерналистское, они ждут от него реальной поддержки и

возможностей перехода в формальный сегмент занятости *«Государство должно создавать условия, при которых люди без наличия профессионального опыта могли бы свободно трудоустроиваться»*, *«Хотелось, чтобы политика государства была направлена на создание большего числа высокооплачиваемых рабочих мест для людей с разным уровнем квалификации»*

«Гибкие профессионалы». Данный тип неформальной занятости характерен для работников, в ценностно-мотивационной ориентации которых превалирует автономия, профессиональная самостоятельность и отсутствие жёсткого контроля и фиксированного графика формальной занятости. Формальная занятость для представителей *«гибких профессионалов»* (в отличие от предыдущей профессиональной группы) не вынужденная необходимость, а осознанный выбор. Для представителей данной профессиональной группы работа прежде всего это призвание и возможность реализовать себя в профессии. Это подтверждается такими ответами участников как: *«Я бы описала себя как свободный человек, занимающийся любимым делом»*, *«...моя работа – это моё призвание»*, *«...важно заниматься тем, что интересно, и самому выстраивать свой рабочий график»*, *«...для меня важно, что я сам расставляю приоритеты в своей трудовой деятельности и никто мне не указывает что нужно делать»*. Таким образом для представителей социальной группы *«гибкие профессионалы»* неформальная занятость является прежде всего тем, что позволяет интегрировать получение материальной прибыли, свободный трудовой график и профессиональную самореализацию. Им характерна достаточно высокая профессиональная субъектность (они не просто выполняют поставленные «сверху» профессиональные задачи, а сами принимают решения, подстраиваются под новые задачи, отвечают за финальный результат).

Свобода в их представлениях не только не снижает ответственность, а напротив требует ее усиления: *«Ты должен сам рационально распределять свое рабочее время, чтобы добиться определённого результата»*, *«если у тебя отсутствует внутренняя дисциплина ты не сможешь результативно трудиться»*, *«ненавижу, когда кто-то говорит мне что и как я должен делать, это убивает творческую составляющую моей профессиональной деятельности»*. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для *«гибких профессионалов»* автономия и гибкий график всегда сопряжены со строгой самодисциплиной и высоким уровнем самоорганизации, постоянным совершенствованием своего образовательного и квалификационного уровня. Основными ценностно-мотивационными установками для них являются самореализация в своей профессиональной области деятельности, рост профессиональных навыков, расширение клиентской базы. Переход представителей данной профессиональной группы в формальную сферу занятости возможен лишь в том случае если он не повлечёт за собой изменения гибкости рабочего графика и автономии и не подменит самостоятельность формализованным рабочим графиком.

«Рисковые предприниматели». Данный тип неформальной занятости характерен для работников, в ценностно-мотивационной ориентации которых превалирует рациональная стратегия увеличения материальной прибыли и расширения собственного бизнеса. Они стремятся не столько к свободе, которую представляет неформальная занятость, сколько к достижению максимального экономического результата, масштабированию собственной профессиональной деятельности. Они готовы идти на риски и воспринимают их как неотъемлемую составляющую предпринимательской деятельности. Это подтверждается такими ответами участников как: *«когда твой бизнес развивается и приносит прибыль тогда ты идешь в верном направлении»*, *«если у тебя есть налаженный бизнес, тебе не нужен тот кто будет говорить тебе что и как делать и забирать у тебя часть прибыли»*, *«в собственном деле гораздо быстрее и проще самому решать, каким образом получать*

материальную прибыль», «...занимаясь неформальным делом можно выйти на довольно большой доход, в то время как формализация бизнеса влечет дополнительные ненужные материальные и бюрократические затраты». Из ответов следует, что для группы «рисковые предприниматели» неформальная занятость представляет собой пространство для совершения экономического маневра, в котором отсутствие жестких правил и формализации деятельности не составляет проблему, а напротив является условием роста.

У представителей данной профессиональной группы неформально занятого населения отсутствует нетерпимость к риску, нестабильности и дополнительным издержкам. Основной ценностно-мотивационной установкой для них является получение прибыли, а временные трудности они рассматривают как обратную сторону самостоятельности. Отношение к государству у «рисковых предпринимателей» чаще критическое: «...налоговые обложения и государственное регулирование представляют собой существенные ограничения для бизнеса, поскольку они сокращают материальную прибыль и значительно усложняют развитие бизнеса». В долгосрочной перспективе представители данной социально-профессиональной группы не собираются покидать неформальную сферу. В их планах «...расширение и масштабирование бизнеса», «привлечение новых специалистов», «увеличение материального оборота денежных средств». Таким образом поведенческие практики представителей группы «рисковые предприниматели» четко вписываются в логику предпринимательского прагматизма.

«Традиционалисты». Данный тип неформальной занятости формируется, там, где неформальная занятость является привычной, укорененной в социально-профессиональной сфере, социально одобренной членами локального сообщества, форма трудовой деятельности. Для «традиционалистов» неформальная занятость является не столько индивидуальным выбором, сколько поколенческой преемственностью. Это подтверждается такими ответами участников как: «...в нашей семье этим занимались всегда», «когда данный вид деятельности ты видишь с детства, им занимаются твои родные люди ты перестаешь воспринимать его как неформальный, ...для тебя он напротив становится естественным и единственно возможным», «для меня работа, которой я занимаюсь не представляется неформальной, а напротив имеет достаточно устойчивый формат, постоянные клиенты, надежные проверенные временем коллеги...», «занят своим привычным делом, среди своих людей...». Из ответов участников следует, что неформальная занятость для них является частью жизненного уклада, который поддерживается кровнородственными, соседскими, дружескими и профессиональными связями. Особое значение имеют такие ценности как доверительные отношения, незапятнанная репутация, устойчивые отношения и сохранение традиций.

Свобода в представлениях «традиционалистов» является не индивидуальной автономией, а «определённой самостоятельностью в рамках своего сообщества, исключая полную изоляцию от него», «возможность решать рабочие вопросы без постороннего внешнего вмешательства», «иметь независимость оставаясь в кругу «своих»». Имеют достаточно лояльное отношение к государству, но не хотят выходить из неформальной сферы, поскольку именно в ней сложились доверительные рабочие отношения, а также привычные и комфортные способы организации трудовой деятельности. Поведенческие практики представителей группы «традиционалистов» направлены на «...воспроизводство существующего уклада», «...на сохранение традиционной формы занятости».

Составленный ценностно-мотивационный профиль позволяет сделать вывод о том, что неформальная занятость как неотъемлемая часть социально-профессиональной структуры Северной Евразии в целом и её отдельных регионов в частности представляет собой достаточно сложный и неоднородный социальный феномен. Представителей неформально занятого населения объединяет только отсутствие формальной регламентации трудовой

деятельности, а различают ценностные ориентации, поведенческие установки, мотивы вхождения в неформальную сферу занятости, отношение к риску, творческой свободе, социальной стабильности, системе налогообложения и государственному регулированию. Это говорит о том, что основные направления совершенствования механизмов регулирования неформальной занятости должны быть дифференцированы согласно специфическим особенностям каждого выделенного профиля.

Для представителей профиля *«вынужденные маргиналы»* неформальная занятость является вынужденной необходимостью, а не осознанным выбором. Поэтому первостепенным для них является создание стабильного рынка труда и повышение защищённости низкоквалифицированных работников, а также работников, не имеющих достаточного профессионального опыта. Основные меры государственного регулирования должны быть направлены на облегчение входа в формальную сферу труда и занятости, увеличение числа доступных рабочих мест, программ повышения квалификации и переподготовки, адресная поддержка трудоустройства и снижение барьеров, связанных с недостатком опыта работы. Таким образом, для *«вынужденных маргиналов»* государственная поддержка должна стать в первую очередь социально компенсаторной, заключающейся в уменьшении уязвимости работников и расширении спектра доступности их трудовых возможностей.

Для представителей профиля *«гибкие профессионалы»* неформальная занятость – это прежде всего возможность автономного существования, профессиональной самостоятельности и отсутствие жёсткого контроля и фиксированного графика. Поэтому меры государственного регулирования для данной группы должны быть максимально гибкими, не разрушающими их автономность и самостоятельную организацию трудовой деятельности. Основные меры государственного регулирования должны интегрировать в себе гибкий трудовой график, автономность и свободу трудовой деятельности с минимальной институционализацией. Таким образом если формализация не будет сопровождаться избыточной бюрократизацией и высокой административной нагрузкой она может стать не ограничением, а дополнительным социальным ресурсом.

Для представителей профиля *«рисковые предприниматели»* неформальная занятость направлена в первую очередь на получение материальной выгоды. Первостепенным для них является экономическая эффективность, масштабирование своего бизнеса, а не социальная стабильность и защищённость. Основные меры государственного регулирования и привлечения представителей данной группы в формальный сектор экономики не должны отразиться на размере материальной прибыли и не стать чрезмерными бюрократическими барьерами для бизнеса. Наиболее действенными могут стать направления, посредством которых официальная регистрация открывала бы доступ к дополнительному финансированию, давала бы инфраструктурные и рыночные преимущества.

Для представителей профиля *«традиционалисты»* неформальная занятость представляет возможность сохранения устойчивых локальных связей, доверия и привычного порядка взаимодействий, а формализация может нарушить социально укорененный уклад.

Основные меры государственного регулирования и привлечения представителей данной группы в формальный сектор экономики не должны отразиться на неформальных механизмах доверия и их профессиональной репутации. Наиболее действенными могут стать направления, не разрушающие существующие социальные сети профессиональных отношений, а, напротив, открывающие возможности постепенной адаптации к более прозрачным и устойчивым формальным правилам.

Таким образом, дифференцированные меры государственного регулирования должны принимать во внимание разработанный автором ценностно-мотивационный профиль неформально занятого населения, который позволяет перейти от абстрактного заявления о

необходимости формализации неформальной занятости к определению основных направлений государственного регулирования, наиболее подходящих для представителей каждого из профилей неформально занятого населения. Соответственно разработанные и представленные социальные профили становятся не только аналитическими, но и прикладными инструментами государственного регулирования социально-трудовых отношений.

Заключение (Conclusions). Представленные в работе результаты исследования опираются на комплексный теоретико-методологический аппарат, который интегрирует в себе основные положения структурного функционализма и неоинституционализма, а также концепции тройственной детерминации социального действия, что позволяет исследовать, как потребности индивида, его мотивационные интересы и ценности оказывают влияние на выбор неформальной занятости, а также определить причины и последствия данного выбора.

Выявлены и типологизированы ценностно-мотивационные профили неформально занятых:

- *«вынужденные маргиналы»* – неформальная занятость не их выбор, а единственный доступный способ выживания; имеют низкий уровень образования и квалификации, ограниченный социальный капитал; представляют уязвимые категории (мигранты, молодёжь без опыта, жители депрессивных территорий); доминируют установки на краткосрочную выгоду, а не карьерный рост;

- *«гибкие профессионалы»* – неформальная занятость их осознанный выбор автономии и гибкости; имеют высокий уровень образования и квалификации; представляют группы, для которых недопустима избыточная регламентация (фрилансеры в ИТ, дизайне, консалтинге); доминируют установки на автономию, независимость, креативность;

- *«рисковые предприниматели»* – неформальная занятость является их способом получения максимального дохода, готовы на нарушения правил ради увеличения прибыли; имеют среднее профессиональное или высшее образование; представляют владельцев малого бизнеса в торговле, услугах, строительстве; доминируют установки получения результата любой ценой в ущерб социальной ответственности;

- *«традиционалисты»* – неформальная занятость их традиционная форма трудовых отношений, передающаяся из поколения в поколение, для них это не стратегия, а привычный уклад жизни; имеют среднее профессиональное образование; представляют семейный бизнес, ремесленные мастерские, сельскохозяйственные промыслы; доминируют установки преемственности, доверия внутри «узкого круга», опоры на личные связи.

Проведённая и представленная типологизация ценностно-мотивационных профилей неформально занятого населения открывает возможность для учёта многообразия их ценностных ориентаций и поведенческих практик при разработке основных направления государственного регулирования неформальной занятости как социального феномена. Учёт специфики неформальной занятости регионов Северной Евразии имеет особое значение для разработки дифференцированных направлений государственной политики, которые должны соответствовать локальным региональным особенностям и трудовым стратегиям разных групп неформально занятого населения.

По результатам проведённого исследования можно предложить следующие направления совершенствования действий органов отраслевого и территориального управления для выявленных типов ценностно-мотивационных профилей неформально занятого населения.

Для профилей, в которых преобладает экономическая мотивация (*«вынужденные маргиналы»*, *«рисковые предприниматели»*) разработать стимулирующие меры формализации (налоговые каникулы на период перехода в формальную сферу, максимально упрощённая процедура регистрации самозанятости и т.п.). Для профилей, в которых

преобладает ценностная мотивация («гибкие профессионалы», «традиционалисты») – разработать коммуникационно-просветительские и социокультурные меры формализации (социальная реклама, публичные дискуссии, медиапроекты и т.п.).

Основные направления региональных программ по легализации неформальной занятости необходимо разрабатывать учитывая локальную социально-экономическую специфику конкретных субъектов Северной Евразии (отраслевая структура формальной и неформальной занятости, демографический состав занятого и незанятого населения, уровень их доходов и т.п.).

Внедрение системы мониторингового исследования неформальной занятости поможет регулярно отслеживать ценностно-мотивационные трансформации в сфере неформальной занятости, что будет способствовать своевременной корректировке управленческих решений и оценке их эффективности.

Данный дифференцированный подход будет способствовать повышению эффективности снижения рисков неформальной занятости, а также повышению устойчивости региональных рынков труда.

Список литературы

Алексеев А. А., Гальцова А. Н., Журавлева А. С., Алексеев Е. А. Поведенческие практики молодых представителей среднего класса на рынке труда: социологический анализ // Труд и социальные отношения. 2025. Т. 36, № 2. С. 71-82. DOI: 10.20410/2073-7815-2025-36-2-71-82. EDN: DRPKXX.

Алексеев А. А., Каира Ю. В. Фокус-группа: учебно-методическое пособие. Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2019. 180 с.

Баранова С. В., Долгова С. А., Голикова Ю. Б. [и др.]. Финансово-экономические аспекты структурной трансформации регионального развития. Орёл: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2021. 296 с. ISBN: 978-5-93179-699-4. EDN: ZLKHFQ.

Белановский С. А., Никольская А. В. Методология качественных исследований. Социологические статьи. Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2024. 109 с.

Бессокирная Г. П., Татарова Г. Г. Социальные типы российских работников: к теории и практике изучения // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 156-177. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.8. EDN: QLANMJ.

Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX-начала XX веков. Москва, 1996. С. 455-491.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. 2016. № 3 (18). С. 57-69. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412. EDN: WXVKUN.

Дмитриева Е. В. Фокус-группы в социологических и маркетинговых исследованиях. Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022. 228 с. ISBN: 978-5-9228-2525-2. EDN: VMIVQF.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Опыт конкретного исследования отношения к труду // Вопросы философии. 1964. № 4. С. 72-84. EDN: YJFWVN.

Каира Ю. В., Сапрыкин С. С. Теоретические подходы к исследованию социально-трудовых отношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 3. С. 198-219. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-3-198-219. EDN: AJXGAN.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Москва: Политиздат, 1982. 119 с.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 106-162.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN: 5-88581-006-0. EDN: YQDVYE.

Пиняева Е. А. Исследования в труднодоступных группах: социологический подход // Современные методы и технологии социологических исследований 2025: Сборник научных статей. Курск: Курский государственный университет, 2025. С. 116-128. EDN: BZEVWC.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Москва: Академический проект, 2020. 988 с.

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Тертышников А. Г., Журавлева А. В. Качественные методы социологического исследования в рамках сенситивных тематик // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5 (193). С. 43-48. DOI: 10.24158/tipor.2024.5.4. EDN: SOLHIO.

Тощенко Ж. Т. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда // Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда: материалы заседания 18 декабря 2021 года, Москва, 18 декабря 2021 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Новые печатные технологии», 2023. С. 17-38. EDN: OGUHQZ.

Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1988. Pp. 53-94.

Parsons T. Family. Socialization and Interaction Process. London, 1956. XVIII, 422 p.

References

Alekseenok, A. A., Galtsova, A. N., Zhuravleva, A. S. and Alekseenok, E. A. (2025), "Behavioral practices of young representatives of the middle class in the labor market: a sociological analysis", *Trud i sotsialnye otnosheniya*, 36 (2), 71-82, DOI: 10.20410/2073-7815-2025-36-2-71-82, EDN: DRPKXX. (In Russian)

Alekseenok, A. A. and Kaira, Yu. V. (2019), *Fokus-gruppa: uchebno-metodicheskoe posobie* [Focus group: a teaching guide], Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, Orel, Russia, 180. (In Russian)

Baranova, S. V., Dolgova, S. A., Golikova, Yu. B. [et al.] (2021), *Finansovo-ekonomicheskie aspekty strukturnoy transformatsii regionalnogo razvitiya* [Financial and economic aspects of the structural transformation of regional development], Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, Orel, Russia, 296, ISBN: 978-5-93179-699-4, EDN: ZLKHFQ. (In Russian)

Belanovsky, S. A. and Nikolskaya, A. V. (2024), *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy. Sotsiologicheskie stati* [Methodology of qualitative research. Sociological articles], VTsIOM, Moscow, Russia, 109. (In Russian)

Bessokirnaya, G. P. and Tatarova, G. G. (2025), "Social types of Russian workers: toward theory and practice of study", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 13 (3), 156-177, DOI: 10.19181/snsp.2025.13.3.8, EDN: QLAHMJ. (In Russian)

Weber, M. (1996), "Basic sociological concepts", in *Zapadnoevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov* [Western European sociology of the nineteenth and early twentieth centuries], Moscow, Russia, 455-491. (In Russian)

Golenkova, Z. T. and Goliusova, Yu. V. (2016), "The Russian precariat: problems of human capital accumulation", *Vestnik Instituta sotsiologii*, (3), 57-69, DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.412, EDN: WXBKUN. (In Russian)

Dmitrieva, E. V. (2022), *Fokus-gruppy v sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniyakh* [Focus groups in sociological and marketing research], MGIMO University, Moscow, Russia, 228, ISBN: 978-5-9228-2525-2, EDN: VMIVQF. (In Russian)

Zdravomyslov, A. G. and Yadov, V. A. (1964), "An empirical study of attitudes toward work", *Voprosy filosofii*, (4), 72-84, EDN: YJFWVN. (In Russian)

Kaira, Yu. V. and Saprykin, S. S. (2023), "Theoretical approaches to the study of social and labor relations", *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 18 (3), 198-219, DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-3-198-219, EDN: AJXGAN. (In Russian)

Marx, K. and Engels, F. (1982), *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party], Politizdat, Moscow, Russia, 119. (In Russian)

Merton, R. (2006), *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social theory and social structure], AST, AST MOSKVA and KHRANITEL, Moscow, Russia, 106-162. (In Russian)

North, D. (1997), *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], translated by Nesterenko, A. N., ed. by Milner, B. Z., Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala", Moscow, Russia, 180, ISBN: 5-88581-006-0, EDN: YQDVYE. (In Russian)

Pinyaeva, E. A. (2025), "Research in hard-to-reach groups: a sociological approach", *Sovremennye metody i tekhnologii sotsiologicheskikh issledovaniy 2025: Sbornik nauchnykh statey* [Modern methods and technologies of sociological research 2025: collection of scientific articles], Kursk State University, Kursk, Russia, 116-128, EDN: BZEVWC. (In Russian)

Sorokin, P. A. (2020), *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics], translated by Sapov, V. V., Akademicheskii proekt, Moscow, Russia, 988. (In Russian)

Standing, G. (2014), *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Ad Marginem Press, Moscow, Russia, 328. (In Russian)

Tertyshnikova, A. G. and Zhuravleva, A. V. (2024), "Qualitative methods of sociological research on sensitive topics", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (5), 43-48, DOI: 10.24158/tipor.2024.5.4, EDN: SOLHIO. (In Russian)

Toshchenko, Zh. T. (2023), "Socio-professional problems of labor precarization", *Sotsialno-professionalnye problemy prekarizatsii truda: materialy zasedaniya 18 dekabrya 2021 goda* [Socio-professional problems of labor precarization: proceedings of the meeting of December 18, 2021], OOO "Novye pechatnye tekhnologii", Moscow, Russia, 17-38, EDN: OGUHZQ. (In Russian)

Giddens, A. (1988), *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*, Macmillan, London, UK, 53-94.

Parsons, T. (1956), *Family. Socialization and Interaction Process*, London, UK, XVIII, 422.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2026 г. Поступила после доработки 05 сентября 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 15 June 2026. Revised 05 September 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Алексеенок Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия.

Alekseenok Ekaterina Aleksandrovna, Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia.

УДК 316.77:37.015.3(470+571)

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-2

Исследовательская статья

¹Вукчевич Н.
²Видойкович М.

Особенности адаптации сербских и китайских студентов в России

¹Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
улица 24 ноября 6б, Лепосавич, 38 218, Республика Сербия
nemanja.vukcevic2021@gmail.com

²Белгородский государственный технологический университет имени В. Г.Шухова,
улица Костюкова, дом 46, Белгород, 3081012, Россия
milena.vidojkovic31@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется ростом академической мобильности, стратегическим значением сотрудничества России с Сербией и Китаем, а также необходимостью повышения эффективности интеграции иностранных студентов в российскую образовательную и социокультурную среду. Научная проблема заключается в недостаточной изученности различий в процессах адаптации студентов из этих стран, что затрудняет выработку эффективных мер поддержки. Цель работы – выявить и сравнить особенности адаптации сербских и китайских студентов в России, учитывая социальные, культурные, языковые и академические факторы. Методологическую основу составляет метасистематизация и сравнительный анализ результатов авторского социологического опроса сербских студентов и вторичных данных исследований, посвящённых китайскому студенчеству. Научные результаты показывают, что китайские студенты характеризуются высокой учебной мотивацией и трудолюбием, но испытывают сложности в языковой и социальной адаптации; сербские студенты, несмотря на культурную близость, сталкиваются с языковыми и бытовыми барьерами на начальных этапах, однако быстрее интегрируются, сохраняя культурную идентичность. Наиболее эффективной стратегией адаптации является интегративная, сочетающая принятие норм принимающего общества с сохранением национальной самобытности. Полученные выводы подчёркивают необходимость разработки институциональных программ кросскультурного образования и индивидуализированных подходов, что способствует повышению конкурентоспособности российской высшей школы.

Ключевые слова: академическая миграция; адаптация; китайские студенты; сербские студенты; языковой барьер; культурные различия; интеграция; высшее образование

Информация для цитирования: Вукчевич Н., Видойкович М. Особенности адаптации сербских и китайских студентов в России // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 20-31. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-2.

¹Nemanja Vukčević

²Milena Vidojković

Specific features of the adaptation of Chinese and Serbian students in Russia

¹Institute of Serbian Culture Pristina – Leposavić,
24 November St., b.b., Leposavić, 38 218, Republic of Serbia
nemanja.vukcevic2021@gmail.com

²Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukov St., Belgorod, 3081012, Russia
milena.vidojkovic31@gmail.com

Abstract. The relevance of this study is determined by the growth of academic mobility, the strategic importance of Russia's cooperation with China and Serbia, and the need to improve the effectiveness of foreign students' integration into the Russian educational and sociocultural environment. The scientific problem lies in the insufficient examination of differences in adaptation strategies among students from different countries, which hinders the development of effective support measures. The aim of the study is to identify and compare the specific features of Chinese and Serbian students' adaptation in Russia, taking into account social, cultural, linguistic, and academic factors. The methodological framework is based on metasytematization and a comparative analysis of data from the author's sociological survey of Serbian students and the findings of existing research on Chinese students. The results show that Chinese students are characterized by high academic motivation and diligence but face significant challenges in linguistic and social adaptation. Serbian students, despite their cultural proximity to the host society, encounter language and everyday barriers in the early stages of adaptation; however, they tend to integrate more rapidly while maintaining their cultural identity. The most effective adaptation strategy is integrative, combining the acceptance of the host society's norms with the preservation of national identity. The findings highlight the need for institutional cross-cultural education programs and individualized approaches, which can enhance the international competitiveness of Russian higher education.

Keywords: academic migration; adaptation; Chinese students; Serbian students; language barrier; cultural differences; integration; higher education

Information for citation: Vukčević, N., Vidojković, M. (2026), "Specific features of the adaptation of Chinese and Serbian students in Russia", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 20-31. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-2.

Введение (Introduction). Миграция в академической сфере важна для развития международного партнерства российских вузов с зарубежными контрагентами в целях предотвращения увеличения энтропии в условиях изоляции от внешнего воздействия. На практическом уровне такого рода контакты определяют качественные улучшения в области науки и образования за счет притока новых идей и кадров, обмена опытом и здоровой конкуренции. Кроме того, не стоит забывать, что приращение иностранного студенческого контингента также влечет за собой увеличение притока бюджетных и внебюджетных средств в российские университеты по всей стране.

Переезд на длительное время в другое государство в целях получения образования неизбежно связан с элементами вторичной социализации, что ставит иностранных студентов

в сложную ситуацию, когда новые социальные отношения коренным образом отличаются от тех, опыт которых они имели раньше. В случае отсутствия должного и эффективного влияния на процесс интеграции иностранной молодежи в новых условиях их повседневной жизни, возникает риск нарастания общественной напряженности. Поэтому, приобретают актуальность теоретические и эмпирические исследования адаптации студентов из других стран, которые дают полную картину современной жизнедеятельности мультиэтнического и мультиконфессионального академического сообщества в России.

В России авторы чаще всего рассматривают иностранных студентов как единую социальную группу (Береговая, Лопатина, Отургашева, 2019), тогда как лишь некоторые ученые принимают во внимание их отличие по стране исхода. При этом, пожалуй, наибольший объем исследований приходится на китайских студентов из Китая (Бахолдина, Благова, Мовсесян, 2016; Гаврилов, 2021; Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024; Махиянова, 2025; Мо, 2017; Новикова, Новиков, Шляхта, 2021; Овчинникова, Чжан, 2023; СвERGун, 2009; Хуан, 2014; Чеснокова, 2012; Чжэн, 2025; Юаньян, 2018). В фокусе внимания данных исследователей находятся языковой барьер, чувство принадлежности субъекта общественных отношений и управление процессом интеграции.

Полагаем, что это неслучайно, так как китайские студенты составляют значительный контингент иностранных студентов и их количество стабильно увеличивается. По данным российского посольства в Китае, «если в допандемийном 2019 году в консульские учреждения России в Китае поступило 17 тысяч визовых обращений о поездках с учебными целями, то в 2023-2024 годах – по 33-34 тысячи»¹. Наибольшее количество образовательных соглашений и договоров у России подписано именно с Китаем, а китайский рынок образовательных услуг такой же большой как в России. При этом образовательная политика Китая ориентирована не только на привлечение абитуриентов из-за рубежа, но и на академический обмен, и на направление собственных граждан на учебу за границу.

Несмотря на то, что численность сербских студентов в России несравнимо меньше – речь идет о 400-500 человек по сводным данным статистики погранслужбы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Статистического управления Республики Сербии и результатов распределения Правительством Российской Федерации квот на образование иностранных граждан – наш интерес к данной группе обусловлен стратегическими особенностями русско-сербского сотрудничества, а также тем, что до сих пор не было предпринято попыток исследования процесса адаптации сербских студентов в России. Отметим, что сводка данных была необходима в силу специфики статистики российской погранслужбы, которая учитывает не количество иностранцев, пребывающих в России, а количество их поездок – то есть, если один и тот же иностранный гражданин за отчетный период несколько раз пересекал государственную границу в одном направлении, он также будет учитываться несколько раз. При этом, пересечения границы распределяются по странам и по целям визита (деловая, работа, туризм, частная, учеба, переезд на постоянное проживание и пр.)

Помимо того, что взаимодействие и с Китаем, и с Сербией – в силу различных причин – занимает особое место во внешней политике России, академическая миграция из этих стран, находится под влиянием еще одного общего фактора. Дело в том, что большинство сербов изучают русский язык в основной школе, а многие в средней – на этом фоне «доля желающих изучать русский как второй иностранный в Сербии с каждым годом растет, и сегодня в процентном соотношении превышает 25 %» (Кондрат, 2024). По данным Минобрнауки России и Министерства образования Китая, около 82 тысяч китайских

¹ В Китае зафиксировали двукратный рост числа желающих учиться в России // РИА Новости. 9 июня 2025 г. URL: <https://ria.ru/20250609/kitaj-2021746645.html> (дата обращения: 07.10.2025).

школьников и студентов изучают русский язык как первый или как второй иностранный, «при этом в последние годы в КНР зафиксирован двукратный рост числа желающих учиться в России... российское высшее образование широко представлено и на китайской земле... в стране зарегистрировано 35 российско-китайских образовательных учреждений, реализуется около 200 совместных образовательных программ»¹. Также, «согласно подсчетам китайских специалистов, сейчас в КНР насчитывается порядка 200 вузов, где русский язык преподается как специальность»².

При этом, мотивы приезда на учебу в Россию у сербских и китайских студентов во многом отличаются. Дело в том, что сербские студенты в России могут учиться бесплатно, а расходы на жизнь сопоставимы с расходами в Сербии или же они меньше, если речь идет об учебе в провинциальных российских городах. Одновременно, китайская семья со средним доходом может себе позволить платное обучение в российских вузах. Таким образом, в то время как сербские студенты стремятся получить квоту на образование и связывают возможность обучения в России с перспективой постоянной миграции и с тем, что они навсегда уезжают из собственной страны, у китайцев, которые чаще всего учатся платно, «самоценно само российское высшее образование как возможность дальнейшей успешной профессионализации и социального успеха, но на территории своей страны»³. Помимо этого, сербы чаще всего выбирают Россию по культурно-историческим причинам, причем проведенный Н. Вукчевичем социологический опрос (неопубликованные данные исследования, 2023 г.) позволяет говорить о высокой доле вероятности влияния религиозного фактора (большинство сербов являются православными, а в России это доминирующая религия, кроме того, в Сербии Россию воспринимают как защитника православия).

Методология и методы (Methodology and Methods). Мы согласны с П. С. Гавриловым, который подчеркивает, что «конкурентоспособность любого государства в современном мире, во многом, определяется тем, насколько эффективно оно готовит профессиональные кадры, что ставит высшее профессиональное образование в разряд доминантных факторов благополучного функционирования государства и общества» (Гаврилов, 2021: 48). Продолжая эту мысль, процитируем И. А. Новикова, А. Л. Новикова и Д. А. Шляхту, которые пишут, что «проблема диагностики межкультурной адаптации и психологической аккультурации к новому социокультурному окружению по-прежнему актуальна в связи с процессами глобализации и, в частности, ростом академической мобильности в образовании» (Новикова, Новиков, Шляхта, 2021: 801). При этом, эффективность интеграции мигрантов, прибывающих за рубежом длительное время в целях получения образования, во многом зависит от их национальных особенностей и собственной культуры. Комментируя встающую перед иностранными студентами проблему поиска баланса между включением в принимающее сообщество и сохранением собственной идентичности, Н. В. Чеснокова отмечает, что «национальный характер – явление хоть и достаточно статичное, но всё же изменяющееся... вопрос заключается в принципиальности изменений и наличии проблемы сохранения собственной идентичности» (Чеснокова, 2012: 83). В связи с этим, дискуссия об особенностях адаптации сербских и китайских студентов в России будет развиваться на основе сравнения сквозь призму их национальных

¹ В Китае зафиксировали двукратный рост числа желающих учиться в России // РИА Новости. 9 июня 2025 г. URL: <https://ria.ru/20250609/kitaj-2021746645.html> (дата обращения: 07.10.2025).

² Селищев Н. Пушкиным едины: как русский язык стремительно набирает популярность среди жителей Китая // ТАСС. Мнение по ситуации. 06 июня 2024 г. URL: <https://tass.ru/opinions/20957889> (дата обращения: 07.10.2025).

³ Там же.

особенностей, обусловленных культурой и историей стран исхода, результатов опросов китайских студентов российских вузов и авторского социологического исследования.

Речь идет о социологическом опросе сербских студентов, проведенном М. Видойкович в период с 23 апреля по 5 мая 2025 года. Исследование проводилось в онлайн формате, анкета на сербском языке была рассчитанная на 10-15 минут и включала 20 вопросов (о социально-демографических характеристиках респондентов, об опыте адаптации, о стратегиях адаптации, о культурном интеллекте и о рекомендациях будущим студентам). В исследовании приняли участие 101 респондент в возрасте от 19 до 49 лет, при этом медианный возраст составил 25 лет. При этом 75 опрошенных (74%) обучаются в России уже более 2 лет, 23 (23 %) – от полугода до года и (3 %) – менее полугода.

Аналогичные опросы среди китайских студентов характеризовались различным объемом и структурой выборки. Так, например, В. Ю. Бахолдина, К. Н. Благова и А. А. Мовсесян провели интервью с 24 юношами в возрасте 19-27 лет, обучающимися в Московском государственном университете (Бахолдина, Благова, Мовсесян, 2016). В исследовании И. А. Новиковой, А. Л. Новикова и Д. А. Шляхта приняли участие 213 китайских студентов (59% – девушки), обучающихся в российских вузах, из них 93 студента (58% – девушки) заполнили русскоязычный вариант анкеты, а 118 (61% – девушки) – китайский (Новикова, Новиков, Шляхта, 2021). В исследовании И. С. Свергун приняли участие китайские студенты, обучающиеся на различных факультетах Российского университета дружбы народов и Центра международного образования МГУ, всего 165 человек в возрасте 16-28 лет, 79 женщин и 86 мужчин с различной длительность нахождения в России (от 1 месяца до 8 лет) (Свергун, 2009). Т. Хуан приводит данные обследований 2008-2012 гг. студентов из КНР, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга. Выборка была построена по методу «снежного кома», итого было опрошено 400 человек, анкетирование проводилось на китайском языке (Хуан, 2014). Общее количество участников анкетирования у В. Юаньян составило 134 недавно приехавших в Россию и адаптирующихся к новой среде китаец, их средний возраст: $M=19,68$ ($SD= 2,01$) (Юаньян, 2018).

В качестве основного метода в настоящем исследовании была применена метасистематизация, направленная на анализ различных измерений адаптации сербских и китайских студентов в России – социального, культурного, языкового, академического, экономического и психологического. Тематический и сравнительный анализ результатов, представленных в указанных выше работах, был выполнен в русле стратегии актуализации выводов для принимающей иностранных студентов российской высшей школы. Так как анкеты создавались разными авторами в разное время, для избегания логических ошибок при сравнении в ходе поиска общих черт и специфики адаптации мы использовали качественно-количественное сопоставление трендов, а не сугубо математическое сравнение долей. При этом, считаем необходимым отметить выявленный нами дефицит целостных шкал адаптации в трудах современных авторов. Выявление отсутствия единого стандартизированного инструмента, закладывает основу для будущей разработки универсальной шкалы адаптации иностранных студентов

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исследователи полагают, что одним из поводов для предвзятого и настороженного отношения к проживающим китайским студентам становится их незаинтересованность в интеграции. При этом они ссылаются на то, что вероятность вступления в брак российских граждан с китайцами незначительна (Гаврилов, 2021). О. В. Кузнецова, П. П. Дерюгин и Е. В. Кремнева отмечают «наличие мифов, препятствующих процессу адаптации, среди которых устоявшиеся представления о нежелании китайцев активно взаимодействовать, неумение коммуницировать в чуждой среде и перенимать новые способы обучения и общения» (Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024: 151). Несмотря на отсутствие подобных предпосылок

для дискриминации сербских студентов, проведенный нами опрос позволил выявить случаи возникновения сложностей в установлении ими социальных контактов за пределами диаспоры. Большинство участвовавших в нашем исследовании респондентов (86%) отметило наличие конкретных барьеров, многие из которых являются культурологическими (21,8%).

И. С. Свергун отмечает ценностную дистанцию китайской и российской культуры. На основе анализа результатов, проведенных в 2003 и 2007 гг. опросов, данный автор сделал вывод о том, что китайцы тяжело переживают разрыв с родиной: их удовлетворенность от интеракций в рамках новых социальных норм невысока, чувства принадлежности не возникает, а ностальгия и отчужденность растет, при этом стремление к общественному одобрению и ориентация на сотрудничество со временем снижаются, хотя изначально они открыты для взаимодействия с принимающим сообществом и подстраивают под него свое поведение. Для них «в качестве значимых факторов дезадаптации выделяются языковой барьер, степень культурной утомляемости, отсутствие мотивации к адаптации во временной среде, а также различия между русскими и китайскими студентами в отношении к социальной дисциплине, реакциях на социальные раздражители и этикетно-ритуальным формам социального взаимодействия» (Свергун, 2009: 151).

Самыми распространенными препятствиями адаптации у сербских студентов, по нашим данным, становятся язык (23,8 %), социальные отношения (16,8 %), административно-бюрократические процедуры (6,9 %), а также тоска по привычному окружению (10,9 %). Таким образом, мы видим, что, несмотря на то, что сербская культура значительно ближе к русской, проблема языкового барьера в равной степени актуальна и для сербских, и для китайских студентов. В целом, наш вывод подтверждает мнение О. А. Береговой, С. С. Лопатиной и Н. В. Отургашевой о том, что «основной барьер успешной адаптации иностранных студентов – языковой, от которого зависит преодоление двух других барьеров – межкультурного и академического» (Береговая, Лопатина, Отургашева, 2019: 116). Языковая адаптация китайцев осложнена не только в России, но и в других странах. В отличие от них, современные молодые сербы, владеющие английским с детства, легче адаптируются в европейских странах (Кондрат, 2024).

Полученные нами в ходе опроса обучающихся в российских вузах сербских студентов результаты показывают, что они достаточно успешно адаптируются в новом социокультурном окружении. Уже через два года после переезда в Россию большинство респондентов (77,2%) свободно владеет русским языком и легко ориентируется в учебном процессе. В то время как у китайцев по мере пребывания в иной культуре в отличной от их привычной среды проявляется повышенная утомляемость от постоянного общения на иностранном языке и тревожность за свою репутацию (Гаврилов, 2021). Дело в том, что склонные к перфекционизму китайские студенты сильнее боятся сделать какую-нибудь ошибку (Махиянова, 2025). Вместе с тем, у них слабо сформированы коммуникативные навыки ввиду классического метода в рамках предыдущего образования, но упорство и трудолюбие позволяют им освоить язык после попадания в среду его носителей, хотя это и занимает у них все свободное время, что, в свою очередь, предопределяет их низкую социальную активность (Чеснокова, 2012).

Поясним, что в случае, когда сербы приезжают на учебу в Россию с низким уровнем русского языка, за счет развитой компетенции применения новых знаний в устной речи, им бывает более, чем достаточно годовых подготовительных курсов, в то время как для китайцев оптимальным вариантом было бы два года обучения. П. С. Гаврилов объясняет это тем, что «логика и содержание образовательного процесса в высшей школе имеют свои сложности, свою специфику, что предполагают необходимость формирования совершенно иного уровня владения русским языком... парадигма личностно-ориентированного образования, доминирующая в России, не соответствует менталитету китайского студента,

сформированного в логике конфуцианской культуры и ментальности» (Гаврилов, 2021: 52). М. В. Овчинникова и С. Чжан также пришли к выводу о том, что «главным препятствием на начальном этапе обучения в вузе является переход от китайской «организованной» системы образования к свободной академической среде» (Овчинникова, Чжан, 2023: 114). Интересно, что несмотря на такое положение дел, китайцы склонны к геймификации образования, поскольку иероглифическое письмо развивает образное мышление, а сербские студенты традиционно отвергают игровые методы обучения как детские.

Тут необходимо сказать о разнице в степени значимости социальной дисциплины в разных культурах. Действительно общение между преподавателями и студентами в российском вузе строиться на принципах партнерства, когда стремление к достижению общей цели определяет и поощряет инициативность молодых людей и свободу высказывания ими своего мнения. У китайцев высокий статус преподавателя и его учительский авторитет предполагает отсутствие академической свободы и пассивность студентов, следующих четким инструкциям. У русских – преподаватель посредник знания, у китайцев – образец знания, сербы же исторически не склонны признавать авторитет (Гаврилов, 2021). При этом, ряд противоречий и общую дезинтеграцию иностранцев часто обуславливают национальные этические стандарты, идущие в разрез с академическими принципам.

Специалисты акцентируют внимание на том, что «китайцы находятся на самом высоком уровне в измерении дистанции власти, они придают большое значение иерархическим отношениям» (Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024: 156). Если у китайцев есть строгий и четкий свод общественных правил, которому они стремятся следовать, то сербы, как и русские тут находятся в состоянии поиска вариантов выбора поведения. Именно поэтому на практическом уровне китайцы ценят этикет выше, чем русские, а сербы – меньше. Исследователи говорят о низкой активности китайский студентов в повседневных ситуациях, вместе с тем, достаточной мотивацией инициативности по их собственному мнению является «желание сплотить идей своих единомышленников» (80%), «намерение внести свой вклад в достижение общей цели» (95%), «стремление лучше устроить общее дело» (89%) (Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024). «Распространенное вне Китая представление о пользе наличия определенного различия во взглядах у людей, открыто выражаемого в спорах, чуждо китайскому мировоззрению» (Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024: 156), поэтому китайцы стараются решать возникающие конфликты косвенным путем, а сербы – прямым воздействием. В целом, ориентацию в социальном пространстве в России для китайцев осложняет то, что в нем «отсутствуют ясные формы ритуальной коммуникации, им непонятно, какой тип взаимодействий требуется в конкретных ситуациях, когда они обнаруживают, что поведение студентов и преподавателей нетипично для привычной для них среды» (Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024: 157-158). Именно поэтому китайцы нуждаются в контроле гораздо больше, чем русские, сербы – гораздо меньше. Иностранцам студентам, необходимо демонстрировать имплицитность правил и объяснять, как именно они определяют социальное поведение. И в случае китайцев, и в случае сербов, отклонение от привычной для них поведенческой нормы, провоцирует безответственность, которая у сербов дополнительно усиливается из-за исторического духа противоречия. Улучшения здесь происходят, когда процесс адаптации становится управляемым, а уровень предоставляемой свободы уравнивается навыками самоконтроля.

В. Юаньян указывает на связь показателей эмоционального интеллекта (способность распознавать эмоции и управлять ими) и социально-психологической адаптации (адаптивность и отчужденность) (Юаньян, 2018). Отмечено, что китайцы считают своих российских коллег в вузах эмоциональными и импульсивными, а то время как сербы отмечают у них холодность и сдержанность. Именно поэтому и тем, и другим зачастую

бывает некомфортно даже в неформальных молодежных коллективах. Дело в том, что, хотя со временем, у сербских студентов появляется много приятелей, но общение часто остается поверхностным, ситуативным и не получающим продолжения. У большинства студентов достаточно низкая мотивация к глубокому проникновению в русский мир, несмотря на высокий культурный интеллект, позволяющий распознавать контексты (57,4%). В этом случае кросс-культурному пониманию препятствует несоответствие реальной аффективной вовлеченностью и когнитивной адаптацией в виде функционального овладения культурно обусловленными правилами.

Особенности адаптации сербских и китайских студентов в российском обществе напрямую зависят от оппозиции черт национального характера. При этом, немаловажную роль тут играет историческое прошлое, которое конституирует китайцев и русских как имперские народы, а у сербов определяет, как государствообразующий народ. Китайцы – по своему менталитету реалисты, а сербы и русские – метафизики, но сербы в меньшей степени, за счет влияния европейского ренессанса. Это определяет тот факт, что китайские студенты большую важность придают настоящему моменту жизни и реальному миру, где огромную роль играют человеческая молва и общественное мнение. Одновременно русских меньше интересует банальная повседневность. Именно поэтому для китайцев труд и долг радостны, а для русских и сербов прискорбны. Китайцы стремятся к философскому образованию и знанию, русские и сербы – к спасительному и религиозному. При этом, как отмечают эксперты, китайцы ценят россиян за ум, сербы – за душу (Гаврилов, 2021; Чеснокова).

На фоне всех этих противоречий, Н. В. Чеснокова считает, что «китайских студентов, можно одновременно назвать и хорошо, и плохо адаптируемыми, в зависимости от содержания понятия адаптация» (Чеснокова, 2012: 85). Повседневный опыт социализации в молодежной среде позволяет говорить о большой роли инициативности, мотивированности и открытости индивидуума ко всему новому, а также важности общественной, товарищеской и институциональной поддержки. О. В. Кузнецова, П. П. Дерюгин, Е. В. Кремнев «прагматико-ориентированная стратегия, связанная с базовой потребностью китайцев в работе на свое долгосрочное будущее... в этом отношении нужна очень серьезная работа по популяризации российского образования, однако наибольший эффект принесет не масштабная реклама, а работа на местах... китайцы склонны больше верить ближнему социальному окружению, поэтому эффективность данной стратегии зависит от того, как работа будет построена в конкретных вузах и конкретных факультетах, отвечающих за адаптацию китайских студентов» (Кузнецова, Дерюгин, Кремнев, 2024: 159).

Полученные в ходе нашего исследования результаты говорят о том, что обучающиеся в российских вузах иностранные студенты из Сербии также сталкиваются с трудностями в социальной интеграции – речь тут идет о проблемах налаживания близких связей и личных контактов – как в адаптации к новой коммуникации, образовательным стандартам и уровню жизни. Несмотря на наличие не вовлечённых во взаимодействие с местной средой сербских студентов (5,9%), большинство респондентов воспринимает интеграцию как основную стратегию культурной адаптации (33,7%). При том, сербские студенты сохраняют прочные культурные и национальные связи, это не мешает им успешно интегрироваться в новую социальную и образовательную среду. Об успехе межкультурных русско-сербских отношениях в студенческой среде говорит тот факт, что 96% опрошенных сочетают сохранение собственной культуры с принятием местной, маргинализация встречается редко (3%), как и ассимиляция (1%).

Для более чем половины участников нашего исследования (53,5%) связь с сербской культурой играет крайне важную роль, в то время как для 24,8% эта связь является значимой, а для лишь 5% – не имеет существенного значения. Это свидетельствует о том, что сохранение связей с сербской культурой продолжает оставаться важным аспектом для

большинства студентов, что подчеркивает значение поддержания собственной культурной идентичности. Ассимиляция в новую культуру у сербских студентов без ощущения принадлежности к собственной практически не наблюдается.

В целом можно заключить, что большинство сербских студентов не только успешно функционируют в новой среде, но и развивают навыки, полезные для их будущего научного и профессионального роста. Начальные этапы адаптации часто сопровождаются типичными эмоциональными реакциями, такими как эйфория (5,9%), растерянность (13,9%) и чувство одиночества (6,9%), которые соответствуют стадиям культурного шока, описанным в теории адаптации. У китайских студентов на младших курсах адаптационные проблемы решаются быстрее, на старших курсах они накапливаются и усугубляются. Особенно заметно, что большинство студентов используют интегративную стратегию адаптации, позволяющую сохранять свою культурную самобытность, одновременно принимая нормы и ценности новой культуры. Такая стратегия представляется наиболее рациональной и стабильной при долгосрочной межкультурной интеграции. Подобные результаты подчеркивают важность индивидуального подхода, постоянной поддержки и внедрения программ кросскультурного образования как способов совершенствования процесса адаптации. По этому поводу П. С. Гаврилов говорит о том, что «российская высшая школа должна ориентироваться не только на трансляцию знаний, умений, навыков, профессиональных компетенций и ценностных ориентаций, но и на проблемы межкультурной адаптации» (Гаврилов, 2021: 52).

В завершении обратимся к работе В. Ю. Бахолдина, К. Н. Благова, А. А. Мовсесян, которые обращают внимание на проблему питания иностранных студентов: «наименее болезненно адаптация в этой сфере происходит у тех молодых людей, которые приезжают на учебу в страну, близкую по обычаю питания и национальным кулинарным традициям к той стране, откуда они родом..., но, зачастую ситуация складывается иначе, и студенты вынуждены приспосабливаться к непривычному для себя типу питания, к другим продуктам и их сочетаниям» (Бахолдина, Благова, Мовсесян, 2016: 15). Результаты глубинных интервью, проведенных данными авторами, выявили у китайских студентов повышение индекса массы тела, на фоне недовольства своим питанием, отсутствием привычных продуктов, в частности овощей, низким разнообразием рациона. Питание назвали барьером адаптации 5% сербских студентов, при этом наш экспертный опрос выявил недовольство респондентов объемами порций в заведениях общественного питания, низкой долей мяса, особенно красного, в рационе, вкусовой интенсивностью блюд и отсутствием привычного ассортимента хлебопекарных, молочных и сырокопченых изделий.

Заключение (Conclusions). Подводя итог нашему исследованию, мы можем сказать, что у сербских и китайских студентов гораздо больше общих проблем с адаптацией в России, чем можно было ожидать. Так, несмотря на то, что сербский язык близок к русскому, в отличие от китайского, у сербских студентов языковой барьер занимает не меньшее значение и опасения, чем у китайцев. Характерные для российских вузов порядки и процедуры также вызывают затруднения и у китайцев, и у сербов – хотя и по разным причинам. Дискомфорт вызывает и степень эмоциональности и открытости русских коллег, которая китайцам кажется чрезмерной, а сербам – недостаточной. Как оказалось, к русской кухне сложно привыкнуть и тем, и другим, а ностальгия по привычным продуктам питания и блюдам становится негативным фактором адаптации.

Наиболее эффективной стратегией адаптации как для китайских, так и для сербских студентов является интегративная модель, сочетающая сохранение национальной идентичности с принятием социальных и культурных норм принимающего общества. Она способствует не только успешному включению иностранных студентов в образовательное пространство, но и формированию устойчивых межкультурных связей, что имеет стратегическое значение для российского высшего образования.

Полученные результаты подтверждают необходимость системного подхода к адаптации иностранных студентов, включающего как институциональные меры, так и работу с индивидуальными особенностями студентов. Особое внимание следует уделять языковой подготовке, социально-психологическому сопровождению и созданию условий для межкультурного диалога в студенческой среде. Таким образом, рекомендации по управлению адаптационным процессом у сербских и китайских студентов включают целый ряд мероприятий. Во-первых, это разработка комплексных программ адаптации и включение в них языковой, культурной, академической и социально-психологической составляющих, а также мероприятий по сопровождению студентов в течение первых двух лет обучения. Во-вторых, усиление языковой подготовки: при этом, для китайских студентов оптимален расширенный курс русского языка до начала основного обучения; для сербских – акцент на академическую лексику и навыки публичной коммуникации. В-третьих, акцент на межкультурное образование и просвещение, включая проведение регулярных культурных мероприятий, семинаров и тренингов по межкультурной коммуникации для студентов и преподавателей, направленных на снижение дистанции и развитие взаимопонимания. В-четвертых, индивидуализированный подход, позволяющий учесть культурные и личностные особенности студентов при разработке адаптационных мероприятий, особенно в первые месяцы их пребывания в России. В-пятых, создание механизмов обратной связи, в том числе, регулярные опросы и фокус-группы среди иностранных студентов для выявления текущих проблем и оперативного корректирования адаптационных программ. В-шестых, акцент на социальную интеграцию и поддержку студенческих сообществ, смешанных групповых проектов и неформального общения, что способствует формированию устойчивых социальных связей и снижает риск маргинализации. В-седьмых, продвижение российского образования за рубежом через локальные сети – особенно в Китае, где доверие к ближайшему социальному окружению играет ключевую роль в принятии решений о месте обучения.

Список литературы

- Бахолдина В. Ю., Благова К. Н., Мовсесян А. А. Особенности питания и адаптация студентов из Китая к жизни и учёбе в России // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 1-3 (13). С. 15-17. EDN: VJUPL.
- Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 108-118. DOI: 10.32744/pse.2019.2.9. EDN: TXKIMV.
- Гаврилов П. С. Иностранные студенты в российских вузах: проблемы адаптации (на примере китайских студентов) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 3 (86). С. 47-56. EDN: RWNUPM.
- Кондрат Н. Современное положение русского языка в Балканском регионе – Сербии, Северной Македонии, Боснии и Герцеговине // Русская Гуманитарная Миссия, 19 января 2024 г. URL: <https://clck.ru/3Vckg6> (дата обращения: 07.10.2025).
- Кузнецова О. В., Дерюгин П. П., Кремнев Е. В. Социальная адаптация китайских студентов в России как управленческая проблема // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 150-167. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-0. EDN: DUTLZZ.
- Махиянова А. В. Социально-педагогическая адаптация иностранных студентов из Китая: к постановке проблемы // Казанская наука. 2025. № 2. С. 183-185. EDN: JYTVGJ.
- Мо Ц. Теоретическое обоснование исследования кросс-культурной адаптации китайских студентов в России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, № 5А. С. 193-207. EDN: YMQUUU.
- Новикова И. А., Новиков А. Л., Шляхта Д. А. «Шкала аккультурации к России» для китайских студентов: адаптация и психометрическая проверка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 4. С. 801-824. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-4-801-824. EDN: TMTAFF.

Овчинникова М. В., Чжан С. Проблемы социокультурной и академической адаптации китайских студентов, обучающихся в вузах России // Проблемы онто-гносеологического обоснования математических и естественных наук. 2023. № 14. С. 114-116. EDN: PSAXCB.

Свергун И. С. Факторы, влияющие на эффективность адаптации китайских студентов в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3-1. С. 163-168. EDN: KPSVGT.

Хуан Т. Факторы адаптации иностранных студентов в России (на примере обследования студентов из КНР в вузах Санкт-Петербурга) // Социология и право. 2014. № 3 (25). С. 30-35. EDN: SOASAT.

Чеснокова Н. В. Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1 (20). С. 80-86. EDN: PAJFKF.

Чжэн С. Особенности адаптации китайских студентов, обучающихся в России (на научной литературе) // Информация–Коммуникация–Общество. 2025. Т. 1. С. 480-483. EDN: WSBSAD.

Юаньян В. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация иностранных студентов в российских вузах (на примере китайских студентов) // Проблемы современного образования. 2018. № 2. С. 65-71. EDN: YXNTGS.

References

Bakholdina, V. Yu., Blagova, K. N., and Movsesyan, A. A. (2016), “The Features of Nutrition and Adaptation of Students from China to Life and Study in Russia”, *Simvol nauki: mezhdunarodny nauchny zhurnal*, (1-3), 15-17, EDN: VJUPIL. (In Russian)

Beregovaya, O. A., Lopatina, S. S., and Oturgasheva, N. V. (2019), “Barriers to Socio-Cultural Adaptation of International Students in Russian Universities”, *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, (2), 108-118, DOI: 10.32744/pse.2019.2.9, EDN: TXKIMV. (In Russian)

Gavrilov, P. S. (2021), “International Students in Russian Universities: Adaptation Challenges (Based on Chinese Students)”, *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kultura*, (3), 47-56, EDN: RWHUPM. (In Russian)

Kondrat, N. (2024), “The Current Status of the Russian Language in the Balkan Region – Serbia, North Macedonia, Bosnia and Herzegovina”, *Russkaya Gumanitarnaya Missiya*, 19 yanvarya 2024, [Online], available at: <https://clck.ru/3Vckg6> (Accessed 7 October 2025) (In Russian)

Kuznetsova, O. V., Deryugin, P. P. and Kremnev, E. V. (2024), “Social Adaptation of Chinese Students in Russia as a Managerial Issue”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (3), 150-167, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-0, EDN: DUTLZZ. (In Russian)

Makhiyanova, A. V. (2025), “The Socio-Pedagogical Adaptation of International Students from China: Addressing the Issue”, *Kazanskaya nauka*, (2), 183-185, EDN: JYTVGJ. (In Russian)

Mo, C. (2017), “Theoretical Justification for the Study of Cross-Cultural Adaptation of Chinese Students in Russia”, *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 6 (5A), 193-207, EDN: YMQUUU. (In Russian)

Novikova, I. A., Novikov, A. L., and Shlyakhta, D. A. (2021), ““Acculturation Scale to Russia” for Chinese Students: Adaptation and Psychometric Validation”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*, 18 (4), 801-824, DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-4-801-824, EDN: TMTAFF. (In Russian)

Ovchinnikova, M. V., and Chzhan, S. (2023), “Problems of Socio-Cultural and Academic Adaptation of Chinese Students Studying at Russian Universities”, *Problemy onto-gnoseologicheskogo obosnovaniya matematicheskikh i estestvennykh nauk*, (14), 114-116, EDN: PSAXCB. (In Russian)

Svergun, I. S. (2009), “Factors Influencing the Effectiveness of Chinese Students’ Adaptation in Russia”, *Aktual’nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, (3-1), 163-168, EDN: KPSVGT. (In Russian)

Khuan, T. (2014), “Factors of Foreign Students’ Adaptation in Russia (Based on a Study of Chinese Students in Universities in Saint Petersburg)”, *Sotsiologiya i pravo*, (3), 30-35, EDN: SOASAT. (In Russian)

Chesnokova, N. V. (2012), “Ethnocultural Aspects of Chinese Students’ Adaptation in Russia”, *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, (1), 80-86, EDN: PAJFKF. (In Russian)

Chzhyen, S. (2025), “Features of Chinese Students’ Adaptation in Russia (Based on Scientific Literature)”, *Informatsiya–Kommunikatsiya–Obshchestvo*, 1, 480-483, EDN: WSBSAD. (In Russian)

Yuanyan, V. (2018), "Emotional Intelligence and Socio-Psychological Adaptation of International Students in Russian Universities (Using Chinese Students as an Example)", *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, (2), 65-71, EDN: YXNTGS. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 09 октября 2025 г. Поступила после доработки 18 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 09 October 2026. Revised 18 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Вукчевич Неманя, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института сербской культуры Приштина-Лепосавич, Лепосавич, Сербия.

Nemanja Vukčević, Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow of the Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić, Leposavić, Serbia

Видойкович Милена, аспирант кафедры социологии управления Института экономики и менеджмента Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

Milena Vidojković, Postgraduate Student at the Department of Sociology of Management, Institute of Economics and Management, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

УДК 314.743

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-3

Исследовательская статья

¹Мухаметов Д. Р.

²Домбровская А. Ю.

³Огнев А. С.

Возможности комбинирования регрессионных моделей и имитационного моделирования в изучении эмиграционных установок российской молодежи

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский проспект, дом 49/2, Москва, 125167, Россия

¹drmukhametov@fa.ru

²aydombrovskaya@fa.ru

³asognyov@fa.ru

Аннотация. Цель исследования – определить силу связи между социально-политическими, социально-экономическими событиями в РФ и мире, их оценкой молодежью и интенсивностью социально-медийной коммуникации молодых россиян об эмиграции. *Актуальность исследования* продиктована, как важностью развития социально-медийной предиктивной аналитики в изучении эмиграционных установок граждан РФ и, в первую очередь, российской молодежи, так и значимостью данных о масштабах и динамических характеристиках распространения медианарративов с эмиграционными интенциями¹ в российском сегменте новых медиа, которые могут служить важными индикаторами значимых общественных противоречий, требующих внимания со стороны органов власти. *Научная проблема* исследования заключается в расхождении между потенциалом воздействия цифровой коммуникации на формирование эмиграционных установок российской молодежи и недостаточностью мер по снижению негативных эффектов стимулирования эмиграционного потенциала российской молодежи в социальных медиа. *Предметом* исследования служат специфика связи между социально-политическими, социально-экономическими событиями в РФ и мире, их оценкой молодежью и интенсивностью циркуляции информационных потоков об эмиграции молодежи в российском сегменте социальных медиа. В качестве *методов* сбора данных исследования использованы автоматизированное аккумулирование социально-медийных документов с эмиграционными интенциями и когнитивное интервью с российской молодежью. Методами анализа данных, соответственно, являются регрессионное моделирование базы данных динамических рядов, отражающих интенсивность коммуникации российской молодежи об эмиграции в социальных медиа и фрейм-анализ данных когнитивного интервью с молодыми россиянами. *Научные результаты.* Регрессионный анализ позволил установить связь между динамикой социально-медийных потоков об эмиграции, вовлеченностью молодежи в данные потоки и показателями социально-экономического развития российского общества. В ходе когнитивного интервью с молодыми россиянами выявлены субъективные значения и смыслы, мотивирующие российскую молодежь планировать переезд в другую страну. По результатам проведенного исследования также предложены

¹ «Установки» и «интенции» используются авторами как синонимы во избежание тавтологии.

направления снижения потенциальных негативных эффектов от циркулирования эмиграционных контекстов в российском пространстве социальных медиа. **Выводы.** Комбинирование регрессионного (на основе цифровых данных) и имитационного (на основе опросных данных) моделирования позволило не только выявить внешние детерминанты эмиграционных установок, но и глубже понять их внутреннюю мотивационную структуру, что открывает новые возможности для профилактики негативных эффектов эмиграционных дискурсов. Дополнительными результатами следует считать выявленные преимущества (новизна, значимость полученных данных о регрессионных связях, содержательная ценность верификации цифровых следов традиционными методами исследования) и ограничения (зависимость качества и надежности исследования от возможностей применяемого программного обеспечения и полноты словаря цифровых маркеров) апробированной эмпирической модели.

Ключевые слова: эмиграционные медианарративы; эмиграционные установки; российская молодежь; цифровые следы эмиграционных интенций; регрессионные модели; мультимодальное имитационное моделирование

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Информация для цитирования: Мухаметов Д. Р., Домбровская А. Ю., Огнев А. С. Возможности комбинирования регрессионных моделей и имитационного моделирования в изучении эмиграционных установок российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 32-51. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-3.

Research article

¹Daniyar R. Mukhametov
²Anna Yu. Dombrovskaya
³Alexander S. Ognev

Possibilities of combining regression models and simulation modeling in the study of emigration attitudes of Russian youth

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

¹drmukhametov@fa.ru

²aydombrovskaya@fa.ru

³asognyov@fa.ru

Abstract. The study aimed to define the correlation between social, economic and political events in Russia and the scale of narratives about Russian youth emigration on social media. The authors explore the potential of combining social media analysis and surveys to understand the factors shaping emigration attitudes among Russian youth. *Its scientific relevance* stems from the need to advance methodological debates on integrating new and traditional approaches in socio-political research, as well as to address the negative societal effects of emigration-related media narratives circulating in the Russian segment of new media. The core *scientific problem* lies in the necessity of integrating diverse methodological tools to achieve a comprehensive analysis of youth emigration potential. *Methods.* The authors employ regression modeling based on the relevant social media panel data and multimodal simulation modeling of informal interview with Russian youth data. The regression analysis reveals a significant link

between the dynamics of emigration-related social media discourse, youth engagement in these flows, and socio-economic indicators in Russia. Meanwhile, simulation modeling uncovers the subjective meanings and motivations – both rational and irrational – that drive young people to consider relocating abroad. *Conclusions.* The combined use of these methods identifies the external factors that influence attitudes towards emigration and sheds light on the internal motivational structure of these attitudes. This offers new ways to mitigate the negative effects of digital emigration discourse. Based on these findings, the study suggests ways to reduce the negative impact of emigration narratives on Russian social media.

Key words: emigration media narratives; emigration attitudes; Russian youth; digital traces of emigration intentions; regression models; multimodal simulation modeling

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research carried out using budgetary funds under the Financial University's state assignment.

Information for citation: Mukhametov, D. R., Dombrovskaya, A. Yu., Ognev A. S. (2026), “Possibilities of combining regression models and simulation modeling in the study of emigration attitudes of Russian youth”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 32-51. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-3.

Введение (Introduction). Тема актуализируется как потребностями теории и практики социального управления в выявлении общественных контекстов формирования эмиграционных установок у российской молодежи в новых социально-экономических, социально-политических условиях, так и потребностями социологической науки в развитии эмпирического анализа, комбинирующего исследование цифровых следов, социально-медийной предиктивности и традиционных методов в изучении эмиграционных установок молодежи.

В новых геополитических условиях противостояния РФ и части Западных стран исследователи наблюдают некоторый рост числа россиян, имеющих так называемые продленные, отложенные эмиграционные намерения¹, свидетельствующие об установке этих граждан на поиск возможностей переезда в другую страну в обозримые сроки и при возникновении определенных социальных обстоятельств. Исходя из этого, важно выявить эти обстоятельства или тип социальных событий, способных простимулировать решение граждан об эмиграции. Таким образом, цель исследования – определить силу связи между социально-политическими, социально-экономическими событиями и интенсивностью циркуляции информационных потоков об эмиграции в российском сегменте социальных медиа, а соответствующий *предмет* исследования – специфика связи между социально-политическими, социально-экономическими событиями и интенсивностью циркуляции информационных потоков об эмиграции в российском сегменте социальных медиа.

Данные социально-медийного мониторинга цифровых маркеров эмиграционных интенций свидетельствуют о существовании онлайн-сетевых ресурсов с большой аудиторией, распространяющих эмиграционные нарративы в социальных сетях пользователей новых медиа и имеющих весомую долю активно вовлеченной в обсуждение эмиграционных возможностей аудиторию (Домбровская, 2025). Контексты, циркулирующие в данных сетях, могут служить важными индикаторами тех значимых социальных проблем, которые еще не решены в российском обществе, и, поэтому, являются так называемыми выталкивающими факторами – обстоятельствами, указывающими на перспективы совершенствования социальной архитектуры российского общества.

¹ Эмиграционные настроения - 2025: мониторинг// ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-2025-monitoring> (дата обращения: 01.09.2025).

Исходя из этого, научная проблема исследования заключается в расхождении между потенциалом воздействия цифровой коммуникации на формирование эмиграционных установок российской молодежи и недостаточностью мер по снижению негативных эффектов стимулирования эмиграционного потенциала российской молодежи в социальных медиа.

Измерение цифровых следов эмиграционных настроений молодежи, а также оценка субъективных, личностных смыслов, вкладываемых молодыми россиянами в эмиграционные интенции, позволяет обосновать меры для профильных государственных и негосударственных структур по развитию факторов привлекательности жизни в России (pull-факторов) и их информационному сопровождению.

Следует выделить три базовых подхода к изучению эмиграции: рационально-экономический подход, согласно которому факторами эмиграции служат ожидания высокого качества жизни, развитой социальной инфраструктуры, высокого уровня оплаты труда в стране переезда (Massey et al. 1993); культурно-ценностный подход, исходящий из того, что эмиграцию предопределяет стремление граждан найти общество свободы самовыражения, социального пространства защиты прав личности, широких возможностей для любых инициатив (Inglehart, R., Welzel, 2005), а также установок на поиск общественного пространства социального доверия, ощущения перспективы, социальной и культурной интегрированности, комфортности и конгруэнтности (Ахиезер, 1999); социально-сетевой подход, предлагающий рассматривать воздействие сетевых сообществ эмиграционного толка, формирующих убеждение в возможности и целесообразности эмиграции, движущим фактором переезда в другую страну (Portes, 1998).

На социально-сетевом подходе строится исследование эмиграционных процессов по цифровым следам, которое служит новым направлением в социально-управленческом знании и в целом общественных науках. Концепцию стремлений и возможностей Хейна де Хааса (Haas, 2021) в контексте социально-сетевого подхода к эмиграции следует считать теоретическим основанием для рассмотрения цифровой среды как пространства формирования у пользователей социальных установок на переезд в другую страну. В этом смысле социальные медиа выполняют роль генераторов контента, призванного стимулировать эмиграционные установки пользователей, стремящихся к жизни в пространстве баланса интенций и возможностей. Фиксация цифровых следов такой коммуникации позволяет оценить масштабы дискуссии о направлениях, мотивах и подготовке к эмиграции.

Концепция относительной депривации как фактора эмиграционных интенций граждан О. Старка (Stark, 1991) позволяет считать социальные медиа средой социального сравнения, в которой может срабатывать механизм негативной самоидентичности (сопоставления социального положения не в свою пользу). В этом ключе социально-медийная аналитика позволяет оценить пользовательскую реакцию на эмиграционный контент.

Исходя из мир-системной концепции И. Валлерстайна (Валлерстайн, 2020), онлайн-сетевые сообщества следует признать пространством воспроизводства клише о западных странах как ядре мироустройства и репродукции убеждений о Западе как центре цивилизованного мира. Аккумуляция цифровых маркеров степени плотности таких сообществ, анализ уровня их конверсии обеспечивает понимание потенциала воздействия этих онлайн-сетевых групп на формирование эмиграционных установок пользовательской аудитории.

Концепция социальных сетей как фактора эмиграции Д. Массея (Massey, 1990) служит наиболее ценной теоретико-методологической основой для настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать цифровую инфраструктуру эмиграционных нарративов (систему социально-сетевых ресурсов, продуцирующих эмиграционный контент) с позиций

ее возможности формировать поддерживающую для эмиграционных интенций среду социальных сетей, а информационные потоки об эмиграции – результирующей от циркулирования эмиграционных установок в онлайн социальных сетях, включающих родственников, друзей, коллег, знакомых, а также лидеров мнений.

Исследователи ВШЭ осуществили анализ эмиграционных процессов в русле социально-сетевого подхода и совместили измерение цифровых следов и реального эмиграционного поведения российской молодежи. Ученые отмечают важность комбинации методов цифровой этнографии и традиционных опросов для верификации результатов. Ценным для развития проектов в сфере идентификации цифровых следов эмиграции служит выявление в данном исследовании онлайн маркеров формирования у молодых пользователей эмиграционных интенций¹.

Современные исследования особенно подчеркивают значимость цифровых следов. Цифровые следы – это совокупность данных, остающихся после посещения пользователем веб-ресурсов, взаимодействия в социальных сетях (например, при подготовке материалов или регистрации аккаунтов), поисковых запросов и иных проявлений интереса к конкретной информации. Подобные данные позволяют сформировать индивидуальный цифровой профиль, отражающий личные предпочтения, устойчивые поведенческие паттерны и типичные жизненные сценарии человека (Семикаленова, 2019). Изучение данных следов даёт возможность определить, в каких сегментах цифрового пространства чаще всего пребывают отдельные пользователи или целые социальные группы, какие темы их привлекают, а также выявить особенности их когнитивных стилей – то есть специфику поиска, восприятия и использования информации. На основе выявленных поведенческих паттернов исследователи всё чаще строят прогнозы о том, как могут действовать граждане с тем или иным типом цифровой активности – как по отдельности, так и в составе социальных общностей.

В частности, в ряде исследований, посвящённых выявлению тенденций образовательной миграции среди школьников, было показано, что в период пандемии значительно усилилась тенденция к поступлению в вузы собственного региона (Габдрахманов, 2021). Эти выводы были сделаны на основе анализа активности выпускников в сообществах высших учебных заведений в социальной сети «ВКонтакте». Под цифровыми следами в данном случае понимались действия учащихся по сбору информации о конкретных вузах – как об их общем имидже, так и об условиях поступления на отдельные программы. Установлено, что если до пандемии преобладающей практикой была подписка на страницы вузов из других городов и регионов, то после введения карантинных мер значительная часть выпускников начала ориентироваться преимущественно на местные образовательные учреждения. Хотя авторы подчёркивают, что одной из серьёзных проблем при таком подходе остаётся неполнота данных (вследствие наличия закрытых профилей), они отмечают высокую прогностическую ценность метода.

Сторонники данного подхода подчёркивают, что анализ цифровых следов, в отличие от традиционных опросов или административной отчётности, позволяет получать более точные и своевременные оценки миграционных намерений (Гребенюк, 2021). Подтверждением служат исследования, посвящённые трудовой миграции – как уже происходящей, так и прогнозируемой. Для анализа были задействованы данные из «ВКонтакте», охватывающие 14 городов – миллионников и 97 прилегающих населённых пунктов. Результаты показали,

¹ Проект «Зеркальные лаборатории: Большие данные в анализе образовательной миграции молодежи на основе цифровых следов»// Институт образования НИУ ВШЭ. URL: <https://ioe.hse.ru/migrbigdata>(дата доступа 23.05.2025).

что метод обладает высокой предсказательной способностью, особенно в части маятниковых перемещений между крупными центрами и их спутниками.

Особую ценность, по мнению А. С. Максимовой и П. А. Чернова, представляет сочетание анализа цифровых следов с официальной статистикой при изучении эмиграционных процессов (Максимова, 2025). Авторы продемонстрировали, что данные социальных онлайн сетей позволяют углубить понимание причин эмиграционных настроений, уточнить текущие тенденции и потенциальные последствия оттока населения. Это создаёт дополнительные возможности для повышения качества управленческих решений в сфере социальной мобильности. При этом отмечается как скорость сбора информации, так и её объём – цифровые следы содержат детализированные и разнообразные сведения, недоступные в традиционных источниках.

Тот же коллектив применил методику и к изучению внутренней миграции (Максимова, 2024). Сбор сообщений, связанных с переездами, осуществлялся с помощью платформы «BrandAnalytics». Было выявлено, что данные из социальных сетей используются фрагментарно и не всегда последовательно. В качестве перспективного направления предлагается перейти к нарративному анализу, чтобы глубже понять мотивы, лежащие в основе таких решений.

Буквально единичные исследования эмиграционных установок граждан по цифровым следам представлены в зарубежном сегменте специальной литературы. Проект Дж. Тьядена следует косвенно признать релевантным настоящему исследованию (Tjaden, 2021). Автор ставит общую для всех стран мира проблему актуальной статистики по миграционным процессам, данные об эмигрантах и иммигрантах имеют свойство публиковаться соответствующими официальными органами с существенной задержкой. Дж. Тьяден предлагает и реализует методику оценки числа мигрантов по цифровым маркерам. Среди таких маркеров, помимо данных геолокации, исследователь предлагает смысловые, семантические маркеры: особые хештеги в социальных сетях пользователей, демонстрирующих эмиграционные интенции, а также поисковые запросы, смысл которых указывает на стремление найти информацию о возможностях эмиграции. Подход Дж. Тьядена наиболее близок к используемой соавторами настоящего исследования методике обоснования речевых паттернов – поисковых критериев для выгрузки релевантного социально-медийного контента.

В наших собственных исследованиях для уточнения смыслового наполнения цифровых следов успешно применялся синтез инструментальной когнитивистики и мультимодального имитационного моделирования (Огнев, 2022). Данная методологическая стратегия также позволила выявить, какие ценности используются в качестве рычагов манипуляции в адрес молодёжи, а также какие когнитивные схемы чаще всего задействуются для вызова эмоционального отклика и ослабления критического восприятия информации (Домбровская, 2022).

Проанализированные исследования имеют ряд ограничений, основное из которых связано с невозможностью обеспечить репрезентативный массив данных, спроецировать цифровые следы эмиграционных установок на реальный объём граждан, переехавших за рубеж, сложность идентифицировать по цифровым следам готовящихся к эмиграции и тех, кто лишь обсуждает эту тему. Кроме того, представленные в специальной литературе труды на заявленную тему не учитывают в процессе прогнозного анализа значимость установления зависимости между социально-политическими, экономическими событиями и изменением динамики цифровых следов об эмиграции, что актуализирует аналитическую ценность настоящего соавторского исследования. Немногочисленные исследования включают верификацию цифровых следов с помощью очных способов получения фактической информации, таким образом, настоящее исследование важно с позиций апробации техники

уточнения, закладываемых пользователями в цифровую коммуникацию об эмиграции смыслы и значения. В условиях работы над интерпретацией контента это может служить критически важной исследовательской опцией для понимания коннотируемых пользователями контекстов.

Представленный в настоящей статье материал основан на предиктивном анализе, показывающем, как динамика информационных потоков об эмиграции в социальных медиа, таргетированных, главным образом, на молодежь, связана с конкретными типами социальных ивентов и сочетающим верификацию цифровых следов с очным проективным исследованием эмиграционных установок молодежи. Такая модель анализа, во-первых, учитывает проблему репрезентативности данных, т.к. молодежь - наиболее или фактически тотально представленная в Сети социальная общность, оставляющая цифровые следы значимых для ее представителей общественных и гражданских установок; во-вторых, реализуемая коллективом авторов модель содержит прогнозный компонент; и, в-третьих, предлагает способ уточнения гипотез для дальнейших исследований, сочетая автоматизированный мониторинг цифровых следов коммуникации об эмиграции с интерпретативистской стратегией понимания смыслов, расшифровки контекстов публикуемого молодежью контента об эмиграции.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). Совмещение в эмпирическом дизайне настоящего исследования возможностей математических моделей и интерпретативистской стратегии объясняется следующим образом.

Статистический анализ предоставляет структурные данные, показывающие весовые и динамические характеристики эмиграционного потока, а также условия формирования эмиграционных интенций граждан, в том числе молодой части населения страны. Однако математические методы анализа несостоятельны в объяснении субъективных, личностных смыслов и значений, индивидуальных когнитивных конструкций, обуславливающих возникновение у человека стремления поменять страну проживания. В этой связи настоящее исследование совмещает исследовательский потенциал регрессионных моделей по данным социально-медийных динамических данных, выявляющих каузальные связи в процессе формирования эмиграционных интенций молодежи, и имитационного моделирования данных когнитивного интервью с молодыми россиянами, обеспечивающего идентификацию личностных диспозиций, систему рациональных и иррациональных мотивов, индивидуальных смыслов, вкладываемых респондентами в эмиграционные настроения.

В основе исследования – два подхода: цифровая часть анализа базируется на интеллектуальном поиске цифровых маркеров социально-политических процессов – подходе, обосновывающем индикативность и предиктивный потенциал семантических характеристик онлайн-сетевого контента социально-политического толка и показателей интеракции между пользователями Интернета в отношении данного контента (Бродовская, 2017) для социального прогнозирования; опросная часть исследования основана на когнитивном подходе, фокусирующемся на значимых для респондентов смыслах и значениях, соотношении рационального и иррационального в их социальных представлениях и мотивации их социальных действий (Harre, 2009; Potter, 1987).

Предиктивный анализ осуществлен на основе автоматизированного аккумулирования документов, содержащих маркеры эмиграционных установок молодежи (авторская методика обоснования поисковых критериев для загрузки специальным программным обеспечением «Медialogия» детализирована в методологической статье соавторов, сфокусированной на выявлении кластеров потоков социальных медиа об эмиграции (Домбровская, Бродовская, 2025), анализ осуществляется на основе панельных регрессионных моделей, оценивающих силу связи различных переменных на развитие эмиграционных установок.

В исследовании используются три переменные, репрезентирующие количество сообщений трёх различных по содержанию категорий цифровых следов эмиграционного поведения молодежи в информационной среде: формы, контекст, дистанция. Эти категории фиксируют разные аспекты эмиграционного дискурса и не пересекаются по содержанию:

- «Формы» – сообщения о конкретных, практически применимых способах и каналах эмиграции из РФ (например, обсуждение работы за рубежом, учебы, программ наподобие «грин-карта», «золотая виза», практик цифрового кочевничества);

- «Контекст» – сообщения с общей, не детализированной установкой на эмиграцию из РФ, не привязанной к конкретному способу или направлению, однако, репрезентирующие социальную установку на необходимость переезда в страны, близкие по образу жизни, культуры, развитию инфраструктуры;

- «Дистанция» – сообщения о конкретных направлениях (странах) эмиграции из РФ (например, «уехать/переехать/ ...» с указанием конкретной страны).

Отнесение сообщений к одной из трех категорий выполнялось на основе словаря цифровых маркеров, соответствующих каждой из них. Данные являются ежедневными и охватывают период с 1 января 2024 по 1 июля 2025 гг. Датасеты аккумулированы с применением сервиса «Медialogия», общее число выгруженных релевантных предмету исследования сообщений составляет 255 тысяч.

В качестве зависимой переменной, отражающей эмиграционные установки молодежи, выбраны формы. В отличие от контекста и дистанции, «формы» фиксируют не установку как таковую, а её практическую реализацию – поиск конкретных механизмов, способов и каналов отъезда, что делает эту переменную индикатором перехода от абстрактного намерения к подготовительным действиям. Именно поэтому она рассматривается как более стабильный маркер готовности к эмиграции: в отличие от контекста и дистанции, отражающих скорее эмоциональный фон или целевую ориентацию, обсуждение конкретных форм эмиграции с меньшей вероятностью носит ситуативный характер. Контекст и дистанция, в свою очередь, используются как объясняющие переменные – предполагается, что потоки с общей установкой на эмиграцию из РФ и сообщения о направлениях эмиграции являются информационными стимулами, которые могут предшествовать переходу к обсуждению конкретных форм эмиграции среди молодежи.

Также в исследовании в качестве независимых переменных используются индикаторы восприятия населением политических и экономических решений: оценка власти по опросам ВЦИОМ (удовлетворительная, частично удовлетворительная, неудовлетворительная) и новостной индекс Банка России. Данные переменные являются ежемесячными и охватывают период с января 2024 по июль 2025 гг. Для обеспечения сопоставимости с ежедневными данными цифровых следов при построении панели месячное значение каждой из этих переменных присваивалось каждому дню соответствующего месяца. В исследовании они используются в качестве контрольных переменных для повышения робастности результатов, однако также играют роль объясняющих переменных и позволяют сделать выводы о связи переменных политико-экономической среды и эмиграционных установок молодежи, что важно в контексте профилактики и противодействия росту эмиграционных настроений. Итоговая операционализация переменных приведена в Таблице 1.

Таблица 1

Операционализация переменных

Table 1

Operationalization of variables

Переменная / Variable	Описание / Description
Формы / Forms	Сообщения о различных способах и каналах эмиграции из России (кол-во) / Reports on various ways and channels of emigration from Russia (number)
Контекст / Context	Сообщения с содержанием общей установки на эмиграцию из РФ (кол-во) / Reports with the content of the general policy on emigration from the Russian Federation (number)
Дистанция / Distance	Сообщения о конкретных направлениях эмиграции из РФ (кол-во) / Reports on specific areas of emigration from the Russian Federation (number)
CBR_index	Новостной индекс Банка России – оценка информационного фона вокруг макро экономического состояния мировой и российской экономики / The Bank of Russia News Index is an assessment of the information background around the macroeconomic state of the global and Russian economies
Удовлетворительная оценка власти / Power_high	Оценка проводимой политики по результатам опроса ВЦИОМ (в целом устраивает, %) / Assessment of the policy according to the results of the VCIOM survey (generally satisfied, %)
Частично удовлетворительная/неудовлетворительная оценка власти / Power_medium	Оценка проводимой политики по результатам опроса ВЦИОМ (отчасти устраивает, отчасти нет, %) / Assessment of the policy according to the results of the VCIOM survey (partly satisfied, partly not, %)
Неудовлетворительная оценка власти / Power_low	Оценка проводимой политики по результатам опроса ВЦИОМ (в целом не устраивает, %) / Assessment of the policy according to the results of the VCIOM survey (generally not satisfied, %)

Для всех представленных в таблице 1 переменных единой шкалой измерения выступает количественный показатель: для цифровых маркеров (формы, контекст, дистанция) – число тематически размеченных сообщений в сутки, для индикаторов политико-экономической среды (CBR_index, Power_high, Power_medium, Power_low) – процентная доля/индексное значение за соответствующий месяц.

Опросная часть исследования представляет собой реализацию качественной стратегии анализа эмпирических данных в формате когнитивного интервью как разновидности неформализованного интервью, фокусирующегося вокруг значений и смыслов, балансе рационального и иррационального в представлениях информантов. Перед интервью проведена процедура мультимодального имитационного моделирования с информантами. Эта процедура представляет собой построение участниками исследования модели образа будущего с применением аттестованных фигур (для песочного игрового моделирования). Задание для информантов включало также инкорпорирование в модель будущего значений и смыслов, указывающих на возможные причины переезда в другую страну, условия и триггеры такого потенциально вероятного жизненного решения. Фильтром для отбора студенческой молодежи в число выборочной совокупности исследования служили их скрининговые данные о частоте проявления интереса к цифровым сообществам,

продуцирующим эмиграционные нарративы, степени вовлеченности в онлайн-сетевые группы, формирующие эмиграционные интенции. В пространство имитационного моделирования допускались студенты, проявляющие интерес к эмиграционным информационным потокам и являющихся частью целевой аудитории онлайн сообществ эмиграционного содержания. Им предлагалось отразить в модели будущего метафоры, связанные с теми сторонами жизни и сферами, которые могли бы стать движущими силами, факторами релокации (переезда в другую страну). Аккумулированные стенограммы описаний построенных информантами моделей будущего обработаны с применением фрейм-анализа. Рамками фрейминга служили цель эмиграции, стратегия подготовки к переезду за рубеж и возможные меры государства по предотвращению роста эмиграционных настроений среди части молодежи. Качественный характер методики обусловил относительно небольшую выборку 142 человека – студентов высших учебных заведений и обучающихся ссузов г. Москвы и Московской области, пребывающие в возрасте от 19 до 29 лет (была обеспечена репрезентация учащихся из всех Федеральных округов РФ, что обеспечивалось географической широтой учащихся, приезжающих учиться в учебных заведениях столицы: РАНХиГС при Президенте РФ, 25 человек; Финансовый университет при Правительстве РФ, 33 человека; МГУ имени М. В. Ломоносова, 52 человека; Университет МГИМО, 17 человек; РосНОУ (Российский новый университет), 15 человек. Выборочный метод – целевой отбор, главным критерием которого служила высокая вовлеченность молодежи в цифровые нарративы об эмиграции.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Результаты регрессионного моделирования.* Первоначально для регрессионного моделирования были устранены выбросы (аномалии) в данных, которые были потенциально способны повлиять на надежность статистических методов и исказить предиктивные модели. Прежде всего, устранение выбросов необходимо для данных на основе цифровых следов (формы, контекст, дистанция), поскольку они отражают количество сообщений в сутки и могут значительно варьироваться.

Для устранения выбросов используемые данные преобразованы с помощью экспоненциального сглаживания (метод Брауна). По результатам экспоненциального сглаживания был выбран коэффициент сглаживания $\alpha=0,2$ – это значение обеспечивает баланс между подавлением шума и сохранением реакции на изменения в данных, вследствие чего сглаженные данные не содержат аномалии, но отражают изначальные тренды в информационных потоках об эмиграционных настроениях молодежи.

В таблице 2 представлены описательные статистики сглаженных данных исходя из количества наблюдений (Таблица 2). Данные показатели позволяют оценить, насколько сформированная выборка оптимальна для последующего моделирования.

Таблица 2

Описательные статистики переменных

Table 2

Descriptive statistics of variables

	Максимальное значение / Maximum value	Минимальное значение / Minimum value	Среднее значение / Average value	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Standard deviation
Forms	1403,2	46,4	203,4	161,5	145,6
Context	691,0	96,3	209,8	189,4	84,3
Distance	517,0	43,8	82,4	76,2	30,0
CBR_index	104,5	0,9	17,3	16,1	6,1

	Максимальное значение / Maximum value	Минимальное значение / Minimum value	Среднее значение / Average value	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Standard deviation
Power_high	54,5	34,2	39,3	38,7	2,8
Power_medium	34,1	26,0	29,8	29,8	0,9
Power_low	26,4	20,3	24,0	24,0	1,8

Как следует из Таблицы 2, разброс значений по переменным, репрезентирующим данные цифровых следов (формы, контекст, дистанция), исключает выбросы, что говорит об информативности среднего значения по выборке после экспоненциального сглаживания данных.

Для оценки факторов, связанных с эмиграционными установками молодежи, используются три модели панельных данных: панельная сквозная линейная регрессия (Уравнение 1), панельная регрессия с фиксированными эффектами (Уравнение 2), панельная регрессия со случайными эффектами (Уравнение 3):

$$Forms = \beta X_{it} + \alpha + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$Forms = \beta X_{it} + \alpha_i + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

$$Forms = \beta X_{it} + \alpha + u_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где *Forms* – это эмиграционные установки молодежи (сообщения о конкретных формах и каналах эмиграции), X_{it} – вектор объясняющих переменных (сообщения об установках и направлениях эмиграции, а также политико-экономические индикаторы), β – вектор коэффициентов при соответствующих объясняющих переменных, ε_{it} – случайная ошибка. При этом в уравнениях 1 и 3 в модель также была включена константа (α), а в уравнении 2 – фиксированные пространственные эффекты (α_i). В уравнении 3 u_{it} – случайная ошибка, наблюдаемая между разными объектами (between-entity error). Результаты данных моделей приведены в Таблице 3.

Таблица 3

Результаты регрессионного моделирования

Table 3

Results of regression modelling

Переменные / Variables	(OLS)	(FE)	(RE)
Context	0.199** (0.086)	0.345*** (0.085)	0.321*** (0.085)
Distance	0.151 (0.242)	0.051 (0.229)	0.067 (0.228)
CBR_index	0.806 (1.182)	1.328 (1.117)	1.230 (1.112)
Power_high	1.547 (4.351)	-14.576** (5.113)	-11.987** (4.957)
Power_medium	24.156*** (7.614)	-3.109 (16.784)	3.261 (12.832)
Power_low	7.652 (6.153)	-32.874 (21.867)	-10.676 (10.556)
Constant	-829.458* (441.935)	1490.659 (691.179)	738.657 (573.725)

Переменные / Variables	(OLS)	(FE)	(RE)
Observations	547	547	547
R-squared	0.055	0.223	-

Примечания: 1. OLS – панельная сквозная линейная регрессия, FE – панельная регрессия с фиксированными эффектами. RE – панельная регрессия со случайными эффектами. 2. В скобках представлены стандартные ошибки. 3. Обозначения уровня значимости: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. / Notes: 1. OLS – panel linear regression, FE – panel regression with fixed effects. RE – panel regression with random effects. 2. Standard errors in parentheses. 3. Designations of the significance level: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Источник: расчеты авторов / Source: Author's calculations

Для отбора наиболее подходящей модели в рамках поставленных исследовательских задач был проведен ряд сравнительных тестов. Всего выполнено три процедуры, каждая из которых сопоставляла две альтернативные спецификации. Согласно результатам теста Бройша–Пагана, модель панельной регрессии со случайными эффектами демонстрирует лучшее соответствие эмпирическим данным по сравнению со сквозной линейной регрессией. Аналогичный вывод подтверждается и тестом Вальда: панельная регрессия с фиксированными эффектами также превосходит сквозную модель по критерию адекватности. Окончательный выбор между фиксированными и случайными эффектами был сделан на основе теста Хаусмана, который указал на предпочтительность модели с фиксированными эффектами для последующего анализа. Полученные результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Тестирование регрессионных моделей

Table 4

Testing of regression models

	Тест Бройша-Пагана / Breusch-Pagan test	Тест Вальда / Vald test	Тест Хаусмана / Hausman test
Сравниваемые модели / Compared models	OLS и RE	OLS и FE	RE и FE
Нулевая гипотеза / Null hypothesis	Дисперсия случайного возмущения модели равна 0 / All variances across sentities are equal to zero	Все индивидуальные эффекты в модели FE равны 0 / All country-specific fixed effects are equal to zero	Различие в коэффициентах в моделях FE и RE не является систематическим / The difference in the coefficients of FE and RE models is not systematic
Тестовая статистика / Test statistics	9,825*	9,010***	572,227***

Примечания: 1. OLS – панельная сквозная линейная регрессия, FE – панельная регрессия с фиксированными эффектами. RE – панельная регрессия со случайными эффектами. 2. Обозначения уровня значимости: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. / Notes: 1. OLS – panel linear regression, FE – panel regression with fixed effects. RE – panel regression with random effects. 2. Designations of the significance level: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

Источник: расчеты автора / Source: Author's calculations

Результаты модели с фиксированными эффектами показывают статистически значимую связь между переменной «контекст» и эмиграционными установками молодежи (коэффициент = 0,345; $p < 0,01$). Здесь и далее следует подчеркнуть, что регрессионный анализ выявляет статистическую ассоциацию, а не строгую причинно-следственную связь: например, рост показателей контекста и форм может быть обусловлен общим внешним фактором (геополитическим событием или иным социальным шоком), одновременно усиливающим оба типа информационных потоков. С учетом этой оговорки полученная связь интерпретируется как свидетельство того, что масштаб общего эмиграционного дискурса ассоциирован с последующей практической активностью по поиску способов отъезда.

В то же время переменная «дистанция» оказалась статистически незначимой (коэффициент = 0,051; $p > 0,1$), что позволяет предположить, что обсуждение направлений эмиграции либо следует за формированием намерения, либо слабо связана с активностью поиска каналов отъезда.

Среди макрофакторов статистически значимым зафиксирован уровень удовлетворённости властью (коэффициент при переменной *Power_high* = -14,576; $p < 0,05$). Это позволяет предположить, что рост доли граждан, положительно оценивающих политику власти, ассоциирован со снижением эмиграционной активности в цифровой среде. Примечательно, что негативные оценки власти (*Power_low*) не показали статистически значимой связи с ростом эмиграционных установок, что позволяет предположить, что эмиграционные настроения в большей степени связаны не с протестом против власти, а с отсутствием позитивного доверия к ней и, как следствие, с отсутствием уверенности в улучшении условий жизни внутри страны.

Связь информационного фона вокруг российской экономики с эмиграционными интенциями молодежи является статистически незначимой, что может указывать на относительно меньшую чувствительность молодёжи к макроэкономическим новостям по сравнению с социальными и политическими сигналами в информационной среде.

Таким образом, регрессионный анализ позволяет сделать следующие предположения:

- информационный фон, насыщенный общими призывами к эмиграции, усиливает практическую активность по поиску способов отъезда;
- политическая легитимность, выраженная в удовлетворённости политикой власти, выступает важным стабилизирующим фактором, снижающим склонность молодёжи к эмиграционным действиям.

В этой части исследования были выявлены переменные, демонстрирующие связь с эмиграционными установками молодежи. Прежде всего, они значимы для определения условий формирования эмиграционного поведения молодежи: эмиграционные установки растут вследствие изменения общего информационного потока на тему эмиграции, и снижаются по мере удовлетворенностью проводимой внутренней политикой.

Методы социально-медийной предиктивности на базе регрессионного анализа данных цифровых следов позволяют идентифицировать условия информационной среды, на фоне которых формируется поведение молодежи, что имеет значимость для разработки соответствующих политических решений. Однако представляется необходимым дополнение данного анализа проективной опросной методикой, которая дает возможность выявить смысловую часть информационных потоков на эмиграционную тематику, что позволяет учитывать тематические детали при разработке политики.

Результаты мультимодального имитационного моделирования. Следуя логике анализируемого фрейма эмиграционных нарративов, состоящего из цели, стратегий подготовки к переезду за рубеж и возможные меры государства по предотвращению роста эмиграционных настроений у части молодежи, вовлеченной в информационные потоки о

возможностях эмиграции, проанализируем последовательно данные рамочные смыслы и значения.

Цель как рамка исследуемого фрейма, ассоциирована информантами главным образом с возможностями получения иностранного образования, опытом проживания за рубежом и получения желаемой работы в иных национальных культурах как ценный жизненный ресурс и значимый элемент социального капитала. Особо отметим, что в процессе описания выстроенной модели информанты сообщали о высокой субъективной значимости для них информации, получаемой из цифровых сообществах о позитивном опыте переезда за границу. Согласно социально-сетевому подходу, этот факт следует объяснить с позиций весомой роли онлайн сообществ как ресурсов снижения ограничений и барьеров эмиграции.

Фоновые причины, предопределяющие важность для информантов переезда за рубеж, моделируются ими с помощью значений, связанных с ценностью комфортной жизни в обществе с высокоразвитой инфраструктурой жизнеосуществления. Привлекательность социальной среды, развитость инфраструктуры досуга, качество городского пространства – те доминирующие компоненты причины возникновения эмиграционных интенций, которые сопровождали рассуждения участников моделирования о цели эмиграции. Другой стороной объяснений стремления к переезду в другую страну, служат смыслы и значения, ассоциированные с возможностью свободы самореализации и самовыражения. Такие контексты – далеко не редкость для вершины семантической пирамиды молодежи, участвующей в опросах о значимых жизненных ценностях. Эти убеждения о большей свободе слова и самовыражения за пределами РФ активно поддерживаются онлайн сообществами эмиграционного толка и направлены на формирование мнения целевой аудитории. Важным итогом интерпретации стенограмм стоит считать вывод о том, что упоминание информантами «невозможности самовыразиться на родине» происходит с использованием приема реификации, то есть указания на процесс или явление, само собой разумеющееся и не требующее подтверждения, то есть как некая аксиома. Таким образом, воздействие информационных потоков, в которых формируются эмиграционные интенции молодежи, предполагает рутинизацию совершенно неочевидной характеристикой российского общества, предоставляющего во многих сферах гораздо больше свободы и возможностей в сравнении с государствами, реализующими ценностное принуждение. Необходимо признать, что сформировавшийся в части сегментов социальных медиа паттерн «где угодно, кроме России» довольно распространен в той группе молодежи, которая активно вовлечена в коммуникацию об эмиграции.

Отметим, что такая цель эмиграции, как создание семьи с иностранцем, сопряжена у информанток с рядом сомнений. Это может служить существенным ресурсом для создания профильными службами информационного ответа на распространение в социальных медиа эмиграционных нарративов. Для создания альтернативных информационных потоков в этой связи следует акцентировать внимание на рост кибермошеннических манипуляций в сфере предоставления возможностей найти иностранного супруга, равно как и возможностей заключения контрактов за рубежом иного толка (от образовательных до трудовых).

Важным формирующим элементом применяемой методики мультимодального моделирования являлись дополнительные вопросы модераторов о возможных рисках эмиграционных целей. Рассуждения о вероятных последствиях, скрытых эффектах переезда в другую страну существенным образом стимулирует зону критического мышления молодежи. В этой связи актуализировались смыслы и значения, проецирующие эмиграцию на ситуацию социально-культурной дезадаптации, общественной изоляции, страхов разочарования в себе и сложности трансформации национально-государственной идентичности. Акцентирование внимания на негативных сторонах, рисках и возможных негативных эффектах эмиграции – неотъемлемая часть методики мультимодального

имитационного моделирования, призванного усилить осмысленность интенций информантов и субъективность их жизненного выбора.

Переходя к фрейминговой рамке «стратегия подготовки к эмиграции», заметим, что изучение языка и культуры страны – дестинации – служит превалирующим подходом к планированию переезда за рубеж. Ресурсным потенциалом для преодоления угрозы отказа молодых россиян от российского гражданства может служить то обстоятельство, что доминирующей интенцией информантов настоящего исследования является их стремление при любых условиях сохранить статус резидента РФ и удержаться в среде российского социально-сетевого окружения.

Рамки этого фрейма коррелируют с результатами когнитивного картирования документов социальных медиа, содержащих маркеры эмиграционных нарративов (Домбровская, 2025). Согласно командным исследованиям, в весовом отношении лидирует тот тип информационного потока среди всех массивов эмиграционных цифровых потоков, который отражает возможности обучения за рубежом, а также репрезентирует нарративы привлекательного образа жизни в зарубежных государствах и конкретные алгоритмы подготовки эмиграции. При этом пользователи мужского пола более вовлечены в цифровые эмиграционные нарративы, равно как и социальная группа IT-специалистов, рассчитывающая на возможности цифрового кочевничества.

Еще одной значимой компонентой анализируемого фрейма служит система мер, которые профильные организации могли бы реализовать в ситуации интенсификации эмиграционных интенций молодежи. Эта рамка исследуемого фрейминга может обеспечить понимание направлений дальнейшей работы по преодолению негативных последствий циркуляции эмиграционных нарративов в российском сегменте социальных медиа. Помимо вполне ожидаемой и очевидной значимости материальных стимулов для молодежи, планирующей жизнь в России, были получены смыслы, связанные с ценностью создания привлекательной социальной архитектуры городов России.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что выражаемые участниками исследования скептические замечания в отношении различных сторон жизни в России носят иррациональный характер, что подтверждается неспособностью информантов пояснить, обосновать свою позицию конкретными фактами, примерами, а также затруднениями в приведении конкретных кейсов других стран, соответствующих желаемому положению дел. Такая стереотипизированность восприятия опрошенными жизни в российском обществе, неосознанное воспроизводство ими стигм в отношении его устройства и характеристик говорит об исключительной значимости специальных мер по преодолению предвзятых убеждений и распространенных заблуждений о социальном дизайне российского образа жизни и качестве развития общественных сфер РФ.

Декларируемая в публичном дискурсе необходимость информационного сопровождения государственной политики в отношении молодежи не сработает без учета одного важного обстоятельства. Оно заключается в том, что, помимо создания и распространения такого рода информации, необходимо привлечь интерес к ней молодежи, вовлечь ее в коммуникацию о возможностях и перспективах самореализации и построения желаемого будущего в России.

Параллельно с такими мерами по привлечению молодежи в аудиторию сообществ, прочих цифровых ресурсов, информирующих о программах, проектах, грантах для молодого поколения, возможностях реализации собственных креативных, предпринимательских, научно-исследовательских замыслов и идей, важно активизировать циркуляцию социально-медийных потоков о рисках и возможных отрицательных последствиях эмиграции. Распространенным в цифровой среде, так называемым успешным кейсам релокации, следует противопоставлять случаи неудачной эмиграции, имеющей фатальные последствия для

жизни молодых людей. В процессе создания таких нарративов важно уделять особое внимание развенчанию стереотипов об «абсолютной свободе» западных обществ, «безоблачности» жизни в них. Такой, как минимум, баланс различных жизненных историй будет способствовать более взвешенному отношению молодежи к возможностям и перспективам эмиграции.

Только объективная, свободная от официоза и представленная в доступном виде информация может создать оптимальные условия молодежи для принятия решений, связанных с горизонтом планирования будущего. Наконец, наиболее комплексной проблемой служит ситуация со стереотипным восприятием российского образования в сравнении с зарубежными системами образования. Отечественные высшие учебные заведения проделали значительную работу по модернизации образовательного процесса, совершенствованию учебной инфраструктуры, развитию кадрового потенциала, однако ангажированность международных рейтингов, обусловленных новыми геополитическими реалиями, сдерживает позиции ведущих университетов РФ в данных рейтинговых системах. Информирование подростков и молодежи о причинах, фоновых факторах и глобальных процессах, стереотипизирующих качество российского образования, также служит важной задачей медиаакторов профильных органов власти, государственных учреждений и негосударственных структур, нацеленных на преодоление негативных эффектов распространения эмиграционных интенций в российском сегменте социальных медиа.

Дискутируя о преимуществах и ограничениях проведенного исследования, отметим такие положения. Сочетание предварительной и верификационной видов работ естественного интеллекта коллектива исследователей и возможностей искусственного интеллекта (нейросети LSTM, используемой сервисом для мониторинга социальных медиа), а также языка программирования позволило на первом этапе сегментировать социально-медийные потоки об эмиграции по содержательному признаку (на данном этапе развития сервисов для социально-медийной аналитики обосновать тематическое / контекстуальное деление потоков возможно только с помощью предварительной «ручной» обработки релевантного контента); выявить весовые и динамические характеристики выгруженного сервисом массива данных о коммуникации об эмиграции; установить специфику связи между социальными событиями и характером циркуляции потоков об эмиграции в социальных медиа; идентифицировать смысловые коннотации молодых пользователей, коммуницирующих об эмиграции и выдвинуть гипотезы для последующего тестирования на репрезентативных базах данных.

Исходя из этого, нужно отметить, что апробированная модель исследования позволяет точно оценить интенсивность коммуникации об эмиграции и соотношение силы коммуникации разных контекстов, косвенно указывающих на то, какова готовность пользователей к эмиграции. Вместе с тем, речь не идет о возможности замены официальной статистики полученными данными. Ценность результатов апробированной модели исследования - в выявлении масштаба проблемы распространения эмиграционных нарративов в социальных медиа, а также в идентификации общественных контекстов, социальных противоречий, предопределяющих появление у молодежи эмиграционных установок.

Следует признать ограничения дополнительного метода сбора информации в апробированной исследовательской модели - проективного интервью с применением мультимодального имитационного моделирования. Разумеется, данная качественная методика не предназначена для репрезентативных выборочных совокупностей, но нацелена на глубокое исследование мотивов, представлений информанта, недоступных массовому опросу. Процедура построения участниками исследования мультимодальной имитационной модели социального объекта, образа, идеи (в настоящем исследовании, образ будущего в

эмиграции) занимает до одного часа, после чего проводится когнитивное интервью с подробными, детализированными уточнениями о мотивах эмиграции, условиях ее реализации, соотношении возможностей и рисков переезда в другую страну. Такая специально организованная беседа, инспирированная предварительно построенной моделью, предоставляет существенно более осознанные ответы информантов, более глубокие и детально проработанные смыслы о значимых для анализа контекстах. Помимо тех важных дополнительных данных, которые добавляют качество к большим цифровым данным, информация, получаемая с применением когнитивного интервью, может служить также основанием для формулировки гипотез для дальнейших исследований на смежные темы.

Заключение (Conclusions). Подводя общий итог содержательных аспектов проведенного исследования, отметим, что регрессионное моделирование установило связь между общим масштабом информационных потоков эмиграционного содержания и интенсивностью проявления эмиграционных установок среди российской молодежи. Исключением служит такой сегмент информационных потоков об эмиграции, как поток, содержащий сообщения о конкретных направлениях и странах для эмиграции. Напротив, информационные стимулы в формате потоков с общими призывами и установками к эмиграции (фон-ударная стратегия цифровых акторов) имеют более высокие значения связи с формированием эмиграционных установок пользователей.

Проведенный анализ позволил сделать статистически обоснованное предположение о том, что информационный фон, создаваемый профильными социальными медиа и насыщающий его нарративами эмиграционной мобилизации, усиливает практическую активность молодых россиян по поиску способов переезда за пределы родины.

Значимым выводом может служить и тот эмпирический результат, который показывает, что политическая легитимность, выраженная в удовлетворённости политикой власти, выступает важным стабилизирующим условием снижения склонности молодёжи к эмиграционным действиям.

Важным итогом исследования стало статистическое свидетельство роста эмиграционных установок как реакции на растущие релевантные информационные потоки и проводимую социально-экономическую политику государства.

Взаимосвязь информационных и социально-политических аспектов развития эмиграционных интенций молодежи, а также полученные качественные данные по итогам имитационного моделирования позволили обосновать меры государственным и негосударственным структурам, профильным в вопросах преодоления нежелательных последствий роста эмиграционных настроений среди молодежи. Наиболее важным направлением работы служит развитие альтернативных медианарративов как информационный ответ дискурсам, стереотипизирующим будущее российского общества. Конструктивные информационные потоки могут поддержать молодежь в формировании адекватной стратегии поиска ею ответа на вопрос о своих целях, смысле жизни, возможных перспективах жизни в родной стране.

В заключение также важно отметить, что апробированная в настоящем исследовании эмпирическая модель обладает рядом преимуществ: она позволяет получить новые данные о регрессионных связях между информационными потоками и эмиграционными установками молодежи, а также содержательно верифицировать выявленные по цифровым следам закономерности результатами очного проективного исследования. Вместе с тем модель имеет ограничения: качество и надежность результатов зависят от возможностей применяемого программного обеспечения медиамониторинга, а также от полноты словаря цифровых маркеров, используемого для классификации сообщений по категориям форм, контекста и дистанции — неполнота словарей может приводить к недоучету части релевантного контента.

Список литературы

- Ахизер А. С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 4. С. 163-174. EDN: RWMJJS.
- Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Сияков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 141. С. 79-104. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06. EDN: YLYNYL.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. Москва: Ленанд. 2020. 304 с.
- Габдрахманов Н. К., Орлова В. В., Александрова Ю. К. Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 106-114. DOI: 10.17223/15617793/467/14. EDN: IJYMZD.
- Гребенюк А. А., Субботин А. А. Исследование миграционных процессов в электронных социальных сетях // Цифровая социология. 2021. № 2. С. 23-31. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-23-31. EDN: FVKNMU.
- Домбровская А. Ю. Мобилизация эмиграционных установок россиян в социальных медиа: масштаб, динамика, структура воздействия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 103-117. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-103-117. EDN: SSWRBT.
- Домбровская А. Ю., Бродовская Е. В. Оценка релевантности идентификации текстов об эмиграции большими языковыми моделями для мониторинга социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. Т. 50, № 5. С. 209-232. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.209232. EDN: FNANCP.
- Домбровская А. Ю., Коваленко Д. С., Буслаева М. В. Социальные медиа мобилизации эмиграционных установок российской молодежи // Власть. 2025. № 2. С. 167-173. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-167-173. EDN: RBXJRI.
- Домбровская А. Ю., Огнев А. С., Давыдова М. А., Кашенко Т. Л. Технологии и приемы ценностного воздействия на российских пользователей в региональных сетях социального недовольства // Власть. 2022. № 4. С. 37-42. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9120. EDN: GASLIM.
- Максимова А. С., Гребенюк А. А., Алешковский И. А. Использование больших данных социальных сетей для анализа внутренней миграции населения // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2024. № 59. С. 31-55. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.2. EDN: HARLRA.
- Максимова А. С., Чернов П. А. Эмиграция из России по данным электронных социальных сетей: разработка методологии и качественный анализ // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 34-42. DOI: 10.24158/tpor.2025.1.3. EDN: XEGMRZ.
- Огнев А. С., Бродовская Е. В., Давыдова М. А. Выделение триггеров усиления сетей социального недовольства в субъектах РФ // Власть. 2022. № 5. С. 98-106. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9244. EDN: NLCEAS.
- Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 5. С. 115-120. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.115-120. EDN: UIYDWP.
- Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
- Haas de H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative migration studies. 2021. № 1. С. 8-20.
- Harre R. The second cognitive revolution. London: Springer, 2009. DOI: 10.1007/978-1-4020-9992-2_11.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. № 19(3). Pp. 431-466. DOI: 10.2307/2938462.
- Massey D. S. Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration // Population index. 1990. № 1 Pp. 3-26. DOI: 10.2307/3644186.
- Portes S. Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections. Princeton University, 2008.

- Potter J., Wetherell M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior*. London: Sage, 1987. 256 p.
- Stark O. *The migration of labor*. Cambridge: Blackwell Pub. 1991. 320 p.
- Tjaden J. *Measuring migration 2.0: a review of digital data sources* // *Comparative Migration Studies*. 2021. № 9 (1).

References

- Akhiezer, A. S. (1999), "Emigration as an indicator of the state of Russian society", *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, (4), 163-174, EDN: RWMJJS. (In Russian)
- Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Karzubov, D. N., Sinyakov, A. V. (2017), "Development of methodology and approaches for the intelligent search for digital markers of political processes in social media", *Monitoring obshchestvennogo mnenia: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*, (141), 79-104, DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06, EDN: YLYNYL. (In Russian)
- Wallerstein, I. (2020), *Mirovaya sistema: vvedenie* [World-systems analysis: an introduction], LENAND, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gabdulkhakov, N. K., Orlova, V. V., Aleksandrova, Y. K. (2021), "Migration behavior of students at Russian universities based on digital trace data", *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (467), 106-114, DOI: 10.17223/15617793/467/14, EDN: IJYMZD. (In Russian)
- Grebenyuk, A. A., Subbotin, A. A. (2021), "Studying migration processes in electronic Social networks", *Tsifrovaya Sotsiologiya*, (2), 23-31, DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-23-31, EDN: FVKNMY. (In Russian)
- Dombrovskaya, A. Y. (2025), "Mobilization of emigration attitudes among Russians in Social media: scale, dynamics, and structure of impact" *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, (2), 103-117, DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-103-117, EDN: SSWRBT. (In Russian)
- Dombrovskaya, A. Yu., Brodovskaya, E. V. (2025), "Assessing the Relevance of Identifying Texts about Emigration Using Large Language Models for Social Media", *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnal'stika*, 50 (5), 209-232, DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.209232, EDN: FNANCP. (In Russian)
- Dombrovskaya, A. Y., Kovalenko, D. S., Buslaeva, M. V. (2025), "Social media mobilization of emigration attitudes among Russian youth", *Vlast*, (2), 167-173, DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-167-173, EDN: RBXJRI. (In Russian)
- Dombrovskaya, A. Y., Ognev, A. S., Davydova, M. A., Kashchenko, T. L. (2022), "Technologies and techniques of value-based influence on Russian users in regional networks of Social discontent", *Vlast*, (4), 37-42, DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9120, EDN: GASLIM. (In Russian)
- Maksimova, A. S., Grebenyuk, A. A., Aleshkovskiy, I. A. (2024), "Using big data from Social networks to analyze internal population migration", *Sotsiologiya: Metodologiya, Metody, Matematicheskoe Modelirovanie*, (59), 31-55, DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.2, EDN: HARLRA. (In Russian)
- Maksimova, A. S., Chernov, P. A. (2025), "Emigration from Russia based on electronic Social network data: methodology development and qualitative analysis", *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, (1), 34-42, DOI: 10.24158/tipor.2025.1.3, EDN: XEGMRZ. (In Russian)
- Ognev, A. S., Brodovskaya, E. V., Davydova, M. A. (2022), "Identifying triggers for the intensification of Social discontent networks in Russian regions", *Vlast*, (5), 98-106, DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9244, EDN: NLCEAS. (In Russian)
- Semikalenova, A. I. (2019), "Digital traces: purpose and production of expert assessments", *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, (5), 115-120, DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.115-120, EDN: UIYDWP. (In Russian)
- Inglehart, R., Welzel, C. (2005), *Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence*, Cambridge University Press, New York.
- Haas de, H. (2021), "A theory of migration: the aspirations-capabilities framework", *Comparative Migration Studies*, 9 (1), 8-20.
- Harre, R. (2009), *The second cognitive revolution*, Springer, London, DOI: 10.1007/978-1-4020-9992-2_11.

Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, J. E. (1993), "Theories of International Migration: A Review and Appraisal", *Population and Development Review*, (19), 431-466, DOI: 10.2307/2938462.

Massey, D. S. (1990), "Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration", *Population Index*, 56 (1), 3-26, DOI: 10.2307/3644186.

Portes, S. (2008), *Migration and Social Change: Some Conceptual Reflections*, Princeton University, Princeton.

Potter, J., Wetherell, M. (1987), *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior*, Sage, London.

Stark, O. (1991), *The migration of labor*, Blackwell Publishers, Cambridge, MA.

Tjaden, J. (2021), "Measuring migration 2.0: a review of digital data sources", *Comparative Migration Studies*, (9).

Статья поступила в редакцию 24 октября 2025 г. Поступила после доработки 12 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 24 October 2026. Revised 12 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Мухаметов Данияр Рустямович, кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, старший преподаватель Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Daniyar R. Mukhametov, Candidate of Political Sciences, Research Associate of the Institute for the Humanities and Social Engineering, Senior Lecturer at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, директор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Anna Y. Dombrovskaya, Doctor of Sociology, Director, Senior Fellow of the Center for Political Studies at the Department of Political Science, Institute for the Humanities and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Огнев Александр Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Alexander S. Ognev, Doctor of Psychology, Professor, Deputy Director of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

УДК 316.354:331.556.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-4

Исследовательская статья

Юргелас А. Л.

Ценностно-мотивационные детерминанты трудовой миграции в Россию: сравнительный страновой анализ на примере Армении, Беларуси и Таджикистана

Исследовательская группа «ЦИРКОН»; Научно-учебная лаборатория исследований
в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ
улица Тверская, дом 16, строение 1, Москва, 125375, Россия
annayurgelas@yandex.ru

Аннотация. Современные демографические и экономические изменения, а также дефицит трудовых ресурсов и трансформация международных миграционных потоков усиливают роль трудовой миграции как одного из значимых факторов развития государств евразийского региона. Для России, сохраняющей статус крупнейшего центра притяжения мигрантов на постсоветском пространстве, становится особенно важным выявление драйверов, определяющих намерения жителей стран СНГ относительно трудовой мобильности. В то же время большинство исследований по-прежнему ориентировано преимущественно на макроэкономические детерминанты миграции, тогда как ценностно-мотивационные, индивидуальные факторы изучены существенно меньше. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ факторов, влияющих на желание мигрировать в Россию по работе среди населения Армении, Беларуси и Таджикистана, представляющих три различные модели миграционной мобильности в евразийском пространстве. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные международных опросов Россотрудничества (2022, 2025 гг.) и Евразийского банка развития (2012, 2015 гг.), охватывающие репрезентативные выборки взрослого населения Армении, Беларуси и Таджикистана. Использование двух взаимодополняющих баз данных позволило раскрыть более подробно анализ современных факторов, формирующих миграционные намерения, с изучением их динамики в контексте страновых направлений миграции на протяжении более чем десяти лет. Для решения исследовательских задач применялись методы описательной статистики, корреляционного анализа и бинарной логистической регрессии, что обеспечило более точную оценку влияния разнообразных характеристик на вероятность проявления намерения трудовой миграции. Полученные результаты свидетельствуют, что при наличии общего интеграционного пространства миграционные стратегии населения исследуемых стран формируются под воздействием различных факторов. В Армении значительную роль играют драйверы восприятия принимающей страны (России); в Беларуси – детерминанты возможностей, открывающихся на новом месте; в Таджикистане – стимулы, продиктованные локальным сообществом и материальным положением семьи. При этом, объединяющим стимулирующим обстоятельством для граждан всех исследуемых государств стало наличие родственников, друзей и иных знакомых в России как фактора, способного облегчить адаптацию к среде принимающей страны и как следствие снизить психологические риски. Сравнительный анализ

выявляет также постепенную диверсификацию направлений международной миграции при сохранении России в числе ведущих центров притяжения в Евразии. Результаты исследования расширяют понимание закономерностей миграционной мобильности в евразийском пространстве и могут быть использованы при формировании миграционной политики и механизмов евразийского сотрудничества с учётом особенностей стран происхождения потенциальных трудовых мигрантов.

Ключевые слова: трудовая миграция; миграционные намерения; факторы миграции; индивидуальные характеристики; Евразийское пространство; социальный капитал

Информация для цитирования: Юргелас А. Л. Ценностно-мотивационные детерминанты трудовой миграции в Россию: сравнительный страновой анализ на примере Армении, Беларуси и Таджикистана // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 52-66. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-4.

Research article

Anna L. Yurgelas

Value-motivational determinants of labor migration to Russia: a comparative country analysis on the example of Armenia, Belarus and Tajikistan

ZIRCON Research Group; Research and Educational Laboratory for Research
in the Field of Business Communications, HSE University,
Bld. 1, 16 Tverskaya St., Moscow, 125375, Russia
annayurgelas@yandex.ru

Abstract. Modern demographic and economic changes, labor shortages, and shifts in international migration flows have reinforced the role of labor migration in the development of the Eurasian region. As the largest destination for migrants within the post-Soviet space, Russia has become a key example for understanding the factors that shape migration intentions among citizens from the Commonwealth of Independent States (CIS). Previous research has mainly focused on macro (economic) factors, but there has been less attention paid to value-based micro-foundations. This article provides a comparative analysis of labor migration drivers to Russia among residents from Armenia, Belarus, and Tajikistan, which represent three different models of migration within the Eurasian area. The empirical analysis is based on international survey data collected by Rossotrudnichestvo (2022 and 2025) and the Eurasian Development Bank (2012 and 2015). These datasets introduce nationally representative samples of the adult populations of Armenia, Belarus, and Tajikistan, allowing to examine both the current determinants of migration intentions and their evolution over more than a decade. The study carries out descriptive statistics, correlation analysis and binary logistic regression to assess the influence of socio-demographic characteristics, perceptions of Russia, social capital and other value-motivational factors on the likelihood of expressing an intention to migrate to Russia for work. Despite a shared integration framework, the findings show that migration intentions are shaped by different combinations of factors across the three studied countries. In Armenia, attitudinal drivers, for instance, perceptions of Russia as the destination country, are considered as the strongest determinants of migration intentions. In Belarus mobility intentions are primarily associated with the perceived opportunities offered by the

Russian labor market. In Tajikistan community influences and household economic conditions interplay a more prominent role. At the same time, the presence of relatives, friends or other social contacts in Russia comes up as a common factor across all three countries, facilitating adaptation to the host society and reducing the perceived risks of migration. The comparative analysis also reveals a gradual diversification of preferred migration destinations, although Russia continues to be one of the principal centers of labor attraction in the Eurasian region. These findings contribute to a better understanding of migration dynamics in the Eurasian space and provide an empirical basis for migration policy and regional cooperation strategies that account for country-specific migration patterns.

Keywords: labor migration; migration intentions; migration factors; individual characteristics; Eurasian space; social capital

Information for citation: Yurgelas, A. L. (2026), "Value-motivational determinants of labor migration to Russia: a comparative country analysis on the example of Armenia, Belarus and Tajikistan", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 52-66. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-4.

Введение (Introduction). В условиях демографического сокращения трудоспособного населения и устойчивого «сжатия» рабочих ресурсов¹ трудовая миграция остается одним из ключевых факторов функционирования российского рынка труда. Несмотря на предпринимаемые меры по диверсификации источников привлечения иностранных работников², основная часть миграционных потоков в Россию (более 95%) по-прежнему формируется за счет государств постсоветского пространства, прежде всего стран СНГ с более чем 6,3 млн переселенцев в Россию на сентябрь 2024 года³. Что касается поля настоящего исследования, то оно сосредоточено вокруг наиболее масштабных миграционных процессов в Россию из стран Евразии, а именно на изучении миграционных намерений граждан из Таджикистана, Армении и Беларуси. Согласно выступлению на ПМЭФ начальника Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации В. Казаковой⁴, Таджикистан и Беларусь входят в ТОП-4 ключевых стран по доле трудовых мигрантов, въезжающих в Россию, где они занимают вторую (16,7%) и четвертую (9,5%) доли от общего потока, соответственно, уступая лишь Узбекистану (23,3%) и Кыргызстану (10,4%). В то же время в последние годы наблюдается изменение характера миграционной мобильности: снижаются масштабы долгосрочной миграции и натурализации на 44,8%⁵, а все большее распространение получают временные⁶ и циркулярные формы трудовой мобильности (Czaika, de Haas, 2014).

¹ Скрипова А. «2026-й будет хуже 2025-го». Экономист Наталья Зубаревич – о том, когда Россия выйдет из демографической ямы // 74.RU. 06.01.2026. URL: <https://74.ru/text/economics/2026/01/06/76180004/> (дата обращения: 08.07.2026).

² Forbes. Очень новые люди: зачем российским работодателям трудовые мигранты из Азии и Африки. 15.03.2025. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/542670-ocen-novye-ludi-zacem-rossijskim-rabotodatelam-trudovye-migranty-iz-azii-i-afriki> (дата обращения: 08.07.2026).

³ РБК. В МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов. 19.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/685462a59a7947b576ab8f87> (дата обращения: 08.07.2026).

⁴ РИА Новости. МВД назвало число прибывших в Россию мигрантов в 2024 году. 19.06.2025. URL: https://ria.ru/20250619/mvd_2024043048.html (дата обращения: 08.07.2026).

⁵ Коммерсантъ. Паспортная аномалия: иностранцы не хотят становиться гражданами РФ, а Россия их и не ждет. 27.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7605606> (дата обращения: 08.07.2026).

⁶ Демоскоп Weekly. Россия четвертый год подряд получает наибольший миграционный прирост в обмене населением с Таджикистаном – 128 тыс. человек в 2024 году // Институт демографии им. А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ. 2025. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom02.php> (дата обращения: 01.07.2026).

Эти изменения свидетельствуют о том, что традиционные макро- и мезо-уровневые объяснения трудовой миграции, основанные на различиях в уровне доходов, институциональных условиях и миграционных сетях, уже не позволяют в полной мере объяснить миграционное поведение современных трудовых экспатов. В свою очередь, возрастает значение факторов на индивидуальном уровне, определяющих принятие решения о трудовой миграции, – социокультурных ориентаций и мотиваций, связанных с восприятием принимающей страны. Однако роль данных детерминант остается недостаточно изученной, особенно в сравнительных исследованиях стран Евразии.

Настоящее исследование направлено на выявление ценностно-мотивационных детерминант трудовой миграции в Россию на примере Армении, Беларуси и Таджикистана. Сравнительный анализ этих стран позволяет показать, что даже в рамках общего евразийского пространства миграционные установки формируются под воздействием различных культурных, социальных и иных персональных условий.

Научная значимость исследования заключается в расширении представлений о микро-социологических механизмах формирования трудовой миграции и дополнении существующих структурных моделей анализа миграционного поведения. Практическая значимость связана с демонстрацией использования вторичных данных мониторингов «Россотрудничества» и «Евразийского банка развития» в новой перспективе с акцентом на межкультурных особенностях государств евразийского пространства и с фокусом внимания на трех территориально дифференцирующихся странах и как следствие на разноплановые характеристики их жителей. Таким образом, полученные результаты способствуют не только более глубокому пониманию процессов трудовой мобильности в евразийском регионе, но и развитию сравнительных исследований миграции на постсоветском пространстве и, следовательно, совершенствованию подходов к регулированию миграционных процессов в рамках евразийской интеграции.

Методология и методы (Methodology and Methods). Цель настоящего исследования заключается в определении ценностно-мотивационных факторов, связанных с намерением мигрировать в Россию по работе среди жителей Армении, Беларуси и Таджикистана, а также в сравнительном анализе профилей потенциальных трудовых мигрантов из указанных стран. Теоретическим объектом выступает процесс формирования трудовой миграции в Россию из государств постсоветского пространства, рассматриваемый как часть современных миграционных процессов в Евразии. Предметом исследования являются социально-демографические, ценностные и межкультурные факторы, влияющие на принятие решения о трудовой миграции, включая языковой капитал, наличие социальных связей в принимающей стране, отношение к России и восприятие ее как дружественного государства. Эмпирическим объектом являются совершеннолетние жители Армении, Беларуси и Таджикистана, участвовавшие в международных социологических опросах.

Эмпирическую базу составили данные двух серий международных опросов: «Россотрудничество» (2022 и 2025 годов) и «Евразийского банка развития» (МАИА «Евразийский монитор») (2012 и 2015 годов), собранные посредством формализованных личных интервью по месту жительства и телефонных интервью (САТ). Основной статистический анализ выполнен на материалах «Россотрудничества» за 2025 год, охватывающих около 1050 респондентов в каждой стране (Армения – 1055, Беларусь – 1050, Таджикистан – 1050), в то время как предыдущие волны использованы для оценки динамики направлений миграции.

В то же время выбор стран обусловлен задачей сопоставления различных моделей мобильности в евразийском пространстве. Армения представляет Южный Кавказ с миграционными намерениями, формирующимися под влиянием культурной близости с Россией и сохраняющейся роли экономических факторов. Беларусь выступает как пример

государства с минимальными языковыми и институциональными барьерами для миграции, что позволяет оценить значение ценностных и мотивационных факторов в контексте высокой интеграции с Россией (“low-friction” case). Таджикистан отражает специфику Центральной Азии, где трудовая миграция носит массовый характер и опирается на устойчивые миграционные сети и экономическую (финансовую) зависимость от стран-реципиентов иностранной рабочей силы (в частности, России). Такое сопоставление позволяет выявить как общие закономерности, так и особенности формирования миграционных намерений в отдельных странах, расширяя понимание современных миграционных процессов в евразийском регионе.

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, анализ основывается на количественных данных и не затрагивает субъективные мотивы и индивидуальный опыт потенциальных мигрантов, что требует дальнейшего качественного инструментария. Во-вторых, среди респондентов значительно преобладают лица, не выразившее намерение мигрировать (переехать в Россию временно поработать и/или на постоянное место жительства). Тем не менее, результаты анализа сфокусированы именно на сравнительном изучении группы «потенциальных», желающих переехать в Россию (в Армении – 172/1055 чел., в Беларуси – 138/1050 чел. и Таджикистане – 319/1050 чел.).

Отсюда, примечательно, что ключевой концепт исследования представлен в виде подготовленного бинарного индекса, аккумулирующего сразу два параметра («миграцию на постоянное место жительства» и «трудовую миграцию»), в следующем формате: *«выражено ХОТЯ БЫ ОДНО из желаний переехать в Россию»*, где 0 – намерение не выражено, 1 – или только «временно поработать» / или только «постоянное место жительства» /или оба варианта выбраны. Подобное объединение показателей выполнено с целью обеспечения более качественного распределения ответов респондентов при реализации аналитической части, – устранение чрезмерно сильного перекоса в пользу тех, кто не выразил намерения в пользу временной трудовой мобильности или в целом переезда в Россию.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussions). *Профили потенциальных мигрантов.* Среди граждан Армении, намеревающихся мигрировать в Российскую Федерацию с целью трудоустройства или постоянного проживания, преобладают женщины (57%) в возрасте около 45 лет. Указанная демографическая группа характеризуется относительно высоким уровнем образования: 50% потенциальных мигрантов обладают средним образованием, а 41% владеют высоким уровнем русского языка. При этом 58% респондентов в настоящее время не имеют работы или занимают должности, требующие среднего уровня квалификации.

Данная совокупность характеристик согласуется с концепцией новых экономических исследований (Massey et al., 1993), согласно которой миграция выступает как стратегия компенсации ограниченных возможностей на локальном рынке труда, где в том числе женщины способны выступать в качестве основных кормильцев, а не только сопровождающих партнеров (Agadjanian, Sevoyan, 2014) и (Bellak, Leibrecht, Liebensteiner, 2014). В то же время, высокий уровень владения русским языком и позитивное отношение к России позволяют предположить существенную роль культурной близости (cultural proximity) как дополнительного фактора миграционной привлекательности (Lami et al, 2022: 8). Особо следует отметить выраженное позитивное отношение к России: 83% респондентов положительно оценивают страну, а 84% считают ее дружественной. Дополнительным фактором является наличие у 88% потенциальных мигрантов родственников или знакомых в России.

Потенциальные трудовые мигранты из Беларуси демонстрируют иные социально-демографические характеристики по сравнению с выходцами из Армении и Таджикистана. Среди респондентов, рассматривающих переезд в Россию для трудоустройства или

постоянного проживания, преобладают мужчины (55%), находящиеся на начальных этапах профессиональной карьеры. Средний возраст этой группы составляет около 27 лет (46%).

Отличительной чертой белорусских респондентов является их относительно стабильное социально-экономическое положение. 40% опрошенных оценивают материальное положение своих семей как выше среднего, около трети имеют высшее образование, а для 79% русский язык является основным языком общения. При этом большинство респондентов (68%) характеризуют экономическую ситуацию в Беларуси как нейтральную, а не кризисную.

Полученные данные позволяют предположить, что миграционные намерения белорусских респондентов обусловлены не столько выраженными «выталкивающими» факторами, связанными с экономической нестабильностью, сколько поиском возможностей для профессионального роста и карьерного развития, более эффективным применением своих навыков за рубежом. Это соответствует концепции возрастающей роли индивидуальной агентности в принятии миграционных решений (Foss, Pedersen, 2019). Данный вывод также согласуется с результатами исследований, которые указывают на то, что по мере снижения экономического давления субъективные оценки перспектив профессионального роста и личных жизненных стратегий начинают играть более значимую роль, чем исключительно различия в уровнях доходов между странами.

Характерной особенностью белорусского профиля является сочетание высокой степени культурной близости к России и относительно низкой интенсивности миграционных намерений. 84% потенциальных мигрантов положительно относятся к России, 97% считают ее дружественной страной, а 72% уже имеют личные связи (родственники, друзья, коллеги) в принимающей стране. Эти показатели свидетельствуют о сохранении общего культурно-языкового пространства, что традиционно рассматривается как фактор, снижающий издержки миграции (Lanati, Venturini, 2021: 807; Adserà, Pytlíková, 2012: 2-3). Тем не менее, данные обстоятельства сами по себе не обеспечивают высокой миграционной активности. Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что культурная близость скорее выступает условием для потенциальной мобильности, нежели ее самостоятельной причиной. При отсутствии выраженных экономических стимулов, даже высокий уровень доверия к принимающей стране не гарантирует формирования устойчивых миграционных намерений.

Профиль потенциального трудового мигранта из Таджикистана отличается от профилей респондентов из других рассматриваемых стран. Среди опрошенных практически не наблюдается гендерных различий: 51% составляют женщины и 49% – мужчины. Преобладает молодежь в возрасте 23-30 лет, причем наибольшую долю (63%) составляют 24-летние. Большинство потенциальных мигрантов имеет среднее образование или более низкий уровень квалификации (58%). Половина респондентов на момент проведения опроса не имела работы, а почти 70% проживает в сельской местности. Данная социально-демографическая структура указывает на значимую роль трудовой миграции как инструмента социально-экономической мобильности для молодых жителей отдаленных регионов.

В отличие от Армении, респонденты из Таджикистана реже связывают намерение мигрировать с отрицательной оценкой ситуации в своей стране. Подавляющее большинство опрошенных (82%) положительно оценивают экономическое положение в Таджикистане, что позволяет предположить, что трудовая миграция воспринимается не как реакция на кризис, а как часть стратегии повышения благосостояния семьи. Этот вывод согласуется с положениями новой экономики трудовой миграции, которая рассматривает миграцию как средство диверсификации доходов домохозяйства и управления экономическими рисками, а

не только как следствие неблагоприятной макроэкономической ситуации (Massey et al., 1993).

Привлекает внимание одновременное наличие крайне низкого уровня владения русским языком и высокой привлекательности России как направления миграции. Только 25% потенциальных мигрантов свободно владеют русским языком, однако 88% положительно относятся к России, 95% считают ее дружественной страной, и 84% имеют родственников, друзей или коллег, проживающих в России. Эти данные указывают на то, что для мигрантов из Таджикистана решающее значение имеют не культурно-языковые факторы, а существующий социальный капитал миграционных сетей, который существенно снижает неопределенность, связанную с переездом. Полученные результаты согласуются с теорией миграционных институциональных сетей (Goss, Lindquist, 1995:345), согласно которой наличие устоявшихся социальных связей (т.е. не состояние «изолированного от среды мигранта») компенсирует недостаток других ресурсов, включая языковые навыки, и тем самым облегчает принятие решения о миграции и последующую адаптацию в стране назначения.

Полученные результаты указывают на то, что экономические стимулы для трудовой миграции из Таджикистана в Россию преобладают над языковыми барьерами. Несмотря на ограниченное владение русским языком среди таджикских мигрантов, Россия остается основным направлением трудовой миграции, что согласуется с существующими исследованиями, подчеркивающими важность структурных факторов в миграционных процессах стран Центральной Азии (Massey et al., 1993; Zakharov et al., 2023).

Сравнительный анализ выявил, что потенциальные трудовые мигранты из трех исследуемых стран демонстрируют различные модели миграционного поведения. Для Армении типична модель ценностно-культурной интеграции, где экономические мотивы сочетаются с высокой степенью языковой и культурной близости к России. Беларусь характеризуется моделью профессиональной мобильности, для которой свойственны миграционные намерения молодых специалистов при отсутствии явных экономических факторов «выталкивания». В Таджикистане преобладает модель сетевой экономической миграции, базирующаяся на значимости социальных связей и семейных стратегий, которые компенсируют недостаток языковых и других ресурсов. Обнаруженные различия указывают на то, что даже в пределах единого постсоветского пространства механизмы формирования трудовой миграции неоднородны и зависят от различных комбинаций структурных, культурных и индивидуальных факторов.

Ключевые направления трудовой миграции: изменение предпочтений и основания выбора стран назначения. Динамика предпочтений потенциальных трудовых мигрантов в период с 2012 по 2025 гг. демонстрирует существенные изменения в отношении наиболее привлекательных стран для переезда, причем эти изменения проявляются по-разному в Армении, Беларуси и Таджикистане.

В Армении наблюдается постепенная трансформация структуры миграционных предпочтений. Если в 2012 году Россия занимала второе место после респондентов, не планировавших переезд (25%), то к 2025 году она сместилась на третью позицию (15%), уступив США (22%). Одновременно отмечается рост интереса к другим западным направлениям, в частности к странам Европейского союза и Германии. Исследование также показывает, что отношение к России остается преимущественно положительным, а снижение ее привлекательности не означает общего отказа от миграции. Скорее, наблюдается расширение спектра стран, рассматриваемых в качестве потенциального места работы или проживания. Это подтверждается динамикой показателя привлекательности России: после роста в 2012–2015 гг. последовало заметное снижение к 2022 году, а затем – постепенное восстановление к 2025 году, хотя прежний уровень интереса не был достигнут.

В Беларуси динамика отличается. На протяжении всего рассматриваемого периода Россия сохраняет позицию одного из наиболее привлекательных направлений, однако интерес к ней постепенно снижается: с 20% в 2012 году до 12% в 2025 году. Одновременно снижается привлекательность Германии и США, а среди наиболее предпочтительных направлений появляется Китай. Наиболее выраженной тенденцией становится увеличение доли респондентов, не рассматривающих переезд в другую страну: с 32% до 40%. Эти данные позволяют предположить, что для Беларуси характерен не столько передел интереса между странами, сколько общее сокращение миграционных намерений. Несмотря на сохраняющееся восприятие России как культурно близкой страны, подтверждаемое высоким уровнем владения русским языком и положительным отношением, само по себе это перестает быть определяющим фактором готовности к переезду.

В Таджикистане Россия сохраняет лидирующее положение среди направлений трудовой миграции, несмотря на снижение ее привлекательности по сравнению с 2012 годом. Если в начале периода Россию выбирали 42% респондентов, то к 2025 году этот показатель снизился до 19%. Аналогичная тенденция наблюдается в отношении США и Германии. При этом Китай входит в число наиболее привлекательных стран, что свидетельствует о постепенном расширении спектра возможных вариантов международной миграции. Одновременно существенно увеличивается доля респондентов, не планирующих переезд (с 18% до 53%). Тем не менее, Россия остается наиболее предпочтительным направлением для потенциальных мигрантов из Таджикистана, что обусловлено высоким уровнем положительного отношения и наличием обширных родственных и социальных связей с лицами, уже проживающими в России.

В целом, результаты показывают снижение привлекательности России во всех трех странах за исследуемый период, однако причины и характер этих изменений различаются. В Армении сохраняется интерес к миграции, но возрастает внимание к США и странам Европейского союза. В Беларуси наблюдается общее снижение интереса к международной миграции. В Таджикистане Россия по-прежнему является основным направлением, хотя выбор потенциальных мигрантов становится более диверсифицированным. Эти различия позволяют заключить, что миграционные предпочтения, даже в рамках постсоветского пространства, формируются под влиянием комбинации социально-экономических условий, накопленного миграционного опыта и восприятия отдельных стран как потенциального места для жизни и работы.

Факторы миграции. Для выявления факторов, влияющих на намерение переехать в Россию для работы и/или постоянного места жительства, были построены отдельные бинарные логистические регрессионные модели для Армении, Беларуси и Таджикистана. В итоговые структуры включались только статистически значимые переменные. Несмотря на умеренный уровень объяснённой вариации (R^2 по Нагелькерке) у Армении – 0,251, и Таджикистана – 0,123, полученные результаты позволяют выявить устойчивые различия в механизмах формирования миграционных намерений. Исключением стала Беларусь с наименьшим показателем в 11,4% объясненной дисперсии, подразумевающим, что миграционные процессы граждан этого государства гораздо более сложны, рассеяны и должны быть обусловлены скорее комплексно, а не в разрезе конкретных детерминант. Тем не менее, для всех трех стран тест Хосмера-Лемешоу свидетельствовал о хорошей адаптации регрессионной модели. Единственным фактором, значимым во всех трёх странах и в то же время наиболее сильно повышающим шансы возникновения намерения переехать, оказалось наличие родственников, друзей или знакомых в России, что указывает на сохраняющуюся роль социальных связей как универсального механизма, способствующего принятию решения о переезде, а именно в вопросах адаптации к новой среде принимающей страны и как следствие снижения психологических барьеров для обустройства на новом месте (Lanati,

Venturini, 2021: 807; Cheskin, Kachuyevski, 2019). Этот вывод пересекается с теорией миграционных сетей, согласно которой социальные связи снижают неопределенность и способствуют мобильности (Massey et al., 1993).

Таблица 1

Профили потенциальных мигрантов (Россотрудничество, 2025)

Table 1

Profiles of aspiring migrants (Rossotrudnichestvo, 2025)

Страны / Countries	Армения / Armenia (172/1055 чел. / persons)	Беларусь / Belarus (138/1050 чел. / persons)	Таджикистан / Tajikistan (319/1050 чел. / persons)
Пол / Gender	57% женщины / women	55% мужчины / men	примерно одинаково: женщины (51%) и мужчины (49%) / approximately equal: women (51%) and men (49%)
Возраст / Age	люди среднего возраста (пик в 30% в возрасте 45 лет) / middle-aged people (peak of 30% at age 45)	молодые люди в начале карьеры (пик в 46% в возрасте 27 лет) / young people at the beginning of their careers (peak of 46% at age 27)	молодые люди в возрасте 23–30 лет (пик в 63% в возрасте 24 лет) / young people aged 23–30 (peak of 63% at age 24)
Уровень образования / Level of education	50% со средним образованием / 50% with secondary education	44% со средним специальным образованием и 30% с высшим образованием / 44% with specialized secondary education and 30% with higher education	58% со средним уровнем образования и ниже / 58% with secondary education or lower
Тип населенного пункта / Status of the place of living	50% живут в сельской местности / 50% live in villages	62% в областных центрах и малых городах / 62% live in regional centers and small towns	69% живут в сельской местности / 69% live in villages
Статус занятости / Qualification level	58% на данный момент не работают и 19% со средним уровнем квалификации / 58% are currently not working and 19% have an intermediate level of qualification	45% с низким и 23% со средним уровнями квалификации; на 13 п.п. больше работающих, чем среди тех, кто не выразил желание / 45% have low and 23% intermediate levels of qualification; 13 p.p. more are employed than among those who did not express a desire to migrate	50% не работают в данный момент / 50% are currently unemployed

Страны / Countries	Армения / Armenia (172/1055 чел. / persons)	Беларусь / Belarus (138/1050 чел. / persons)	Таджикистан / Tajikistan (319/1050 чел. / persons)
Уровень владения русским языком / Fluency in Russian	61% владеют высоким уровнем знания русского языка, но лишь 7% используют его в паре с локальным языком для общения в семье / 61% have a high level of Russian proficiency, but only 7% use it together with the local language for communication in the family	79% используют русский язык как главный для общения дома, а 99% владеют им практически в совершенстве / 79% use Russian as the main language at home and 99% speak it almost perfectly	97% говорят только на локальном языке в семье и лишь 25% понимают русский язык и не очень хорошо говорят на нем / 97% speak only the local language at home, while only 25% understand Russian and do not speak it very well
Оценка экономического положения своей страны / Assessment of the current economic situation in the home country	40% оценивают текущее экономическое положение своей страны в целом плохо и ниже / 40% assess the current economic situation in their country as generally poor or worse	68% оценивают текущее экономическое положение своей страны нейтрально / 68% assess the current economic situation in their country neutrally	82% оценивают текущее экономическое положение своей страны в целом как хорошее и выше / 82% assess the current economic situation in their country as generally good or better
Наличие родственников / знакомых в России / Presence of relatives/friends / colleagues in Russia	88% выражено желание среди тех, у кого есть родственники/друзья /коллеги в принимающей стране / 88% expressed a desire among those who have relatives / friends / colleagues in the destination country	72% выражено желание среди тех, у кого есть родственники/друзья /коллеги в принимающей стране / 72% expressed a desire among those who have relatives / friends / colleagues in the destination country	84% выражено желание среди тех, у кого есть родственники/друзья/ коллеги в принимающей стране / 84% expressed a desire among those who have relatives / friends / colleagues in the destination country
Отношение к России / Attitude towards Russia	83% положительно относятся к России / 83% have a positive attitude toward Russia	84% положительно относятся к России / 84% have a positive attitude toward Russia	88% положительно относятся к России / 88% have a positive attitude toward Russia
Дружественность России / Friendliness of Russia	84% считают ее «дружественной» / 84% consider it «friendly»	97% считают ее «дружественной» / 97% consider it «friendly»	95% считают ее «дружественной» / 95% consider it «friendly»

Модель детерминант Армении. В Армении корреляционный анализ выявил, что намерение трудовой миграции наиболее существенно связано с восприятием России и наличием социальных связей в принимающей стране. Наиболее выраженные положительные корреляции обнаружены между намерением миграции и восприятием России как

дружественной страны ($\tau = 0,276$; $p < 0,01$), общим отношением к России ($\tau = 0,261$; $p < 0,01$) и наличием родственников или знакомых в России ($\tau = 0,193$; $p < 0,01$). Эти результаты совпадают с выводами предыдущих исследований, которые выделяют роль культурной близости, «единого культурного мира» и миграционных сетей в снижении барьеров международной мобильности (Lanati, Venturini, 2021; Cheskin, Kachuyevski, 2019). При этом между показателями восприятия России, общим отношением к стране и оценкой ее дружелюбности, установлена умеренная положительная корреляция ($\tau = 0,571$; $p < 0,01$), что указывает на их содержательную близость, но не тождественность. Анализ мультиколлинеарности подтвердил возможность одновременного включения этих переменных в регрессионную модель для Армении, а также Таджикистана: значения индекса инфляции дисперсии (VIF) не превышают 1,67 и существенно ниже общепринятых порогов. Другие исследуемые переменные, такие как тип населенного пункта, удовлетворенность жизнью, стратегия домохозяйства, основной язык и уровень образования, продемонстрировали слабые, несмотря на статистическую значимость, корреляционные связи с миграционными намерениями и были дополнительно учтены в регрессионном анализе.

Для Армении регрессионная модель охватывает около четверти вариации миграционных намерений. Наиболее ярким драйвером является наличие социальных связей в России: при их наличии вероятность намерения к миграции увеличивается более чем в 3,5 раза ($OR^1 = 3,553$). Значимое влияние оказывают также восприятие России как дружественной страны ($OR = 2,197$) и общее отношение к ней ($OR = 1,955$ – чем положительнее, тем выше шансы). Кроме того, значимыми оказываются самооценка уровня удовлетворённости жизнью ($OR = 1,340$) и тип населённого пункта ($OR = 1,223$ – чем хуже место, тем выше шансы). Такое сочетание факторов свидетельствует о том, что решение о переезде для потенциальных мигрантов из Армении определяется в большей степени не экономическими обстоятельствами, а накопленным социальным капиталом и позитивным восприятием принимающей страны, параметрами социального самочувствия. Данный вывод согласуется с результатами А. Adsera и М. Pytlikova (2012: 2-3.), которые показали, что культурная близость и языковые ресурсы уменьшают «стоимость» миграции, а также с исследованием J. Goss и В. Lindquist (1995), рассматривающими социальные сети мигранта в качестве ключевого фактора принятия решения о переезде. В данном случае именно социальные связи и позитивный образ России создают условия для формирования миграционных намерений. Эти выводы коррелируют с кросс-культурной шкалой Г. Хофстеде², где подчеркиваются укоренившиеся в армянском обществе «коллективистские» ценности (всего 17 из 100 баллов по шкале индивидуализма).

Модель детерминант Беларуси. В отличие от Армении и Таджикистана, анализ корреляций для Беларуси показывает, что миграционные намерения связаны с ограниченным числом статистически значимых факторов, а связи между ними сравнительно слабы, что указывает на более сложную и менее структурно обусловленную модель мобильности по сравнению с другими исследуемыми странами СНГ.

В случае Беларуси структура факторов отличается. Хотя наличие социальных связей в России остаётся самым сильным предиктором ($OR = 2,821$), остальные значимые переменные отражают индивидуальные характеристики потенциального мигранта. Вероятность миграционных намерений уменьшается с возрастом ($OR = 0,972$), зависит от пола ($OR = 0,658$, т.е. шансы сократятся, если это женщины) и повышается при возрастании уровня владения русским языком ($OR = 0,536$), что обращает внимание на важность

¹ Во сколько раз растут (с +)/падают (с -) шансы выражения желания переехать в Россию.

² См. "The Culture Factor". URL: <https://www.theculturefactor.com/> (дата обращения: 01.07.2026).

«языковой готовности» (Lami et al., 2022: 13-14) и в целом наличия объединяющего «лингвистического капитала» (Adserà, Pytlíková, 2012: 4) для возникновения намерения о переезде. В таких условиях возраст, профессиональный этап жизни и наличие социальных связей выходят на первый план, превышая чисто монетарные драйверы и фокусируя на том, что потенциальные мигранты из Беларуси скорее не ищут в целом работу (“job-seekers”), а пытаются ее сменить (“job-switchers”). Эта закономерность в том числе пересекается с выводами N. J. Foss и T. Pedersen (2019: 1594-1595), которые отмечают, что при низких институциональных и культурных барьерах миграционные решения всё больше зависят от индивидуальных жизненных стратегий, а не от национальных различий.

Модель детерминант Таджикистана. Для Таджикистана также ключевым фактором выступает наличие социальных связей в России (OR = 2,049). Кроме того, вероятность миграционных намерений выше среди жителей малых населённых пунктов (OR = 1,317) и молодых респондентов (OR = 0,969 – чем старше, тем реже наблюдается намерение), а ниже у тех, кто оценивает материальное положение семьи выше среднего (OR = 0,719). В отличие от Армении, в итоговую модель не вошли показатели отношения к России или восприятия её как дружественной страны, хотя на описательном уровне эти показатели остаются высокими. Это позволяет предположить, что положительное отношение к принимающей стране само по себе не определяет миграционные намерения. Для таджикских потенциальных релокантов важнее реальные возможности переезда, связанные с социальными и экономическими ресурсами семьи и местом проживания. Такой вывод соответствует положениям макро-уровневым исследованиям трудовой миграции (Massey et al., 1993), рассматривающим мобильность как семейную стратегию распределения рисков и улучшения благосостояния, а также теориям по миграционным институциональным практикам (Goss, Lindquist, 1995:345), подчёркивающим компенсирующую роль социальных связей при ограниченности других ресурсов.

Особое внимание привлекает то, что наличие социальных связей в России оказалось единственным фактором, значимым во всех трёх странах, несмотря на различия социально-экономического и культурного контекста. С одной стороны, это подтверждает выводы зарубежных исследований о центральной роли миграционных сетей в формировании международной мобильности. С другой стороны, влияние остальных факторов существенно варьируется. Для Армении определяющую роль играют восприятие России и ценностные установки (мотивированные восприятием), для Беларуси – индивидуальные характеристики мигрантов (мотивированные возможностями и использованием собственного «таланта» (Al Ariss et al., 2014)), а для Таджикистана – социальное положение и семейные стратегии (мотивированные собственной ситуацией и сообществом). Таким образом, результаты свидетельствуют о невозможности фиксации универсальной модели формирования миграционных намерений в пределах единого евразийского пространства. Решение о трудовой миграции складывается из разного сочетания социальных, культурных и экономических факторов, специфичных для национального контекста каждой страны.

Заключение (Conclusions). Анализ факторов, влияющих на желание граждан из Армении, Беларуси и Таджикистана переехать в Россию, свидетельствует о возрастающей неоднородности единого евразийского миграционного пространства. Несмотря на сохраняющуюся институциональную взаимосвязь государств постсоветского региона, детерминанты миграционных предпочтений населения приобретают все более выраженную страновую специфику. Для Армении отмечается высокая степень зависимости от внешнеполитической и экономической конъюнктуры. Беларусь характеризуется постепенным снижением общей международной мобильности при сохранении культурной близости с Российской Федерацией. В Таджикистане доминирующее значение имеют экономические факторы, при этом наблюдается постепенная диверсификация направлений

трудовой миграции. Данные тенденции позволяют констатировать трансформацию миграционного пространства Евразии от ранее существовавшей унифицированной модели к системе национально дифференцированных миграционных стратегий.

Выходя за рамки традиционного экономического и институционального анализа трудовой миграции, исследование акцентирует внимание на ценностно-мотивационных факторах выбора места переезда. В нем показывается, как представления о принимающей стране, культурные связи и формы российского «мягкого влияния», наряду с индивидуальными характеристиками, могут по-разному влиять на процесс принятия решений о трудовой миграции в зависимости от страны происхождения. В свою очередь, полученные результаты свидетельствуют о том, что евразийское пространство следует рассматривать не только как совокупность общих институциональных условий мобильности, но и как пространство различных социальных механизмов формирования миграционных стратегий.

Отсюда, выявленные различия в миграционных намерениях на примере Армении, Беларуси и Таджикистана могут послужить основой для дальнейшего изучения разнообразных моделей миграционного поведения и проверки их устойчивости на расширенном круге стран Евразии, в том числе за счет интегрирования количественных инструментов с качественными методами для более детального исследования механизмов формирования миграционных намерений. Касательно практической ценности проекта следует заметить, что итоги работы позволяют по-новому взглянуть на задачи регулирования трудовой миграции в евразийском пространстве. В частности, учет выявленной страновой специфики, отход от единой модели миграционного поведения, может способствовать более адресному выстраиванию миграционной политики и развитию механизмов евразийского сотрудничества, направленных не только на управление потоками миграции, но и на понимание социальных условий формирования намерений о мобильности.

Список источников

Adsera A., Pytlikova M. The role of language in shaping international migration // IZA Discussion Paper No. 6333. Institute for the Study of Labor (IZA), 2012. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/6333/the-role-of-language-in-shaping-international-migration> (дата обращения: 01.07.2026).

Agadjanian V., Sevoyan A. Embedding or uprooting? The effects of international labour migration on rural households in Armenia // International Migration. 2014. Т. 52, № 5. С. 29-46. DOI: 10.1111/imig.12058.

Al Ariss A., Cascio W. F., Paauwe J. Strategic human resource management, migrations and international HR management in the 21st century // Human Resource Management Review. 2014. Т. 24, № 1. С. 1-6.

Bellak C., Liebrecht M., Liebensteiner M. Short-term labour migration from the Republic of Armenia to the Russian Federation // Journal of Development Studies. 2014. Т. 50, № 3. С. 349-366. DOI: 10.1080/00220388.2013.858125. EDN: YEOTAN.

Cheskin A., Kachuyevski A. The Russian-speaking populations in the post-Soviet space: Language, politics and identity // Europe-Asia Studies. 2019. Т. 71, № 1. С. 1-23. DOI: 10.1080/09668136.2018.1529467. EDN: UTRATT.

Czaika M., de Haas H. The globalization of migration: Has the world become more migratory? // International Migration Review. 2014. Т. 48, № 2. С. 283-323. DOI: 10.1111/imre.12095.

Foss N. J., Pedersen T. Microfoundations in international business research: The virtual issue // Journal of International Business Studies. 2019. Т. 50. С. 1594-1602. DOI: 10.1057/s41267-019-00270-4. EDN: OFHBGY.

Goss J., Lindquist B. Conceptualizing international labor migration: A structuration perspective // *International Migration Review*. 1995. Т. 29, № 2. С. 317-351. DOI: 10.1177/019791839502900201. EDN: HIDYXT.

Lami B., Tarasenko I., Shyshova O., Voropayeva T., Verhun A. International migration of human resources in the conditions of social transformations // *Economies*. 2022. Т. 10, № 9. Ст. 216. DOI: 10.3390/economies10090216. EDN: GECRRU.

Lanati M., Venturini A. Cultural change and the migration choice // *Review of World Economics*. 2021. Т. 157, № 4. С. 799-852. DOI: 10.1007/s10290-021-00418-1. EDN: ASYLXR.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. Т. 19, № 3. С. 431-466. DOI: 10.2307/2938462.

Zakharov V., Ivanova A., Suzdaleva T. Labor migration in modern Russia: Features, problems and ways to solve them // *Revista Amazonia Investiga*. 2023. Т. 12, № 64. С. 19-30. DOI: 10.34069/AI/2023.64.04.19. EDN: HVMATT.

References

Adsera, A. and Pytlikova, M. (2012), "The role of language in shaping international migration", *IZA Discussion Paper*, (6333), Institute for the Study of Labor (IZA), [Online], available at: <https://www.iza.org/publications/dp/6333/the-role-of-language-in-shaping-international-migration> (Accessed 01.07.2026).

Agadjanian, V. and Sevoyan, A. (2014), "Embedding or uprooting? The effects of international labour migration on rural households in Armenia", *International Migration*, 52 (5), 29-46, DOI: 10.1111/imig.12058.

Al Ariss, A., Cascio, W. F. and Paauwe, J. (2014), "Strategic human resource management, migrations and international HR management in the 21st century", *Human Resource Management Review*, 24 (1), 1-6.

Bellak, C., Leibrecht, M. and Liebensteiner, M. (2014), "Short-term labour migration from the Republic of Armenia to the Russian Federation", *Journal of Development Studies*, 50 (3), 349-366, DOI: 10.1080/00220388.2013.858125, EDN: YEOTAN.

Cheskin, A. and Kachuyevsky, A. (2019), "The Russian-speaking populations in the post-Soviet space: Language, politics and identity", *Europe-Asia Studies*, 71 (1), 1-23, DOI: 10.1080/09668136.2018.1529467, EDN: UTRATT.

Czaika, M. and de Haas, H. (2014), "The globalization of migration: Has the world become more migratory?", *International Migration Review*, 48 (2), 283-323, DOI: 10.1111/imre.12095.

Foss, N. J. and Pedersen, T. (2019), "Microfoundations in international business research: The virtual issue", *Journal of International Business Studies*, 50, 1594-1602, DOI: 10.1057/s41267-019-00270-4, EDN: OFHBGY.

Goss, J. and Lindquist, B. (1995), "Conceptualizing international labor migration: A structuration perspective", *International Migration Review*, 29 (2), 317-351, DOI: 10.1177/019791839502900201, EDN: HIDYXT.

Lami, B., Tarasenko, I., Shyshova, O., Voropayeva, T. and Verhun, A. (2022), "International migration of human resources in the conditions of social transformations", *Economies*, 10 (9), Art. 216, DOI: 10.3390/economies10090216, EDN: GECRRU.

Lanati, M. and Venturini, A. (2021), "Cultural change and the migration choice", *Review of World Economics*, 157 (4), 799-852, DOI: 10.1007/s10290-021-00418-1, EDN: ASYLXR.

Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A. and Taylor, J. E. (1993), "Theories of international migration: A review and appraisal", *Population and Development Review*, 19 (3), 431-466, DOI: 10.2307/2938462.

Zakharov, V., Ivanova, A. and Suzdaleva, T. (2023), "Labor migration in modern Russia: Features, problems and ways to solve them", *Revista Amazonia Investiga*, 12 (64), 19-30, DOI: 10.34069/AI/2023.64.04.19, EDN: HVMATT.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2026 г. Поступила после доработки 14 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.
Received 24 June 2026. Revised 14 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Юргелас Анна Леонидовна, ведущий специалист-исследователь ИГ «ЦИРКОН»; стажер-исследователь НУЛ исследований в области бизнес-коммуникаций, Научно-учебная лаборатория исследований в области бизнес-коммуникаций НИУ ВШЭ, Москва, Россия.
Anna L. Yurgelas, Leading Specialist Researcher at the ZIRCON Research Group; Intern Researcher at the Research Laboratory for Research in the Field of Business Communications, Research and Teaching Laboratory for Research in the Field of Business Communications, HSE University, Moscow, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-5

Теоретическая статья

Багдасарян Д. А.

**Социальная безопасность в условиях трансформации
геополитического пространства Северной Евразии:
теоретико-методологические подходы
к социологическому анализу**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
улица Садовая, дом 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия
bagdasaryan.di@gmail.com

Аннотация. *Актуальность.* Трансформация геополитического пространства Северной Евразии – становление полицентричного миропорядка, переформатирование интеграционных, экономических и гуманитарных связей, санкционное давление, интенсификация миграционных потоков и ускоренная цифровизация – существенно изменяет условия обеспечения социальной безопасности российского общества и сопредельных обществ макрорегиона. Геополитические сдвиги перестали быть предметом исключительно международно-политического анализа: они проникают в повседневную жизнь людей, трансформируя рынки труда, миграционные стратегии, структуры идентичности, каналы коммуникации и уровень социального доверия. *Научная проблема.* Категориальный аппарат теории социальной безопасности сформировался преимущественно в национально-государственной аналитической рамке и недостаточно учитывает, во-первых, макрорегиональное (евразийское) измерение социальных рисков и угроз, во-вторых, цифровизацию как сквозной фактор, переструктурирующий как само геополитическое пространство, так и содержание социальной безопасности. Возникает необходимость теоретико-методологического синтеза, позволяющего анализировать социальную безопасность в оптике социологии применительно к трансформирующемуся пространству Северной Евразии. *Методы.* Использованы методы теоретического анализа и синтеза, сравнительного анализа научных подходов, институциональный и системный анализ; работа имеет междисциплинарный характер и опирается на принципы социологии управления, концепцию региональных комплексов безопасности, социологию пространства и рискологическую традицию. *Научные результаты.* Систематизированы семь взаимодополняющих подходов к категории «безопасность» (социально-философский, социологический, институционально-политологический, юридический, экономический, социально-психологический, информационно-управленческий) и показаны их аналитические возможности для исследования макрорегиональных трансформаций; раскрыта эволюция отечественной традиции

социальной безопасности от «защитной» парадигмы к парадигме проактивного управления рисками; обоснована трактовка Северной Евразии как регионального комплекса социальной безопасности, связанного общей инфраструктурой, миграционными и коммуникативными взаимозависимостями; предложена интегративная многоуровневая аналитическая рамка социологического анализа социальной безопасности макрорегиона, процедура её социологической операционализации и система эмпирических индикаторов для каждого уровня анализа. *Выводы.* Социологическая оптика позволяет перевести анализ геополитических трансформаций с языка межгосударственных отношений на язык социальных институтов, рисков, солидарности, доверия и управленческих практик; предложенная рамка может служить теоретико-методологической основой эмпирических исследований социальной безопасности в макрорегионе Северной Евразии и разработки социальных технологий управления ею в условиях цифровизации.

Ключевые слова: социальная безопасность; геополитическое пространство; Северная Евразия; цифровизация; социология управления; региональный комплекс безопасности; социальные риски; доверие

Информация для цитирования: Багдасарян Д. А. Социальная безопасность в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии: теоретико-методологические подходы к социологическому анализу // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 67-82. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-5.

Theoretical article

Diana A. Bagdasaryan

**Social security in the context of the transformation
of the geopolitical space of Northern Eurasia: theoretical
and methodological approaches to sociological analysis**

Saint Petersburg State University of Economics,
21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia
bagdasaryan.di@gmail.com

Abstract. Relevance. The transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia – the emergence of a polycentric world order, the reconfiguration of integration, economic and humanitarian ties, sanctions pressure, the intensification of migration flows and accelerated digitalization – is substantially changing the conditions for ensuring the social security of Russian society and of the neighbouring societies of the macro-region. Geopolitical shifts are no longer a subject of purely international political analysis: they penetrate people's everyday lives, transforming labour markets, migration strategies, identity structures, communication channels and the level of social trust. *Scientific problem.* The categorical apparatus of the theory of social security was formed predominantly within a nation-state analytical framework and insufficiently takes into account, first, the macro-regional (Eurasian) dimension of social risks and threats and, second, digitalization as a cross-cutting factor restructuring both the geopolitical space itself and the content of social security. *Methods.* The study employs theoretical analysis and synthesis, comparative analysis of scientific approaches, institutional and systems analysis; the study is interdisciplinary and relies on the principles of the sociology of management, the theory of regional security complexes,

the sociology of space and the risk-society tradition. Research results. Seven complementary approaches to the category of security are systematized (socio-philosophical, sociological, institutional-political, legal, economic, socio-psychological and informational-managerial) and their analytical potential for studying macro-regional transformations is demonstrated; the evolution of the Russian tradition of social security from a protective paradigm to a paradigm of proactive risk management is traced; Northern Eurasia is substantiated as a regional complex of social security linked by common infrastructure, migration and communication interdependencies; an integrative multi-level analytical framework for the sociological analysis of the social security of the macro-region is proposed, together with a procedure for its sociological operationalization and a system of empirical indicators for each level of analysis. *Conclusions.* The sociological perspective makes it possible to translate the analysis of geopolitical transformations from the language of inter-state relations into the language of social institutions, risks, solidarity, trust and managerial practices; the proposed framework can serve as a theoretical and methodological basis for empirical research on social security in Northern Eurasia and for the development of social technologies for managing it under digitalization.

Keywords: social security; geopolitical space; Northern Eurasia; digitalization; sociology of management; regional security complex; social risks; trust

Information for citation: Bagdasaryan, D. A. (2026), "Social security in the context of the transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia: theoretical and methodological approaches to sociological analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 67-82. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-5.

Введение (Introduction). Современный этап общественного развития характеризуется глубокой трансформацией геополитического пространства Северной Евразии. Становление полицентричного миропорядка, переформатирование интеграционных и торгово-экономических связей, беспрецедентное санкционное давление, изменение конфигурации транспортно-логистических коридоров, интенсификация миграционных потоков и ускоренная цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности образуют качественно новый контекст воспроизводства социального порядка на постсоветском и – шире – североевразийском пространстве. Существенно, что эти процессы перестали быть предметом исключительно международно-политического и геоэкономического анализа: они проникают в повседневную жизнь людей, трансформируя рынки труда и занятость, миграционные стратегии семей, структуры территориальной и гражданской идентичности, каналы социальной коммуникации, уровень институционального и межличностного доверия. Иными словами, геополитическая трансформация имеет отчётливое социальное измерение, требующее собственно социологического осмысления.

Для социологического осмысления этих процессов используется категория социальной безопасности. Под ней понимаются, с одной стороны, состояние социальной системы, при котором защищены жизненно важные интересы личности, групп и общества, а с другой – её способность устойчиво воспроизводить условия жизнедеятельности и противостоять внутренним и внешним угрозам. Такой ракурс связывает геополитические изменения с функционированием институтов, возникновением рисков, состоянием солидарности и доверия, а также с практиками управления. Однако теория социальной безопасности формировалась главным образом применительно к отдельному государству: национальные институты рассматривались как субъект обеспечения безопасности, а общество страны – как объект защиты. Эта схема по-прежнему значима, но она не охватывает ситуацию, в которой миграционные, информационные, технологические и экономические риски пересекают

границы. В Северной Евразии их распространению способствуют общая инфраструктура, взаимосвязанные рынки труда и единое коммуникативное пространство.

Научная проблема, таким образом, состоит в противоречии между макрорегиональным характером трансформационных процессов, определяющих сегодня состояние социальной безопасности обществ Северной Евразии, и преимущественно национально-государственной оптикой сложившихся теоретико-методологических подходов к её анализу. Дополнительное измерение проблемы задаёт цифровизация, которая одновременно переструктурирует само геополитическое пространство (цифровые платформы, трансграничные потоки данных, фрагментация технологических экосистем) и изменяет содержание социальной безопасности (новые классы рисков и новые инструменты управления ими).

Дефицит макрорегиональной оптики не является лишь авторским допущением: на ограниченность государствоцентричной рамки указывает сама литература по теории безопасности. Б. Бузан, критикуя государствоцентричность исследований безопасности, показал, что проблемы безопасности отдельных государств и обществ не могут быть поняты вне региональной системы взаимозависимостей, в которую они включены (Buzan, 1991). У. Бек квалифицировал привязку социального анализа к границам национального государства как «методологический национализм», неспособный схватить транснациональную природу рисков глобальной эпохи (Beck, 2005). Российские исследования также не дают единой завершённой концепции социальной безопасности: поле дискуссии остаётся неоднородным (Шипунова, 2016). Одна группа работ ограничивает эту категорию отдельными секторами, другая сближает её с human security, но в обоих вариантах в центре остаётся общество одного государства (Кашник, Брызгалина, 2013). Кузнецов (2002) различает глобальный, национальный, групповой и личностный уровни безопасности, однако макрорегиональный уровень, на котором риски связывают несколько обществ, отдельно не выделяет. Вопросы цифровизации чаще изучаются как угрозы социальной стабильности (Каира, Цзюньцзе, Журавлёва, 2025); её трансграничные последствия для безопасности взаимозависимых обществ исследованы значительно слабее.

Цель статьи – систематизация теоретико-методологических подходов к социологическому анализу социальной безопасности и обоснование интегративной аналитической рамки, позволяющей исследовать социальную безопасность в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии. Достижение цели предполагает решение трёх задач: во-первых, упорядочить междисциплинарную структуру категории «безопасность» и выявить социологическое ядро её интерпретации; во-вторых, проследить эволюцию отечественной традиции исследования социальной безопасности и зафиксировать переход от «защитной» парадигмы к парадигме проактивного управления рисками; в-третьих, концептуализировать Северную Евразию как региональный комплекс социальной безопасности и предложить многоуровневую рамку его социологического анализа с учётом фактора цифровизации.

Методология и методы (Methodology and methods). Статья носит теоретический характер и основана на методах теоретического анализа и синтеза, сравнительного анализа научных подходов, а также на институциональном и системном анализе. Методологический каркас исследования образуют четыре взаимодополняющие традиции. Во-первых, социология управления, рассматривающая обеспечение социальной безопасности как управленческую деятельность по выявлению, оценке и снижению социальных рисков, реализуемую системой субъектов публичного управления во взаимодействии с обществом. Рискологическая традиция объединяет концепцию «общества риска» и рефлексивной модернизации (Beck, 1992), системное понимание риска и доверия (Luhmann, 1993) и исследования резильентности сложных социотехнических систем (Hollnagel, Woods, Leveson, 2006). В рамках этого подхода безопасность поддерживается посредством

постоянной работы с неопределённостью, которую нельзя устранить полностью. Социология пространства даёт иной методологический ракурс. Идея социального производства пространства (Lefebvre, 1991) позволяет описывать Северную Евразию как исторически сложившуюся и изменяющуюся систему инфраструктур, институтов, практик и символических представлений, а не как заданную природой территорию. Теория региональных комплексов безопасности объясняет образование относительно самостоятельных региональных кластеров взаимосвязанностью процессов секьюритизации и десекуритизации в обществах, которые в них входят (Buzan, Wæver, 2003). После социологической переинтерпретации этой теории Северную Евразию можно исследовать как региональный комплекс социальной безопасности.

Теория региональных комплексов безопасности возникла в науке о международных отношениях. Чтобы применить её к социологическому исследованию, необходимо изменить исходную единицу анализа, способ описания взаимосвязей и критерии оценки. Государства как акторы секьюритизации уступают место социальным общностям: домохозяйствам, трудовым мигрантам и их семьям, локальным, диаспоральным и профессиональным сообществам. Их жизненные возможности формируются под влиянием трансграничных связей. Взаимозависимость процессов безопасности прослеживается через доступные социологическому наблюдению миграционные и семейные сети, общие институциональные практики и коммуникативное пространство, по которым социальные риски могут распространяться между странами. Состояние комплекса оценивается не по балансу сил или высказываниям политических элит, а по доверию, солидарности, идентичности и социальному самочувствию сообществ. Такая логика опирается на разработанную А. Ф. Филипповым версию социологии пространства, продолжающую зиммелевскую традицию. Пространство в ней описывает порядок размещения социальных событий и не сводится к вмещению процессов. Граница понимается как социальный факт, который приобретает пространственное оформление, а не как географическая линия с социальными последствиями (Филиппов, 2008). Это позволяет трактовать границы и «плотность» регионального комплекса как социологически измеримые величины.

Дополнительным методологическим ориентиром выступает геокультурная парадигма отечественной социологии безопасности, обосновавшая продвижение от геополитического и геоэкономического подходов к гуманитарному, социокультурному анализу безопасности (Кузнецов, 2002), а также теория социальных регуляторов, раскрывающая роль неформальных норм, ценностей и традиций в упорядочении социального действия (Захаров, 2024). Сочетание указанных традиций обеспечивает возможность многоуровневого анализа социальной безопасности – от личности до макрорегиона – при сохранении социологического ядра исследования: анализа социальных отношений, институтов, рисков, механизмов доверия и управленческих практик.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Междисциплинарная структура категории «безопасность» и её социологическое ядро. Проблема безопасности находится в центре научного осмысления на протяжении столетий: от политико-философских представлений о защите жизни и прав в договорных концепциях Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо (Гоббс, 1991; Локк, 1988; Руссо, 1969) до социологических интерпретаций, связывающих безопасность с устойчивостью институтов, норм и механизмов социальной интеграции. Анализ содержания категории «безопасность» целесообразно выстраивать через совокупность научных подходов, различающихся по предметной области, по иерархическому уровню рассматриваемых объектов (микро-, мезо-, макро- и наднациональный уровни) и по исторической обусловленности представлений об угрозах. В рамках проведённого анализа выделены семь взаимодополняющих подходов: социально-философский, социологический, институционально-политологический,

юридический, экономический, социально-психологический и информационно-управленческий.

Социально-философский подход рассматривает безопасность как базовую цель и условие существования политического сообщества, вытекающее из общественного договора; социологическое переосмысление этой идеи связано с трактовкой государства как сообщества, претендующего на монополию легитимного насилия, а безопасности и порядка – как структурных условий предсказуемости социальных взаимодействий (Вебер, 2016). Институционально-политологический подход анализирует безопасность как институционально обеспеченную управляемость социальной системы, опирающуюся на легитимность власти и доверие к институтам. Юридическое направление сосредоточено на правовых режимах, процедурных гарантиях и условиях, при которых ограничение прав признаётся обоснованным. Экономический анализ оценивает устойчивость и эффективность процессов с помощью пороговых индикаторов и стандартов риск-менеджмента. В социально-психологическом подходе безопасность связана и с базовой потребностью человека, и с качеством устойчивых социальных отношений. Центральным для него является понятие онтологической безопасности: человек сохраняет ощущение непрерывности и упорядоченности собственной жизни, если доверяет абстрактным системам, включая институты, технологии и экспертное знание, даже при росте неопределённости (Giddens, 1991). Информационно-управленческий подход изучает управление рисками и информационными потоками в социотехнических системах. Безопасность в этой логике поддерживается мониторингом, адаптацией и обучением, а не сводится к отсутствию сбоев (Hollnagel, Woods, Leveson, 2006).

Собственно социологическая традиция задаёт ядро, вокруг которого соотносятся остальные подходы. В классической социологии сформировалась дихотомия функционалистско-консенсусного и конфликтно-критического взглядов на основания безопасности общества: первый связывал её с порядком, солидарностью и нормативной интеграцией – разложение нормативного порядка рождает состояние аномии, ведущее к дезорганизации и небезопасности (Дюркгейм, 1996), – второй указывал на структурную небезопасность несправедливых порядков и конфликт как источник изменений. В XX веке структурный функционализм концептуализировал безопасность как равновесие социальной системы, поддерживаемое механизмами социализации, социального контроля и институциональной интеграции (Parsons, 1951), а системная теория связала безопасность с управлением неустранимой социальной сложностью, введя категорию доверия как механизма её сокращения (Luhmann, 1993). Рискологический поворот зафиксировал становление «общества риска», в котором системные угрозы выходят за пределы контроля отдельных институтов и национальных государств (Beck, 1992). Для целей настоящего исследования принципиально, что в условиях глобализации взаимодействия выходят в сетевую, транстерриториальную среду, где потоки информации, капиталов и людей пересекают национальные границы, порождая новые конфигурации акторов и конфликтов (Beck, 2005), что прямо указывает на необходимость макрорегионального уровня анализа безопасности.

Отечественная традиция: от «защитной» парадигмы к проактивному управлению рисками. В 1990-2000-е гг. понятие «социальная безопасность» закрепилось в российской социологии на фоне радикальных изменений переходного периода. Им обозначали защищённость жизненно важных интересов человека и общества от преступности, массового обнищания, безработицы, социальной дезорганизации и других внутренних угроз (Яновский, 2003). В то же время социология безопасности стала оформляться как самостоятельная субдисциплина. Кузнецов (2002) предложил перейти от геополитического и геоэкономического рассмотрения к геокультурному, то есть гуманитарному, анализу;

социальную безопасность он связывал с предупреждающим воздействием на возникающие в социальной среде вызовы, угрозы, опасности и риски. Он также различал глобальный, национальный, общностный и личностный уровни анализа. Позднее дискуссии дополнило понятие «культура безопасности», отразившее перенос внимания с государственных интересов на социальное благополучие и способность индивидов адаптироваться (Шипунова, 2016). Одновременно сохранились две интерпретации категории. Узкая охватывает гарантии и механизмы защиты в отдельных социальных сферах, а широкая близка международной доктрине human security (Кашник, Брызгалина, 2013). Гуманитарное измерение безопасности, связывающее её не только с защитой государства, но и со свободой человека от страха и нужды, закреплёно в международной традиции человеческого развития (UNDP, 1994).

Современный этап характеризуется переходом к динамической, управленческо-стратегической трактовке: социальная безопасность рассматривается как сочетание состояния (защищённость, устойчивость) и процесса (предупреждение и снижение уязвимости, адаптация к рискам, воспроизводство социального порядка), отчётливо связанного с результатами социальной политики и качеством жизни (Губанов, Сметанкина, Бырылова, Кудрин, 2024). В рамках школы социологии управления социальная безопасность определяется как состояние и способность государственной и общественной системы страны обеспечить эффективное функционирование социальной сферы, предотвращение деструктивных явлений и процессов, сохранение и развитие условий, средств и способов социализации человека, его благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей (Маргулян, 2012). Именно эта трактовка принимается в настоящей статье в качестве рабочей, поскольку она соединяет объектное (состояние защищённости) и субъектное (способность системы управления) измерения категории и тем самым открывает возможность анализа социальных технологий обеспечения безопасности.

Существенным ресурсом для анализа макрорегиональных трансформаций обладает теория социальных регуляторов, изначально разработанная на материале деятельности российского государственного служащего (Захаров, 2002) и обобщённая до целостной концепции упорядочения социального действия комплексом формальных и неформальных регуляторов – норм, ценностей, традиций, образцов поведения (Захаров, 2024). Для полиэтнического и поликонфессионального пространства Северной Евразии данный подход принципиален: устойчивость социального порядка здесь исторически обеспечивалась не только правом и административной вертикалью, но и плотной тканью неформальных регуляторов межгруппового взаимодействия, и их эрозия под давлением геополитической турбулентности и цифровизации сама по себе становится фактором риска.

Северная Евразия как региональный комплекс социальной безопасности. Перевод геополитической проблематики в социологическую плоскость требует прежде всего отказа от натуралистического понимания пространства. В логике социологии пространства геополитическое пространство Северной Евразии есть социальный продукт – оно производится и воспроизводится в материальных практиках (транспортные и энергетические инфраструктуры, миграционные маршруты, производственные цепочки), в институциональных формах (интеграционные объединения, правовые режимы, приграничное сотрудничество) и в символических репрезентациях (картины мира, историческая память, цивилизационные нарративы) (Lefebvre, 1991). Трансформация геополитического пространства в этой оптике – не просто смена межгосударственных конфигураций, а переопределение всех трёх измерений производства пространства, непосредственно затрагивающее условия жизнедеятельности населения.

Продуктивной рамкой для концептуализации макрорегионального уровня выступает теория региональных комплексов безопасности, определяющая такой комплекс как

совокупность обществ, чьи процессы секьюритизации настолько взаимосвязаны, что проблемы их безопасности не могут быть разумно проанализированы или разрешены отдельно друг от друга (Buzan, Wæver, 2003). Значимо, что в рамках данной традиции безопасность трактуется многосекторно – включая военный, политический, экономический, социетальный и экологический секторы, причём социетальная безопасность связывается с устойчивостью идентичности сообществ (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998; Buzan, 1991). Социологическая реинтерпретация этой концепции позволяет говорить о Северной Евразии как о региональном комплексе социальной безопасности: общества макрорегиона связаны взаимозависимыми рынками труда и масштабной трудовой миграцией, общей транспортной и энергетической инфраструктурой, сохраняющимся общим коммуникативным (в значительной мере русскоязычным) пространством, сопоставимыми институциональными наследиями и взаимопереплетёнными семейными и диаспоральными сетями. Социальные риски в таком комплексе распространяются каскадно: экономический шок или регуляторное решение в одной стране немедленно отражается на занятости мигрантов, денежных переводах, положении семей и социальном самочувствии в других странах комплекса.

Социологическая оптика фиксирует и внутреннюю, субнациональную размерность комплекса. Консолидация региональных сообществ в условиях глокальной социальной реальности сталкивается с системными социокультурными ограничениями – дефицитом взаимного доверия, солидарности и субъектности локальных сообществ (Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2023), что напрямую определяет способность территорий абсорбировать внешние шоки геополитической трансформации. Медиапространство образует ещё одно измерение геополитических изменений. Его русскоязычный сегмент поддерживает связность Северной Евразии, но через него же информационные риски переходят национальные границы. Масштаб таких угроз определяется содержанием сообщений, положением источников в информационном поле и уровнем доверия аудитории к ним. Здесь сталкиваются конкурирующие интерпретации, разворачивается информационное противоборство и усиливается фрагментация аудиторий, поэтому медиасреда может как укреплять, так и ослаблять социальную безопасность макрорегиона. В рамках коммуникативно-информационного измерения это можно эмпирически оценивать по структуре доверия к источникам и степени фрагментации аудиторий.

Цифровизация как сквозной фактор трансформации социальной безопасности макрорегиона. Цифровизация меняет геополитическую организацию Северной Евразии и одновременно влияет на содержание социальной безопасности. С одной стороны, цифровые платформы, трансграничные потоки данных и алгоритмические системы создают новую связность макрорегиона: цифровые сервисы опосредуют трудовую миграцию, денежные переводы, образовательную мобильность и повседневную коммуникацию разделённых границами семей. С другой стороны, происходит фрагментация глобального цифрового пространства – формирование конкурирующих технологических экосистем, режимов регулирования данных и стандартов, – в результате чего технологический суверенитет и цифровая инфраструктура сами становятся предметом секьюритизации.

Для социальной безопасности обществ Северной Евразии цифровизация порождает комплекс рисков, которые целесообразно не просто перечислять, а размещать в координатах «уровень – измерение» предлагаемой ниже аналитической рамки. На уровне личности это кибермошенничество и утрата онтологической безопасности при столкновении с непрозрачными автоматизированными решениями (социально-психологическое и технологическое измерения). На уровне социальных групп и локальных сообществ – цифровое неравенство по доступу к инфраструктуре и цифровым компетенциям, наиболее значимое для старших возрастных групп, жителей малых и удалённых северных поселений и трудовых мигрантов, зависящих от цифровых сервисов при денежных переводах и

оформлении документов (социально-структурное измерение). На региональном и национальном уровнях – уязвимость критической информационной инфраструктуры и дефицит ответственности за алгоритмические решения в публичном управлении (институционально-правовое и технологическое измерения). На макрорегиональном уровне – дезинформация и поляризация в общем медиапространстве, а также асимметрия национальных режимов регулирования данных и платформ, при которой один и тот же риск по-разному регулируется в соседних странах (коммуникативно-информационное и институционально-правовое измерения). Исследования социальной стабильности в условиях цифровизации показывают, что ответы на эти вызовы требуют сочетания институционального регулирования (образование, регулирование искусственного интеллекта и социальных медиа) с гуманистическими мерами – повышением медиаграмотности и развитием независимых механизмов проверки информации (Каира, Цзюньцзе, Журавлёва, 2025). Для Северной Евразии существенно, что последствия цифровизации определяются не самими технологиями, а решениями об их внедрении и регулировании, которые страны макрорегиона принимают в разных нормативных и технологических контурах, опираясь на различные цифровые экосистемы. Следовательно, объектом социологического анализа на макрорегиональном уровне становятся не технологии как таковые, а различия национальных управленческих решений и их социальные последствия для связанных между собой групп населения – прежде всего трудовых мигрантов и семей, живущих «на две страны».

Интегративная аналитическая рамка социологического анализа.

Таблица 1

Теоретико-методологические подходы к категории «безопасность» и их значение для анализа трансформации геополитического пространства Северной Евразии

Table 1

Theoretical and methodological approaches to the category of security and their relevance for the analysis of the transformation of the geopolitical space of Northern Eurasia

Подход / Approach	Трактовка безопасности / Interpretation of security	Значение для анализа Северной Евразии / Relevance for the analysis of Northern Eurasia
Социально-философский / Social and Philosophical	Высшая ценность и цель общественного договора / The highest value and purpose of the social contract	Нормативные основания легитимности порядка в трансформирующемся макрорегионе / The normative foundations of the legitimacy of order in a transforming macro-region
Социологический / Sociological	Состояние и процесс воспроизводства социальной системы, солидарность, интеграция, доверие / The state and process of reproduction of the social system, solidarity, integration, trust	Ядро анализа: институты, риски, идентичности, консолидация сообществ / The core of the analysis: institutions, risks, identities, community consolidation
Институционально-политологический / Institutional and Political Science	Институционально обеспеченная управляемость социальной системы / Institutionally ensured manageability of the social system	Устойчивость институтов управления в условиях геополитической турбулентности / The resilience of governance institutions in a climate of geopolitical turbulence

Подход / Approach	Трактовка безопасности / Interpretation of security	Значение для анализа Северной Евразии / Relevance for the analysis of Northern Eurasia
Юридический / Legal	Правовые режимы, гарантии и критерии ограничения прав / Legal regimes, safeguards and criteria for the restriction of rights	Асимметрия правовых режимов стран макрорегиона, трансграничное регулирование / Asymmetry in the legal regimes of countries within the macro-region; cross-border regulation
Экономический / Economic	Устойчивость экономической системы, индикативные пороговые значения / Stability of the economic system, indicative threshold values	Взаимозависимость рынков труда, миграция, каскадные экономические шоки / Interdependence of labour markets, migration, cascading economic shocks
Социально-психологический / Social-Psychological	Базовая потребность личности, онтологическая безопасность, субъективная защищённость / A fundamental human need, ontological security, subjective sense of security	Социальное самочувствие населения, доверие к институтам и технологиям / The population's sense of social well-being, trust in institutions and technology
Информационно-управленческий / Information Management	Управление рисками, информационными потоками, резильентность социотехнических систем / Risk management, information flows, and the resilience of socio-technical systems	Цифровой суверенитет, медиапространство, противодействие дезинформации / Digital sovereignty, the media landscape, combating disinformation

Проведённый анализ позволяет предложить интегративную аналитическую рамку социологического исследования социальной безопасности в условиях трансформации геополитического пространства Северной Евразии. Предлагаемая рамка сочетает уровневую, содержательную и процессуальную перспективы. Она охватывает пять уровней: личность, где оцениваются субъективная защищённость и онтологическая безопасность; социальную группу и локальное сообщество, для которых значимы солидарность, консолидация и доверие; регион с его социальными системами и институтами; национальное государство, формирующее социальную политику и систему социальной безопасности; макрорегион Северной Евразии, в котором возникают трансграничные риски и механизмы координации. На каждом уровне анализируются институционально-правовые, социально-структурные, регулятивно-ценностные, коммуникативно-информационные и технологические аспекты, связанные с рассмотренными выше подходами к безопасности. Процессуальная перспектива описывает социальную безопасность через постоянно возобновляемую последовательность управленческих действий: мониторинг рисков, их предупреждение, адаптацию и обучение. Эти действия выполняют взаимодействующие субъекты социального управления в соответствии с логикой резильентности.

Пятиуровневая схема применима к разным макрорегионам, поэтому её североевразийская специфика раскрывается через содержание уровней и связи между ними. Их конфигурацию определяют пять особенностей Северной Евразии. Во-первых, общее

институциональное наследие и сохраняющаяся роль русского языка как языка межнационального общения обеспечивают высокую «проницаемость» уровней: риск, возникший в одной стране, распространяется по общим коммуникативным каналам быстрее, чем в макрорегионах с выраженной языковой и институциональной разнородностью. Во-вторых, миграционная система макрорегиона асимметрична и в значительной мере ориентирована на Россию как центр притяжения трудовой миграции, поэтому макрорегиональный уровень непосредственно «спускается» на уровень домохозяйств через денежные переводы и трудовые траектории. В-третьих, «северность» макрорегиона – протяжённость, низкая плотность населения, суровые природно-климатические условия, зависимость северных и арктических территорий от транспортной и энергетической инфраструктуры – повышает значимость инфраструктурной составляющей безопасности и делает региональный уровень особенно чувствительным к разрывам логистических цепочек. В-четвёртых, полиэтничность и поликонфессиональность пространства повышают вес неформальных регуляторов, поэтому регулятивно-ценностное измерение рамки здесь не вторично по отношению к институционально-правовому. В-пятых, одновременная интеграция и фрагментация цифровых экосистем создаёт ситуацию, при которой население разных стран пользуется отчасти общими цифровыми сервисами при различающихся режимах их регулирования. Именно эти особенности определяют, какие индикаторы являются приоритетными на каждом уровне рамки (Таблица 2).

Таблица 2

Операционализация интегративной аналитической рамки: уровни анализа,
эмпирические индикаторы и источники данных

Table 2

Operationalization of the integrative analytical framework: levels of analysis,
empirical indicators and data sources

Уровень анализа / Level of analysis	Эмпирические индикаторы / Empirical indicators	Источники данных и методы / Data sources and methods
Личность / Personality	Субъективное ощущение защищённости; тревожность в отношении экономических, миграционных и цифровых рисков; опыт столкновения с кибермошенничеством; доверие к цифровым сервисам / A subjective sense of security; anxiety regarding economic, migration and digital risks; experience of encountering cyber fraud; trust in digital services	Массовые опросы населения; индексы социального самочувствия; вторичный анализ мониторинговых опросов / Large-scale population surveys; social well-being indices; secondary analysis of monitoring surveys
Социальная группа и локальное сообщество / Social group and local community	Межличностное и межгрупповое доверие; готовность к совместным действиям; включённость в соседские, семейные и диаспоральные сети; цифровые компетенции уязвимых групп /	Опросы с использованием стандартизированных шкал доверия; глубинные интервью; фокус-группы с трудовыми мигрантами и жителями удалённых поселений; сетевой анализ / Surveys using standardised

Уровень анализа / Level of analysis	Эмпирические индикаторы / Empirical indicators	Источники данных и методы / Data sources and methods
	Interpersonal and intergroup trust; willingness to act collectively; involvement in neighbourhood, family and diaspora networks; digital skills among vulnerable groups	confidence scales; in-depth interviews; focus groups with migrant workers and residents of remote settlements; network analysis
Регион / Region	Миграционный прирост / отток населения; доступность широкополосного интернета и цифровых государственных услуг; доверие к региональной власти; устойчивость социальной инфраструктуры / Net migration / population outflow; availability of broadband internet and digital public services; trust in regional authorities; resilience of social infrastructure	Данные национальных статистических служб; экспертные интервью с представителями органов власти и НКО; контент-анализ региональных СМИ / Data from national statistical offices; expert interviews with representatives of government bodies and NGOs; content analysis of regional media
Национальное государство / The nation state	Охват и адресность мер социальной поддержки; институциональное доверие; нормативное регулирование цифровых платформ, данных и ИИ / The scope and targeting of social support measures; institutional trust; regulatory oversight of digital platforms, data and AI	Анализ документов стратегического планирования и нормативных актов; вторичный анализ общенациональных опросов / Analysis of strategic planning documents and regulatory acts; secondary analysis of nationwide surveys
Макрорегион Северной Евразии / The Northern Eurasia macro-region	Объем и направления трудовой миграции и денежных переводов; доля жителей, имеющих родственные связи в других странах макрорегиона; отношение к интеграционным объединениям; сходство и различие режимов регулирования данных / The scale and patterns of labor migration and remittances; the proportion of residents with family ties in other countries	Статистика Евразийской экономической комиссии и национальных банков; сравнительные кросс-национальные опросы (в т. ч. «Интеграционный барометр ЕАБР»); сравнительно-правовой анализ / Statistics from the Eurasian Economic Commission and national central banks; comparative cross-national surveys (including the “EDB Integration Barometer”); comparative legal analysis

Уровень анализа / Level of analysis	Эмпирические индикаторы / Empirical indicators	Источники данных и методы / Data sources and methods
	within the macroregion; attitudes toward integration associations; similarities and differences in data regulation regimes	

Дискуссионным остаётся вопрос о границах и внутренней структуре Северной Евразии как комплекса социальной безопасности: интенсивность взаимозависимостей неодинакова по осям макрорегиона, а разнонаправленные интеграционные и дезинтеграционные процессы делают его конфигурацию подвижной. Социологическим ответом на это возражение является эмпиризация предложенной рамки: границы комплекса должны определяться не картографически, а по фактической плотности социальных взаимозависимостей – миграционных, коммуникативных, инфраструктурных – и по взаимосвязанности процессов секьюритизации, что задаёт программу дальнейших эмпирических исследований. Показатели, приведённые в Таблице 2, делают такую проверку возможной: если плотность миграционных, семейных и коммуникативных связей и синхронность динамики социального самочувствия между странами макрорегиона окажутся выше, чем между этими странами и внешними по отношению к комплексу обществами, это будет эмпирическим подтверждением существования регионального комплекса социальной безопасности; в противном случае его границы и сама рамка потребуют пересмотра.

Необходимо обозначить и ограничения исследования. Статья носит теоретико-методологический характер и не содержит собственных эмпирических данных; её результат – аналитическая рамка и программа её операционализации, а не проверенная модель. Авторское приращение знания состоит не в предложении новых уровней анализа как таковых, а в следующем: 1) в процедуре перевода категории регионального комплекса безопасности на язык социологии через смену единицы анализа, механизма связи и критерия оценки; 2) в размещении цифровых рисков в координатах «уровень – измерение» аналитической рамки; 3) в выделении особенностей Северной Евразии, определяющих приоритетные эмпирические индикаторы на каждом уровне. Эмпирическая проверка рамки составляет задачу последующих исследований.

Заключение (Conclusions). Проведённый теоретико-методологический анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, сопоставление семи научных подходов показало междисциплинарное содержание категории «безопасность». Их объединяет социологическое ядро, в которое входят социальные отношения и институты, риски, доверие и управленческие практики. Во-вторых, российская научная традиция постепенно вышла за пределы понимания социальной безопасности только как состояния защищённости. В управленческо-стратегической трактовке она также характеризует способность социальной системы заранее выявлять риски и воздействовать на них; такой подход соответствует условиям высокой турбулентности. В-третьих, в социологическом измерении изменение геополитического пространства Северной Евразии связано с преобразованием его материальных, институциональных и символических оснований. Общность социальных рисков и взаимозависимость процессов секьюритизации позволяют рассматривать макрорегион как комплекс социальной безопасности, общества которого невозможно изучать изолированно. В-четвёртых, цифровизация выступает сквозным фактором, одновременно усиливающим связность макрорегиона и порождающим новые классы рисков – от цифрового неравенства до алгоритмической непрозрачности и информационных угроз социальной стабильности. В-пятых, перенос теории региональных комплексов безопасности из теории международных отношений в социологию возможен при

явной смене единицы анализа (социальные общности вместо государств), механизма связи (миграционные, семейные и коммуникативные сети) и критерия оценки (доверие, солидарность, идентичность); специфику Северной Евразии в такой рамке задают общее институционально-языковое наследие, асимметричная миграционная система, «северный» характер пространства, высокий вес неформальных регуляторов и сочетание интеграции и фрагментации цифровых экосистем.

Предложенная интегративная рамка – пять уровней анализа, пять измерений, процессуальная трактовка безопасности как управленческого цикла – задаёт конкретную программу эмпирической верификации. Во-первых, это сравнительный анализ восприятия рисков населением на основе массовых опросов с едиными индикаторами субъективной защищённости, институционального и межличностного доверия в нескольких странах макрорегиона. Во-вторых, анализ трансграничных каскадов социальных угроз по статистике трудовой миграции и денежных переводов в сопоставлении с динамикой социального самочувствия домохозяйств. В-третьих, оценка резильентности региональных социальных систем по показателям миграционного оттока, цифровой доступности и доверия к региональной власти, дополненная экспертными интервью с представителями органов управления и некоммерческих организаций. Критерием подтверждения рамки служит более высокая плотность социальных взаимозависимостей и синхронность динамики социального самочувствия внутри комплекса по сравнению с его внешним окружением. Практическая значимость рамки состоит в том, что предложенная система индикаторов (Таблица 2) может применяться в мониторинге социальной безопасности регионов и при разработке социальных технологий обеспечения социальной безопасности и координационных механизмов социальной политики в евразийском интеграционном контуре, ориентированных на человекоцентричность, укрепление доверия и солидарности как ключевых нематериальных активов устойчивости обществ макрорегиона.

Список литературы

- Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Консолидация регионального сообщества в глокальной социальной реальности: социокультурные ограничения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 1. С. 186-207. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10. EDN: SWAPNE.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1991. 731 с.
- Губанов В. М., Сметанкина Л. В., Бырылова Е. А., Кудрин А. А. Социальная безопасность в контексте современных трансформационных процессов в России: монография. СПб.: Ассоциация вузов, 2024. 244 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Захаров Н. Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. Москва: Изд-во РАГС, 2002. 236 с.
- Захаров Н. Л. Теория социальных регуляторов: монография / под науч. ред. М.Б. Перфильевой. Москва: ИНФРА-М, 2024. 241 с. DOI: 10.12737/2119965. ISBN: 978-5-16-019447-9. EDN: PPJZER.
- Каира Ю. В., Цзюньцзе Л., Журавлёва А. С. Социальная стабильность в условиях цифровизации современного информационного общества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 198-211. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3. EDN: ZIKQYS.
- Кашник О. И., Брызгалина А. А. Социальная безопасность: теоретические аспекты // Образование и наука. 2013. № 3 (102). С. 98-110. EDN: PWXHVL.
- Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. Москва: Республика, 2002. 367 с.

- Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1988. 668 с.
- Маргулян Я. А. Социальная политика по обеспечению безопасности современного российского общества: монография. СПб.: СПбГИЭУ, 2012. 395 с.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Москва: Наука, 1969. 703 с.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с. ISBN: 978-5-93615-078-4. EDN: QOIBNH.
- Шипунова Т. В. Социальная безопасность: тематизация дискуссионного поля // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 2. С. 101-112. EDN: WHFWHL.
- Яновский Р. Г. Социальная безопасность России в период стабилизации. Москва, 2003. 253 с.
- Beck U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy. Cambridge: Polity Press, 2005. 365 p.
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
- Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1991. 393 p.
- Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
- Hollnagel E., Woods D.D., Leveson N. Resilience Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot: Ashgate, 2006. 397 p.
- Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.
- Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin: Walter de Gruyter, 1993. 236 p.
- Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1951. 575 p.
- UNDP. Human Development Report 1994. New York: Oxford University Press, 1994. 226 p.

References

- Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N. and Shapoval, Zh. A. (2023), "Consolidation of the regional community in glocal social reality: socio-cultural constraints", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 16 (1), 186-207, DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.10. EDN: CWAPHE. (In Russian)
- Weber, M. (2016), *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology], I, HSE Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)
- Hobbes, T. (1991), "Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil", *Sochineniya* [Works], 2, Mysl, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gubanov, V. M., Smetankina, L. V., Byrylova, E. A. and Kudrin, A. A. (2024), *Sotsialnaya bezopasnost v kontekste sovremennykh transformatsionnykh protsessov v Rossii* [Social security in the context of contemporary transformation processes in Russia], Assotsiatsiya vuzov, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Durkheim, E. (1996), *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society], Kanon, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zakharov, N. L. (2002), *Sotsialnye regulatory deyatel'nosti rossiiskogo gosudarstvennogo sluzhashchego* [Social regulators of the activity of the Russian civil servant], RAGS Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zakharov, N. L. (2024), *Teoriya sotsialnykh regulyatorov* [Theory of social regulators], in Perfilieva, M. B. (ed.), INFRA-M, Moscow, Russia, DOI: 10.12737/2119965, ISBN: 978-5-16-019447-9, EDN: PPJZER. (In Russian)
- Kaira, Yu. V., Junjie, L. and Zhuravleva, A. S. (2025), "Social stability in the conditions of digitalization of the modern information society", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (1), 198-211, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3, EDN: ZIKQYS. (In Russian)

- Kashnik, O. I. and Bryzgalina, A. A. (2013), "Social security: theoretical aspects", *Obrazovanie i nauka*, 3 (102), 98-110, EDN: PWXHV. (In Russian)
- Kuznetsov, V. N. (2002), *Sotsiologiya bezopasnosti: Formirovanie kultury bezopasnosti v transformiruyushchetsya obshchestve* [Sociology of security: Formation of a culture of security in a transforming society], Respublika, Moscow, Russia. (In Russian)
- Locke, J. (1988), "Two Treatises of Government", *Sochineniya* [Works], 3, Mysl, Moscow, Russia. (In Russian)
- Margulyan, Ya. A. (2012), *Sotsialnaya politika po obespecheniyu bezopasnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Social policy for ensuring the security of contemporary Russian society], SPbGIEU, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Rousseau, J.-J. (1969), "On the Social Contract, or Principles of Political Right", *Traktaty* [Treatises], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)
- Filippov, A. F. (2008), *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space], Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia, ISBN: 978-5-93615-078-4, EDN: QOIBHX. (In Russian)
- Shipunova, T. V. (2016), "Social security: thematization of the discussion field", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 19 (2), 101-112, EDN: WHFWHL. (In Russian)
- Yanovsky, R. G. (2003), *Sotsialnaya bezopasnost Rossii v period stabilizatsii* [Social security of Russia in the period of stabilization], Moscow, Russia. (In Russian)
- Beck, U. (2005), *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage, London, UK.
- Buzan, B. (1991), *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, 2nd ed., Lynne Rienner Publishers, Boulder, CO, USA.
- Buzan, B. and Wæver, O. (2003), *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Buzan, B., Wæver, O. and de Wilde, J. (1998), *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, CO, USA.
- Giddens, A. (1991), *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Hollnagel, E., Woods, D. D. and Leveson, N. (2006), *Resilience Engineering: Concepts and Precepts*, Ashgate, Aldershot, UK.
- Lefebvre, H. (1991), *The Production of Space*, Blackwell, Oxford, UK.
- Luhmann, N. (1993), *Risk: A Sociological Theory*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany.
- Parsons, T. (1951), *The Social System*, Free Press, Glencoe, IL, USA.
- UNDP (1994), *Human Development Report 1994*, Oxford University Press, New York, NY, USA.

Статья поступила в редакцию 08 июня 2026 г. Поступила после доработки 31 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 08 June 2026. Revised 31 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Багдасарян Диана Арцруновна, аспирант кафедры социологии и управления персоналом, ассистент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

Diana A. Bagdasaryan, Postgraduate Student at the Department of Sociology and Human Resource Management, Research Assistant at the Department of Sociology and Human Resource Management, St Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia.

УДК 316.334.52

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-6

Исследовательская статья

¹Брандт Я. А.
²Бурмакина А. Л.
³Рыбакова О. С.
⁴Кранзеева Е. А.

Социальная консолидация и мобилизация региональных женских и молодежных сетевых сообществ Сибири

Кемеровский государственный университет,
улица Красная, дом 6, Кемерово, 650000, Россия

¹yan.brand@mail.ru

²anna-sidjakina@rambler.ru

³lirkakom@gmail.com

⁴elkranzeeva@mail.ru

Аннотация. В условиях активной цифровизации коммуникации власти и населения процессы консолидации и мобилизации сетевых сообществ приобретают особое значение, отражая способность общества к самоорганизации в кризисных ситуациях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, каким образом женские и молодежные сетевые сообщества адаптируются к новым социальным условиям и выстраивают формы коллективного действия, в том числе в текущих условиях специальной военной операции. Проблема исследования заключается в том, что региональные женские и молодежные сетевые сообщества активно включаются в процессы социальной консолидации и мобилизации, однако недостаточно изученным остается соотношение этих процессов и их проявления в текущей социально-политической ситуации. В статье использовались методы количественного и качественного анализа сетевой активности региональных женских и молодежных сообществ Сибири. Для исследования были отобраны 251 женское и 301 молодежное сообщества в социальной сети «ВКонтакте» следующих территорий: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Кемеровская область-Кузбасс, Иркутская область, Томская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай. Полученные результаты показывают, что динамика формирования региональных сообществ различна. В период начала СВО (2022 – 2023 гг.) активно создаются женские сообщества с тематикой СВО, они чаще формируются самоорганизационно, постепенно институционализируются, образуя устойчивые структуры взаимопомощи. Молодежные сообщества чаще демонстрируют административную консолидацию, реализуемую через заданные формы участия и государственные инициативы. Выводы исследования подчеркивают, что консолидация выступает условием мобилизационной готовности региональных сетевых сообществ. Сообщества могут быть активизированы не только для реализации текущих инициатив, например, гуманитарной помощи, но и для последующего решения других общественно значимых задач для региона.

Ключевые слова: социальная консолидация; социальная мобилизация; сетевые сообщества; женские сообщества; молодежные сообщества; Сибирский макрорегион; СВО (специальная военная операция)

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, «Социальная и политическая мобилизация женских и молодежных сообществ Сибирского макрорегиона в условиях специальной военной операции (СВО)» № 25-28-01459, <https://rscf.ru/project/25-28-01459/>.

Информация для цитирования: Брандт Я. А., Бурмакина А. Л., Рыбакова О. С., Кранзеева Е. А. Социальная консолидация и мобилизация региональных женских и молодежных сетевых сообществ Сибири // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 83-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-6.

Research article

¹Yana A. Brandt

²Anna L. Burmakina

³Oksana S. Rybakova

⁴Elena A. Kranzeeva

Social consolidation and mobilization of regional women's and youth network communities in Siberia

Kemerovo State University,
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia

¹yan.brand@mail.ru

²anna-sidjakina@rambler.ru

³lirkakom@gmail.com

⁴elkranzeeva@mail.ru

Abstract. In the context of the active digitalization of government-public communication, the processes of consolidation and mobilization of online communities are particularly important, reflecting society's capacity for self-organization in crisis situations. The relevance of this study stems from the need to understand how women's and youth online communities adapt to new social conditions and build forms of collective action, including in the current context of a special military operation. The problem with this study is that regional women's and youth online communities are actively involved in social consolidation and mobilization processes, yet the relationship between these processes and their manifestations in the current socio-political situation remains insufficiently studied. This article utilizes quantitative and qualitative methods of analyzing the online activity of regional women's and youth communities in Siberia. The study included 251 women's and 301 youth communities on the VKontakte social network across the following regions: the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, the Tyumen Region, the Kemerovo Region-Kuzbass, the Irkutsk Region, the Tomsk Region, the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia, the Republic of Tyva, the Novosibirsk Region, the Altai Territory, and the Altai Republic. The results show that the dynamics of community formation vary across regions. During the start of the special military operation (2022-2023), women's communities focusing on the special military operation were actively formed. They often formed self-organized and gradually institutionalized, developing into sustainable mutual aid structures. Youth communities more often demonstrated administrative consolidation, implemented through established forms of participation and government initiatives. The study's findings emphasize that consolidation is a prerequisite for the mobilization readiness of regional online communities. Communities can be activated not only to implement current initiatives, such as

humanitarian aid, but also to subsequently address other socially significant issues for the region.

Keywords: social consolidation; social mobilization; network communities; women's communities; youth communities; Siberian macroregion; SVO (the special military operation)

Acknowledgements. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation for the project “Social and political mobilisation of women's and youth communities in the Siberian macroregion in the context of the special military operation”. № 25-28-01459, <https://rscf.ru/project/25-28-01459/>.

Information for citation: Brandt, Ya. A., Burmakina, A. L., Rybakova, O. S., Kranzeeva, E. A. (2026), “Social consolidation and mobilization of regional women's and youth network communities in Siberia”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 83-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-6.

Введение (Introduction). Современные процессы цифровизации и роста коммуникационных возможностей изменили формы и механизмы социальной консолидации и мобилизации. Локальные сообщества, ранее существовавшие преимущественно в офлайн-пространстве, всё активнее переносят взаимодействие в цифровую среду, где формируются новые каналы горизонтальных связей и гражданской активности. Актуальность темы определяется необходимостью осмысления механизмов консолидации и самоорганизации сетевых сообществ в условиях цифровизации, социальной неопределенности. Сегодня становится очевидной роль горизонтальных сетей, объединяющих участников на основе общих ценностей, жизненных практик и гражданской инициативы. Для Сибири, как для региона с высокой пространственной разобщенностью, сетевые формы коммуникации становятся важнейшим инструментом объединения и мобилизации жителей, вариантом быстрого взаимодействия, обсуждения и решения актуальных проблем.

Понятия социальной консолидации и социальной мобилизации нередко используются в смежных контекстах, однако их аналитическое разграничение принципиально важно для понимания. Консолидация отражает процесс формирования устойчивых связей, объединяющих субъектов на основе общих интересов, ценностей и целей. Это относительно длительный процесс, направленный на укрепление горизонтальных коммуникаций, повышение уровня взаимного доверия. Мобилизация, напротив, характеризуется большей динамичностью и реактивностью. Она зачастую возникает как ответ на внешние вызовы, кризисные и/или конфликтные ситуации, требующие от сообщества активного действия. Если консолидация создает потенциал для совместных действий, то мобилизация представляет собой реализацию этого потенциала в условиях конкретного социального триггера. Мобилизация может становиться способом публичного проявления социальной солидарности, инструментом предъявления коллективного «мы» в цифровом и офлайн-пространстве.

В современных условиях существования внешних угроз, продолжающейся специальной военной операции, актуализируется необходимость исследования процессов объединения и устойчивых взаимодействий региональных сообществ для сохранения целостности и формирования ответа на социальные и политические вызовы, возникающие в быстро меняющейся социальной реальности. На наш взгляд, высокий потенциал в этом отношении имеют женские и молодежные сообщества. Не заявляя напрямую о своих политических интересах, данные группы имеют широкие ресурсные возможности для объединения и реализации гражданских и социальных инициатив, направленных на оказание востребованной помощи, преобразование окружающей действительности. Сетевое пространство и высокая активность обозначенных групп в нем дает дополнительные

преимущества в быстрой реализации общественно полезной деятельности. Изучение процессов социальной консолидации и мобилизации сообществ способствует совершенствованию управленческой практики взаимодействия органов власти и представителей общественности, привлечения потенциала и ресурсов граждан для реализации инициатив, особенно в кризисные периоды.

Цель статьи – сравнить процессы социальной мобилизации и консолидации региональных сетевых женских и молодежных сообществ Сибири и охарактеризовать их проявления в текущих социально-политических условиях.

Методология и методы (Methodology and methods). В российском научном сообществе разворачивается дискуссия о моделях и каналах коммуникации между властью и населением. Ученые подчеркивают, что цифровизация общественной коммуникации изменила характер взаимодействия между властью и населением. Так, А. В. Зябликов, А. А. Максименко, Ф. Т. Ахунзянова и А. В. Зайцев отмечают, что значительная часть законодательных и технических барьеров для продуктивного онлайн-диалога власти и населения уже преодолена. Однако на первый план выходят препятствия ментального и психологического характера, а также стремление части представителей власти использовать цифровую среду преимущественно как инструмент формализации коммуникации, а не как площадку для реального диалога (Зябликов, Максименко, Ахунзянова, Зайцев, 2023). А. А. Мерзляков акцентирует внимание на роли региональных и муниципальных властей в развитии цифровых каналов общественного участия, особенно в контексте реализации национальных проектов. Он подчеркивает необходимость расширения форм взаимодействия, внедрения интерактивных и дистанционных механизмов, а также использования потенциала региональных СМИ для вовлечения новых целевых групп населения (Мерзляков, 2024). Е. Н. Заборова рассматривает электронные формы взаимодействия как фактор повышения эффективности государственного управления. При этом, несмотря на сохраняющиеся противоречия и риски формализации диалога, появляется возможность реального участия населения, от консультативных форм до выражения позиции при выработке стратегий развития территорий (Заборова, 2024). Исследователи (Ревякин, 2018; Троцук, Дурсина, 2025) отмечают противоречивость складывающихся процессов цифровой трансформации, благоприятно влияющих на создание более удобных способов коммуникации и представления информации в сетевом пространстве, снижающих затраты и усилия для участия граждан в принятии решений, но вместе с тем по-прежнему недостаточной вовлеченностью граждан в конструктивный диалог между органами власти и представителями общественности (Леонтьева, Санина, 2025). Коммуникация в сетевом пространстве зачастую представляет односторонний поток информации со стороны органов власти, население подключается к обсуждению в ответ на наиболее триггерные тематики, в основном критикуя и не предлагая вариантов решения. В таких условиях консолидационные и мобилизационные процессы могут отражать потенциальные возможности для включения в полноценный диалог с властью, четким обозначением интересов и целей всех участников взаимодействия.

Вопросы консолидации рассматриваются через призму социальных связей, коллективной идентичности и механизмов самоорганизации сообществ. М. К. Горшков и И. О. Тюрина рассматривают консолидацию через призму гражданской идентичности, связывая её с чувством сопричастности к государству, коллективной исторической памяти и идеей общего будущего (Горшков, Тюрина, 2023). Ряд авторов (Мурзина, Ретинская, 2024; Мысливец, 2023; Чигрин, Узунов, 2022) отмечают, что в условиях цифровизации и трансформации общественных отношений консолидационные процессы приобретают особую значимость, становясь индикатором устойчивости региональных сообществ и их способности к совместному действию. Так, Р. Д. Хунагов рассматривает консолидацию

региональных сообществ как процесс, в основе которого лежит баланс между интеграцией и дезинтеграцией, солидарностью и конфликтом. Консолидация, по его мнению, является не статическим состоянием, а динамическим и противоречивым процессом, зависящим от множества социальных и культурных факторов. Она отражает синергетическую природу общественного развития, где процессы объединения и разделения не исключают, а взаимно обуславливают друг друга (Хунагов, 2023). В. В. Кривоусков также связывает процессы консолидации с региональными сообществами, социальными аспектами их взаимодействия и социальным капиталом. По мнению исследователя, объединительный процесс, лежащий в основе консолидации, направлен на одновременные целедостижение и сохранение региональной уникальности, достаточной автономности индивидов, входящих в социальную структуру. Социальный капитал является при этом условием привлечения новых активных членов в региональное сообщество, а его увеличение дает реальные и потенциальные возможности по достижению консолидационных целей. Региональное сообщество и консолидация невозможны друг без друга: образование регионального сообщества идет путем консолидации, а его функционирование и развитие определяют позитивную направленность консолидации и повышение ее уровня (Кривоусков, 2024).

Современные западные исследователи отмечают, что цифровые информационно-коммуникационные технологии способны усиливать социальную сплоченность. При этом цифровые инструменты эффективнее там, где уже существует определенный запас социального капитала (т.е. люди уже знакомы в офлайн среде) (Üblacker, Liebig, Namad, 2024). Также отмечается, что, влияние цифровых технологий определяется не интенсивностью их использования как таковой, а структурой уже существующих социальных отношений и характером включения цифровых инструментов в жизнь сообщества (Luguzan, 2017).

В процессах трансформации российского общества, Л. И. Никовская отмечает усиление социального активизма, связанного с «помогающим поведением», взаимопомощью и кооперацией (Никовская, 2024). Указанные тенденции отражают консолидационные процессы в российских регионах, и связывают их со стремлением к преобразованию окружающей действительности.

Интерес для нашего исследования представляет работа В. П. Бабинцева, Г. Н. Гайдуковой, Я. И. Серкиной и Ж. А. Шаповал, в которой авторы, анализируя процессы консолидации в приграничных регионах, предлагают использовать концепцию «социального реализма». Они подчеркивают многовариантность консолидации, выделяя несколько её типов – стихийную, кризисную, административную, имитационную и партнёрскую (Бабинцев, Гайдукова, Серкина, Шаповал, 2025). Такая типология позволяет понять, каким образом иницируются консолидационные процессы – снизу, на основе гражданской активности, либо сверху, через управленческие механизмы.

Социальную мобилизацию мы рассматриваем в контексте социально-политического взаимодействия, социального диалога населения, местных сообществ и власти. Региональные сообщества (в том числе и сетевые) как участники взаимодействия отличаются способностью к мобилизации и самоорганизации для решения локально ограниченных проблем и вопросов. Это способствует адаптации к условиям окружающего мира и социальной реальности, реализации потребности в общении и совместной деятельности, формированию общественного и персонального пространства, включенности в локальную, повседневную жизнь, социализации личности и ее интеграции в общественные структуры, достижению групповых и индивидуальных целей и потребностей.

В работах западных исследователей предпринимаются попытки связать концентрацию власти и мобилизацию сообществ (Aiken, 1969), определить влияние идентичности (в т.ч. территориальной) и политизации населения (Dempsey, 2026). При изучении социальной

мобилизации сетевых сообществ важно учитывать особенности территориального развития, традиции гражданского и социального участия, практики социальной взаимопомощи, а также основания цифровой мобилизации социально-политического взаимодействия. Так, сетевые региональные практики выступают индикатором коммуникативной трансляции значимых общественных практик и позволяют обнаруживать точки сборки общественных интересов, проблемные узлы, а также пустые или закрытые коммуникативные пространства в цифровых сообществах регионов (отзеркаливающих социальные и политические проблемы регионального развития). Полученные результаты могут быть использованы для разработки организационно-управленческих приемов регионального развития, а также для диагностики разрывов территориального развития в темпах освоения ресурсов и инноваций.

Социальная мобилизация сетевых сообществ – это механизм, с помощью которого местные и региональные сообщества в виртуальном пространстве целенаправленно самоорганизуются и апеллируют к власти с требованиями реализации общих и дифференцированных потребностей и интересов (Кранзеева, Головацкий, Бурмакина и др., 2025).

Таким образом, при рассмотрении консолидации в сетевом пространстве региональных сообществ мы придерживаемся подхода, определяющего ее как процесс, предшествующий мобилизации, связанный с образованием сообществ и объединением пользователей вокруг насущных проблем. Возможность мобилизации сообществ на различные инициативы появляется позже, при условии наличия сетевых связей и устойчивых взаимодействий как внутри сообществ, так и между ними.

Ключевым методом в нашем исследовании выступает сетевой анализ, который был реализован как в количественной оценке активности сообществ, так и в качественном рассмотрении содержательного наполнения сетевых региональных сообществ.

Также для иллюстрации консолидационных процессов нами были использованы вторичные социологические данные, полученные из открытых источников ведущих исследовательских центров России – ВЦИОМ, ФОМ. Это позволило систематизировать и интерпретировать уже существующие эмпирические результаты с позиций заявленной проблематики. Вторичный анализ данных выступил инструментом верификации теоретических положений, обеспечивая эмпирическую основу исследования.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В условиях усиливающихся внешнеполитических и экономических вызовов консолидация общества приобретает особое значение как фактор устойчивости и коллективной самоидентификации. Показатели единства, доверия и готовности к совместным действиям отражают не только состояние общественных настроений, но и уровень адаптации к новым социальным реалиям.

Так, динамика показателей общественного единства в России за последние двенадцать лет демонстрирует устойчивый рост уровня консолидации. Согласно данным исследования «Мы разные, но мы вместе!»¹ (2024), доля граждан, ощущающих народное единство, увеличилась почти втрое – с 23 % в 2012 году до 61 % в 2024 году. Параллельно снизилась доля тех, кто не считает общество сплочённым (с 56 до 31 % соответственно). Фиксировались периоды заметных подъёмов уровня общественной солидарности, а также спады, отражающие социальную усталость и внутренние противоречия. С 2022 года наблюдается устойчивая тенденция роста, что, вероятно, связано с усилением консолидационных процессов на фоне внешнеполитических вызовов (Таблица 1).

¹ Результаты опроса россиян «Мы разные, но мы вместе!», приуроченного ко Дню народного единства. 2024.
URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/my-raznye-no-my-vmeste> (дата обращения: 05.09.2025).

Таблица 1
Есть в России, по Вашему мнению, сегодня народное единство или нет? %

Table 1

In your opinion, is there national unity in Russia today or not? %

	2012	2014	2015	2016	2017	2019	2021	2022	2023	2024
Скорее есть / Rather yes	23	44	54	44	54	37	31	56	58	61
Скорее нет / Rather not	56	35	35	44	40	54	61	37	35	31
Затрудняюсь ответить / Hard to say	21	21	11	12	6	9	8	7	7	8

Можно сказать, что процессы консолидации в российском обществе во многом носят контекстуальный характер, усиливаясь в периоды внешнеполитических и социальных вызовов. Так, по данным исследования «Жизнь по своим правилам (2022 г.)»¹, более половины граждан (61%) отметили, что специальная военная операция России на Украине способствовала сплочению общества. Противоположной точки зрения придерживаются 20% опрошенных, тогда как 10 % не заметили изменений, а 9% затруднились с оценкой (Таблица 2).

Таблица 2

Есть разные мнения о том, как специальная военная операция России на Украине повлияла на российское общество, на отношения между людьми. А какая точка зрения ближе вашему мнению? Военная операция России на Украине ..., %

Table 2

There are different opinions about how Russia's special military operation in Ukraine has affected Russian society and human relations. And which point of view is closer to your opinion? Russia's military operation in Ukraine ..., %

Варианты ответов / Answer options	Все опрошенные / All respondents
Скорее объединила, сплотила российское общество / Rather, it united and consolidated Russian society	61
Скорее разобщила, разделила российское общество / Rather, it divided and alienated Russian society.	20
Никак не повлияла на российское общество / It had no impact on Russian society.	10
Затрудняюсь ответить / Hard to say	9

Падение показателя индивидуализма может также отражать ориентацию на общие цели и коллективные формы поддержки, что начинает восприниматься как более устойчивый механизм адаптации. Динамика с 2013 по 2025 гг. демонстрирует возврат к коллективистской модели общественного сознания, где ценности единства, солидарности и общих интересов начинают преобладать над установками личного успеха² Рисунок 1).

¹ Исследование о консолидации российского общества «Жизнь по своим правилам». 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (дата обращения: 07.09.2025).

² Опрос «Русский национальный характер» – представления россиян о национальном характере, 2025. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15238> (дата обращения: 11.09.2025).

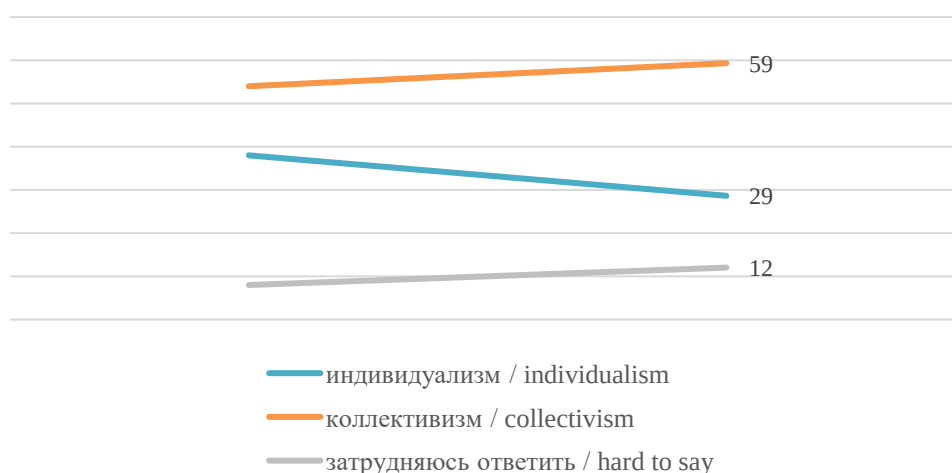

Рисунок 1. Как вам кажется, русским людям в большей мере свойственен индивидуализм или коллективизм? %

Figure 1. Do you think that Russian people are more characterized by individualism or collectivism? %

Таким образом, результаты социологических исследований демонстрируют поступательный рост уровня консолидации, коллективной идентичности и чувства национального единства в российском обществе. По сравнению с предыдущими периодами, заметно усилилось восприятие общности интересов и сопричастности к судьбе страны. Эта тенденция во многом связана с внешнеполитическими и экономическими вызовами последних лет, которые способствовали укреплению внутренней сплоченности и переосмыслению ценностей.

Внешние угрозы и санкционное давление стали не только фактором экономического стресса, но и стимулом для единения. В обществе усилились процессы самоидентификации – поиск ответов на вопрос, что значит быть «русским» в культурном, социальном и гражданском смысле.

Ситуация СВО, в таком случае, с одной стороны, является высоко мобилизующей, когда провоцирует кратковременное объединение усилий для оказания помощи заинтересованным группам, с другой стороны, и консолидирующей, когда формирует устойчивые объединения для борьбы с возникающими последствиями военной обстановки, что наиболее ярко проявляется в приграничных территориях. Объединившись для помощи сообщества пользователей, впоследствии могут масштабировать полученный опыт и продолжать взаимодействие по сходным или новым поводам, укрепляя тем самым консолидационную основу сообществ. Для регионального взаимодействия такие практики дают возможность мобилизовывать сообщества и привлекать их для решения важных социальных, политических, экономических и др. проблем территории.

К примеру, женские и молодежные сообщества Сибири, как и в других регионах страны, становятся активными участниками этих процессов: они объединяются для поддержки участников специальной военной операции, организуют сборы помощи, совместно плетут маскировочные сети и вяжут тёплые вещи. Через цифровые площадки создаются устойчивые онлайн-сообщества (например, «Сибирячки За СВОих», «Шьем и вяжем для наших. Республика Алтай», «Тепло Ямала – Вяжем нашим» и др.).

Усиление коллективистских установок, растущее чувство сопричастности и готовность к совместным усилиям позволяют рассматривать консолидацию сообществ в современных

реалиях не только как реакцию на внешние обстоятельства, но и как основу для дальнейшего проявления процессов социальной мобилизации, самоорганизации общества.

Анализ процессов консолидации именно молодежных и женских сетевых сообществ был проведен на примере обозначенных тематических сообществ Сибири. В качестве причин для консолидационных и мобилизационных процессов нами отмечаются обстоятельства, возникающие в контексте специальной военной операции, связанные с востребованностью помощи со стороны населения.

Первоначально для исследования нами были отобраны 251 женских и 301 молодежных сообщества в социальной сети «ВКонтакте», имеющих территориальную привязку (упоминание в названии) к Сибирскому региону, а именно следующим территориям: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Кемеровская область-Кузбасс, Иркутская область, Томская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай.

Отбор всех сообществ осуществлялся вручную через поисковую строку «ВКонтакте». Первым критерием выступила территориальная привязка к Сибирскому макрорегиону (наличие наименования одного из регионов в названии). Женские сообщества были отобраны также по трем дополнительным критериям: во-первых, это привязка к полу и наличие корня «жен», во-вторых, указание в названии причастности к родительству – наличие слов «мама», «мамочки» и т. п., в-третьих, сочетание женской тематики и СВО, например, «жена героя» и т. п. Молодежные сообщества отбирались дополнительно по наличию в названии сообществ корня «молод».

Для оценки сетевой активности сообществ, их мобилизационного и консолидационного потенциала, отобранные сообщества были условно разделены по времени создания их сетевых профилей на четыре группы (табл. 3 и 4), связанные с периодами развития специальной военной операции:

Период 1. До начала СВО (до 24.02.2022 г.).

Период 2. Начало СВО – до объявления частичной мобилизации (24.02.2022 г. – 20.09.2022 г.).

Период 3. После объявления частичной мобилизации (21.09.2022 г. – 31.12.2023 г.).

Период 4. Настоящее время (01.01.2024 – 30.04.2025 г.).

Разделение на периоды в данном случае условно, так как официальной периодизации на данный момент в научной литературе еще не сложилось в силу незавершенности операции. Основным критерием для нас выступает социальный контекст изменений в ходе СВО, а не характер боевых действий.

Таблица 3

Количество созданных женских сообществ «ВКонтакте» в зависимости от периода развития специальной военной операции, %

Table 3

The number of created women's communities on VKontakte, depending on the period of development of the special military operation, %

До 24.02.2022	24.02.22 – 20.09.22	21.09.22 – 31.12.23	01.01.24 – 04.25
Ямало-Ненецкий АО / Yamalo-Nenets Autonomous Okrug			
11	2	4	0
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Okrug			
17	0	4	2

Тюменская область / Tyumen region			
19	0	7	1
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo region			
16	0	3	1
Иркутская область / Irkutsk region			
9	0	2	0
Томская область / Tomsk region			
16	1	4	2
Красноярский край / Krasnoyarsk region			
14	1	4	1
Республика Хакасия / Republic of Khakassia			
8	0	2	0
Республика Тыва / Republic of Tyva			
8	1	1	2
Новосибирская область / Novosibirsk region			
27	2	3	2
Алтайский край / Altai region			
35	0	4	2
Республика Алтай / Republic of Altai			
7	0	5	1
Итого / Total			
187	7	43	14

Таблица 4

Количество созданных молодежных сообществ «ВКонтакте» в зависимости от периода развития специальной военной операции, %

Table 4

The number of created youth communities on VKontakte, depending on the period of development of the special military operation, %

До 24.02.2022	24.02.22 – 20.09.22	21.09.22 – 31.12.23	01.01.24 – 04.25
Ямало-Ненецкий АО / Yamalo-Nenets Autonomous Okrug			
8	1	1	2
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Okrug			
14	0	2	1
Тюменская область / Tyumen region			
18	0	0	0
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo region			
30	1	3	0
Иркутская область / Irkutsk region			
19	1	2	0
Томская область / Tomsk region			
17	0	4	3
Красноярский край / Krasnoyarsk region			
22	0	0	0

До 24.02.2022	24.02.22 – 20.09.22	21.09.22 – 31.12.23	01.01.24 – 04.25
Республика Хакасия / Republic of Khakassia			
5	0	0	2
Республика Тыва / Republic of Tyva			
13	2	3	0
Новосибирская область / Novosibirsk region			
49	1	1	1
Алтайский край / Altai region			
35	1	2	2
Республика Алтай / Republic of Altai			
20	0	9	6
Итого / Total			
250	7	27	17

Члены женских сетевых сообществ в период начала СВО были по большей степени сосредоточены на адаптации к меняющимся условиям. В период частичной мобилизации (21.09.2022 – 31.12.2023) происходит рост создания сообществ. Основным содержательным трендом стало формирование горизонтальных сетей поддержки военных и их семей, где женщины выполняют организационные, координационные и эмоционально поддерживающие функции.

Так, появляются сообщества, относящихся к тематике СВО, количество которых составило – 22. Приведем их наименования: «Тепло Ямала – Вяжем нашим», «Шьем для наших в г. Ханты-Мансийск», «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск», «Тюмень. Шьем и вяжем для наших!», «Шьем для наших ZVO Тюмень», «Сибирячки За СВОих», «Фотопроект “Жена, Мама Героя” в г. Юрга», «Шьем и вяжем на фронт», «Шьем для наших. Томск», «Вяжем для наших Томск», «Георгиевские пчелки», «Жена героя», «Шьем для победы Хакасия», «Союз офицерских жен Республики Тыва», «Матери Героев Республики Тыва», «Штаб помощи бойцам СВО (Мичуринский сельсовет)», «Штаб помощи мобилизованным и их семьям», «Гражданские жены бойцов СВО», «Жена Героя. Барнаул», «Жена Героя Бийск», «Шьем и вяжем для наших. Республика Алтай», «Совет Солдатских Матерей Республики Алтай».

В сегменте молодежных сообществ отсутствует появление специфических групп, связанных с тематикой СВО. Мы можем отметить лишь появление постов в сообществах, посвященных таким темам, как: помощь военным служащим и их семьям, участие в благотворительных акциях для нужд СВО, встречи с героями и ветеранами СВО.

В период 24.02.2022 – 21.09.2022, после начала специальной военной операции фиксируется снижение числа новых сообществ. Это объясняется временной паузой в самоорганизации: требовалась адаптация и поиск новых смыслов деятельности; молодежные объединения находились в фазе ожидания и переосмысления миссий. В период мобилизации (21.09.2022 – 31.12.2023) наблюдается всплеск активности. Рост связан с поиском новых форм участия в общественной жизни. Молодежные сообщества всё чаще приобретали патристическую и волонтерскую направленность.

Анализ контента в отобранных сетевых сообществах проводился за период с начала специальной военной операции с целью отследить специфические тенденции в публикациях данного периода, способных отразить проявления консолидационных и мобилизационных процессов региональных сообществ. Были выявлены не только тематические различия, но и фундаментально различная природа протекающих в них социальных процессов.

В женских сообществах, созданных с момента начала СВО, консолидация возникает на основе эмоциональной реакции на внешний вызов, где личная тревога, потребность во взаимной поддержке и помощи становятся катализатором. В данных сообществах имеет место кризисная консолидация, которая предполагает самостоятельное сплочение граждан, но осуществляемое под влиянием внешнего триггера, например, такого как СВО (Бабинцев, Гайдукова, Серкина, Шаповал, 2025: 56). В этом случае женщины сталкиваются с потерей мужей, сыновей, братьев и других близких, вследствие чего возникает желание помочь, а проще это сделать именно объединившись. Таким образом, осуществляется переход от общего чувства к конкретным, скоординированным действиям, который проявляется в создании сообществ ВКонтакте, таких как «Тепло Ямала – Вяжем нашим», «Шьем для наших в г. Ханты-Мансийск», «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск» и др. В сообществах ВКонтакте мы наблюдаем материальные результаты консолидации. К ним относится, прежде всего, систематический сбор пожертвований – денежных, вещественных, лекарственных, где каждая посылка становится символом коллективных усилий. Так, например, в сообществе «Штаб помощи бойцам СВО (Мичуринский сельсовет)» периодически осуществляются благотворительные сборы с целью покупки необходимых товаров для солдат¹. Фиксация результатов – посты, фотографии и видеоотчеты о количестве проделанной работы – выполняют не только информационную, но и мощную мотивационную функцию, демонстрируя эффективность коллективного труда.

Консолидация в этих сообществах носит двойной характер: решая внешнюю задачу поддержки военнослужащих, она одновременно решает внутреннюю задачу через совместные мероприятия психологической поддержки, например, в сообществе «Союз семей военнослужащих Тюмени и ТО» реализуются совместные занятия спортом, где женщины обретают силы и уверенность в кругу единомышленниц².

Женские сообщества, помимо этого, являются объектом мобилизации со стороны власти. Так как сообщества стремятся активно помочь военнослужащим, государство, в частности, региональная и муниципальная власти, с целью привлечь еще большее количество участников предоставляет возможность сообществам поучаствовать в грантах, конкурсах на получение денежных сертификатов. Как, например, в случае сообщества «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск». На деньги гранта, как пишут участники, планируется приобрести 2 швейные машины, раскройное оборудование и ткани для пошива одежды. Это свидетельствует о стремлении реализовать помощь солдатам в больших объемах и на постоянной основе³.

В молодежных сообществах наблюдается иная логика. Здесь изначальным импульсом служит административная консолидация, инициируемая «сверху» – образовательными учреждениями, региональными комитетами по делам молодежи или молодежными отделениями общественных организаций. Активность носит более формализованный, проектный характер и интегрируется в уже существующие структуры. К таким мобилизационным практикам можно отнести мероприятия помощи участникам СВО, такие как организованные мастер-классы по изготовлению «окопных свечей» и «браслетов

¹ Пост ВКонтакте «Денежный сбор на аккумуляторы для РЭБ и др. для солдат», дата поста: 23.07.2025, сообщество: «Штаб помощи бойцам СВО (Мичуринский сельсовет)». URL: https://vk.com/wall-223565901_801 (дата обращения: 27.09.2025).

² Пост ВКонтакте «Совместные занятия спортом в тренажерном зале», дата поста: 02.10.2025, сообщество: «Союз семей военнослужащих Тюмени и ТО». URL: https://vk.com/wall-30055301_10212 (дата обращения: 03.10.2025).

³ Пост ВКонтакте «Участие в конкурсе на грант с проектом на 2025 год «Шьем для наших. СВО. Госпитали»», дата поста: 13.02.2025, сообщество: «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск». URL: https://vk.com/wall-216197629_643 (дата обращения: 03.10.2025).

выживания», например, в сообществе «Движение Первых | Алтайский край»¹. Сюда же относится участие во всероссийских проектах, например, отбор лучших практик вовлечения ветеранов, что указывает на интеграцию в общегосударственную повестку. Значительную роль играет просветительский и мемориальный компонент: создание и распространение фильмов и видео о жизни семей военнослужащих, проведение встреч с героями СВО («уроков мужества»), организация поздравлений для военнослужащих с праздниками, а также реализация всероссийских акций по увековечиванию памяти, таких как установка «парт героев» в школах.

Таким образом, в отличие от женских сообществ, где консолидация рождалась из личных, глубоко эмоциональных связей, здесь она в большей степени формируется вокруг предлагаемой извне символической и гражданской идентичности. Публикации в молодежных сообществах реже содержат личные истории и спонтанные обсуждения, будучи в большей степени сфокусированными на репрезентации участия в организованных акциях.

Процесс консолидации женских сообществ Сибири демонстрирует постепенный переход от индивидуальных инициатив к устойчивым формам коллективной самоорганизации. На раннем этапе такие объединения возникают как эмоциональный отклик на социально значимые события, когда личное переживание и потребность в сопричастности становятся основой для объединения.

В подтверждение приведем пример анализа кейса одного из женских сообществ Томской области. Так, основательница томского сообщества «Шьём для наших» Светлана Уханова в первом обращении (июнь 2023 г.) описывает мотив создания группы через личную ответственность и семейную преемственность: *«Я вспомнила свою бабушку, которая всю Великую Отечественную войну вязала варежки и носки для фронта. А почему я не могу помочь? Шить ведь я умею!»*². Подобные личные импульсы создают точку притяжения для других участниц, формируя базу эмоционального единения.

На следующем этапе консолидация проявляется в переходе от эмоциональной вовлеченности к распределению ролей и структурированию деятельности. Уже через несколько месяцев (ноябрь 2023 г.) проект описывает себя как действующую координационную сеть: кто-то занимается логистикой и доставкой, кто-то упаковкой и закупками, другие оказывают финансовую помощь. Таким образом, сообщество вырабатывает механизмы внутреннего взаимодействия и коллективного управления ресурсами³. Постепенно группа становится не просто местом общения, а неким организационным центром, где происходит распределение задач, планирование действий, здесь мы уже можем говорить о начале мобилизационных процессов, переходе к координированной социальной активности, направленной на достижение результата.

При этом стоит сказать, что со временем сообщество вышло за рамки «женского сообщества». В него включились мужья и родственники участниц, так постепенно «женский проект» трансформировался в семейное и даже межпоколенческое объединение, где труд, помощь и участие стали общей ценностью.

Далее происходит закрепление горизонтальных связей и символической идентичности. В публикациях 2024 года («Наши девочки собрали в дорогу Станислава...») появляется подчеркнутая личностная вовлеченность, переходящая в устойчивую систему

¹ Пост ВКонтакте «Фестиваль молодежи Алтайского края «АМФест»», дата поста: 03.09.2025, сообщество: «Движение Первых | Алтайский край». URL: https://vk.com/wall-218147368_111326 (дата обращения: 05.10.2025).

² Пост ВКонтакте «Предыстория создания сообщества», дата поста: 07.11.2023, сообщество: «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_1 (дата обращения: 16.10.2025).

³ Пост ВКонтакте «О деятельности сообщества», дата поста: 07.11.2023, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_2 (дата обращения: 16.10.2025).

взаимопомощи. Визуальные образы – совместные фотографии, передачи подарков, упоминания конкретных бойцов – усиливают эффект «сообщества заботы», в котором эмоциональная солидарность становится практической деятельностью¹.

Дальнейшее развитие отражает институционализацию и общественное признание инициативы. Весной 2025 года группа получает благодарственное письмо за вклад в организацию праздничных мероприятий к 80-летию Победы, что фиксирует включение сообщества в публичное пространство и признание его социального значения². Юбилейное обращение в сентябре 2025 года («Сегодня нам исполнилось 3 года... но все мы верными шагами идем к одной цели – Победе!») демонстрирует не только устойчивость объединения, но и осознание коллективной миссии³.

Таким образом, консолидация – это не статическое состояние, а динамический процесс, включающий несколько этапов, которые представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Этапы развития сетевых сообществ

Table 5

Stages of development of online communities

Этап / Stage	Характеристика / Characteristic	Индикаторы в онлайн среде / Indicators in the online environment
Возникновение сообщества / The emergence of a community	Реализация потребности, реакция на событие, формирование чата/группы / Fulfillment of a need, response to an event, formation of a chat/group	Появление новых сообществ, первые публикации, призывы к действию / The emergence of new communities, first publications, calls to action
Аккумуляция участников / Accumulation of participants	Присоединение новых членов / New members joining	Рост подписчиков, обмен личными историями / Growing followers, sharing personal stories
Нормирование и регуляция / Standardization and regulation	Установление доверия, выработка общего языка, правил / Establishing trust, developing a common language and rules	Согласованные действия (совместные акции, отчёты) / Coordinated actions (joint actions, reports)
Институционализация / Institutionalization	Формирование устойчивых связей и координации / Formation of stable connections and coordination	Партнёрства с НКО, участие в государственных инициативах / Partnerships with non-profit organizations, participation in government initiatives

¹ Пост ВКонтакте «Наши девочки собрали в дорогу Станислава», дата поста: 07.02.2024, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_108 (дата обращения: 20.10.2025).

² Пост ВКонтакте «Благодарственное письмо», дата поста: 28.06.2025, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_314 (дата обращения: 20.10.2025).

³ Пост ВКонтакте «Итоги прошедшего года», дата поста: 25.09.2025, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_318 (дата обращения: 22.10.2025).

Таким образом, рассмотренные этапы показывают, что консолидация развивается как поступательный процесс. В его основе лежит доверие, общая система ценностей и постоянное взаимодействие участников, в ходе которого сообщество не только укрепляет внутренние связи, но и постепенно превращается в устойчивый субъект социальной активности. Однако в периоды внешних вызовов, таких как СВО, частичная военная мобилизация, экономическое давление сетевые сообщества могут мобилизоваться. То есть переход к коллективным действиям, направленным на внешний результат: участие в акциях, организация волонтерской деятельности, взаимодействие с властями или благотворительными фондами. Мобилизация сетевого сообщества становится возможной тогда, когда внутри сообщества уже сформированы устойчивые горизонтальные связи, распределены роли, определена общая цель и накоплен опыт совместной деятельности. Исходя из таблицы, это этапы нормирования и институционализации.

В анализируемых нами сетевых сообществах, можно заметить характерную особенность: низкий уровень интерактивного взаимодействия в публичном пространстве. В группах «ВКонтакте» обсуждения в комментариях, как правило, отсутствуют или носят формальный характер. Посты выполняют, скорее, информационно-отчетную функцию: рассказывают о проделанной работе, собранных посылках, закупках материалов, благодарностях или значимых событиях. Это не площадка для дискуссий, а инструмент фиксации и демонстрации деятельности сообщества.

Такое поведение аудитории объясняется смещением коммуникации в закрытые цифровые каналы, в частности, в чаты Telegram и WhatsApp (запрещенные в РФ социальные сети). Именно там разворачивается «живая» социальная ткань сообщества: происходят обсуждения, делятся эмоциями, выражается поддержка, решаются организационные вопросы. По характеру сообщений, реакциям, эмодзи и голосовым аудиосообщениям можно увидеть более тесные эмоциональные связи участников. Здесь формируются доверительные отношения, появляется ощущение сопричастности и взаимопомощи.

Таким образом, сообщества в «ВКонтакте» чаще представляет собой витрину, публичную оболочку, отражающую результаты уже состоявшейся работы, а не сам процесс взаимодействия. Создание открытой страницы происходит, когда у группы уже есть определённая история, структура и коллективная идентичность. Публичное пространство используется для репрезентации и привлечения новых участников, тогда как ключевые формы общения и координации смещаются в приватные каналы, где участники чувствуют себя частью «своих» (Рисунок 2)¹.

¹ Приватные каналы в Telegram, реализующие помощь военнослужащим, 2025. URL: https://web.telegram.org/k/#@ZUyAq0_Mh6A2NzYy (дата обращения: 25.10.2025).

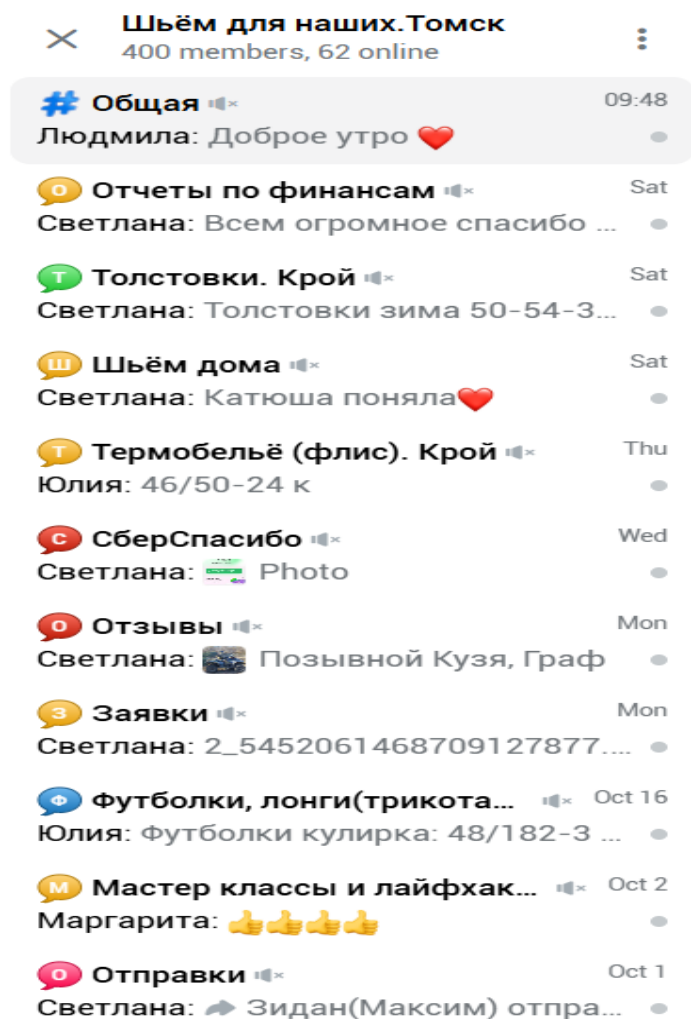

Рисунок 2. Приватные каналы в Telegram, реализующие помощь военнослужащим
Figure 2. Private Telegram channels that provide assistance to military personnel

Заключение (Conclusions). Процессы консолидации и мобилизации в региональных сетевых сообществах представляют собой взаимодополняющие явления. Консолидация, возникающая на основе общих ценностей, доверия и эмоциональной сопричастности, становится фундаментом, на котором формируются процессы мобилизации: перехода к совместным действиям и коллективным практикам.

В кризисных условиях (например, в контексте СВО и сопутствующих экономических ограничениях) именно консолидационные связи региональных сетевых сообществ обеспечивают готовность к коллективным действиям: сбору средств, организации гуманитарной помощи, производству необходимой продукции. Тем самым, мобилизация вырастает из уже сложившейся инфраструктуры доверия и взаимной поддержки.

Проведенный нами анализ процессов консолидации молодежных и женских сетевых сообществ Сибири в период СВО позволил выявить ряд особенностей. Так, в период 2022-2023 гг. происходит рост числа женских сообществ с тематикой специальной военной операции. Основным содержанием стало формирование горизонтальных сетей поддержки военных и их семей. В сегменте молодежных сообществ в этот период отсутствует появление специфических групп, связанных с тематикой СВО. При этом отмечаем появление отдельных постов в сообществах, посвященных таким темам, как: помощь военнослужащим

и их семьям, участие в благотворительных акциях для нужд СВО, встречи с героями и ветеранами СВО.

Консолидация в женских сообществах носит двойной характер: решая внешнюю задачу ресурсной поддержки военнослужащих (сбор вещей, продуктов, средств), она одновременно решает внутреннюю задачу — через совместные мероприятия осуществляется психологическая поддержка участников сообщества. В молодежных сообществах часто импульсом служит административная консолидация, инициируемая «сверху» — образовательными учреждениями, региональными комитетами по делам молодежи или молодежными отделениями общественных организаций. Активность носит более формализованный, проектный характер и интегрируется в уже существующие структуры.

При этом важно подчеркнуть, что мобилизация сообществ, возникшая в ответ на конкретные обстоятельства, например, помощь участникам СВО, потенциально может быть перенаправлена на решение других общественно значимых задач: волонтерство, локальные инициативы, взаимопомощь в чрезвычайных ситуациях, культурные проекты.

Наше исследование выявило, что сформированные по личным инициативам, в соответствии с собственными потребностями и интересами, действующие на самоорганизационных началах, женские сообщества в дальнейшем мобилизуются властью для других задач местного и регионального значения, но с сохранением высокого уровня самостоятельности решения проблем. Молодежные же сообщества демонстрируют варианты мобилизации исключительно через других акторов, держателей административного ресурса, показывая заданные варианты взаимодействия и реализации гражданских инициатив.

Понимание логики перехода от консолидации к мобилизации позволяет выстраивать более гибкие модели взаимодействия между населением и органами власти, разрабатывать инструменты поддержки общественных инициатив, создавать условия для вовлечения населения в решение локальных задач.

Таким образом, в условиях внешних угроз и структурных изменений российское общество демонстрирует способность к самоорганизации. Консолидация становится не только способом укрепления социальной идентичности, но и ресурсом мобилизации, который может быть перенаправлен на иные сферы.

Список литературы

Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А. Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 48-73. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3. EDN: QDYPZC.

Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720-739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. EDN: FQZJXO.

Забова Е. Н. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, №2. С.122-134. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9. EDN: KPVQJZ.

Зябликов А. В., Максименко А. А., Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В. Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 28-46. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46. EDN: UWZJTB.

Кривоусков В. В. Роль регионального сообщества как фактора консолидации России // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 44-55. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.1.2. EDN: DHEIWQ.

Леонтьева М. М., Санина А. Г. От информирования к взаимодействию? Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России // Мир России. 2025. Т. 34, № 2. С. 49-74. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-2-49-74. EDN: GKNJNB.

Мерзляков А. А. Проблемы взаимодействия власти и населения в рамках реализации национальных проектов // Россия реформирующаяся. 2024. № 22. С. 308-338. DOI: 10.19181/ezheg.2024.12. EDN: THYNQV.

Мурзина И. А., Ретинская В. Н. Общество и государство в цифровой реальности современной России // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 62-66.

Мысливец Н. Л. Социальная консолидация общества в контексте современных социальных практик // Социологический альманах. 2023. № 14. С. 217-224.

Никовская Л. И. Запрос на перемены: общественные ожидания и модальность предъявления // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 4. С. 27-33. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-27-33. EDN: NMZKXW.

Ревякин С. А. Об эффективности электронных платформ участия граждан в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 94-112. EDN: UTSSIR.

Сетевая социально-политическая мобилизация в сибирских регионах ресурсного типа: коллективная монография / Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Бурмакина А. Л. [и др.] Кемерово: КемГУ, 2025. 168 с.

Троцук И. В., Дурсина А. Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 1. С. 182-202. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202. EDN: ETHFJQ.

Хунагов Р. Д. Консолидационные процессы в региональном социуме: этапы становления и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 5. С. 45-58. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.3. EDN: FNDCQS.

Чигрин В. А., Узунов В. В. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 1. С. 150-159. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11. EDN: ZYZNSE.

Aiken M. Community Power and Community Mobilization // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1969. Vol. 385, № 1. Pp. 76-88. DOI: 10.1177/000271626938500108. EDN: JLBOYF.

Dempsey S. Mobilizing Potential: Pathways to Engaged Citizenship // Qualitative Sociology. 2026. № 49. Pp. 137-159. DOI: 10.1007/s11133-025-09622-z. EDN: GZBPFZ.

Luguzan C. Information technology and social cohesion: A tale of two villages // Journal of Rural Studies. 2017. № 54. Pp. 426-434.

Üblacker J., Liebig S., Hamad H. Catalysts of connection. The role of digital information and communication technology in fostering neighbourhood social cohesion: A systematic review of empirical findings // Urban Studies. 2024. Vol. 61, № 16. Pp. 3167-3186.

References

Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N., Serkina, Ya. I. and Shapoval, Zh. A. (2025), "Problems of consolidation of regional communities: the position of social realism", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 13 (1), 48-73, DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3, EDN: QDYPZC. (In Russian)

Gorshkov, M. K. and Tyurina, I. O. (2023), "Consolidation of Russian society in the face of modern challenges: historical-sociological and value-ideological contexts", *RUDN Journal of Sociology*, 23 (4), 720-739, DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739, EDN: FQZJXO. (In Russian)

Zaborova, E. N. (2024), "Interaction between government and population: electronic realities", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (2), 122-134, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9, EDN: KPVQJZ. (In Russian)

Zyablikov, A. V., Maksimenko, A. A., Akhunzianova, F. T. and Zaitsev, A. V. (2023), "Interaction between authorities and society in online dialogue: a case study of the Kostroma region", *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo*, 13 (6), 28-46, DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46, EDN: UWZJTB. (In Russian)

- Krivopuskov, V. V. (2024), "The role of the regional community as a factor in the consolidation of Russia", *Humanitarians of the South of Russia*, 13 (1), 44-55, DOI: 10.18522/2227-8656.2024.1.2, EDN: DHEIWQ. (In Russian)
- Leontyeva, M. M. and Sanina, A. G. (2025), "From informing to interaction? Features of the development of digital communication channels between citizens and authorities in the regions of Russia", *Mir Rossii*, 34 (2), 49-74, DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-2-49-74, EDN: GKHJHB. (In Russian)
- Merzlyakov, A. A. (2024), "Problems of interaction between government and population in the implementation of national projects", *Russia Reforming*, (22), 308-338, DOI: 10.19181/ezheg.2024.12, EDN: THYNQV. (In Russian)
- Murzina, I. A. and Retinskaya, V. N. (2024), "Society and state in the digital reality of modern Russia", *Social and Humanitarian Knowledge*, (9), 62-66. (In Russian)
- Myslivets, N. L. (2023), "Social consolidation of society in the context of modern social practices", *Sotsiologicheskii almanakh*, (14), 217-224. (In Russian)
- Nikovskaya, L. I. (2024), "Request for change: public expectations and the modality of presentation", *Sociopolitical Sciences*, 14 (4), 27-33, DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-27-33, EDN: NMZKXW. (In Russian)
- Revyakin, S. A. (2018), "On the effectiveness of electronic platforms for citizen participation in public administration", *Public Administration Issues*, (2), 94-112, EDN: UTSSIR. (In Russian)
- Kranzeeva. E. A., Golovatsky. E. V. and Burmakina A. L. [et. al.] (2025), *Setevaya sotsialno-politicheskaya mobilizatsiya v sibirskikh regionakh resursnogo tipa: kollektivnaya monografiya* [Network socio-political mobilization in the resource-type Siberian regions: collective monograph], Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. (In Russian)
- Trotsuk, I. V. and Dursina, A. N. (2025), "The digital vector of communication development between authorities and the population in modern Russian society", *RUDN Journal of Sociology*, 25 (1), 182-202, DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202, EDN: ETHFJQ. (In Russian)
- Khunagov, R. D. (2023), "Consolidation processes in the regional society: stages of formation and resource potential", *Humanitarians of the South of Russia*, 12 (5), 45-58, DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.3, EDN: FNDCQS. (In Russian)
- Chigrin, V. A. and Uzunov, V. V. (2022), "Features of social consolidation of regional communities in the South of Russia", *Humanitarians of the South of Russia*, 11 (1), 150-159, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11, EDN: ZYZNSE. (In Russian)
- Aiken, M. (1969), "Community Power and Community Mobilization", *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 385 (1), 76-88, DOI: 10.1177/000271626938500108, EDN: JLBOYF.
- Dempsey, S. (2026), "Mobilizing Potential: Pathways to Engaged Citizenship", *Qualitative Sociology*, (49), 137-159, DOI: 10.1007/s11133-025-09622-z, EDN: GZBPFZ.
- Luguzan, C. (2017), "Information technology and social cohesion: A tale of two villages", *Journal of Rural Studies*, (54), 426-434.
- Üblacker, J., Liebig, S., Hamad, H. (2024), "Catalysts of connection. The role of digital information and communication technology in fostering neighbourhood social cohesion: A systematic review of empirical findings", *Urban Studies*, 61(16), 3167-3186.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2025 г. Поступила после доработки 18 августа 2026 г.
Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 15 November 2025. Revised 18 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Брандт Яна Александровна, младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.
Yana A. Brandt, Junior Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Бурмакина Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Anna L. Burmakina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Рыбакова Оксана Сергеевна, лаборант-исследователь учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Oksana S. Rybakova, Research Assistant at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Кранзеева Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований, заведующая кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Elena A. Kranzeeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

УДК 314.2; 314.06; 314.145

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-7

Теоретическая статья

Рославцева М. В.

К вопросу о демографическом поведении мигрантов из стран Северной Евразии в России: теоретический подход

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН,
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
maria.roslavtseva@yandex.ru

Аннотация. В рамках статьи формулируется определение понятия «демографическое поведение мигрантов» с помощью теоретического анализа его смыслового содержания. Подчеркивается, что оно обусловлено взаимодействием с инокультурной средой, что накладывает специфику на стратегии демографического поведения. Были выявлены особенности брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения мигрантов в первую очередь из стран Северной Евразии в Россию. При изучении брачного поведения разграничиваются браки иностранцев и смешанные союзы. Репродуктивное поведение исследовано в том же ракурсе, но в то же время включает сравнение числа матерей и отцов–иностранцев, и кроме всего прочего территориальную специфику. Самосохранительное поведение рассмотрено с позиции трудностей, которые возникают у мигрантов. По итогам теоретического анализа было сформулировано тематическое определение исследуемого понятия. Предлагается рассматривать демографическое поведение мигрантов как совокупность брачных, репродуктивных, семейных и самосохранительных установок и практик, сформированных под влиянием культуры страны исхода, институциональной среды принимающего общества, статуса и степени адаптации мигранта. В материалах используются вторичные данные статистических и социологических исследований. Сформулированное определение и описание структурных элементов демографического поведения мигрантов могут быть использованы как теоретическая основа для разработки эмпирических исследований этой темы.

Ключевые слова: демографическое поведение; миграция; адаптация; рождаемость; брачное поведение; репродуктивное поведение; самосохранительное поведение

Благодарность. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-28-02801 «Специфика региональной инфраструктуры и локальный социокультурных практик в формировании моделей демографического поведения мигрантов в субъектах Российской Федерации».

Информация для цитирования: Рославцева М. В. К вопросу о демографическом поведении мигрантов из стран Северной Евразии в России: теоретический подход // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-7.

Maria V. Roslavl'tseva

On the demographic behavior of migrants from the countries of Northern Eurasia in Russia: a theoretical approach

Institute of Social Demography, FCTAS RAS,
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
maria.roslavl'tseva@yandex.ru

Abstract. Within the framework of the article, a definition of the concept of “demographic behavior of migrants” is formulated through a theoretical analysis of its semantic content. It is emphasized that it is conditioned by interaction with a foreign cultural environment, which imposes specifics on demographic behavior strategies. The peculiarities of the marital, reproductive and self-preservation behavior of migrants, primarily from the countries of Northern Eurasia to Russia, were revealed. While studying marital behavior, foreign marriages and mixed unions were distinguished. Reproductive behaviour was also studied from this perspective, including a comparison of the number of foreign mothers and fathers, as well as territorial specifics. Self-preservation behavior is considered from the perspective of the difficulties that migrants face. Based on the results of the theoretical analysis, a thematic definition of the concept under study was formulated. It is proposed to consider the demographic behavior of migrants as a set of marital, reproductive, family and self-preservation attitudes and practices influenced by the culture of the country of origin, the institutional environment of the host society, the status and degree of adaptation of the migrant. The materials use secondary statistical and sociological research data. The formulated definition and description of the structural elements of migrants’ demographic behavior can be used as a theoretical basis for developing empirical studies on this topic.

Key words: demographic behavior; migration; adaptation; fertility; mating behavior; reproductive behavior; self-preservation behavior

Acknowledgement. The study was funded by a Russian Science Foundation grant (No. 25-28-02801) entitled “The specifics of regional infrastructure and local sociocultural practices in shaping models of migrants’ demographic behaviour in the constituent entities of the Russian Federation”.

Information for citation: Roslavl'tseva, M. V. (2026), “On the demographic behavior of migrants from the countries of Northern Eurasia in Russia: a theoretical approach”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-7.

Введение (Introduction). Предметом настоящего исследования является теоретическое осмысление демографического поведения мигрантов. Выбор области исследования продиктован тем, что оно отличается от стратегий демографического поведения местного населения. Мигрант сталкивается с бытовыми и социокультурными сложностями, которые обуславливают траектории построения демографического поведения. Он является выходцем из иной социокультурной среды, где имеются свои ценностные установки на построение института семьи и стратегий демографического поведения. Таким образом, в принимающем сообществе начинает появляться все больше альтернативных стратегий, а также происходит изменение его половозрастной структуры. Демографическое поведение как комплексное понятие в целом и его проявление у мигрантов является малоизученным в современной демографической науке. Проблема исследования состоит в том, что в настоящее время в

науке нет определения демографического поведения мигрантов как особого аналитического объекта. Цель работы – проанализировать актуальные исследования об основных структурных компонентах демографического поведения и на основе них сформулировать его определение с учетом специфики для мигрантов. Сформулированное определение, а также систематизация специфики демографического поведения мигрантов в рамках настоящего исследования могут, с одной стороны, быть использованы при дальнейшем теоретическом анализе брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения мигрантов, а с другой стороны – служить основой для разработки инструментария полевых качественных и количественных исследований, составленного на основе полученных выводов.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). В качестве методологии настоящего исследования был использован анализ теоретических источников с целью концептуализации понятия “демографическое поведение мигрантов”. Прежде всего, нами были определены ключевые особенности поведенческих стратегий мигрантов, на которые влияет специфика донорской и реципиентной среды миграционных процессов. Поведенческую специфику необходимо учитывать, потому что исследуемое нами понятие является неотъемлемой частью общей картины поведения мигрантов в принимающей среде.

Нами были отобраны актуальные научные статьи ведущих российских авторов по проблематике брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения, а также исследования, затрагивающие аспекты семейной жизни мигрантов. Статьи содержали как теоретическое осмысление исследуемых аспектов понятия, так и эмпирические данные, позволяющие выявить специфику демографического поведения этой группы.

Исходя из проведенных актуальных статистических и социологических исследований, нами были рассмотрены различные аспекты изучаемого поведения мигрантов. Брачное поведение рассмотрено нами с точки зрения изучения союзов, состоящих не только из самих мигрантов, но и смешанных браков между мигрантами и представителями принимающего общества. При рассмотрении репродуктивного поведения нами также обращено внимание на мигрантские родительские паттерны и специфику смешанных родительских пар. Отдельно нами была рассмотрена региональная специфика брачного и демографического поведения мигрантов внутри нашей страны. Самосохранительное поведение изучено прежде всего под углом тех сложностей, рисков и ограничений, которые миграционные ситуации оказывают на воспроизводство основных здоровьесберегающих и жизнесберегающих практик. Стоит также указать, что мы придерживаемся более узкого подхода к пониманию демографического поведения, который не включает миграцию, поскольку мигранты являются объектом настоящего исследования.

Стоит также отдельно упомянуть, что нас прежде всего интересовали те исследования и работы, которые посвящены миграции из стран Северной Евразии в Россию, поскольку эти страны являются преимущественными странами-донорами мигрантов. Систематизация статей по основным положениям позволила нам синтезировать различные подходы к исследованию демографического поведения мигрантов, а также различных его аспектов. Таким образом, основными методами, применяемыми в рамках настоящей статьи, являются анализ текстов, синтез и систематизация.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Одним из наиболее важных аспектов миграционного поведения людей является процесс их адаптации и интеграции в принимающем сообществе или возможный отказ от такового (Илимбетова, 2021). Адаптация и интеграция не являются самостоятельным предметом настоящей статьи, однако выступают важным контекстом демографического поведения мигрантов. Степень включенности мигранта в принимающее сообщество, устойчивость его социально-экономического положения, характер культурных и нормативных взаимодействий влияют на брачные, репродуктивные и самосохранительные стратегии. Поэтому адаптацию и

интеграцию целесообразно рассматривать не как отдельный сюжет, а как один из факторов формирования демографического поведения мигрантов. Ученые определяют процесс социальной адаптации как многоаспектный, связанный с интеграцией индивида, выражающийся в состоянии внешнего и внутреннего равновесия социальных и социокультурных отношений мигранта и среды в регионе его пребывания. Процесс адаптации мигранта обладает своими ключевыми показателями, которые включают в себя готовность к ведущей деятельности, включенность личности в различные социальные группы в рамках новой социокультурной среды и эмоциональное самоощущение индивида (Мокин, 2007).

В. Ю. Леденева выводит авторскую типологию адаптационных процессов в рамках миграционного поведения. В эту типологию входит первичная социализация мигранта, его экономическая и политико-правовая адаптация, а также биологическая, или медико-биологическая, и географическая адаптация (Леденева, 2015). Также автор в рамках своих исследований миграционных процессов выделяет две разновидности адаптации: полная и частичная (Кононов, Леденева, 2021).

Выделяют следующую типологию интеграции в рамках миграционного поведения: культурная, нормативная, коммуникативная и функциональная интеграция. Культурная интеграция отражается наличием согласованности в поведении индивида среди различных культурных образцов, норм и стандартов. Нормативная интеграция содержит в себе скоординированность культурных стандартов и действий людей, то есть в этом случае социальные нормы институтов принимающего сообщества находят отражение в повседневной деятельности. В рамках коммуникативной интеграции мигрант становится способен к обмену информацией и культурными символами, что выражает его осведомленность в рамках принимающего сообщества. Наконец функциональная интеграция выражается в том, что у мигранта оформляется его стабильная ведущая деятельность. Например, если мы говорим о трудовой миграции, то индивид становится способен к участию в экономической сфере принимающего сообщества, обмену товарами и услугами. Однако, в зависимости от изначальной цели и типологии миграции, функциональная интеграция может принимать различные формы (Юдина, 2006: 120).

В контексте исследования поведения мигрантов успешная адаптация и интеграция чаще всего означает их непосредственное участие в социальной жизни своего ближайшего окружения в принимающей среде. Это, в свою очередь, может коррелировать с их стремлениями по повышению своего уровня образования, построению карьерных траекторий, определенного положения в рамках социальной стратификации принимающего сообщества. Для настоящего исследования успешная адаптация интересна тем, что включенность индивида в социальные группы принимающей среды может служить важным фактором демографического поведения и быть стимулом для создания и расширения семьи как в рамках межэтнических союзов, так и в рамках своей этнической группы.

Изучение брачного поведения мигрантов является важной темой исследования в миграциологии (Сигарева, Сивоплясова, 2022; Пешкова, 2023, 2025; Эндрюшко, 2023) и др. Под ним понимают ряд установок, мотивов и практик, которые определяют у мигранта выбор партнера и семейных форм, а также динамику их формирования в рамках миграционной ситуации (Турдимуратова, 2026). Прежде всего, стоит отметить, что при исследовании брачного поведения мигрантов выявляют два основных вида: брачные союзы между мигрантами и с местным населением, которые также называют браками с иностранным компонентом (Сигарева, Сивоплясова, 2022).

Обращаясь к российской специфике, стоит отметить, что большое количество исследований посвящено странам Центральной Азии, таким как Кыргызстан и Таджикистан

(Пешкова, 2023, Сигарева, Сивоплясова, 2022). Существуют большие сложности в статистическом учете брачного поведения мигрантов. Доля межэтнических союзов в период 1990-х годов составляла примерно 12% (Пешкова, 2023), а количество браков с иностранным компонентом равнялось примерно 7,5% (Сигарева, Сивоплясова, 2022). Для этого периода оценки затруднительны в силу отсутствия необходимых статистических данных. По различным оценкам доля таких союзов в официальной статистике все еще неполная, а их число может достигать 25% (Эндрюшко, 2023). За счет того, что по результатам исследований, доля этнически смешанных домохозяйств достигает примерно четверти, это позволяет сделать вывод о том, что число смешанных браков аналогично (Население России..., 2009). Интересным представляется исследование историй женщин с российским гражданством, находящихся в браке с мигрантами Пешковой В. М. (Пешкова, 2025). Автор отмечает, что местный партнер в таких союзах становится не просто супругом, но и проводником и помощником в адаптационных стратегиях. В смешанных браках часто подозревают фиктивность по этой причине. В ходе исследования было выявлено, что встреча мигранта и его будущей русской супруги происходит в различных социальных контекстах, что свидетельствует об интегрированности мигрантов в различные сферы жизни. Такие союзы часто строятся благодаря женской инициативе и заинтересованности. Принятие ислама является обязательным ритуалом для допуска к заключению брака, который позволяет родственникам мужа принять инокультурную супругу. Со стороны женщины родственники, основываясь на стереотипах, изначально негативно воспринимают мигранта как ее потенциального супруга, но при дальнейшем общении напряжение снижается. Влияние родственников мужа на брак сильно зависит от ситуации и обусловлено прежде всего дистанцией и дальностью физического проживания. Еще одним путем легитимации смешанного брака в социальном окружении является деторождение. Что касается взаимоотношений супругов, то культурные различия могут становиться почвой для недопонимания, однако женщины отмечают возможность достижения компромисса.

В другой работе автор конкретизирует понятие мигрантской семьи. Под ней могут понимать транснациональную семью, которая может являться семьей, разделенной государственными границами (дистантная семья) или семьей, имеющей миграционную историю. Мигрантская семья также может подразумевать появление параллельной семьи у мигранта в регионе пребывания. Также к мигрантским семьям принято относить фиктивные союзы, заключенные с целью упрощения юридических аспектов адаптации мигранта. Наконец, отдельно в это понятие включают обычную семью, состоящую из брачного союза мигрантов и их детей. Это, как правило, моноэтнические нуклеарные семьи, которые переехали сюда совместно с детьми, либо родили их уже в регионе пребывания. Исследователь также отмечает, что мигрантские семьи вне зависимости от их формы испытывают большие барьеры и сложности в повседневной жизни, связанные с необходимостью сочетания культур. В то же время наличие семьи является мощным стимулом для адаптации и интеграции в принимающую среду. В настоящее время мигрантская семья склонна двигаться от традиционной модели к более секулярным вариантам семейной жизни. Однако становится распространенной также тенденция, где мигранты отдают предпочтение религиозным бракам вместо официальных союзов (Пешкова, 2023).

Среди исследований, осуществленных методом экспертного опроса, стоит отметить работу Г. Р. Турдимурадовой (Турдимурадова, 2026). Несмотря на неполноту описания полученных данных, представляется возможным оценить разницу в оценках экспертов мотивации к вступлению в брак у российского населения и приезжающих мигрантов.

Очевидно, что брачные мотивы мигрантов видятся экспертами как более прагматичные. Эксперты менее склонны располагать мотив бракосочетания на основе эмоциональной привязанности у мигрантов как основной, выделяя в качестве приоритета экономическую стабильность, легализацию статуса и социальную интеграцию мигрантов. Создание семьи и рождение детей является одинаково приоритетной целью брака у обеих групп. Роль культурных и религиозных традиций как движущие силы брачного поведения эксперты примерно одинаково оценивают для россиян и мигрантов – на 7 и 8 баллов из 10 соответственно. Однако для второй группы они все же являются более приоритетными.

В научной литературе исследование брачного и репродуктивного поведения мигрантов чаще всего осуществляется комплексно. Репродуктивное поведение мигрантов при этом подразумевает систему действий со стороны мигранта и его отношений, которые выражаются в рождении определенного числа детей или отказе от деторождения (Осадчая, Юдина, Кочербаева, 2023). Работы Е. П. Сигаревой и С. Ю. Сивоплясовой изучают иностранную брачность и рождаемость как абсолютные и относительные показатели у лиц с иностранным гражданством или с наличием иностранного компонента (Сигарева, Сивоплясова, 2022). Авторы отмечают, что (смешанные по гражданству союзы) не превышают 7,5% в период с 2016 по 2018 гг. Изменения в этом показателе произошли в 2019 г. в связи с пандемией коронавируса, и доля иностранных браков в общем числе снизилась менее чем до 5%. Параллельно с этим увеличилась доля брачных союзов с неуказанным гражданством на сопоставимое с этим значение. Более всего снизилась доля тех браков, где невеста является иностранкой. Соответственно, пандемия внесла коррективы в брачное поведение прежде всего женщин-мигранток.

Что касается исследования репродуктивного поведения, то здесь авторы также проводят подробный количественный анализ. Они отмечают, что почти 13% всех рождений приходится на гражданство родителей, которое невозможно установить. За 2020 г. иностранцами было рождено 1,5%, а смешанными союзами было рождено 3,1% от общего числа рождений – в сумме 4,6% или 57 тыс. детей. По федеральным округам в рождаемости иностранцев имеются различия почти в 5 раз: в Северо-Западном федеральном округе доля таких рождений достигает 7,2%, а в Северо-Кавказском – 1,5%. Прежде всего иностранная рождаемость сосредоточена в Центральном федеральном округе. В зависимости от субъекта отличается число матерей и отцов в рождаемости с иностранным компонентом.

Альтернативой официальной статистике в качестве источника информации о брачном и репродуктивном поведении мигрантов являются социологические исследования. Согласно данным нерепрезентативного опроса Г. И. Осадчей, проведенного методом снежного кома, порядка четверти респондентов приезжают в московский регион уже находясь в зарегистрированном браке и примерно такое же количество являются холостыми, порядка 12% сожительствуют (Осадчая, Юдина, Кочербаева, 2023). Большая часть мигрантов является потенциальной частью брачного рынка московского региона. Более 35% мигрантов при этом приезжают в Москву в одиночку, а чуть менее четверти – с семьей. Исследователи также отмечают случаи, при которых мигранты заключали новые союзы при наличии семьи на родине. Порядка 20% опрошенных отметили, что сталкивались с таким либо лично, либо через своих знакомых.

Что касается воспроизводства населения, то в рамках исследования большинство опрошенных мигрантов репродуктивного возраста от 18 до 45 лет имели 1 или 2 ребенка, что в целом соответствует модели воспроизводства местного населения. Однако в сравнении с местными жителями, наличие трех и более детей в 3 раза чаще встречается именно у мигрантов. Молодые мигрантки имеют более ранние рождения первых и последующих

детей. В отличие от местного населения мигранты чаще говорят о том, что расширенная модель воспроизводства является идеальным числом детей для их семьи. Трех и более детей хотели бы иметь 42% мигрантов против 17% жителей столицы. Среди мигрантов и москвичей этот вопрос часто вызывал затруднение, что может говорить о том, что мигранты приезжают сюда прежде всего с трудовой целью, не задумываясь о перспективах построения семьи. Авторы подтвердили гипотезу о том, что семьи мигрантов больше строятся на традиционалистской системе отношений, уважении старших и лидерстве представителей мужского пола в решении семейных вопросов. Логично, что представители московского региона гораздо активнее проявляют интерес к равной модели супружеских отношений, где нет четкого лидера и вопросы решаются коллегиально.

В теоретическом анализе исключительно репродуктивного поведения мигрантов можно выделить три основных гипотезы. Первой из них является гипотеза адаптации, суть которой заключается в том, что мигранты постепенно меняют свою репродуктивную модель, приближаясь к паттернам местного населения. Вторая гипотеза носит название гипотезы социализации и отмечает, что ключевым фактором при выборе репродуктивной модели будут те установки, которые усвоены мигрантом в детстве. Третьим вариантом объяснения репродуктивных стратегий мигрантов является гипотеза разрыва, которая акцентирует внимание на внешних обстоятельствах рождения и на том, способствует ли новая среда преодолению постмиграционных трудностей и мотивации к рождению детей (Казенин, 2017). В качестве объяснения отдельных случаев для конкретных стран и гражданств мигрантов, как правило, используется сочетание этих гипотез, поскольку ни одна из них не обладает полной объяснительной силой.

Среди авторов, описывающих репродуктивное поведение мигрантов для России, можно отметить Е. В. Тонких и В. М. Пешкову (Тонких, Пешкова, 2025). В рамках своих исследований они используют два основных источника информации о рождаемости мигрантов – базы данных управления статистики населения и здравоохранения РФ. Первый из них содержит информацию о числе родившихся по гражданству матери и отца за 2011-2023 гг., а второй – об абсолютном числе родившихся по происхождению родителей за 2015-2023 гг. Данные за более поздние года в настоящее время отсутствуют, и не у всех родителей указано гражданство или место происхождения. Сведения отсутствуют у 1% матерей и порядка 12% отцов.

На матерей-иностранок приходится порядка 4% всех ежегодных рождений, и порядка 15% рожденных детей от отцов иностранцев в среднем за исследуемый период. Абсолютное число рожденных детей за исследуемый период снижается, однако среди женщин с гражданством стран СНГ этот показатель за то же время увеличился в 1,75 раза, а среди отцов-граждан СНГ в 1,8 раз. Эти данные наиболее ярко демонстрируют специфику репродуктивного поведения мигрантов, при котором их модели воспроизводства не всегда склонны воспроизводить паттерны местного населения. При общем снижении рождаемости, доля мигрантских рождений увеличивается, что может быть обусловлено увеличением их числа в принимающем сообществе, а также воспроизводством более традиционалистской, расширенной модели рождаемости. В Россию прежде всего осуществляется трудовая миграция молодых мужчин репродуктивного возраста, что, как уже было рассмотрено выше, может приводить к заключению союзов с иностранным компонентом и является причиной рождения большего числа детей от мужчин-иностранцев, нежели чем от женщин.

Наибольшая доля рождений негражданами РФ приходится на Дальневосточный федеральный округ, где доля таких родителей достигает почти четверти как среди матерей, так и среди отцов. Меньше всего доля иностранных рождений составляет в Южном

федеральном округе и Северо-Кавказском федеральном округе, где доля родителей иностранцев не превышает 7,5%. Среди регионов, где доля иностранных рождений растет активнее всего, выделяется Сибирский федеральный округ и Центральный федеральный округ. В первом случае доля родителей-иностранцев увеличилась примерно на 18% ежегодно, а во втором – на 30% ежегодно.

Другое исследование Тонких Е.В. содержит анализ дополнительных источников мигрантской рождаемости – акцент сделан на данных переписей населения 2010 и 2020 гг. (Тонких, 2024). За десятилетие вклад кыргызов, узбеков и таджиков в рождаемость вырос на 0,1, 0,2 и 0,3%, соответственно. Ключевой вклад в рождаемость у центральноазиатских мигрантов связан с рождением вторых, третьих и четвертых детей. Таким образом, у представителей Центральноазиатского региона наблюдается социализационный тип репродуктивного поведения. Несмотря на рост числа родителей-иностранцев и увеличение абсолютного числа рожденных от них детей, вклад этой категории в российскую рождаемость остается незначительным и не превышает 2% по всем имеющимся данным даже при падении рождаемости среди граждан РФ.

Еще одним подходом к исследованию рождаемости мигрантов является корреляционный анализ суммарного коэффициента рождаемости и миграционного прироста. Такую методологию применил для российских мигрантов А. В. Топилин. Ученый выделяет три группы стран, в зависимости от уровня рождаемости: высокий, средний и низкий. Благодаря миграционному приросту из этих стран автор оценивает, как их модель рождаемости влияет на воспроизводство населения в России в целом. Он делает акцент на том, что миграционный прирост не только обеспечивает увеличение численности населения в моменте, но и в долгосрочной перспективе оказывает влияние на рождаемость принимающей страны (Топилин, 2018). Был получен вывод, что положительная динамика суммарного коэффициента рождаемости наблюдается лишь в миграционно привлекательных регионах страны. Это косвенно подтверждает вклад мигрантов в процесс рождаемости.

Пожалуй, наименее изученным аспектом демографического поведения с точки зрения его проявления у мигрантов является самосохранительное поведение. Его определение проблематично найти в современной науке. Одно из таких исследований рассматривает проблемы поддержания здоровья среди иностранных студентов, сложности с поддержанием которого, по мнению автора, представляется социальной угрозой (Здоровье..., 2023). Т. Н. Каменева и ее соавторы подчеркивают, что большой проблемой является низкая информированность студентов о тех правах на медицинское обслуживание, которые они имеют здесь в качестве иностранных граждан. При этом студенты в целом склонны оценивать свое самочувствие и состояние здоровья положительно: почти половина указала, что чувствует себя хорошо и порядка 23% указали наличие различных видов недомогания. Среди отмеченных заболеваний иностранные студенты в подавляющем большинстве случаев говорят о психологических сложностях, связанных с психологическим дискомфортом в процессе адаптации (77,4%). Чуть более половины иностранных обучающихся покрывают свои расходы на здоровье используя полис ДМС, оплаченный государством. Более трети покрывает такие расходы из личных средств. Почти 90% студентов отметили, что диаспора не оказывает им помощь в решении медицинских вопросов.

Д. В. Полетаев в своей работе подчеркивает, что Договор о сотрудничестве стран ЕАЭС позволяет иностранным гражданам использовать полис ОМС на территории России (Полетаев, 2020). Однако, об этой возможности знает критически малое число мигрантов и еще меньшее число пользуются ей. Сравнительный анализ исследований 2016 и 2017 г. показал, что граждане Кыргызстана по мере увеличения длительности пребывания на

территории России склонны оценивать свое здоровье в более негативном ключе, особенно после 5 лет проживания в России. Автор описывает «эффект здорового мигранта», согласно которому недавно приехавшие иностранные рабочие чаще склонны оценивать здоровье положительно, поскольку на заработки приезжают трудоспособные и здоровые лица. У иностранных рабочих, в отличие от студентов, платная медицинская страховка имеется менее чем в 15% случаев. Почти четверть опрошенных предпочитает отказываться от лечения, порядка 40% обращается к врачам только в случае острой необходимости, а 17% занимаются самолечением по советам знакомых. Еще одной проблемой самосохранительного поведения мигрантов является отсутствие обязательных обследований для граждан ЕАЭС в отличие от тех, кому оно необходимо для получения патента (например, граждане Таджикистана). Уровень осведомленности о своем здоровье у граждан ЕАЭС оказывается ниже о таких заболеваниях как туберкулез и ВИЧ, особенно среди женщин. Также ученый указывает, что важную роль начинает играть диаспоральный фактор, поскольку в миграционно-привлекательных городах начинают появляться клиники с этнической направленностью в обслуживании пациентов – «киргизские клиники» (Полетаев, 2020).

Влияние различных аспектов миграционного процесса на самосохранительное поведение изучает в своей работе А. Н. Оставная (Оставная, 2022). Она отмечает, что мигранты относятся к прекарному, слабо защищенному классу, и во-многом поэтому имеют проблемы с поддержанием своего здоровья. Поэтому, необходимо рассмотреть влияние горизонтальных связей на различных этапах миграционного пути. Мигранты сами по себе являются факторами риска для собственного здоровья, не всегда воспроизводя полезные для здоровья практики, а также принимая негативные паттерны сообщества. Сообщества мигрантов в свою очередь, вместо лоббирования интересов мигрантов и продвижения информации о возможном лечении, чаще всего воспроизводят неблагоприятные условия для своих соотечественников, связанные со сверхурочным трудом и низким уровнем жизни. Страны отправления мигрантов должны адресно осуществлять медицинские обследования мигрантов как потенциальных инфекционных агентов. Принимающие же страны имеют свою климатическую специфику, а также не всегда благоприятные условия труда, что усугубляет возможность поддерживать самосохранительное поведение в процессе миграции.

Заключение (Conclusion). Подводя итог рассмотренным в рамках статьи исследованиям, мы можем отметить, что мигранты имеют свою специфику демографического поведения, обусловленную миграционной ситуацией и культурными особенностями. На основе выявленных нами специфических аспектов демографического поведения мигрантов мы можем вывести следующее определение: демографическое поведение мигрантов – это совокупность брачных, репродуктивных, самосохранительных и связанных с семейной организацией поведенческих практик и установок, формирующихся в условиях миграции под влиянием культуры страны-донора, институциональной среды принимающего общества, миграционного статуса и степени адаптации мигранта. Настоящее определение является авторским и представляет новизну работы.

Говоря о брачном поведении мигрантов, отметим, что понятийный аппарат этой сферы исследования демографического поведения достаточно обширный и не всегда четко разграниченный. В понятие мигрантской семьи включается большое число разных категорий, среди которых прежде всего можно выделить союзы мигрантов на территории России, а также межнациональные браки с местным населением. Миграция на территорию России порождает специфические формы брачного поведения, такие как семья с миграционной историей, дистантная семья, фиктивный брак или вторая семья. Статистика

брачного поведения мигрантов в России также осложнена: у нас нет достаточного понимания, какая доля отмеченных в статистике брачных союзов не является фиктивными и какое число таких союзов вообще не попадает в статистику. Согласно экспертным оценкам, для мигрантов имеют место прагматические мотивы заключения брачных союзов. В случае заключения межнационального брака, такой союз будет связан с поиском компромисса в соблюдении культурных традиций. При этом, частым условием будет являться смена религии российским партнером.

Репродуктивное поведение мигрантов балансирует между различными моделями в зависимости от страны и модели адаптации. Анализируя репродуктивное поведение мигрантов в России, стоит отметить, что вопреки распространенному мнению о высокой рождаемости представителей Центрально-Азиатских регионов, их вклад в общую рождаемость в России остается не таким значительным, однако растет в последнее десятилетие и связан прежде всего с рождением вторых и последующих детей. Среди родителей-иностранцев число мужчин-мигрантов превалирует. Большая часть иностранных рождений приходится на Северо-Западный, Центральный и Дальневосточный федеральные округа. В качестве источников данных о репродукции мигрантов можно использовать базы данных органов ЗАГС о гражданстве родителей и числе детей, рожденных иностранцами за 2011-2023 гг., а также данные Всероссийской переписи населения 2010-2020 гг. Более актуальная статистическая информация недоступна в настоящее время. Источниками информации об иностранном компоненте рождаемости также являются социологические исследования, которые позволяют восполнить статистические пробелы и оценить мотивационный аспект репродуктивного поведения.

Артикулируя полученные сведения о самосохранительном поведении мигрантов, стоит отметить, что на настоящий момент это одна из наименее изученных проблематик. В теоретическом осмыслении процесса доминирует эффект здорового мигранта, в рамках которого вновь прибывшие иностранцы более положительно оценивают свое здоровье, чем после длительного пребывания. Для мигрантов существует большое количество рисков в рамках самосохранительного поведения, которые связаны как с самими мигрантами, их сообществами, отправляющими и принимающими странами. Одним из наиболее значимых аспектов является низкая информированность как образовательных, так и трудовых мигрантов о возможностях поддержания своего здоровья в стране пребывания. Многие мигранты выбирают отказ от лечения либо обращение к врачам в экстренных ситуациях. При этом ослабление миграционного законодательства зачастую не ведет к упрощению самосохранительного поведения, а наоборот позволяет мигрантам избегать дополнительных медицинских обследований и снижает их информированность о своем здоровье.

Мы можем говорить о таком аспекте адаптации и интеграции мигранта, как демографический, согласно которому экономическая адаптированность и функциональная интеграция дают мигранту возможность расширить сферы деятельности в принимающем сообществе в том числе в вопросах создания своей семьи или ее перемещения в страну пребывания. Сформированное демографическое поведение мигранта может являться признаком его успешной интеграции в принимающее сообщество и быть отдельным аспектом адаптационной стратегии.

Полученные выводы позволят нам акцентировать внимание на выявленных особенностях демографического поведения и его составных аспектах. Обозначенные особенности будут учтены нами в рамках дальнейшего проведения самостоятельного эмпирического исследования демографического поведения мигрантов.

Список литературы

- Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144-155. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155.
- Здоровье мигрантов в контексте глобализационных образовательных процессов / Каменева Т. Н., Кунилова К. Д., Надуткина И. Э., Знахарчук Ф. Р. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 157-165. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-157-166. EDN: IEBLXY.
- Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 6-79. DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7528.
- Кононов Л. А., Леденева В. Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 103-112. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112.
- Леденева В. Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и общество. 2015. № 6(126). С. 717-728. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.10786. EDN: UBIDVL.
- Мокин К. С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде. Автореферат ... докт. социол. наук. Саратов, 2007. 40 с. EDN: SNDFKP.
- Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 334 с.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78-91. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5. EDN: OFLPIM.
- Оставная А. Н. Роль субъектов миграционного процесса в решении проблем здоровья мигрантов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. № 2. С. 162-174. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.12. EDN: VIKHGI.
- Пешкова В. М. «Русские» жены мигрантов: семейные границы и повседневные практики интеграции в смешанных браках // Теория и практика общественного развития. 2025. № 12. С. 84-91. DOI: 10.24158/tpor.2025.12.9.
- Пешкова В. М. Отношение к бракам с мигрантами как показатель социального взаимодействия и уровня ксенофобии (на примере Москвы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6 (178). С. 171-196. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2476.
- Полетаев Д. В. Здоровье трудовых мигрантов из ЕАЭС в России (на примере мигрантов из Киргизии) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 521-541. DOI: 10.47711/2076-318-2020-521-541.
- Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68-91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6.
- Тонких Е. В. Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 6. С. 243-259. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13.
- Тонких Е. В., Пешкова В. М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 49-56. DOI: 10.24158/tpor.2025.1.5. EDN: ZUTDOA.
- Топилин А. В. Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 59-66. EDN: VNVQUF.
- Турдимуратова Г. Р. Семейные узы вдали от дома: как мигранты строят свои брачные стратегии в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 1. С. 65-70. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-1-25.
- Эндрюшко А. А. Брачный выбор иммигрантов в России: основные характеристики и связь с интеграцией // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 17-30. DOI: 10.31857/S013216250026581-2.

Юдина Т. Н. Классические и современные теории миграции в западной традиции // Социология миграции. Учебное пособие для ВУЗов. М., 2006. 272 с.

References

- Ilimbetova, A. A. (2021), "Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches", *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, (2), 144-155, DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. (In Russian)
- Kameneva, T. N., Kunilova, K. D., Nadutkina, I. E., Znakharchuk, F. R. (2023), "Migrant health in the context of globalizing educational processes", *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, (2), 157-165, DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-157-166, EDN: IEBLXY. (In Russian)
- Kazenin, K. I. (2017), "Birth rate in migrant families: data, hypotheses, models (review of foreign studies)", *Demograficheskoe obozrenie*, 4(4), 6-79, DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7528. (In Russian)
- Kononov, L. A., Ledeneva, V. Yu. (2021), "Adaptation and integration of international migrants: theoretical and methodological problems", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65 (4), 103-112, DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112. (In Russian)
- Ledeneva, V. Yu. (2015), "Forms and models of social adaptation and integration of migrants", *Politika i obshchestvo*, (6(126)), 717-728, DOI: 10.7256/1812-8696.2015.6.10786, EDN: UBIDVL. (In Russian)
- Mokin, K. S. (2007), *Strategii adaptatsii etnicheskikh migratsionnykh soobshchestv v polikulturnoi srede* [Strategies for the adaptation of ethnic migration communities in a multicultural environment], Abstract of the Doctor of...sociological sciences, Saratov, Russia, EDN: SNDFKP. (In Russian)
- Naselenie Rossii 2009: Semnadtsatiy ezhegodnyi demograficheskiy doklad [Population of Russia 2009: The Seventeenth Annual Demographic Report] (2011), ed. by A. G. Vishnevsky, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 334. (In Russian)
- Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. (2023), "Reproductive behavior of migrants from Central Asian countries in the Moscow agglomeration", *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 3 (4), 78-91, DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5, EDN: OFFLPIM. (In Russian)
- Ostavnaya, A. N. (2022), "The role of subjects of the migration process in solving the health problems of migrants", *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, (2), 162-174, DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.12, EDN: BIKHGJ. (In Russian)
- Peshkova, V. M. (2025), "Russian" migrant wives: family boundaries and everyday integration practices in mixed marriages", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (12), 84-91, DOI: 10.24158/tipor.2025.12.9. (In Russian)
- Peshkova, V. M. (2023), "The attitude towards marriages with migrants as an indicator of social interaction and the level of xenophobia (in the example of Moscow)", *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 6 (178), 171-196, DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2476. (In Russian)
- Poletaev, D. V. (2020), "The health of labor migrants from the EAEU in Russia (on the example of migrants from Kyrgyzstan)", *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN*, (18), 521-541, DOI: 10.47711/2076-318-2020-521-541. (In Russian)
- Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Y. (2022), "The influence of external migration on marriage and fertility in modern Russia", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (1), 68-91, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6. (In Russian)
- Tonkikh, E. V. (2024), "Assessment of the impact of migration from Central Asian countries on the birth rate in Russia", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 17 (6), 243-259, DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13. (In Russian)
- Tonkikh, E. V., Peshkova, V. M. (2025), "Birth rate among migrants from Central Asian countries in Russia: the regional aspect", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (1), 49-56, DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5, EDN: ZUTDOA. (In Russian)
- Topilin, A. V. (2018), "The influence of migration processes on demographic dynamics and fertility in Russian regions", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, (4), 59-66, EDN: VNVQUF. (In Russian)
- Turdimuradova, G. R. (2026), "Family ties away from home: how migrants build their marriage strategies in Russia", *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (1), 65-70, DOI: 10.24412/2220-2404-2026-1-25. (In Russian)

Andreushko, A. A. (2023), "The marriage choice of immigrants in Russia: main characteristics and connection with integration", *Sociological research*, (7), 17-30, DOI: 10.31857/S013216250026581-2. (In Russian)

Yudina, T. N. (2006), "Classical and modern theories of migration in the Western tradition", *Sociologiya migratsii* [Sociology of migration. Textbook for universities], Moscow, Russia, 272. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2026 г. Поступила после доработки 26 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 22 June 2026. Revised 26 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник Центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынка труда Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Maria V. Roslavl'tseva, Junior Researcher at the Center for the Study of Migration Processes, Labor Resources, and the Labor Market of the Institute of Social Demography, FCTAS RAS, Moscow, Russia.

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-8

Исследовательская статья

¹Хрипкова Д. В. ²Хрипков К. А. ³Соловьев Д. Ю. ⁴Юркова О. Н. ⁵Соловьева Н. Е. **Цифровой социальный капитал как фактор
пространственной адаптации: региональные сообщества
России в новой геополитической оптике**

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия

¹davtyan@bsuedu.ru²khripkov@bsuedu.ru³1394276@bsuedu.ru⁴yurkova@bsuedu.ru⁵solovjeva@bsuedu.ru

Аннотация. *Актуальность.* В современных условиях характеризующихся существенной трансформацией геополитического пространства и ограничения традиционных каналов межрегионального взаимодействия практики взаимодействия различных акторов регионального пространства в цифровой среде становятся ключевым фактором перестройки территориальной связанности. В сложившихся обстоятельствах, цифровой социальный капитал выступает не просто технологическим дополнением, а механизмом пространственной адаптации региональных сообществ, компенсирующим дефицит физической мобильности и внешнеэкономических связей. *Проблема исследования* заключается в выявлении условий, при которых цифровой социальный капитал трансформируется из инструмента индивидуальной коммуникации в ресурс коллективной устойчивости региональных сообществ, а также в оценке противоречия между его адаптационным потенциалом и рисками цифровой фрагментации территорий. *Научные результаты.* На основе междисциплинарного теоретического анализа и данных экспертного опроса сформулировано рабочее определение цифрового социального капитала как ресурса региональных сообществ, интегрирующего цифровые компетенции, платформенные связи и нормы сетевого доверия. Выявлено, что его адаптационная функция реализуется через гибридные онлайн-офлайн практики, позволяющие преодолевать пространственные ограничения и диверсифицировать каналы ресурсного обмена. Показано, что эффективность цифрового капитала зависит от укоренённости в локальных нормах взаимности, а его ограничением остаётся неравномерное цифровое развитие регионов, создающее риски пространственной маргинализации.

Ключевые слова: цифровой социальный капитал; пространственная адаптация; региональные сообщества; цифровые сети; геополитическая трансформация; цифровое неравенство; сетевое доверие

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2026-0048 «Цифровой социальный капитал как фактор повышения

устойчивости и инновационного потенциала региональных сообществ в России: формирование, конструирование и воспроизводство».

Информация для цитирования: Хрипкова Д. В., Хрипков К. А., Соловьев Д. Ю., Юркова О. Н., Соловьева Н.Е. Цифровой социальный капитал как фактор пространственной адаптации: региональные сообщества России в новой геополитической оптике // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 116-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-8.

Research article

¹Diane V. Khripkova

²Kirill A. Khripkov

³Dmitry Yu. Soloviev

⁴Olga N. Yurkova

⁵Natalia E. Solovieva

**Digital social capital as a factor of spatial adaptation:
regional communities of Russia in a new geopolitical
context**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

¹davtyan@bsuedu.ru

²khripkov@bsuedu.ru

³1394276@bsuedu.ru

⁴yurkova@bsuedu.ru

⁵solovjeva@bsuedu.ru

Abstract. *Relevance.* In the context of the transformation of geopolitical space and the restriction of traditional channels of interregional interaction, digital practices are becoming a key factor in the restructuring of territorial connectedness. Digital social capital acts not merely as a technological supplement, but as a mechanism for the spatial adaptation of regional communities, compensating for the deficit of physical mobility and external economic ties. *The scientific problem* lies in identifying the conditions under which digital capital transforms from a tool of individual communication into a resource of collective resilience, as well as in assessing the contradiction between its adaptive potential and the risks of digital fragmentation of territories. *Scientific results.* Based on an interdisciplinary theoretical analysis and expert survey data, a working definition of digital social capital is formulated as a resource of regional communities that integrates digital competencies, platform-mediated connections, and norms of network trust. It is revealed that its adaptive function is realized through hybrid online-offline practices, enabling communities to overcome spatial constraints and diversify channels of resource exchange. It is shown that the effectiveness of digital capital depends on its embeddedness in local norms of reciprocity, while its limitation remains the uneven digital development of regions, which creates risks of spatial marginalization.

Keywords: digital social capital; spatial adaptation; regional communities; digital networks; geopolitical transformation; digital inequality; network trust

Acknowledgment. The study was carried out within the framework of the State Assignment Project, FZWG-2026-0048, “Digital Social Capital as a Factor in Enhancing the Resilience and Innovation Potential of Regional Communities in Russia: Formation, Construction, and Reproduction”.

Information for citation: Khripkova, D. V., Khripkov, K. A., Soloviev, D. Yu., Yurkova, O. N., Solovieva, N. E. (2026), "Digital social capital as a factor of spatial adaptation: regional communities of Russia in a new geopolitical context", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 116-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-8.

Введение (Introduction). Современная трансформация геополитического пространства Северной Евразии характеризуется парадоксальной пространственной динамикой. С одной стороны, внешнеполитические ограничения, логистические разрывы и институциональные барьеры физически «сжимают» территориальную связанность региональных сообществ, сокращая традиционные каналы межрегионального и транснационального взаимодействия. С другой стороны, цифровые практики, развитие платформенных экосистем и расширение сетевых коммуникаций активно «растягивает» и гибридизирует это пространство, создавая новые формы территориальной связанности, независимые от географических дистанций и инфраструктурных ограничений. Такой дуализм трансформирует классические представления о пространстве как исключительно физико-географической категории и актуализирует необходимость его социологического переосмысления в условиях цифровой перестройки социальных отношений.

В этих условиях цифровой социальный капитал постепенно трансформирует устоявшиеся модели территориальной связанности и социальной кооперации и приходит на смену традиционным формам капитала. Учитывая современные геополитические тренды, цифровой социальный капитал становится не только вспомогательным ресурсом, но и одним из инструментов пространственной адаптации, который способен компенсировать структурные ограничения и поддерживать региональную устойчивость в условиях внешнеполитической перестройки.

В современной литературе недостаточно изучено, как именно процессы формирования, конструирования и воспроизводства цифрового капитала в региональных сообществах России компенсируют дефицит физической мобильности и разрывы внешних интеграционных связей, а также каким образом они трансформируют локальные практики устойчивости и инновационного развития.

Цель исследования – определить возможности и ограничения применения цифрового социального капитала как механизма пространственной адаптации регионов, обосновав предположения о том, каким образом процессы его формирования, конструирования и воспроизводства способны влиять на устойчивость и инновационный потенциал региональных сообществ в условиях геополитической реконфигурации.

Методология и методы (Methodology and Methods). Концепция социального капитала начала существенно трансформироваться с процессами массовой цифровизации/дигитализации. Классическая парадигма социального капитала была заложена в зарубежной социологии конца XX века, когда американский политолог Р. Патнем, который сформулировал классическую парадигму, определяющую социальный капитал через «устойчивые сети взаимодействия, межличностное доверие и нормы коллективной кооперации» (Патнем, 2000: 283-284). В современном контексте эти классические элементы переосмысливаются с учётом виртуальной архитектуры коммуникации, что требует адаптации теоретического инструментария к реалиям цифровой среды.

Обратимся к зарубежным исследованиям. В относительно ранних исследованиях по изучаемой проблематике (С. Julien, L. Mandarano, M. Meenar, С. Steins) цифровой капитал рассматривался через призму «использования социальных платформ для установления и поддержания связей, а также цифровой грамотности как необходимого условия эффективного сетевого взаимодействия» (Julien, Mandarano, Meenar, Steins, 2015: 358).

Особое внимание уделялось сетевому измерению социального капитала. Авторы подчеркивали, что: «способность формировать и поддерживать социальные связи через цифровые каналы существенно расширяет доступ к знаниям и ресурсам, преодолевая пространственные и институциональные ограничения традиционного социального капитала» (Julien, Mandarano, Meenar, Steins, 2015: 359). Параллельно исследователи (D. Calderon Gomez, M. Ragnedda) указывали на «критическую роль онлайн-доверия, отмечая, что его дефицит снижает устойчивость цифровых сетей и ограничивает реализацию адаптивного потенциала цифрового капитала» (Ragnedda, 2018: 2367).

Зарубежные исследователи одни из первых рассматривали цифровой капитал как многомерный ресурс, объединяющий сетевые связи, цифровые компетенции, и социокультурные практики, что сформировало концептуальную основу нового типа социального капитала, характерного для цифровой эпохи.

Значительный вклад в развитие теории цифрового капитала внесли М. Рэгнедда и М. Л. Руйу (Ragnedda, Ruiu, 2020), концептуализирующие его как автономную форму капитала, отличную от экономического, культурного и социального.

Опираясь на теоретический аппарат П. Бурдьё, авторы настаивают на строгой операционализации концепта, что необходимо для его эмпирической измеримости. Центральный элемент их подхода – выделение структурных подкомпонентов цифрового капитала, позволяющее строить количественные модели его оценки. Особое внимание уделяется связующей функции данного ресурса, которая интегрирует офлайн-капитал и социальный опыт с онлайн-практиками, определяя качество цифрового участия и выступая медиатором, трансформирующим виртуальное взаимодействие в измеримые социально-экономические результаты (Ragnedda, 2018: 2367).

Цифровизация множества сфер развития общества обусловила повышение интереса российских исследователей к анализу категории «цифровой капитал». Отечественные авторы трактуют его как интегральный показатель, объединяющий цифровую грамотность, доступ к технологиям и эффективность их применения в социальных и экономических практиках (О. А. Игумнов, К. И. Насыбуллина, Е. А. Поддячая) (Игумнов, 2022), (Насыбуллина, 2023), (Поддячая, 2024). Центральное место занимает анализ связи цифрового капитала с социальным неравенством, в частности подчеркивается, что цифровой разрыв в России воспроизводится не только в оси «город – село», но и между социально-демографическими группами. В этой связи особое внимание уделяется разработке методологий оценки, включающих техническую оснащённость, образовательный уровень и навыки критической адаптации к цифровым трансформациям.

В российских исследованиях посвященных изучению цифрового социального капитала можно выделить два направления, это интеграция в повестки цифровой экономики и инновационного развития (Р. С. Чистов, Е. В. Пустовалова, Г. В. Рябкова) (Чистов, Савочкин, 2024), (Пустовалова, 2024), (Рябкова, Гариров, Гареева, 2024) и формирование запроса на институциональные стратегии повышения цифровой компетентности как фактора снижения неравенства (М. Р. Роженцова, Н. В. Торопова) (Роженцова, 2024), (Торопова, 2020). Российские исследователи ориентированы как на выявление специфики процессов цифровизации (в национальном масштабе), так и на поиск прикладных решений.

В условиях геополитической реконфигурации Северной Евразии возникает вопрос: «Рассматривалась ли связь цифровизации и пространственной трансформации в контексте социального капитала?». Прямых работ, посвящённых цифровому социальному капиталу как механизму пространственной адаптации регионов, в научной литературе пока недостаточно. Вместе с тем, ряд зарубежных и отечественных исследований косвенно затрагивает эту проблематику через анализ цифровой геополитики, трансформации суверенитета и региональной интеграции в цифровые экосистемы (D. Ciuriak, W. Mohammadi и пр.) (Ciuriak,

Mohammedi, 2023). Эти работы признают влияние цифровизации на перестройку территориальных связей и социальных практик, что создаёт теоретический фундамент для изучения цифрового социального капитала в новой геополитической оптике – как фактора, опосредующего адаптацию региональных сообществ России к структурным сдвигам.

В контексте исследуемой темы особый интерес представляет так называемая цифровая геополитика (digital geopolitics) – направление, изучающее, как цифровые технологии трансформируют традиционные механизмы пространственной власти и территориальной организации. И. З. Зироевич, показывает, как цифровая трансформация «размывает границы между внутренними и внешними государственными практиками, создавая новую динамику власти, в которой акторами геополитического влияния становятся не только государства, но и платформенные корпорации, сетевые сообщества и алгоритмические системы» (Зироевич, 2024: 77). Несмотря на то, что данные работы не фокусируются непосредственно на социальном капитале, они признают, что цифровизация качественно меняет архитектуру пространственных связей и социальных взаимодействий.

Методологическую основу исследования составила междисциплинарная рамка, интегрирующая теорию социального капитала (П. Бурдье, Р. Коулман, Р. Патнем) и теорию сетевого общества (М. Кастельс). Такой подход позволяет анализировать цифровой социальный капитал не как изолированный ресурс, а как механизм пространственной адаптации, опосредующий трансформацию социальных связей, доверия и норм кооперации в условиях геополитической реконфигурации.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты экспертного опроса «Экспертная оценка факторов цифрового капитала в постпандемийный период» (ноябрь 2024 г., N=35), реализованного среди респондентов, рекрутированных из профессиональных сред ИТ, социологии и региональной экономики. Формирование экспертной панели производилось на основе целевого квотного дизайна, ориентированного на обеспечение репрезентативности выборки. Ключевыми критериями включения являлись: наличие профессионального стажа в профильной области продолжительностью не менее двух лет, документально подтверждённый опыт участия в проектах цифровой трансформации, социального развития либо информационной безопасности, а также компетентность в вопросах региональной специфики. Респонденты были стратифицированы по пяти профессиональным категориям: академическое сообщество (40%), представители государственных органов власти (30%), некоммерческий сектор и гражданские инициативы (20%), ИТ-индустрия (10%) и медийная сфера (10%).

Сбор первичных данных производился методом стандартизированного анкетирования. Инструментарий опроса включал 24 вопроса, консолидированных в четыре содержательных модуля (идентификация консенсусных представлений о структурных компонентах и индикаторах цифрового социального капитала; оценка функционального потенциала данного ресурса в контексте антикризисного управления; диагностика барьеров трансляции онлайн-солидарности в офлайн-практики; анализ рисков информационной безопасности и механизмов институционального закрепления ресурса). Обработка полученных массивов данных осуществлялась с применением методов описательной статистики и компаративного анализа суждений между выделенными профессиональными группами. Содержательный анализ экспертных оценок позволил идентифицировать доминирующие тренды, институциональные лимитации и системные закономерности генезиса цифрового социального капитала в региональных сообществах Российской Федерации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В рамках исследований, посвященных социальным взаимодействиям и коллективным действиям интернет, нередко редуцируется до инфраструктурного канала коммуникации, не привносящего принципиально новых онтологических свойств. Подобная методологическая

установка допускает прямую экстраполяцию классических концепций социального капитала на цифровую среду с сохранением традиционных дефиниций и измерительных процедур. В рамках этого подхода П. Бурдье определяет социальный капитал как «совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, детерминированных принадлежностью к устойчивым сетям взаимных связей» (Бурдье, 2002: 60). Р. Патнем дифференцирует его на ««связующий» (bonding), формируемый внутри гомогенных групп на основе сильных связей, и «соединяющий» (bridging), опирающийся на слабые межгрупповые контакты» (Патнем, 2000). Дж. Нахапиец и С. Гошал вводят структурный, реляционный и когнитивный модусы капитала, акцентируя генеративную роль доверия, разделяемых норм и ценностных ориентаций (Нахапиец, Гошал, 1998).

В современных социологических исследованиях ученые все чаще отказываются от идеи противопоставления физического (офлайн) и виртуального (онлайн) пространств, фиксируя их неразрывную связанность. Например, С. А. Гришаева указывает на то, что: «Виртуализация современной жизни сформировала виртуальное пространство (онлайн-среду), которое существует параллельно реальному (оффлайн) пространству. Практически каждый индивид современного общества существует одновременно и онлайн, и оффлайн (причем, далеко не всегда по собственной инициативе). Множество современных официальных сервисов оцифровываются, следовательно, каждый гражданин присутствует в онлайн-среде как налогоплательщик, квартиросъемщик и т.п. Кроме того, у каждого индивида может возникнуть ситуация, когда он попадает в онлайн-среду благодаря действиям своего окружения, например, родителей. Появился даже новый термин – шерентинг или шарентинг (sharenting), обозначающий гибрид слов parenting (родительство) и share (делиться информацией в сети), т.е. обмен в интернете своим родительским опытом с использованием фотографий, писем и другой информации о своих детях» (Гришаева, 2020: 72).

Цифровой социальный капитал здесь выступает не как автономная сущность, а как ресурсная база, продуцируемая через платформенные интерфейсы. Его специфика определяется высокой степенью медиатизированности и сложностью сетевых конфигураций, включающих латентные и асимметричные связи. Особое значение приобретает «поддерживающий» (maintaining) капитал, обеспечивающий пролонгацию контактов в условиях асинхронной коммуникации. В отличие от классических форм, устойчивость этого ресурса напрямую зависит от интенсивности информационного обмена и алгоритмической архитектуры цифровых площадок, выступающей активным медиатором социальных взаимодействий.

Джанин Нахапиец и Саманты Гошал отмечают, что: «Измерение цифрового социального капитала требует сочетания объективных (цифровые следы, сетевая структура) и субъективных (самооценка доверия и доступности ресурсов) методов, поскольку технические метрики не фиксируют социально-психологические аспекты» (Нахапиец, Гошал, 1998: 243). Простое суммирование индивидуальных показателей не отражает капитал на уровне сообщества, что обуславливает необходимость мезоуровневого анализа. Таким образом, цифровой социальный капитал предстаёт как социально-конструируемый феномен, требующий адаптации классических теоретических схем к специфике платформенного взаимодействия.

В настоящей статье мы опираемся на результаты экспертного опроса. Анализ полученных данных демонстрирует консенсус экспертного сообщества относительно онтологии категории цифрового социального капитала, который большинством экспертов трактуется не как техническая оснащенность или инфраструктурный доступ, а как комплекс компетенций, включающий цифровую грамотность, способность навигации в инновационных экосистемах и потенциал конвертации онлайн-взаимодействий в социально-

экономические ресурсы. Утилитарная функция цифровых инструментов отмечается 75% экспертов как ключевой критерий их эффективности и способности генерировать измеримые социальные и экономические дивиденды. Такой подход разделяют и современные исследователи, например, О. Ю. Жуковская определяет цифровой социальный капитал как: «своеобразный связующий капитал между виртуальной и реальной сферами, который является аккумуляцией цифровых компетенций (информация, коммуникации, безопасность, создание контента и решение проблем) и цифровых технологий; итак, речь идет о совокупности «усвоенных способности и готовности», т. е. «внутренних ресурсов» (цифровых компетенций), и «внешних ресурсов» (цифровых технологий)» (Жуковская, 2020: 28).

Согласно экспертным оценкам, архитектура цифрового капитала формируется за счёт взаимосвязанных компонентов, образующих иерархическую структуру. Базисный уровень составляет инфраструктурное обеспечение – доступ к сетевой коммуникации и аппаратным ресурсам, создающее технико-технологическую предпосылку для генерации капитала. На этом фундаменте надстраиваются компетенциальные элементы (цифровая грамотность и навыки работы с программными средами, определяющие эффективность освоения цифровых возможностей). Информационно-контентный блок (данные, знания, цифровой контент) выполняет функцию ресурсной базы для принятия управленческих решений и развития экономических активностей. Коммуникативное измерение, реализуемое через социальные платформы и сетевые взаимодействия, обеспечивает трансляцию знаний и кооперационные связи. Завершает эту конфигурацию нематериальный компонент – репутационный капитал и уровень доверия, аккумулируемые в цифровой среде (Рисунок). Совокупность данных элементов формирует многоуровневую систему, в которой инфраструктурные, когнитивные и социально-символические ресурсы взаимно усиливают друг друга.

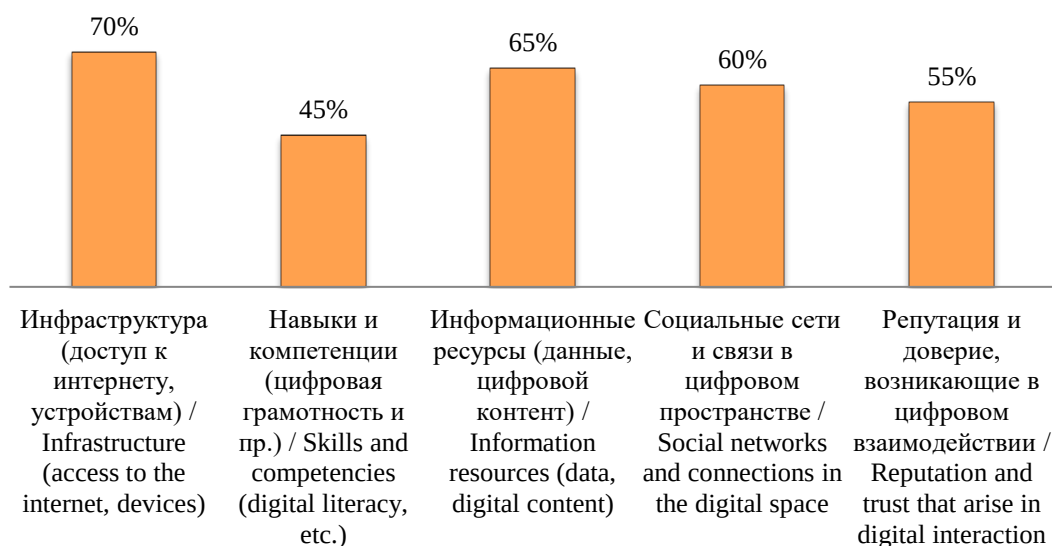

Рисунок. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Каковы, по вашему мнению, основные элементы цифрового капитала?»

Figure. Distribution of expert responses to the question: “What do you think are the main elements of digital capital?”

Анализ экспертных суждений позволяет не только описать структуру цифрового социального капитала, но и эмпирически проиллюстрировать выдвинутые в исследовании гипотезы относительно его адаптационной функции. Консенсус большинства респондентов (около 70%) относительно того, что цифровой капитал выступает функциональным

расширением социального в онлайн-среде, подтверждает предположение о том, что высокая плотность горизонтальных цифровых связей способствует более гибкой пространственной адаптации региональных сообществ. Как отмечает один из экспертов: *«Цифровой капитал расширяет привычные социальные связи, превращая локальные сети в кросс-региональные, однако без прочного социального капитала офлайн эти взаимодействия остаются поверхностными»*. Данное наблюдение указывает на то, что устойчивость адаптационных практик зависит не столько от технологической доступности, сколько от качества доверия и норм взаимности, транслируемых из физической среды в цифровую.

Экспертное сообщество интерпретирует актуализацию онлайн-кооперации как производную от постпандемийных сдвигов и структурных ограничений внешнеполитического характера. В суждениях респондентов прослеживается связь между трансформацией цифровых образовательных маршрутов, эволюцией платформенных сервисов и снижением зависимости территориальных систем от фактора географической периферийности. Вместе с тем, показатель в 40% экспертов, фиксирующих углубление цифрового разрыва, обозначает пределы компенсаторного потенциала цифровизации. Так, сообщества, характеризующиеся низкой цифровой грамотностью и инфраструктурной гетерогенностью, оказываются в зоне риска пространственной маргинализации. Эмпирическое подтверждение тезиса о рисках пространственной фрагментации содержится в недавнем исследовании В. В. Зотова и соавторов, посвящённом цифровой маргинализации в гибридном пространстве. Авторы демонстрируют, что именно начинающие пользователи, обладающие ограниченным уровнем цифровой компетентности, испытывают «дезориентацию в политико-экономических, социально-культурных и технологических аспектах жизни цифрового общества» (Зотов, Гаврильченко, Губанов, 2025: 110), а их наиболее выраженным чувством становится «страх за своё будущее и будущее близких людей». Важным для исследуемой нами проблематики является вывод авторов о том, что «цифровая маргинализация при вхождении в гибридное пространство вызвана уровнем владения населением новыми технологиями», а отсутствие потребности в их освоении «снижает мотивацию к обучению новым цифровым инструментам» (Зотов, Гаврильченко, Губанов, 2025: 123). Данное эмпирическое наблюдение коррелирует с теоретическим допущением о том, что адаптационная функция цифрового социального капитала реализуется не в автономном технологическом режиме, а исключительно через его укоренение в сложившихся социальных практиках и локальных институтах доверия.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как онлайн-взаимодействия трансформируются в измеримые социально-экономические эффекты. Эксперты отмечают, что: *«Социальный капитал служит фундаментом для эффективного использования цифровых инструментов, поскольку доверие, сформированное в реальном мире, переносится в онлайн-среду, обеспечивая глубину коммуникаций»*. Данная позиция позволяет трактовать цифровой капитал не в логике замещения традиционных форм территориальной связности, а как «мягкую инфраструктуру», опосредующую гибкую перенастройку каналов ресурсного обмена в контексте меняющейся внешней конъюнктуры. В этом контексте Е. Л. Вартанова и А. А. Гладкова обоснованно отмечают, что: «представляется, что цифровой капитал сегодня должен рассматриваться не только как отдельный, самостоятельный вид капитала, во многом обуславливающий успешность современного человека в профессиональном, общественном и личном смыслах, но и как метакapитал, влияющий на уровни обладания другими нематериальными капиталами и использования их. Очевидно, что коммуникативный и информационный капитал в настоящее время уже неразрывно связан с цифровым капиталом, возможно, даже напрямую им определяются. Как показывают современные исследования, другие виды капитала также от него зависят, в частности социальный капитал, опирающийся на сети социальных связей, которые сами все больше

формируются социальными медиа, и культурный капитал, накопление которого связано с навыками социализации – процессом, все более перемещающимся в виртуальную медиакommunikationную среду» (Вартанова, Гладкова, 2021: 26).

Синтез полученных оценок даёт основание предложить следующее рабочее определение. Цифровой социальный капитал – это специфический ресурс региональных сообществ, интегрирующий цифровые компетенции, платформенно-опосредованные связи и нормы сетевого доверия, мобилизуемые акторами для получения социальных, экономических и культурных преимуществ в условиях трансформации общественного устройства и пространственного порядка.

Операционализация предложенного определения позволяет выделить ключевые измерения цифрового социального капитала и проследить их влияние на адаптационные траектории региональных сообществ (Таблица).

Таблица

Роль компонентов цифрового социального капитала в пространственной адаптации регионов

Table

The role of digital social capital components in spatial adaptation of regions

Компонент цифрового социального капитала / The component of digital social capital	Механизм пространственной адаптации / The mechanism of spatial adaptation	Эмпирические проявления в региональных практиках / Empirical manifestations in regional practices	Адаптационный эффект в условиях трансформации внешних связей / The adaptive effect under conditions of transformation of external connections
Структурный (сетевые конфигурации, платформенные узлы) / Structural (network configurations, platform nodes)	Преодоление территориальной изоляции через формирование кросс-региональных цифровых связей / Overcoming territorial isolation through the formation of cross-regional digital connections	Создание профессиональных хабов, локальных цифровых маркетплейсов, кооперативных онлайн-сетей / The creation of professional hubs, local digital marketplaces, and cooperative online networks	Компенсация разрывов логистических и транспортных цепей; появление альтернативных каналов обмена / Compensation for disruptions in logistics and transport chains; the emergence of alternative exchange channels
Реляционный (сетевое доверие, нормы взаимности, цифровая репутация) / Relational (network trust, norms of reciprocity, digital reputation)	Трансляция офлайн-доверия в цифровую среду, снижение транзакционных издержек кооперации / Translating offline trust into a digital environment and reducing the transaction costs of cooperation	Цифровые инициативы взаимопомощи, крауд-ресурсинг, виртуальные НКО и волонтерские платформы / Digital mutual aid initiatives, crowd-sourcing, virtual NGOs, and volunteer platforms	Поддержание социальной сплочённости при сжатии физического пространства; снижение рисков локальной фрагментации / Maintaining social cohesion while compressing physical space; reducing the risks of fragmentation

Компонент цифрового социального капитала / The component of digital social capital	Механизм пространственной адаптации / The mechanism of spatial adaptation	Эмпирические проявления в региональных практиках / Empirical manifestations in regional practices	Адаптационный эффект в условиях трансформации внешних связей / The adaptive effect under conditions of transformation of external connections
	cooperation.		of local fragmentation
Когнитивный (цифровая грамотность, общие смыслы, навыки навигации) / Cognitive (digital literacy, common meanings, navigation skills)	Ускоренное усвоение новых практик, адаптация к изменённым институциональным и рыночным условиям / Accelerated adoption of new practices and adaptation to changed institutional and market conditions	Онлайн-обучение, цифровые кооперативы, shared-экосистемы знаний и данных / Online learning, digital cooperatives, shared knowledge and data ecosystems	Повышение инновационного потенциала сообществ; снижение зависимости от внешних информационных потоков / Enhancing the innovative potential of communities; reducing dependence on external information flows
Конверсионный (способность трансформировать цифровые связи в реальные ресурсы) / Conversional (the ability to transform digital connections into tangible resources)	Генерация гибридных моделей устойчивости, где онлайн-сети усиливают офлайн-действия / The generation of hybrid resilience models, where online networks enhance offline activities	Региональные цифровые стартапы, дистанционные производственные кластеры, data-sharing инициативы / Regional digital startups, remote production clusters, data-sharing initiatives	Формирование «мягкой инфраструктуры» адаптации; диверсификация источников развития в условиях внешней неопределённости / The formation of a “soft infrastructure” for adaptation; diversification of development sources under conditions of external uncertainty.

Выбор структурного, реляционного, когнитивного и конверсионного измерений цифрового социального капитала детерминирован характером адаптационных вызовов, актуализированных для региональных сообществ в условиях геополитической реконфигурации. Классическая триадическая модель, предложенная Нахapiетом и Гошалом (структурный, реляционный и когнитивный компоненты), фиксирует преимущественно статическую конфигурацию капитала, однако не раскрывает процессуальных аспектов его трансформации в фактор резильентности при экзогенных шоках. Результаты эмпирического этапа исследования (данные экспертного опроса) свидетельствуют о том, что сам по себе факт наличия сетевых структур и межсубъектного доверия не является достаточным условием обеспечения устойчивости территорий; решающее значение приобретает способность агентов осуществлять конвертацию виртуальных коммуникационных связей в осязаемые материальные ресурсы. Данное обстоятельство служит концептуальным основанием для введения четвёртого – конверсионного – компонента в качестве самостоятельной аналитической единицы, что позволяет преодолеть ограничения исходной

теоретической схемы и эксплицировать механизмы динамического использования цифрового капитала в кризисных условиях.

Итак, цифровой социальный капитал не выступает универсальным заместителем традиционных форм связанности, а функционирует как многомерный адаптационный фильтр. В условиях трансформации внешних потоков и ограничения физической мобильности именно реляционные и конверсионные компоненты становятся критическими, так как они обеспечивают устойчивость локальных практик за счёт гибридизации онлайн- и офлайн-взаимодействий. Экспертные данные подтверждают, что технологическая доступность сама по себе не гарантирует адаптационного эффекта и он реализуется лишь при наличии укоренённых норм доверия и способности сообществ конвертировать цифровые связи в измеримые социально-экономические результаты.

Заключение (Conclusions). Цифровой (виртуальный) капитал представляет собой новую форму социального капитала, которая приобретает ключевое значение в условиях цифрового общества. Проведённое исследование было направлено на осмысление цифрового социального капитала как механизма пространственной адаптации региональных сообществ России в условиях трансформирующейся внешней конъюнктуры. На основе междисциплинарной теоретической рамки и анализа экспертных оценок показано, что цифровой капитал не функционирует как автономный технологический ресурс, а выступает гибридной инфраструктурой, опосредующей перестройку социальных связей, норм доверия и кооперационных практик. Эмпирические данные подтверждают, что адаптационный потенциал реализуется через конверсию онлайн-взаимодействий в измеримые социальные и экономические результаты, при этом ключевым условием эффективности остаётся укоренённость цифровых сетей в локальных практиках взаимности. Предложенная аналитическая модель, дифференцирующая структурный, реляционный, когнитивный и конверсионный компоненты капитала, демонстрирует, что пространственная устойчивость сообществ обеспечивается не за счёт замещения физической мобильности, а благодаря формированию дополнительных контуров связанности, устойчивых к инфраструктурным и институциональным ограничениям. Цифровой социальный капитал реализует свою пространственно-адаптационную функцию не через автономность цифровых платформ, а через усиление и переформатирование существующих социальных контуров.

В прикладном аспекте интерпретация полученных результатов позволяет зафиксировать устойчивый запрос на смещение акцентов с экстенсивного расширения цифровой инфраструктуры в сторону целенаправленной поддержки конверсионных механизмов, обеспечивающих трансформацию сетевых взаимодействий в реальные социально-экономические эффекты. Представляется обоснованным включение индикаторов цифрового социального капитала в систему стратегического планирования пространственного развития регионов, с переносом фокуса внимания на качественные характеристики цифровых коммуникаций между разнородными акторами регионального сообщества.

В качестве конкретного инструмента реализации данного подхода может рассматриваться институционализация региональных цифровых хабов, выполняющих функцию операциональных посредников между спонтанно возникающими гражданскими инициативами и формальными институтами поддержки. Подобные платформы способствуют снижению транзакционных издержек межсубъектной кооперации и обеспечивают легитимацию неформальных практик взаимопомощи в официальном дискурсе. Разработчикам специализированного цифрового инструментария целесообразно интегрировать модули верификации контента и репутационные системы, конфигурируемые с учётом локальных нормативно-доверительных контекстов, что позволит минимизировать риски информационной фрагментации и деструктивных манипуляций. Приоритет в

ресурсной поддержке следует адресовать не столько технологическим платформам как таковым, сколько институциональным агентам, обладающим потенциалом трансляции норм реципрокности в цифровую среду (некоммерческие организации, локальные лидеры общественного мнения, образовательные учреждения). В отсутствие подобной «мягкой» инфраструктурной составляющей капиталовложения в материально-техническую базу («железо») рискуют трансформироваться в невостребованные активы, лишённые практической реализуемости.

Список литературы

- Бурдые П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74. EDN: OYUVRD.
- Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1. С. 3-29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329. EDN: LEKEML.
- Гришаева С. А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 70-81. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81. EDN: DWLIGU.
- Жуковская О. Ю. Социальный капитал и социальные сети в условиях цифровизации: взаимовлияние и особенности реализации // Цифровая трансформация. 2020. № 4. С. 21-33. DOI: 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33. EDN: SDYOIK.
- Игумнов О. А. Цифровизация экономики и трансформация социальных отношений: цифровой капитал vs социальный капитал // Наука и инновации - современные концепции: Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума, Москва, 09 сентября 2022 года. Москва: Инфинити, 2022. С. 28-36. EDN: BQZMYF.
- Насыбуллина К. И. Человеческий и социальный капитал в контексте цифровой экономики // Бизнес и общество. 2023. № 2(38). EDN: ESJINY.
- Поддячая Е. А. Влияние цифровых трансформаций на социальный капитал // Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1. С. 60-66. EDN: SJQQL.
- Пустовалова Е. В. Социальный капитал личности в цифровом пространстве современного общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2024. № 16. С. 30-33. EDN: DZVGFX.
- Роженцова М. Р. Цифровое неравенство и доступ к информации жителей деревень и сёл: пути преодоления цифрового разрыва // Молодой исследователь: от идеи к проекту: Материалы VIII студенческой научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 30 мая 2024 года. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2024. С. 409-411. EDN: UGUPJN.
- Рябкова Г. В., Гарипов А. А., Гареева А. А. Цифровой капитал и цифровая стоимость в новой экономической парадигме // Дискуссия. 2024. № 6 (127). С. 122-128. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-6-127-122-128. EDN: NHZFEN.
- Торопова Н. В., Соколова Е. С., Гусейнов Ш. Р. Тенденции цифрового неравенства в цифровой экономике: особенности международной дискриминации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8-1. С. 456-463. DOI: 10.34670/AR.2020.37.94.052. EDN: BUJXHR.
- Чистов Р. С., Савочкин Д. В. Проблема субъектности и развитие человеческого и социального капитала в цифровом обществе // Социология. 2024. № 9. С. 87-93. EDN: JMFZNS.
- Calderon Gomez D. The third digital divide and Bourdieu: Bidirectional conversion of economic, cultural, and social capital to (and from) digital capital among young people in Madrid // New Media & Society. 2021. Vol. 23, № 9. Pp. 2534-2553. DOI: 10.1177/1461444820933252. EDN: HROIUH.
- Julien C. Bourdieu, social capital and online interaction // Sociology. 2015. Vol. 49, № 2. Pp. 356-373. DOI: 10.1177/0038038514535862.
- Mandarano L., Meenar M., Steins C. Building social capital in the digital age of civic engagement // Journal of planning literature. 2010. Vol. 25, № 2. Pp. 23-135. DOI: 10.1177/0885412210394102.

Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage //Academy of management review. 1998. Vol. 23, № 2. Pp. 242-266. DOI: 10.2307/259373. EDN: ENXSWH.

Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. NY: Touchstone book by Simon & Schuster, 2000.

Ragnedda M. Conceptualizing digital capital //Telematics and informatics. 2018. Vol. 35, № 8. Pp. 2366-2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006.

Ragnedda M., Ruiu M. L. Defining Digital Capital //Digital Capital: a bourdieusian perspective on the digital divide. Emerald Publishing Limited, 2020. Pp. 9-38. DOI: 10.1108/978-1-83909-550-420201002.

References

Bourdieu, P. (2002), "Forms of Capital", *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 3 (5), 60-74, EDN: OYUVRD. (In Russian)

Vartanova, E. L., Gladkova, A. A. (2021), "Digital Inequality, Digital Capital, Digital Inclusion: The Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 10 (1), 3-29, DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329, EDN: LEKEML. (In Russian)

Grishaeva, S. A. (2020), "Social Transformations in the Digital Environment", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, (26) 1, 70-81, DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81, EDN: DWLIGU. (In Russian)

Zhukovskaya, O. Yu. (2020), "Social Capital and Social Networks in the Context of Digitalization: Mutual Influence and Implementation Features", *Tsifrovaya transformatsiya*, (4), 21-33, DOI: 10.38086/2522-9613-2020-4-21-33, EDN: SDYOIK. (In Russian)

Igumnov, O. A. (2022), "Digitalization of the Economy and the Transformation of Social Relations: Digital Capital vs. Social Capital", *Nauka i innovatsii – sovremennye kontseptsii: Sbornik nauchnykh statey po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Moskva, 09 sentyabrya 2022 goda* [Science and Innovation – Modern Concepts: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the International Scientific Forum, Moscow, September 9], Infinity, Moscow, Russia, 28-36, EDN: BQZMYF. (In Russian)

Nasybullina, K. I. (2023), "Human and Social Capital in the Context of the Digital Economy", *Biznes i obshchestvo*, (2), EDN: ESJINY. (In Russian)

Poddyachaya, E. A. (2024), "The Impact of Digital Transformations on Social Capital", *Kulturno-antropologicheskie issledovaniya*, (1), 60-66, EDN: SJQKQL. (In Russian)

Pustovalova, E. V. (2024), "Social Capital of an Individual in the Digital Space of Modern Society", *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, (16), 30-33, EDN: DZVGFX. (In Russian)

Rozhentsova, M. R. (2024), "Digital Inequality and Access to Information for Villagers and Rural Residents: Ways to Overcome the Digital Divide", *Molodoy issledovatel: ot idei k projektu: Materialy VIII studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Young Researcher: From Idea to Project: Proceedings of the VIII Student Scientific and Practical Conference], Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, 409-411, EDN: UGUPJN. (In Russian)

Ryabkova, G. V., Garipov, A. A., Gareeva, A. A. (2024), "Digital Capital and Digital Value in the New Economic Paradigm", *Diskussiya*, (6), 122-128, DOI: 10.46320/2077-7639-2024-6-122-122-128, EDN: NHZFEH. (In Russian)

Toropova, N.V., Sokolova, E.S., Guseinov, Sh.R. (2020), "Digital Inequality Trends in the Digital Economy: Features of International Discrimination", *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 10 (8-1), 456-463, DOI: 10.34670/AR.2020.37.94.052, EDN: BUJXHR. (In Russian)

Chistov, R.S., Savochkin, D. V. (2024), "The Problem of Subjectivity and the Development of Human and Social Capital in the Digital Society", *Sotsiologiya*, (9), 87-93, EDN: JMFZNS. (In Russian)

Calderon, Gomez D. (2021), "The Third Digital Divide and Bourdieu: Bidirectional Conversion of Economic, Cultural, and Social Capital to (and from) Digital Capital among Young People in Madrid", *New Media & Society*, 23 (9), 2534-2553, DOI: 10.1177/1461444820933252, EDN: HROIUH.

Julien, C. (2015), "Bourdieu, Social Capital and Online Interaction", *Sociology*, 49 (2), 356-373, DOI: 10.1177/0038038514535862.

Mandarano, L., Meenar, M., Steins, C. (2010), "Building social capital in the digital age of civic engagement", *Journal of planning literature*, 25 (2), 23-135, DOI: 10.1177/0885412210394102.

Nahapiet, J., Ghoshal, S. (1998), "Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage", *Academy of management review*, 23 (2), 242-266, DOI: 10.2307/259373, EDN: ENXSWH.

Putnam, R. (2000), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, Touchstone book by Simon & Schuster, NY.

Ragnedda, M. (2018), "Conceptualizing digital capital", *Telematics and informatics*, 35 (8), 2366-2375, DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006.

Ragnedda, M., Ruiu, M. L. (2020), "Defining Digital Capital", *Digital Capital: a bourdieusian perspective on the digital divide*, Emerald Publishing Limited, 9-38, DOI: 10.1108/978-1-83909-550-420201002.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2026 г. Поступила после доработки 18 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 18 June 2026. Revised 18 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Хрипкова Диана Вазгеновна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Diane V. Khripkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Хрипков Кирилл Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Kirill A. Khripkov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Соловьев Дмитрий Юрьевич, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Dmitry Yu. Soloviev, Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Юркова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента СОФ Белгородского государственного национального исследовательского университета, Старый Оскол, Россия.

Olga N. Yurkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Management, Belgorod State National Research University, Stary Oskol, Russia.

Соловьева Наталья Евгеньевна, кандидат экономических наук. Доцент, и.о. заведующего кафедрой социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Natalia E. Solovieva, Acting Head of the Department of Social Technologies and Public Administration, Candidate of Economic Sciences. Associate Professor Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-9

Исследовательская статья

Шаповалов Д. А.

**Миграционные стратегии молодежи:
факторы миграции разных профессиональных групп**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
danchikbelshap@gmail.com

Аннотация. Миграция разных профессиональных групп молодежи становится одним из факторов трансформации рынка труда и демографической структуры Северной Евразии. Избыток молодых специалистов городах-миллионниках и мегаполисах противопоставлен дефициту молодых кадров в провинциальных регионах. *Методы:* эмпирическую базу исследования составили данные регионального мониторинга миграционных стратегий студенческой молодежи Белгородской области, проведенного в 2025 году (выборка N=1269 респондентов, квотированная по курсам обучения и районам проживания). Для анализа были рассмотрены три профессиональные когорты, характеризующиеся наибольшей кадровой значимостью для региональных экономик (инженерная, медицинская и педагогическая). *Научные результаты:* эмпирически верифицирована устойчивая межгрупповая дифференциация миграционного потенциала: инженерная когорта демонстрирует максимальную мобильность (совокупный миграционный потенциал 78,9%), тогда как медицинская группа характеризуется выраженной локальной закрепленностью (57%), а педагогическая занимает промежуточное положение (65,4%). Установлено, что структура факторов принятия миграционных решений инвариантна относительно профиля подготовки: доминирующую роль выполняют экономические детерминанты, при этом институционально-статусные и экзистенциальные факторы выступают в качестве модераторов. Выявлен феномен поливекторности инженерных миграционных стратегий, ориентированных одновременно на внутрироссийские центры и международные рынки (как восточные, так и западные), что контрастирует с мононаправленным локальным консерватизмом медицинской и педагогической групп, обусловленным высокими институциональными барьерами (нострификация, лицензирование, языковая сертификация). Зафиксирован крайне низкий уровень возвратной миграционной готовности во всех профессиональных группах, при этом максимальный отказ от возвращения на территории проживания зафиксирован у инженеров. *Выводы:* миграционный потенциал студенческой молодежи структурно опосредован не столько макроэкономическими условиями, сколько внутренней логикой профессиональных полей: чем выше степень институциональной стандартизации профессии и жестче входные барьеры на внешних рынках труда, тем ниже пространственная мобильность, и наоборот. Полученные данные свидетельствуют о необходимости перехода региональной кадровой политики от имиджевых кампаний к адресным инструментам экономического стимулирования (повышение оплаты труда, жилищные программы, контрактные механизмы закрепления), а также к формированию комфортной городской среды и

инфраструктурной доступности как обязательных условий реализации экономических стимулов. В противном случае нарастающая центростремительная миграция инженерно-технических кадров будет углублять межрегиональные диспропорции и консервировать кадровый дефицит в периферийных территориях, что объективно ведет к дальнейшему сжатию обитаемого пространства Северной Евразии.

Ключевые слова: молодежь; миграционные стратегии; факторы миграции; трудовые стратегии

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-78-00135, <https://rscf.ru/project/26-78-00135/>.

Информация для цитирования: Шаповалов Д. А. Миграционные стратегии молодежи: факторы миграции разных профессиональных групп // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 130-145. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-9.

Research article

Danil A. Shapovalov

**Migration strategies of youth: factors of migration
of different professional groups**

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
danchikbelshap@gmail.com

Abstract. Under the conditions of intensifying spatial polarization and the compression of habitable space across Northern Eurasia, the migration attitudes of student youth acquire the character of a system-forming factor that determines not only individual life trajectories but also the macro-regional dynamics of human capital. *Methods:* the empirical basis of the study comprised data from a regional monitoring of migration strategies among student youth in the Belgorod region, conducted in 2025 (sample N=1269 respondents, quota-sampled by year of study and area of residence). Three professional cohorts characterized by the greatest personnel significance for regional economies were placed in the analytical focus (engineering, medical, and pedagogical). *Research results:* a stable intergroup differentiation of migration potential was empirically verified: the engineering cohort demonstrates maximum mobility (aggregate migration potential of 78.9%), whereas the medical group is characterized by pronounced local attachment (57%), and the pedagogical group occupies an intermediate position (65.4%). It was established that the structure of factors influencing migration decisions is invariant with respect to the field of study: economic determinants play a dominant role, while institutional-status and existential factors act as moderators. The phenomenon of multi-vector engineering migration strategies was identified, oriented simultaneously toward domestic Russian centers and international markets (both Eastern and Western), which contrasts with the unidirectional local conservatism of the medical and pedagogical groups, conditioned by high institutional barriers (nostrification, licensing, language certification). An extremely low level of return migration readiness was recorded across all professional groups, with the highest refusal to return to the territory of residence observed among engineers. *Conclusions:* the migration potential of student youth is structurally mediated not so much by macroeconomic conditions as by the internal logic of professional fields: the higher the

degree of institutional standardization of a profession and the stricter the entry barriers in external labor markets, the lower the spatial mobility, and vice versa. The obtained data indicate the need for a shift in regional personnel policy from image-building campaigns to targeted economic incentive instruments (increasing wages, housing programs, contractual retention mechanisms), as well as to the formation of a comfortable urban environment and infrastructural accessibility as mandatory conditions for the implementation of economic incentives. Otherwise, the growing centripetal migration of engineering and technical personnel will deepen interregional disparities and perpetuate personnel shortages in peripheral territories, which objectively leads to further compression of the habitable space of Northern Eurasia.

Keywords: youth; migration strategies; migration factors; labor strategies

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 26-78-00135, <https://rscf.ru/project/26-78-00135/>.

Information for citation: Shapovalov, D. A. (2026), "Migration strategies of youth: factors of migration of different professional groups", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 130-145. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-9.

Введение (Introduction). Миграционные процессы современной России стоят в ряду важных вопросов, определяющих как перспективный, так и проблемный контур демографической политики. Миграция населения внутри российской территории, а также с сопредельных регионов (ранее входивших в состав СССР и СНГ), нивелирует нехватку трудовых ресурсов в условиях турбулентности геополитических и экономических процессов. Одновременно с этим, покрытие дефицитов одних территорий часто связано с возникновением таких дефицитов для других. И в этой связи особенно остро стоит вопрос миграции и ее планирования для молодежи, выпускников высших учебных заведений, которые являются важным ресурсом кадрового и человеческого потенциалов регионов.

Молодежь позиционируется как важная часть человеческого капитала, воспроизводить которую в условиях демографического кризиса не так просто. Миграционные тенденции молодежных потоков, как правило, связаны с централизацией и стремлением к мегаполисам, что создает значительную перегрузку для данных регионов, одновременно снижает стоимость и значимость такого ресурса как молодые кадры для городов миллионников. Вместе с этим наблюдается явный дефицит таких кадров для провинциальных российских городов (крупных и малых) и, тем более, для сельских территорий. Ученые на протяжении десятилетий акцентируют внимание на трансформации демографической структуры ряда территорий (Дожиков, 2024; Атаева, Уляева, 2018), говоря о том, что более четверти регионов России испытывают дефицит в молодых специалистов и повышенный отток молодежи в рамках образовательной и трудовой миграции (Есикова и др., 2023).

На территории Северной Евразии миграция выступает фактором сжатия обитаемого пространства (термин «сжатие» используется в работах географов МГУ и ИГ РАН). Ключевыми трендами здесь становятся устойчивый отток населения с Дальнего Востока и из Сибири в европейскую часть России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край); концентрация населения в крупных агломерациях и опустынивание периферии; компенсация естественной убыли населения за счет притока из Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан). Исследования ВШЭ (НИУ ВШЭ) показывают, что до 40% выпускников школ в регионах (особенно в Поволжье и Сибири) рассматривают переезд в другой город для учебы. Обратно возвращается меньшинство, закрепляясь на рабочем месте.

Дефицит молодых кадров нарушает процесс профессиональной и трудовой преемственности, создает угрозу кадрового обеспечения экономических сфер (Шаповалова и др., 2023). Такие проблемы наблюдаются в провинциальных регионах в сфере образования,

здравоохранения, производства. Такие сферы, как правило, входят в зону проблемных в оценках качества жизни, что создает «порочный круг» миграционных решений для молодежи: снижение качества жизни выталкивает молодых специалистов в более успешные города, их жизненный выбор приводит к дефициту кадров и невозможности реализовать функционирование этих сфер на должном уровне.

В этой связи становится актуальным исследовательский вопрос: как принимают миграционные решения разные профессиональные группы молодых специалистов и возможно ли на основе такой информации внести коррективы в региональную и муниципальную политику? Целью статьи является изучение и сравнительный анализ миграционных стратегий перспективных профессиональных групп молодежи и определение векторов превентивных действий в рамках регионального инжиниринга молодежной и социальной политики.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Раскрытие темы статьи предполагает операционализацию таких понятий как миграционные стратегии, миграционные установки, миграционный потенциал. Под *миграционной стратегией* мы будем понимать комплекс установок, целей (жизненных планов), моделей поведения и практических мер, которых придерживаются отдельные люди или социальные группы. *Миграционная установка при этом* – это готовность, предрасположенность или намерение человека изменить свое постоянное место жительства, переехав в другой регион или страну. Миграционная установка является намерением, которое может не трансформироваться в жизненный план (миграционную цель), но влияет на социальное настроение, напряжение и включенность в воспроизводство территориального человеческого и трудового капитала. Появление у человека миграционной цели или целей (конкретных причин, намерений или задач, по которым человек переезжает в другую страну или регион) запускают механизм принятия миграционного решения, в процессе которого формируется *миграционный выбор* – это осознанное решение человека или группы лиц о переезде, смене места жительства, страны или региона, основанное на оценке жизненных условий, экономических перспектив и личных ценностей. На основе миграционного выбора определяется миграционный план – осознанная стратегия человека или семьи по смене места жительства, включающая этапы переезда, адаптации, юридического закрепления (ВНЖ, ПМЖ) и долгосрочной интеграции в новом обществе.

Для темы статьи важно выделить виды миграции: внутреннюю (в пределах территории страны) и внешнюю (эмиграцию); возвратную (миграция, связанная, как правило, с временно реализацией образовательных или трудовых стратегий и предполагающая возвращение на основное место жительства) и невозвратную (предполагающую закрепление на новой территории). Сочетание диспозиций и жизненных в сфере миграции и определение потенциального вида миграции приводит нас к необходимости говорить о *миграционном потенциале социальной группы*, под таким потенциалом в рамках статьи понимается совокупная способность, готовность и реальная возможность её членов к перемещению с изменением постоянного места жительства или временного пребывания под влиянием социально-экономических, культурных и психологических факторов.

Отвечая на вопрос о конкретных исследованиях в этой области, стоит отметить, что миграция молодежи является важной темой в исследовательской повестке и, можно сказать, находится на мониторинговом контроле у ученых. Проблемы молодежной миграции в значении для демографической политики изучаются с позиции трансформации социальной структуры, возникающей при центростремительной миграции молодежи (Одинцов и др., 2020; Федорова, Хорольцева, 2020), а также изменения конфигурации рынка труда (Айрапетян и др., 2020, Серкина, Мягкая, 2018).

Безусловно, самой востребованной темой остается образовательная миграция молодежи, позволяющая не только поднять вопрос образовательной мобильности, но и увидеть риски дальнейшего миграционного выбора молодых людей (Ростовская, Васильева, 2023; Ульмясбаева, 2020), что особенно актуально для сельских территорий и малых народов (Бадмаева, 2021).

Как жизненная стратегия миграция также часто становится предметом исследований, при этом, например, М. А. Карцева с соавторами (Карцева и др., 2021) и научный коллектив под руководством И. С. Шаповаловой (Шаповалова, Заводян, 2024) рассматривают миграционные стратегии в поле других жизненных стратегий, формируя общий портрет жизненного планирования, в том числе и для разных социальных групп молодежи (Шаповалова, 2026; (Шаповалова и др., 2026).

Миграционные стратегии молодежи изучаются и с позиции трансформации трудовых сфер для территории выбытия, поднимается проблема оттока молодых трудовых кадров и возникновения невосполнимого кадрового дефицита, нарушения механизма его территориального воспроизводства, что особенно актуально для сфер образования и здравоохранения (Шаповалова и др., 2021; Шаповалова и др., 2023).

Начинает подниматься вопрос и о повышенной миграции молодых IT специалистов – становится очевиден факт их низкой закрепленности за стационарными рабочими местами, ориентация на поиск лучших условий жизни в условиях позиционирования их как новой профессиональной элиты (Балабанова, Лазенкова, 2026; Рязанцев, Рязанцев, 2024).

Внимание к миграционным стратегиям профессиональных групп позволяет не просто диагностировать особенности принятия миграционных решений, но и осуществить прогноз развития и рисков профессиональных отраслей на локальных рынках труда. Данный прогноз может стать основой мер поддержки дефицитных групп, для пополнения проблемных сфер молодыми кадрами.

Для раскрытия темы статьи были использованы данные региональных исследований, проведенных в Белгородской области в 2025 году. Для анализа миграционных стратегий и факторов принятия решения использовались данные студенческой подвыборки мониторинга миграционных стратегий молодежи Белгородской области, проведенного в 2025 году. В исследовании приняли участие 1269 студентов вузов региона, которые были распределены по профессиональным направлениям (юридическое, инженерное, естественно-научное, медицинское, педагогическое, социально-гуманитарное, экономико-управленческое). Выборка квотировалась по представленности курсов и районов проживания респондентов. В качестве ключевых вопросов для анализа использовался типологический вопрос распределения респондентов по отношению к миграционной позиции (миграционные установки), вопрос, относительно миграционных решений в рамках реализации жизненных стратегий студенческой молодежи и вопрос о факторах принятия миграционных решений.

Для целей статьи были отобраны группы студенческой молодежи, распределенные по следующим профессиональным группам: медицинское, педагогическое и инженерное направление. Группа медицинского направления была сформировано на основе массива, представленного студентами Белгородского государственного национального исследовательского университета, группа инженерного направления в равной степени включала студентов вышеуказанного вуза и Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова. Характеристики анализируемой выборки представлены в Таблице 1.

Характеристика выборки для анализа миграционных стратегий молодежи
разных профессиональных групп, %

Table 1

Sample characteristics for the analysis of migration strategies of young people from different
professional groups, %

Описание выборки / Description of the sample	N	Пол, % / Gender		Возраст, % / Age			Тип поселения, % / Type of settlement	
		М. / M.	Ж. / F.	16-17	18-21	22-25	Город / city	Село / village
Студенты инженерных направлений / Students of engineering directions	200	64,5	28,3	18,4	67,1	14,5	69,7	30,3
Студенты медицинских направлений / Students of medical directions	200	35,5	71,7	16,5	60,0	13,5	69,5	30,5
Студенты педагогических направлений / Students of pedagogical fields	200	17,7	82,3	11,2	80,0	8,8	61,6	38,4

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализируя миграционные стратегии профессиональных групп молодежи, мы остановили свой выбор на трех ключевых группах профессий, которые являются не просто важными для любой территории, но и находятся на данный момент в зоне кадрового дефицита для многих регионов России. Среди них мы выделяем профессии относящиеся к инженерной, медицинской и педагогической сфере. Миграционные установки разделяют молодежь на четыре основных типа: оседлый тип (ориентированный на закрепление на территории своего проживания); мобильный тип (молодежь, стремящаяся к миграции в силу возраста и периода, благоприятствующего миграционным решениям); урбанистический тип (молодежь, стремящаяся сменить место проживание на городское (в случае проживания в сельской местности) или мегаполис, города-миллионники (в случае проживания в городах провинции)); эмигрирующий тип (молодежь, ориентированная на внешнюю миграцию). В исследовании миграционный тип молодежи был выделен отдельно (несмотря на то, что решения данного типа молодежи также связаны с центростремительно или внешней миграцией), так как в рамках качественных исследований 2023-2024 (фокус-группы и групповая дискуссия) было установлено, что такая молодежь часто не имеет конкретного миграционного адреса и даже целей, но желает попробовать себя в иной обстановке, в другом месте – имеет, по сути, стохастическое миграционное намерение (в отличии от молодежи, стремящийся из малых и средних городов в мегаполисы или целенаправленно желающих выехать из России).

Рассматривая миграционные установки студенческой молодежи региона для выделенных профессий, можно отметить некоторые особенности (Рисунок 1). Так, наибольшая оседлость в миграционных типах характерна для студентов медицинских направлений, а наименьшая – для студентов-инженеров. Такой перевес в выборах может быть обусловлен спецификой условий профессиональной деятельности: для студентов медицинских направлений в последние годы делается упор не просто на целевое обучение, но и на ответственность в выборе такого формата (достаточно весомые санкции в случае нарушения договора), также, однозначно можно говорить о различных формах стимулирования, как в рамках федеральной, так и региональной политики (помощь с

жильем, первичные выплаты, повышенная заработная плата и надбавки). Это влияет на представленность и мобильного типа, миграционные решения которого, как правило импульсивны – для студентов медицинского направления популярный среди молодежи тип занимает менее 50%.

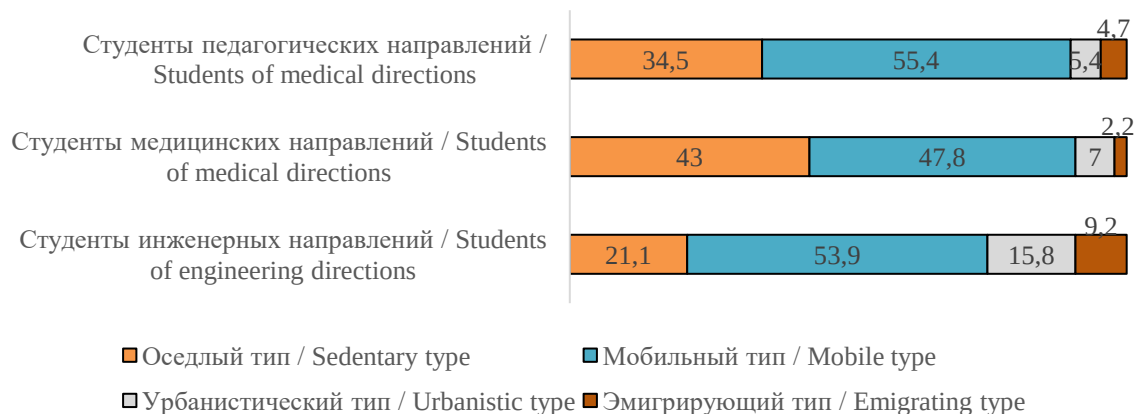

Рисунок 1. Миграционные установки студентов разных профессиональных групп, %
Figure 1. Migration settings of students of different professional groups, %

Для студентов инженерных направлений, большую часть из которых представляют студенты IT-профессий, напротив, развитие отрасли формирует феномен «выталкивания» специалистов в дистанционный формат, в различные формы фриланса и проектной занятости. Высокий уровень зарплат в этом экономическом секторе влияет на возможность миграции, где выбор не связан с рабочим местом, а скорее с качеством жизни – этим обусловлена и высокая представленность урбанистического и эмигрирующего типа для таких студентов (статистическая разница по отношению к студентам других направлений для этих миграционных типов – минимум в два раза).

Для студентов-педагогов можно отметить самый высокий показатель представленности мобильного типа. К сожалению, это связано в том числе с активной сменой профессий, которая наблюдается у молодых педагогов. Их, как правило, не закреплённость, не привязанность к месту с позиции профессионального контракта приводит к повышенным установкам на миграцию, в том числе и внешнюю (4,7%). Только треть будущих педагогов демонстрирует желание остаться в месте своего проживания, что безусловно определяет сегодняшние и будущие дефициты кадров в образовательной сфере.

Таким образом, если определять миграционный потенциал социальной группы как совокупность установок на миграционные решения, можно сказать, что молодые инженеры обладают наибольшим миграционным потенциалом (78,9%), что указывает на риск серьезной деформации рынка труда провинциальных регионов, а также способность таких территорий обеспечить решение важных и прогрессивных задач по информатизации социально-экономических сфер и регионального пространства. Минимальный миграционный потенциал студентов медиков (57%) дает возможность сделать вывод об определенной результативности предложенных и реализованных мер по удержанию и закреплению специалистов сферы здравоохранения в периферийных регионах. Несмотря на то, что студенты педагогических направлений занимают промежуточную позицию по данному показателю (65,4%), нельзя приравнять их условия миграционного выбора к двум полюсным группам – дистанционный потенциал их трудовой деятельности не настолько высок, как и не достаточны меры их поддержки в регионах для удержания на местах. Скорее, здесь можно говорить о более широком поле компетенций, что позволяет чувствовать им себя более свободно в профессиональном определении.

Миграционные установки показывают отношение студентов к миграции, но важным дополнением к изучению миграционных стратегий становится анализ жизненных планов, связанных с территориальной мобильностью молодежи. Ниже, в Таблице 2 приведены ответы профессиональных групп на вопросы о жизненном выборе, по каждому из выборов была возможность дать один из вариантов ответов, показывающих обязательность жизненного плана (обязательно, желательно, не обязательно).

Таблица 2

Миграционные планы молодежи разных профессиональных групп, %

Table 2

Migration plans of youth of different professional groups, %

Жизненные выборы / Life choices	Студенты инженерных направлений / Students of engineering directions	Студенты медицинских направлений / Students of medical directions	Студенты педагогических направлений / Students of pedagogical fields
Поменять место жительства в пределах своего региона / Change your place of residence within your region			
Обязательно / Definitely	22,4	17	19,8
Желательно / Preferably	39,5	28,7	30,4
Не обязательно / Not necessarily	38,2	54,3	49,8
Поменять место жительства в рамках территории РФ / Change your place of residence within the territory of the Russian Federation			
Обязательно / Definitely	22,4	13,9	14,2
Желательно / Preferably	32,9	23,5	29,1
Не обязательно / Not necessarily	44,7	62,6	56,7
Уехать из РФ в страны Востока / To leave from the Russian Federation to the countries of the East			
Обязательно / Definitely	11,8	9,6	7,1
Желательно / Preferably	21,1	9,1	14,4
Не обязательно / Not necessarily	67,1	81,3	78,4
Уехать из РФ в страны Запада / To leave from the Russian Federation to the countries of the West			
Обязательно / Definitely	14,5	7,8	6,7
Желательно / Preferably	22,4	10,9	14
Не обязательно / Not necessarily	63,2	81,3	79,3

Представленные эмпирические данные фиксируют дифференциацию миграционных предпочтений среди студентов инженерного, медицинского и педагогического профилей, что позволяет реконструировать специфические стратегии пространственной мобильности в зависимости от социально-профессиональной идентичности.

Наибольшую готовность к смене места жительства в пределах своего субъекта федерации демонстрируют студенты-инженеры: суммарный показатель «обязательно» и «желательно» составляет 61,9%, что существенно превышает аналогичные значения у медиков (45,7%) и педагогов (50,2%). Обращает на себя внимание высокая доля неопределенности у медицинского и педагогического корпуса (54,3% и 49,8% соответственно), что может интерпретироваться как слабая территориальная привязанность к месту проживания при отсутствии отчетливых внутривнутрирегиональных альтернатив.

Межгрупповой разрыв сохраняется и в выборах значимости межрегиональной миграции: инженеры вновь лидируют по суммарной готовности (55,3%), тогда как у медиков этот показатель падает до 37,4%, у педагогов до 43,3% (статистика планирования миграционных решений для студентов инженеров подтверждает сделанные нами ранее выводы о высоком миграционном потенциале данной профессиональной группы). При этом доля категорического отказа («не обязательно») у медиков достигает 62,6% (максимального значения по всей выборке), что свидетельствует о выраженном локальном консерватизме либо о восприятии межрегионального перемещения как чрезмерного транзакционного барьера.

Рассматривая миграционный выбор в пользу стран Востока все три профессиональные группы студентов демонстрируют преимущественно негативное отношение к нему: доля «не обязательно» колеблется от 67,1% (инженеры) до 81,3% (медики). Однако среди инженеров фиксируется относительный максимум безусловной готовности (11,8%) и желательности (21,1%), что в сумме (32,9%) почти втрое превышает аналогичный показатель у медиков (18,7%). Это указывает на восприятие восточного вектора как потенциальной ниши для инженерно-технической занятости, тогда как медицинские и педагогические профессии остаются жестко привязаны к институциональным рамкам национальных систем лицензирования и языковым компетенциям. Такой вариант миграции может рассматриваться молодыми инженерами и специалистами IT, в том числе, как вариант дистанционной занятости, и, одновременно, можно говорить о более простой возможности нострификации полученного в России образования для этой профессиональной группы. Для будущих медиков и нострификация диплома и признание в профессии может доходить до 8 лет (например, в Южной Корее), что для многих является неприемлемым вариантом. Для педагогов, на наш взгляд, большую роль в формировании такой цели является анализ комплиментарности образовательных систем и концепций, серьезных ограничениях в возможности применить полученные знания в иной культурной системе.

Для эмиграции в страны Запада картина повторяет «восточный тренд» с усилением статистической дифференциации: инженеры демонстрируют 36,9% суммарной готовности, педагоги 20,7%, медики 18,7%. При этом у медиков и педагогов доля безусловного намерения не превышает 8%, что подтверждает гипотезу о профессиях с высокими входными барьерами за рубежом. Инженерный профиль, напротив, формирует более гибкую стратегию, ориентированную одновременно на Запад и Восток, что может быть связано с универсальностью технических компетенций и их меньшей институциональной зависимостью.

Таким образом, можно сказать, что инженерная молодежь является эпицентром наиболее выраженной миграционной активности на всех уровнях, включая международный; медицинская группа студентов скорее наиболее статична, с пиком отказов от любых перемещений; педагогическая занимает промежуточное положение, тяготея к медицинской модели. Это позволяет предположить, что миграционный потенциал формируется не столько

под влиянием общих социально-экономических факторов, сколько опосредован структурой профессионального поля: чем выше степень институциональной стандартизации профессии (медицина, педагогика), тем ниже пространственная мобильность. Инженерный профиль, характеризующийся большей рыночной гибкостью и транснациональной востребованностью, продуцирует поливекторные миграционные траектории, что требует учета при разработке региональной кадровой политики и программ закрепления молодых специалистов. Полученные данные также ставят вопрос о необходимости изучения субъективных восприятий институциональных барьеров (нострификация, лицензирование, языковая сертификация) как ключевых модераторов миграционных решений в регулируемых профессиях.

Безусловно, период получения образования и профессионализации является благоприятным для устойчивой или возвратной миграции молодежи. В случае возвратной миграции такая стратегия считается даже положительной для региона – обмен производственным опытом, воспроизводство уникальных компетенций, расширение социального капитала и реализация целей, амбиций и возможностей – все это положительные эффекты для усиления человеческого регионального капитала в лице вернувшихся молодых специалистов. Но, как правило, такие варианты миграционных стратегий не всегда близки студенческой молодежи. Группы молодежи, чьи установки формировали типы, несущие миграционный потенциал, были перенаправлены к вопросу о возможности реализации возвратных миграционных стратегий (основанных на образовательной или трудовой мобильности) (Рисунок 2). Образовательная мобильность, как вариант возвратной миграционной стратегии, не имеет высоких выборов и для всех профессиональных групп только немного превышает 5% (для студентов педагогических направлений такой вариант представлен минимально) – причина здесь кроется в желании и возможности продолжить обучение в другом регионе – такие варианты не привлекательны для студентов. А вот вариант возвратной миграционной стратегии на основе трудовой мобильности достаточно актуален почти для трети опрошенных молодых педагогов и инженеров, но менее выбираем для студентов медиков (по озвученным ранее причинам территориальной привязки через меры федеральной и региональной политики).

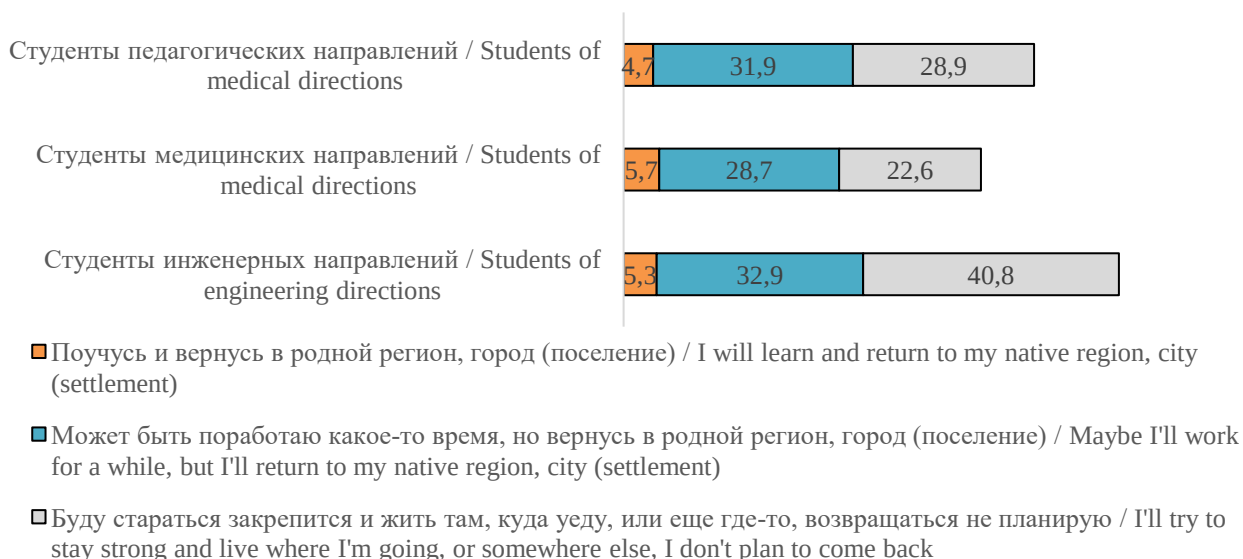

Рисунок 2. Соотношение возвратных и невозвратных миграционных стратегий студентов разных профессиональных групп (от числа опрошенных), %

Figure 2. The ratio of return and non-return migration strategies of students of different professional groups (from the number of respondents), %

Отказ от возвратной миграции в пользу смены места жительства на постоянной основе категорично более всего представлен для инженерной профессиональной группы – 40,8% современной профессиональной элиты планирует навсегда покинуть территорию своего рождения. Меньший показатель здесь получен для студентов медиков. Такой выбор еще раз подчеркивает риски возникновения дефицитов и развития информационной сферы для периферии и возможность решения проблем здравоохранения за счет собственного воспроизводства кадров.

Вопреки ожиданиям структура выборов факторов миграции не имеет различий для студентов разных направлений подготовки и статистические значения разных факторов колеблются в пределах ошибки выборки, сохраняя факторные ранги. Уже несколько лет первые выборы студенческой молодежи сконцентрированы в зоне факторов трудовых стратегий – так, фактором первого выбора становится заработок, вторым фактором закономерно становится наличие работы (Таблица 3).

Таблица 3

Ответы студентов на вопрос: «Что могло бы Вас заставить сменить место жительства?», %

Table 3

Student responses to the question: “What could make you change your place of residence?”, %

Факторы миграционного выбора / Factors of migration choice	Повлияет сильно / Will influence greatly	Повлияет в меньшей степени / Will influence to a lesser extent	Не повлияет / Will not influence
Отсутствие работы (предложение работы) / Lack of employment (job offer)	62,3	22,4	15,3
Отсутствие карьерного роста (предложение более высокой должности) / Lack of career advancement (offer of a higher position)	51,7	30,8	17,4
Низкий заработок (предложение о более высокой оплате) / Low income (offer of higher pay)	63,4	21,9	14,8
Отсутствие личного счастья (поиск личного счастья) / Lack of personal happiness (search for personal happiness)	45,0	33,1	21,9
Отсутствие жилья (возможность получить жилплощадь) / Lack of housing (opportunity to find housing)	55,6	27,1	17,3
Женитьба/замужество / Marriage	40,0	34,4	25,6
Рождение ребенка / Birth of a child	39,2	33,4	27,4
Разлука с родственниками (воссоединение с родственниками) / Separation from relatives (reunification with relatives)	38,0	38,3	23,8
Проблемы (болезнь) родственников / Problems (illness) of relatives	53,6	28,5	18,0
Личные конфликтные ситуации / Personal conflicts	31,0	41,2	27,7
Экологическая обстановка / Environmental situation	38,1	37,4	24,5
Климат / Climate	35,1	39,4	25,5

Небезопасная обстановка на территории проживания / Unsafe environment in the area of residence	54,1	27,7	18,2
Провинциальность места проживания / Provinciality of the area of residence	30,0	40,7	29,3
Отсутствие возможностей / Lack of opportunities	54,5	27,6	17,9
Отсутствие самореализации / Lack of self-realization	51,5	30,1	18,3
Бедная инфраструктура (магазины, различные учреждения, места отдыха и развлечений) / Poor infrastructure (shops, various institutions, recreational and entertainment venues)	46,5	32,8	20,7
Не комфортность территории (привлекательность, красота, внешний облик) / Uncomfortable surroundings (attractiveness, beauty, appearance)	43,8	34,7	21,6

Распределение ответов в данном вопросе служит эмпирической основой для реконструкции доминирующих миграционных стратегий, в которых переплетаются экономические, социальные и экзистенциальные компоненты.

Наибольшее стимулирующее воздействие оказывают факторы, связанные с материальной мотивацией: предложение о более высокой оплате труда (63,4%), отсутствие работы и предложение рабочего места (62,3%), отсутствие жилья с возможностью его получения (55,6%). Эти три показателя формируют верхний кластер, подтверждая классическую гипотезу о первичности экономического рационализма в пространственных перемещениях.

Институциональные и статусные факторы также достаточно весомо представлены в оценках студентов. Такие факторы, как «отсутствие карьерного роста» (51,7%) и «отсутствие возможностей самореализации» (51,5%) образуют второй уровень значимости, практически совпадая по силе воздействия с первой группой.

Факторы безопасности и комфорта в современных условиях и ситуации приграничного региона становятся очень важными для молодых специалистов и выделяются более чем 50% опрошенной молодежи.

Суммируя полученные профили выбора, можно выделить три направления принятия миграционных решений молодежью:

- инструментальная стратегия, ориентированная на экономическую эффективность;
- социально-статусная стратегия, ориентированная на возможность социальной мобильности;
- компенсаторная стратегия, позволяющая избежать рисков территории, связанных, прежде всего, с безопасностью.

При этом первые две стратегии доминируют с большим отрывом, что позволяет интерпретировать миграционное поведение студенчества как глубоко рациональное, но не сводимое к узкому экономическому детерминизму: статусные и экзистенциальные запросы играют роль модераторов, усиливая или ослабляя базовый экономический импульс.

Заключение (Conclusion). Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд значимых выводов относительно миграционных стратегий молодых профессионалов в разрезе их профессиональной специализации, а также экстраполировать полученные закономерности на макрорегиональный контекст Северной Евразии и одновременно установить ограничения для такой экстраполяции. Ограничивающими условиями выступает геополитический статус региона исследования – Белгородская область на данный момент

является прифронтовым регионом с повышенным риском влияния военных действий на качество жизни и ее сохранность для населения. Миграционные процессы региональной молодежи обусловлены в первую очередь вопросами безопасности, что может быть не так очевидно для регионов России. С 2022 года миграционные процессы в данной социальной группе определенным образом изменили качественный состав всего массива, исключив из него определенную, наиболее мобильную и активную часть. Несмотря на процессы возвратной миграции на данный момент диспозиционные характеристики молодежи территории могут не соответствовать «средним» федеральным значениям.

Миграционные установки студенческой молодежи неоднородны и тесно связаны с их профессиональным выбором. Эмпирические данные свидетельствуют о формировании устойчивых паттернов: студенты инженерных и IT-специальностей отличаются наибольшей пространственной мобильностью. Они готовы к переезду как в другие регионы, так и за рубеж, причем их географические предпочтения достаточно широки и включают страны как Запада, так и Востока. Студенты-медики, напротив, демонстрируют высокую степень локальной закреплённости и неохотно рассматривают варианты переезда. Низкая миграционная активность в этой группе обусловлена двумя факторами. Во-первых, это объективные институциональные барьеры, такие как нострификация дипломов и длительное подтверждение врачебной квалификации за рубежом. Во-вторых, немалую роль играет целенаправленная региональная политика по закреплению молодых специалистов в сфере здравоохранения. Студенты педагогических направлений подготовки занимают здесь среднее положение, их миграционные установки отличаются повышенной импульсивностью и нестабильностью, что коррелирует с высокими показателями профессионального оттока и смены профессии в первые годы трудоустройства.

Миграционные решения студентов принимаются на основе многоуровневой системы факторов, где экономические соображения играют определяющую роль. Они выступают основным стимулом к переезду. Карьерные возможности, перспективы самореализации, а также уровень безопасности и инфраструктурная развитость регионов занимают подчиненное положение, корректируя влияние экономических причин. Факторы субъективного благополучия – климат, природные условия, комфорт городской среды – оказываются на периферии миграционных предпочтений. Подобная структура мотивации отражает рациональный характер миграционного поведения молодежи.

Экстраполяция региональных данных на пространство Северной Евразии показывает, что миграционное поведение молодежи объективно усиливает центростремительные процессы и пространственную поляризацию. Наиболее мобильная часть студентов – будущие инженеры и IT-специалисты – будет концентрироваться в нескольких крупнейших городах и научных центрах, оставляя периферию без необходимых технических кадров. Медицинская и педагогическая молодежь, напротив, склонна закрепляться на местах и обеспечивать воспроизводство человеческого капитала в регионах. Но из-за ограниченных объемов целевого набора этих специалистов недостаточно, чтобы восполнить убыль кадров в социальной сфере на обширных территориях вне агломераций.

Явление «цифрового кочевничества», характерное прежде всего для инженерно-IT-специалистов, существенно меняет саму логику миграционных процессов. Пространственная мобильность перестает быть напрямую связана с местом работы, уступая место гибридным моделям поведения, при которых выбор места жительства определяется качеством жизни, а не наличием вакансий. Это ставит перед региональной властью новую задачу: традиционных мер по созданию рабочих мест уже недостаточно. На первый план выходит необходимость комплексного развития городской среды, цифровой инфраструктуры и доступности сервисов.

Анализ возвратных миграционных стратегий показывает, что они мало востребованы среди студентов: лишь около трети планируют вернуться в родной регион после получения образования или первого опыта работы. Среди студентов инженерных специальностей этот показатель еще ниже. Это означает, что образовательная и трудовая мобильность молодежи всё чаще становится безвозвратной. Подобная тенденция ставит под сомнение эффективность региональных вложений в подготовку кадров, если они не сопровождаются системой долгосрочных обязательств и жилищно-бытовых гарантий, привязывающих выпускников к территории.

Совокупность полученных данных позволяет сделать вывод: миграционные стратегии студенческой молодежи, это не просто индивидуальные жизненные выборы, а один из ключевых факторов трансформации социально-экономического пространства Северной Евразии. Регионы, которые не смогли объединить экономические стимулы, институциональную поддержку и комфортную среду в последовательную политику удержания кадров, сталкиваются с постепенным сокращением освоенного пространства и дефицитом специалистов в базовых отраслях. Напротив, территории, предлагающие молодым специалистам достойный доход, понятные карьерные перспективы, жилищные программы и развитую инфраструктуру, получают возможность стать центрами притяжения в условиях растущей межрегиональной конкуренции за человеческий капитал. Дальнейшие исследования целесообразно направить на проверку этих выводов в межстрановом сравнении, а также на более глубокое изучение того, как субъективное восприятие институциональных барьеров влияет на миграционные решения в регулируемых профессиях.

Список литературы

Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б. Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 27-37. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37. EDN: NSVYII.

Атаева А. Г., Уляева А. Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа). Вестник Томского государственного университета. Экономика, 2018. № 44. С. 38-57. DOI: 10.17223/19988648/44/2. EDN: YUNJOP.

Бадмаева Н. В. Учебная миграция сельской молодежи Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 135-145. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145. EDN: JHQKOH.

Балабанова Е. С., Лазенкова А. П. Внешняя миграция российских IT-специалистов: мотивы, практики, последствия // Мир России. Социология. Этнология. 2026. Т. 35, № 2. С. 68-94. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-68-94. EDN: JPNAEQ.

Дождиков А. В. Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Том 4, № 3. С. 119-137. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.8. EDN: ZPVQJZ.

Есикова В. О., Соловьев И. А., Зольникова Ю. Ф. Региональные особенности миграции молодежи в России // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023. Т. 29, Ч. 2. С. 88-105. DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-88-105. EDN: SDCEAW.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4 (52). С. 162-180. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7. EDN: OTYELE.

Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центристская миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 335-354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788. EDN: UNPAVV.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 207-219. DOI: 10.25178/nit.2023.3.13. EDN: OCKNNK.

Рязанцев С. В., Рязанцев Н. С. Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 2. С. 116-126. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126. EDN: HRMPVT.

Серкина Я. И., Мягкая А. С. Трудовая миграция молодежи как угроза региональной безопасности (на примере Белгородской области) // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. №. 13-2. С. 727-729. EDN: YPKIGD.

Ульямсаева А. О. Современные тенденции межрегиональной образовательной миграции российской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). С. 33-37. DOI: 10.24158/tipor.2020.12.5. EDN: LCKRGA.

Федорова А. В., Хорольцева Е. Б. Межрегиональная миграция молодежи в условиях реализации стратегии развития Саратовской области // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 1. С. 73-82. DOI: 10.22394/1682-2358-2020-1-73-82. EDN: LRHOFQ.

Шаповалова И. С., Бовкунова А. В., Шаповалов А. А. Проблема регионального воспроизводства медицинских кадров // В книге: Национальные социально-экономические системы в условиях перехода к новому технологическому укладу. Белгород, 2021. С. 263-276. EDN: LCQRWS.

Шаповалова И. С., Хашаева С. В., Чернышева Е. А., Благорожева Ж. О., Валиева И. Н. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 774-783. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783. EDN: BXRXBO.

Шаповалова И. С. Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий // Регионология. 2026. Т. 34, № 1 (134). С. 181-209. DOI: 10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209. EDN: FXLLRF.

Шаповалова И. С., Заводяни И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768-792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.

Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводяни И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116-136. DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8. EDN: AXZYNF.

References

Airapetyan, E. M., Pokrovskaya, N. N., Chernykh, A. B. (2020), "Sociological Analysis of Labor and Intellectual Migration of Young People in the Context of the Knowledge Economy", *Sotsiologiya i pravo*, (2), 27-37, DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-27-37, EDN: NSVYII. (In Russian)

Ataeva, A. G., Ulyaeva, A. G. (2018), "Interregional Youth Migration as a Threat of Loss of a Territory's Human Capital (Based on Materials from the Republic of Bashkortostan and Regions of the Volga Federal District)", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, (44), 38-57, DOI: 10.17223/19988648/44/2, EDN: YUNJOP. (In Russian)

Badmaeva, N. V. (2021), "Educational Migration of Rural Youth in the Republic of Kalmykia, *Byulleten Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, (1), 135-145, DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-135-145, EDN: JHKKOX. (In Russian)

Balabanova, E. S., Lazenkova, A. P. (2026), "External Migration of Russian IT Specialists: Motives, Practices, Consequences", *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 35 (2), 68-94, DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-68-94, EDN: JPNAEQ. (In Russian)

Dozhdikov, A. V. (2024), "Interregional migration of youth in the Russian Federation, *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 4 (3), 119-137, DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.8, EDN: ZPVQJZ. (In Russian)

Yesikova, V. O., Soloviev I. A., Zolnikova Yu. F. (2023), "Regional features of youth migration in Russia", *InterKarto. InterGIS*, 29 (2), 88-105, DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-88-105, EDN: SDCEAW. (In Russian)

Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. (2021), "Interregional Migration of Young People in Russia and Building Life Strategies", *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii*, (4), 162-180, DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7, EDN: OTYELE. (In Russian)

Odintsov, A. V., Shipitsyn, A. I., Marchenko, A. Yu. (2020), "Centripetal Migration of Young People from the Russian Provinces: Causes and Trends (using the Volgograd Region as an Example)", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (3), 335-354, DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788, EDN: UNPAVV. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2023), "Challenges of Educational Migration of Young People in Tuva: A Demographic Aspect", *Novye issledovaniya Tuvy*, (3), 207-219, DOI: 10.25178/nit.2023.3.13, EDN: OCKNNK. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Ryazantsev, N. S. (2024), "Migration of "Digital Nomads": Global Trends and Countries' Positions", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 68 (2), 116-126, DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126, EDN: HRMPVT. (In Russian)

Serkina, Ya. I., Myagkaya, A. S. (2018), "Youth Labor Migration as a Threat to Regional Security (Based on the Belgorod Region)", *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, (13-2), 727-729, EDN: YPKIGD. (In Russian)

Ulmyasbaeva, A. O. (2020), "Modern Trends in Interregional Educational Migration of Russian Youth", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (12), 33-37, DOI: 10.24158/tipor.2020.12.5, EDN: LCKRGA. (In Russian)

Fedorova, A. V., Khoroltseva E. B. (2020), "Interregional Youth Migration in the Context of the Saratov Region Development Strategy Implementation", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 20 (1), 73-82, DOI: 10.22394/1682-2358-2020-1-73-82, EDN: LRHOFQ. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Bovkunova, A. V., Shapovalov, A. A. (2021), "The Problem of Regional Reproduction of Medical Personnel", In the book: *Natsionalnye sotsialno-ekonomicheskie sistemy v usloviyakh perekhoda k novomu tekhnologicheskomu ukladu*. Belgorod, 263-276, EDN: LCQRWS. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Khashaeva, S. V., Chernysheva, E. A., Blagorozheva, Zh. O., Valieva, I. N. (2023), "Labor Strategies of Graduates of Medical Educational Institutions: Predicted Risks of the Medical Industry, Problems of Social Hygiene", *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 31 (S1), 774-783, DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783, EDN: BXRXBO. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2026), "Urban and Rural Youth: Analysis of Life Strategies", *Regionologiya*, 34 (1), 181-209, DOI: 10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209, EDN: FXLLRF. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S. (2024), "Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth", *Regionologiya*, 32 (4), 768-792, DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792, EDN: ZBBIWU. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Chernysheva, E. A., Zavodyan, I. S. (2026), "Life Strategies of Young Russian Women (Regional Aspect)", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 116-136, DOI: 10.21064/WinRS.2026.1.8, EDN: AXZYNF. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 08 сентября 2026 г. Поступила после доработки 16 сентября 2026 г. Принята к печати 20 сентября 2026 г.

Received 08 September 2026. Revised 16 September 2026. Accepted 20 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Шаповалов Данил Александрович, аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Danil A. Shapovalov, Post-graduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.33

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-0

Исследовательская статья

Гайдукова Г. Н.

**Социологическая оценка специфики формирования
социально-технологической безопасности
крупных городов Северной Евразии**

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Средний проспект Васильевского острова, дом 57/43,
Санкт-Петербург, 199178, Россия
gaidukova-gn@ranepa.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется тем, что современный крупный город все в меньшей степени может рассматриваться как относительно стабильная административно-территориальная единица и все в большей степени выступает как сложная социально-технологическая система, функционирующая в режиме постоянной неопределенности. Особенно остро данная проблематика проявляется в крупных российских городах Северной Евразии, где суровые климатические условия, зависимость от централизованного теплоснабжения, протяженность инфраструктур, цифровизация управления и неоднородность городского населения усиливают вероятность каскадных сбоев. *Научная проблема* исследования состоит в недостаточной разработанности интегральной концепции социально-технологической безопасности города. В существующих подходах социальные, технические, информационные и управленческие риски нередко анализируются раздельно, тогда как в реальной городской среде они образуют единую систему взаимных усиления. *Методологическую основу* статьи составляет междисциплинарная рамка социологии нестабильности, объединяющая идеи социологии риска, теории рефлексивной модерности, системного анализа, урбанистики и исследований безопасности. В работе используются концептуальный анализ категорий «социальная нестабильность», «социальная турбулентность», «социальный хаос», «социальные риски», «опасность» и «угроза», а также элементы системного и институционального подходов. *Научные результаты* исследования заключаются, во-первых, в уточнении различия между социально-технологической опасностью и социально-технологической угрозой. Опасность понимается как потенциальная возможность недостижения субъектом социального действия планируемых результатов вследствие непрофессионального применения социальных технологий или неспособности адекватно интерпретировать действия других акторов. Угроза, в отличие от опасности, предполагает адресное деструктивное воздействие, осуществляемое конкретным актором с использованием организационных, информационных, цифровых или

манипулятивных технологий. Во-вторых, показано, что ключевая уязвимость крупного города связана с разрывом между высокой взаимозависимостью инфраструктур и фрагментарностью институционального управления. В-третьих, выявлено, что экспертное сообщество оценивает уровень представлений населения и институтов о социально-технологических опасностях как недостаточный, что усиливает необходимость системного просвещения, подготовки специалистов и формирования культуры безопасности. В *выводах* обосновывается необходимость создания городской системы социально-технологической безопасности как многоуровневого институционального контура, включающего нормативно-правовую базу, техническую защиту, цифровой мониторинг, системы диспетчеризации, риск-коммуникацию, образовательные программы, контур противодействия дезинформации, независимую экспертизу и механизмы участия населения. Такая система должна быть ориентирована не только на ликвидацию последствий кризисов, но и на раннее выявление предкризисных признаков, поддержание достоверной обратной связи и повышение способности городского сообщества к рациональному совместному действию в условиях нестабильности.

Ключевые слова: крупный город; социальные технологии; социально-технологическая безопасность; социология нестабильности; социальные риски; городская устойчивость

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02281, <https://rscf.ru/project/25-28-02281/>.

Информация для цитирования: Гайдукова Г. Н. Социологическая оценка специфики формирования социально-технологической безопасности крупных городов Северной Евразии // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 146-170. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-0.

Research article

Galina N. Gaidukova

**Sociological assessment of the specifics of the formation
of socio-technological security of large cities
in Northern Eurasia**

North-West Institute of Management – Branch of RANEPa,
57/43 Sredny Ave., Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia
gaydukova-gn@ranepa.ru

Abstract. The *relevance* of this article is determined by the fact that modern large cities can increasingly be viewed as relatively stable administrative-territorial units and increasingly act as complex socio-technological systems operating in a state of constant uncertainty. This problem is particularly acute in large Russian cities in Northern Eurasia, where harsh climatic conditions, dependence on centralized heating, extensive infrastructure, digitalization of governance, and heterogeneity of the urban population increase the likelihood of cascading failures. The *scientific problem* of the study lies in the insufficient development of an integrated concept of urban socio-technological security. Existing approaches often analyze social, technical, informational, and managerial risks separately, whereas in the real urban environment they form a unified system of mutual reinforcement. The *methodological basis* of the article is the interdisciplinary framework of the sociology of instability, combining ideas from the

sociology of risk, the theory of reflexive modernity, systems analysis, urban studies, and security studies. This paper utilizes a conceptual analysis of the categories of “social instability”, “social turbulence”, “social chaos”, “social risks”, “danger”, and “threat”, as well as elements of systemic and institutional approaches. The *research's scientific results*, firstly, clarify the distinction between socio-technological danger and socio-technological threat. Danger is understood as the potential for a social actor to fail to achieve its intended results due to the unprofessional application of social technologies or the inability to adequately interpret the actions of other actors. Threat, in contrast, implies a targeted destructive impact carried out by a specific actor using organizational, information, digital, or manipulative technologies. Secondly, it is shown that the key vulnerability of a large city is associated with the gap between the high interdependence of infrastructures and the fragmentation of institutional governance. Thirdly, it was revealed that the expert community considers the public's and institutions' understanding of socio-technological hazards to be inadequate. This emphasises the need for systemic education, specialist training and the development of a safety culture. The *findings substantiate* the need to create an urban socio-technological security system as a multi-layered institutional framework, including a regulatory framework, technical protection, digital monitoring, dispatching systems, risk communication, educational programs, a framework for countering disinformation, independent expertise, and public participation mechanisms. Such a system should be focused not only on eliminating the consequences of crises but also on the early detection of pre-crisis signs, maintaining reliable feedback, and enhancing the urban community's capacity for rational, collaborative action in unstable conditions.

Keywords: large city; social technologies; socio-technological security; sociology of instability; social risks; urban resilience

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation grant 25-28-02281, <https://rscf.ru/project/25-28-02281/>.

Information for citation: Gaidukova, G. N. (2026), “Sociological assessment of the specifics of the formation of socio-technological security of large cities in Northern Eurasia”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 146-170. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-0.

Введение (Introduction). Современный крупный город все чаще оказывается не только центром экономической активности, инноваций и культурной концентрации, но и пространством повышенной нестабильности. В нем одновременно сосуществуют сложные инженерные инфраструктуры, цифровые платформы управления, многообразные социальные группы, информационные потоки и институты публичной власти. Такая концентрация ресурсов и связей делает город эффективным, но одновременно и уязвимым: локальный технологический сбой, информационная провокация, кризис доверия или социально-экономическое напряжение способны быстро приобрести каскадный характер и перерасти в системную угрозу.

Особую значимость эта проблема приобретает для крупных российских городов Северной Евразии, что обусловлено сочетанием суровых природно-климатических условий, протяженных инфраструктурных сетей, высокой зависимости населения от бесперебойной работы энергетики, транспорта, связи и коммунальных систем, а также сложной историей институциональных трансформаций. Здесь социальная безопасность не может рассматриваться отдельно от технологической – устойчивость городской жизни зависит не только от качества инженерных систем, но и от уровня доверия, управленческой

координации, цифровой грамотности населения, способности институтов предупреждать и нейтрализовать угрозы.

Научная проблема состоит в том, что исследования городской безопасности нередко разделяют социальные, технологические и информационные риски, рассматривая их как относительно автономные сферы. Между тем в реальной городской среде они образуют единую систему взаимных усиления. Поэтому анализ безопасности крупных городов требует интегральной рамки, соединяющей социологию нестабильности с концепцией социально-технологической безопасности.

В социологической перспективе нестабильность следует понимать не только как временное отклонение от нормы, но и как устойчивый режим существования современных обществ. «Особенности развития современного социально-гуманитарного знания связаны с актуализацией проблемы безопасности, которая сегодня является всесторонней, приобретает глобальный и насущный характер, так как быстрыми темпами растут факторы риска и источники угроз, которые охватывают все сферы жизнедеятельности общества и социального субъекта – экономическую, политическую, социальную и духовную» (Вильданов, Хабибуллин, 2025: 15). Городские системы функционируют в условиях постоянной неопределенности, где опасности и угрозы имеют гибридный характер. Социальная опасность может быть связана с бедностью, неравенством, конфликтностью, демографическими изменениями или дефицитом доверия. Однако в условиях цифровизации эти опасности все чаще усиливаются технологическими и информационными факторами: сбоями инфраструктуры, кибератаками, дезинформацией, алгоритмическими искажениями, зависимостью от платформенных сервисов.

Кроме того, одной из особенностей развития общества в XXI веке становится увеличение возможностей применения социальных технологий для решения общественных проблем или, напротив, для их искусственного обострения. Сложившаяся ситуация является одним из следствий цифровизации/дигитализации социума, в ходе которой традиционные социальные технологии конвергируют с цифровыми. Образующиеся при этом гибриды в случае их применения нередко приводят к негативным эффектам, порождая опасности и угрозы для общества и человека, что особенно заметно в высоко урбанизированной, по определению технологичной, среде. К устранению и/или минимизации этих угроз социальные институты и граждане пока готовы мало. Возникает противоречие между неизбежностью дальнейшей технологизации социальных отношений, заключающей в себе, наряду с конструктивными результатами элементы социальных деструкций и не разработанностью концепции социально-технологической безопасности городского пространства.

Методология и методы (Methodology and Methods). Исходной рамкой анализа социально-технологической безопасности крупного города выступает социология нестабильности. Она рассматривается не как завершенная научная школа, а как междисциплинарный подход, сформированный на пересечении социологии риска, теорий поздней модерности и социальных изменений, системного анализа, урбанистики и исследований безопасности. Его центральный тезис состоит в том, что неопределенность, ускорение изменений и возможность каскадных сбоев являются не отклонениями от устойчивого порядка, а нормальными условиями функционирования современных обществ.

Основы данного подхода заложены в работах У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, М. Дуглас, А. Вильдавски, З. Баумана, Х. Розы и Ч. Перроу. У. Бек показал, что модернизация производит не только общественные блага, но и экологические, техногенные, информационные и иные риски, которые являются внутренним следствием технологического развития (Beck, 1992). Э. Гидденс связывал устойчивость современного общества с доверием к «абстрактным системам» – транспорту, энергетике, медицине,

экспертному знанию, цифровым сетям и государственным институтам (Giddens, 1990, 1991). Чем сложнее эти системы, тем сильнее зависимость от них и тем меньше возможности рядового человека контролировать их функционирование.

Принципиальное значение имеет различие риска и опасности, предложенное Н. Луманом. Если возможный ущерб приписывается принятому решению, он определяется как риск; если воспринимается как внешнее воздействие – как опасность (Luhmann, 1993). Поэтому один и тот же инфраструктурный сбой может интерпретироваться органами управления как результат рискованного решения, а населением – как навязанная извне опасность. М. Дуглас и А. Вильдавски, в свою очередь, показали, что восприятие рисков зависит не только от вероятности ущерба, но и от культуры, ценностей, институтов и распределения власти (Douglas, Wildavsky, 1982).

3. Бауман описывал современность как состояние утраты долговременной устойчивости социальных форм, институтов и идентичностей (Bauman, 2000). В крупном городе это выражается в мобильности населения, фрагментации социальных связей и снижении способности институтов обеспечивать чувство надежности. Х. Роза связывает нестабильность с социальным ускорением: технологические, политические и коммуникативные изменения происходят быстрее, чем институты успевают адаптироваться (Rosa, 2013). Концепция «нормальных аварий» Ч. Перроу дополняет эту логику: в сложно организованных и тесно связанных системах сбои становятся трудно предсказуемым следствием самой их структуры. Таким образом, кризисы встроены в развитие крупных социально-технологических систем, а не выступают исключительно внешними нарушениями порядка.

Для описания разных уровней дезорганизации необходимо разграничивать социальную нестабильность, социальную турбулентность и социальный хаос. Под социальной нестабильностью понимается состояние общества или его подсистем, характеризующееся ослаблением институтов и нормативного порядка, ростом напряженности, конфликтности и неопределенности, вследствие чего снижается способность системы к саморегуляции и предсказуемому воспроизводству. В городе нестабильность проявляется как в открытых кризисах – протестах, авариях, панике и насилии, – так и в латентном накоплении недоверия, инфраструктурного износа, цифровой зависимости, неравенства и информационной уязвимости.

Социальная турбулентность обозначает более динамичное состояние – быстрые, нелинейные, разнонаправленные и плохо прогнозируемые изменения. Э. Тоффлер связывал его с ситуацией, в которой темпы технологических и институциональных преобразований превышают адаптивные возможности человека и общества (Тоффлер, 2003, 2004, 2025). М. Кастельс показал, что сетевые структуры и глобальные потоки информации, капитала и власти выводят социальные процессы за рамки линейного национального развития (Кастельс, 2000). П. Штомпка рассматривал общество как процесс становления, уделяя особое внимание травматическим изменениям и культурной дезориентации переходных эпох (Штомпка, 1996).

Социальную турбулентность, таким образом, можно определить как многомерное состояние, возникающее в условиях ускоренных и нелинейных изменений, при котором ослабляется устойчивость институтов, норм и механизмов координации, возрастает чувствительность к внешним и внутренним воздействиям, а развитие приобретает прерывистый и трудно прогнозируемый характер.

Социальный хаос представляет наиболее радикальную степень дезорганизации, при которой нарушаются базовые механизмы координации, нормативной регуляции и институционального управления. Однако хаос не обязательно означает полное разрушение

социальной ткани: он может рассматриваться как предельное неравновесие, из которого возникают новые формы порядка (Лиотар, 1998; Делёз, 2025a, 2025b).

Ключевой характеристикой хаотического состояния является нелинейность. В нелинейной системе масштаб последствий не пропорционален силе первоначального воздействия: локальный конфликт, слух, публикация или единичный инфраструктурный сбой могут вызвать массовую мобилизацию, панику или кризис доверия, тогда как значительные управленческие усилия не всегда приводят к ожидаемому результату. Эффект определяется не только непосредственной причиной, но и состоянием системы: накопленными противоречиями, плотностью социальных связей, скоростью распространения информации и наличием скрытых точек неустойчивости.

Следовательно, социальная неустойчивость означает ослабление устойчивости институтов и норм; турбулентность – ускоренную и нелинейную динамику изменений; социальный хаос – радикальную перегрузку либо разрушение механизмов упорядочивания. Это разграничение необходимо для эмпирического анализа городских кризисов, сетевых конфликтов, переходных процессов и трансформаций социального порядка.

Смежной категорией являются социальные риски – вероятные неблагоприятные события и процессы, нарушающие жизненные траектории людей, воспроизводство социальных групп и устойчивость институтов. В техническом подходе риск обычно определяется как сочетание вероятности события и масштаба ущерба. В социологии учитываются также распределение последствий, принятие решений и интерпретация угроз различными социальными группами. Вопрос заключается не только в том, насколько вероятен ущерб, но и в том, кто принимает рискованные решения, кто получает выгоды, и кто несет издержки.

Социальные риски имеют преимущественно структурный характер. Хотя их последствия переживаются индивидуально – как потеря работы, ухудшение здоровья или социальное исключение, – условия их возникновения могут определяться деиндустриализацией, прекаризацией занятости, институциональной неустойчивостью и неравным доступом к ресурсам. Социологический анализ тем самым переносит внимание с индивидуальной биографии на социальные механизмы производства и распределения риска.

Концепции социальной уязвимости и резильентности дополняют этот подход анализом способности индивидов и сообществ противостоять неблагоприятным воздействиям (Chambers, 2009; Moser, 1997; Cutter, 2003). Социальный риск определяется не только внешним шоком, но и дефицитом адаптационных ресурсов: низким доходом, слабыми сетями поддержки, ограниченным доступом к медицине и образованию, территориальной изоляцией или институциональной дискриминацией. Социальные риски, следовательно, представляют общественно произведенные, структурно распределенные и культурно интерпретируемые вероятности ущерба.

В исследованиях безопасности необходимо также разграничивать опасность и угрозу. Опасность – потенциальная способность явления, среды или субъекта причинить вред. Она может существовать латентно: к городским опасностям относятся инфраструктурный износ, социальная изоляция молодежи, низкое доверие к институтам и недостаточная медиаграмотность. В логике Н. Лумана опасность воспринимается как внешний источник возможного ущерба, хотя для управленческих структур она может быть результатом накопленного институционального риска (Luhmann, 1993).

Угроза представляет актуализированную опасность, для которой можно определить источник, объект, механизм и вероятные последствия. Так, низкая медиаграмотность является опасностью, а массовое распространение фейка о заражении воды – социально-информационной угрозой; изношенность коммунальных сетей – опасностью, а вероятность отключения теплоснабжения в конкретном районе – инфраструктурной угрозой. Аналогично

социальное неравенство формирует опасность, тогда как мобилизация массового конфликта после резонансного события выступает конкретной социальной угрозой.

Наконец, в соответствии с теорией секьюритизации угроза становится объектом политики безопасности не только вследствие объективных характеристик, но и благодаря ее публичному обозначению политическими, медийными или экспертными акторами (Buzan, Waever, Wilde, 1998). Поэтому анализ социально-технологической безопасности города должен учитывать одновременно объективные параметры риска, структурную уязвимость системы и дискурсивные механизмы, посредством которых отдельные явления признаются угрозами и легитимируют чрезвычайные меры реагирования.

Тем не менее, многие аспекты формирования системы безопасности изучены недостаточно. К числу их относится социально-технологическая безопасность, представляющая собой систему мер, направленных на предотвращение опасностей и угроз, обусловленных либо 1) непрофессиональным использованием социальных технологий, либо 2) неспособностью субъектов защитить себя от деструктивного социально-технологического воздействия (антитехнологий), 3) либо неудачные попытки акторов использовать антитехнологии в своих целях. В массе своей многие городские жители предрасположены становятся жертвами деструктивного воздействия (мошенничество, обман и т.д.), что превращает их в объект манипуляции с помощью антитехнологий, представляющих собой практики скрытого управления людьми, лишаящие их атрибута субъектности. Антитехнологии ориентированы на интеграцию факторов опасностей и угроз в состав практик управления общественными процессами.

Целью работы выступает попытка эмпирически проанализировать специфику социально-технологической безопасности крупных российских городов Северной Евразии через призму социологии нестабильности. В центре внимания находится вопрос о необходимости системного решения проблемы обеспечения городской социально-технологической безопасности, что предполагает институционализацию этой деятельности, подготовку кадров социальных технологов и развитие социально-технологической культуры населения.

Эмпирической базой выступило глубинное интервью экспертов «Оценка уровня социально-технологической безопасности в крупных городах России» (N=30), проведенного с участием автора в апреле-мае 2026 года для уточнения основных параметров концепта проектирования системы социально-технологической безопасности крупного города и показателей его оценки. Для оценки социально-технологической безопасности городов применяется целевая стратифицированная выборка из 30 экспертов, сформированная по матрице «три типа городов × шесть профессиональных сфер». Городские страты включают крупные мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург), а также диверсифицированные региональные агломерации (Казань, Екатеринбург) и города с пространственными либо ресурсными ограничениями (Белгород, Воронеж). В каждой страте представлены специалисты в области государственного управления, ЖКХ и критической инфраструктуры, IT- и кибербезопасности, науки, социальной сферы, а также НКО и информационной среды. Критериями включения выступают не менее пяти лет релевантного опыта, непосредственное знание соответствующего города или городского типа, участие в практических проектах либо исследованиях и способность подтверждать оценки конкретными данными и кейсами. Для сочетания контекстуальной глубины и сравнительной перспективы предусматривалось участие 20 локальных и 10 межгородских экспертов. Репрезентативность выборки обеспечивалась структурной полнотой и типологической представленностью мнений, а сопоставимость – единым гайдом полуструктурированного интервью.

Ключевыми исследовательскими вопросами выступили следующие:

1) Каким образом эксперты и представители городских институтов идентифицируют и разграничивают социально-технологические опасности и социально-технологические угрозы в крупных российских городах Северной Евразии с учетом таких признаков, как наличие субъекта воздействия, его намеренность и адресность, используемые технологии и предполагаемые последствия?

2) Каким образом сочетание высокой взаимозависимости городских инфраструктур и фрагментарности институционального управления связано с возникновением и воспроизводством социально-технологических уязвимостей крупных городов в условиях нестабильности?

3) Как эксперты оценивают готовность городских институтов и населения к выявлению, интерпретации и предупреждению социально-технологических опасностей и угроз, и какие институциональные, кадровые, образовательные и коммуникационные механизмы они считают приоритетными для формирования городской системы социально-технологической безопасности?

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Крупные российские города Северной Евразии целесообразно рассматривать не просто как урбанизированные территории с повышенной концентрацией населения, инфраструктуры и капитала, а как сложные социально-технологические системы, в которых уязвимость возникает на пересечении пространства, климата, демографии, институционального наследия, цифровизации и информационной среды. Под Северной Евразией здесь целесообразно понимать прежде всего российское и связанное с ним постсоветское городское пространство – от крупнейших агломераций Москвы и Санкт-Петербурга до сибирских, североказахстанских и арктических центров, крупных относительно окружающей системы расселения. Это пространство нельзя считать однородным: технологическая насыщенность, муниципальная автономия, климатические условия и структура экономики Москвы, Новосибирска, Астаны, Якутска и Норильска существенно различаются. Тем не менее у этих городов обнаруживается общее противоречие между высокой взаимозависимостью городских систем и фрагментарной способностью субъектов управлять этой взаимозависимостью.

Социальные технологии, традиционно рассматриваемые как специально организованная область знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов, использовались людьми на разных этапах истории. При этом они (о чем часто забывают исследователи) постоянно эволюционируют. Данный процесс в современном обществе многократно интенсифицировался под воздействием цифровой революции. Произошла и продолжает проявлять себя конвергенция цифровых и традиционных социальных технологий, результатом которой стала их гибридизация, выражающаяся в соединении «физических» (технических и естественно-природных), социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций.

«Современные социальные технологии представляют собой сложно структурированные комплексы алгоритмически выстроенных, синхронизированных “физических”, социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов» (Бабинцев, 2026: 215). Поскольку в эти технологиях ведущую роль играет цифровой компонент, их можно определить как инфосоциальные.

Благодаря развитию информационных систем, они становятся максимально доступными для городских жителей, удобны и эффективны при компетентном применении. Отражением этого процесса стало, в частности, оформление нейроурбанистики как самостоятельного направления в теории практике современного урбанизма. Но, способствуя

улучшению качества городской среды, как и любая другая общественная практика, социально-технологический подход к решению городских проблем одновременно порождает комплекс опасностей и угроз. При этом абсолютное большинство респондентов отмечают актуальность проблематики опасностей и угроз, связанных с неспособностью социальных институтов и граждан:

– профессионально применять социальные технологии (19 экспертов выбрали вариант ответа «актуально» и 11 – «скорее актуально, чем не актуально»): *«проблема состоит не столько в отсутствии социальных технологий, сколько в дефиците компетенций, позволяющих применять их профессионально. На практике управленческие решения нередко основываются на интуиции, краткосрочных политических интересах или механическом заимствовании готовых моделей без предварительной диагностики социальной среды»; «социальная технология эффективна только тогда, когда определены ее цели, целевые группы, критерии результативности и возможные побочные эффекты. Если эти элементы отсутствуют, технологическое воздействие превращается в набор несогласованных мероприятий и само может стать источником социальной нестабильности»;*

– противостоять воздействию манипулятивных технологий (24 и 6 экспертов соответственно): *«современные манипулятивные технологии действуют не только через распространение заведомо ложной информации. Значительно чаще используются эмоциональная поляризация, селективная подача фактов, создание искусственного ощущения общественного консенсуса и алгоритмическое усиление конфликтного контента»; «институты, как правило, реагируют уже на последствия информационного воздействия, тогда как сами манипулятивные кампании проектируются заранее и быстро адаптируются к реакции аудитории. В результате возникает устойчивое временное преимущество субъектов манипуляции»;*

– распознавать социальные технологии и антитехнологии – 19 и 9 экспертов соответственно: *«основная трудность заключается в отсутствии общепринятых критериев разграничения социальной технологии и антитехнологии. Один и тот же инструмент может использоваться как для общественно полезной мобилизации, так и для манипуляции, исключения отдельных групп или искусственного конструирования конфликта. Поэтому оценивать необходимо не только сам инструмент, но также цели, процедуру его применения и последствия»; 2 считают, что «скорее не актуально, чем актуально»: «не всякое технологически организованное воздействие следует интерпретировать как угрозу. Оценка должна зависеть от целей, степени прозрачности, добровольности участия и возможности граждан отказаться от воздействия»;*

– эффективно использовать цифровые и информационные ресурсы в социальной деятельности (22 и 8 экспертов соответственно): *«формальный доступ к цифровым ресурсам еще не означает способности эффективно использовать их в социальной деятельности. Пользователь должен уметь оценивать надежность источников, сопоставлять данные, понимать ограничения цифровых платформ и осознавать, каким образом алгоритмы влияют на отбор информации»; «организации нередко осуществляют цифровизацию существующих процедур, не меняя их содержания. В результате цифровые инструменты не повышают качество социальной деятельности, а лишь ускоряют воспроизводство прежних управленческих ошибок»;*

– формировать критическое мышление у населения для противодействия манипуляциям (22 и 8 экспертов соответственно): *«критическое мышление не следует сводить к общей недоверчивости или отрицанию официальных источников. Оно предполагает проверку происхождения информации, различение факта и интерпретации, анализ аргументации и готовность пересмотреть собственную позицию при появлении новых доказательств»; «противодействие манипуляциям должно строиться не только на опровержении*

отдельных ложных сообщений. Необходима систематическая образовательная работа, формирующая у населения устойчивые процедуры проверки информации и понимание механизмов воздействия на когнитивные и эмоциональные реакции»;

–оперативно адаптироваться к новым социальным технологиям – 21 и 6 экспертов соответственно: «темпы распространения новых социальных технологий превышают скорость, с которой государственные, образовательные и правовые институты способны разрабатывать нормы их применения. Поэтому институциональная реакция часто носит запаздывающий и фрагментарный характер»; «адаптация не должна пониматься как безусловное принятие каждой технологической инновации. Она включает экспериментальную апробацию, оценку рисков, подготовку специалистов и создание механизмов отказа от технологии, если ее социальные издержки превышают ожидаемые преимущества»; ; 2 считают, что «скорее не актуально, чем актуально»: «проблема адаптации к новым социальным технологиям может быть несколько преувеличена: институты адаптируются к инновациям постепенно, а попытка регулировать каждое новшество на ранней стадии способна затормозить полезные эксперименты»;

–обеспечивать цифровую безопасность личных данных (29 и 1 экспертов соответственно): «защита персональных данных становится базовым условием институционального доверия. Утечка данных наносит не только материальный ущерб отдельному человеку, но и снижает готовность граждан пользоваться цифровыми государственными и социальными сервисами»;

–предвидеть долгосрочные последствия социальных инноваций – 22 и 7 экспертов соответственно: «социальные инновации обычно оцениваются по краткосрочным показателям – охвату, скорости внедрения или снижению издержек. При этом недостаточно учитываются отсроченные эффекты: трансформация норм, изменение структуры занятости, усиление неравенства и формирование зависимости от технологической инфраструктуры»; 1 считает, что «скорее не актуально, чем актуально»: «долгосрочные последствия социальных инноваций принципиально трудно прогнозировать. Поэтому вместо стремления к исчерпывающему предвидению продуктивнее создавать механизмы постоянного мониторинга и оперативной коррекции решений»;

–взаимодействовать с ИИ-системами в социальном контексте (19 и 11 экспертов соответственно): «компетентное взаимодействие с ИИ предполагает понимание того, что система не является нейтральным источником знания. Ее ответы зависят от обучающих данных, архитектуры модели, поставленной задачи и критериев, заданных разработчиком»; «в социальной сфере искусственный интеллект может повысить скорость обработки информации и обеспечить персонализацию услуг, но окончательная ответственность за решения, затрагивающие права и возможности человека, не должна передаваться алгоритму».

Полученные оценки позволяют реконструировать общую позицию экспертного сообщества как признание системного дефицита социально-технологической компетентности. По мнению экспертов, опасность обусловлена не отдельными технологиями как таковыми, а несоответствием между высокой скоростью их распространения и ограниченной способностью социальных институтов и граждан распознавать механизмы воздействия, профессионально применять цифровые инструменты, защищать персональные данные и оценивать отсроченные последствия инноваций. Наиболее выраженный консенсус наблюдается в отношении цифровой безопасности персональных данных: все 30 экспертов отнесли проблему к актуальной в той или иной степени, причем 29 выбрали безусловно положительную оценку. Существенное согласие также выявлено применительно к противодействию манипулятивным технологиям, формированию критического мышления, эффективному использованию цифровых ресурсов и взаимодействию с ИИ-системами. В

совокупности эти оценки указывают на необходимость перехода от реактивной модели устранения последствий к превентивной модели управления, включающей технологическую экспертизу, сценарное прогнозирование, развитие медиаграмотности и институциональную подотчетность.

В качестве основных причин актуализации в современных условиях социально-технологических опасностей и угроз экспертами были названы интенсивное развитие цифрового пространства (*«цифровая среда развивается быстрее, чем общество успевает осмыслить последствия ее распространения. Новые платформы и каналы коммуникации становятся массовыми еще до того, как формируются устойчивые нормы их использования и механизмы ответственности»*); *«современное цифровое пространство резко снижает стоимость производства и распространения недостоверного контента. Если раньше для проведения масштабной информационной кампании требовались значительные организационные ресурсы, то сегодня часть этих задач может быть автоматизирована»*), усложнение манипулятивных техник (*«манипуляция стала менее заметной. Она все реже строится на прямой лжи и все чаще – на смешении достоверных фактов, эмоциональных интерпретаций и умолчаний. Формально отдельные элементы сообщения могут быть правдивыми, но общая картина при этом оказывается искаженной»*); *«основным объектом воздействия становится не столько мнение человека по отдельному вопросу, сколько его эмоциональное состояние. Тревога, возмущение и ощущение срочности снижают вероятность критической проверки информации и повышают готовность делиться ею»*), а также отставание институциональных механизмов, когда социальные институты (власть, образование, НКО) не успевают адаптировать нормы и практики к темпам технологических изменений (*«технологические изменения происходят в режиме почти непрерывного обновления, тогда как государственное регулирование требует длительных процедур согласования. В результате нормативная база нередко описывает уже сложившиеся практики, а не предупреждает новые риски»*); *«институциональная реакция преимущественно носит постфактумный характер: сначала возникает новая угроза, затем она получает общественный резонанс и только после этого начинается поиск правовых и организационных решений»*) – Рисунок 1.

По мнению экспертов, актуализация социально-технологических угроз обусловлена не отдельными технологическими нововведениями, а рассогласованием между скоростью цифровой трансформации и адаптационными возможностями социальных институтов. Расширение цифрового пространства сопровождается алгоритмизацией информационных потоков, снижением стоимости производства контента и ростом возможностей его персонализации. Одновременно усложняются манипулятивные техники: прямое распространение ложных сведений дополняется эмоциональным фреймированием, селективным представлением достоверных фактов и имитацией массовой поддержки. Институциональные механизмы реагирования при этом характеризуются временным запаздыванием, недостаточной межсекторной координацией и дефицитом компетенций. Таким образом, социально-технологическая опасность возникает на пересечении технологической доступности инструментов воздействия, социальных уязвимостей аудитории и ограниченной способности институтов к опережающей адаптации.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если Вы считаете проблему опасностей и угроз актуальной, то каковы основные причины ее актуализации? (укажите не более трех вариантов ответа)», множественный выбор, чел.¹

Figure 1. Respondents' answers to the question: "If you consider the problem of dangers and threats to be relevant, what are the main reasons for its relevance? (Indicate no more than three answer options)", persons

При этом социально-технологическая опасность представляет собой ситуацию, заключающую в себе возможность недостижения субъектом социального действия планируемых им результатов, либо утраты занимаемых позиций в социуме вследствие непрофессионального применения социальных технологий или неспособности адекватно интерпретировать аналогичные действия контрагентов. Опасность, как правило, не ориентирована на конкретных субъектов и актуализируется в ходе предпринимаемых ими действий. Напротив, социально-технологическая угроза проявляется в неспособности противостоять деструктивному социально-технологическому воздействию других акторов (мошенничество, манипуляции, информационный прямой и косвенный контроль), всегда носит адресный характер и инициируется тем или иным актором-оппонентом в связи как с действием, так и с бездействием ее адресата.

В предложенной понятийной рамке социально-технологическая опасность не тождественна ни природной опасности, ни технической неисправности. Она возникает тогда, когда неблагоприятное условие соединяется с дефицитом способности распознать проблему, согласовать действия, достоверно информировать население и применить технологии предупреждения или компенсации ущерба. Социально-технологическая угроза предполагает дополнительный признак – наличие актора, который намеренно использует организационные, информационные, правовые или цифровые технологии для деструктивного воздействия. Поэтому таяние мерзлоты само по себе является климатической опасностью, неспособность города организовать мониторинг деформаций превращает его в

¹ Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбирать несколько вариантов.

социально-технологическую опасность, а сознательное сокрытие данных о деформациях ради продолжения эксплуатации объекта уже может рассматриваться как угроза. Аналитически опасность зависит от экспозиции города, его уязвимости, степени взаимозависимости систем и дефицита коллективной способности к действию; угроза – от намерения актора, его ресурсов, доступа к уязвимой системе и возможности скрывать или легитимировать свое воздействие.

К ключевым особенностям проявления социально-технологических опасностей и угроз применительно к крупным городам России экспертами были отнесены: высокая плотность населения, что увеличивает риск быстрого распространения социальных конфликтов и дезинформации через цифровые платформы; концентрация уязвимых групп в городской среде (мигранты, молодёжь, пожилые, малообеспеченные слои – все они сосуществуют в ограниченном пространстве, что усиливает риски социальной напряжённости); дефицит компетенций по управлению социально-технологическими рисками (Рисунок 2).

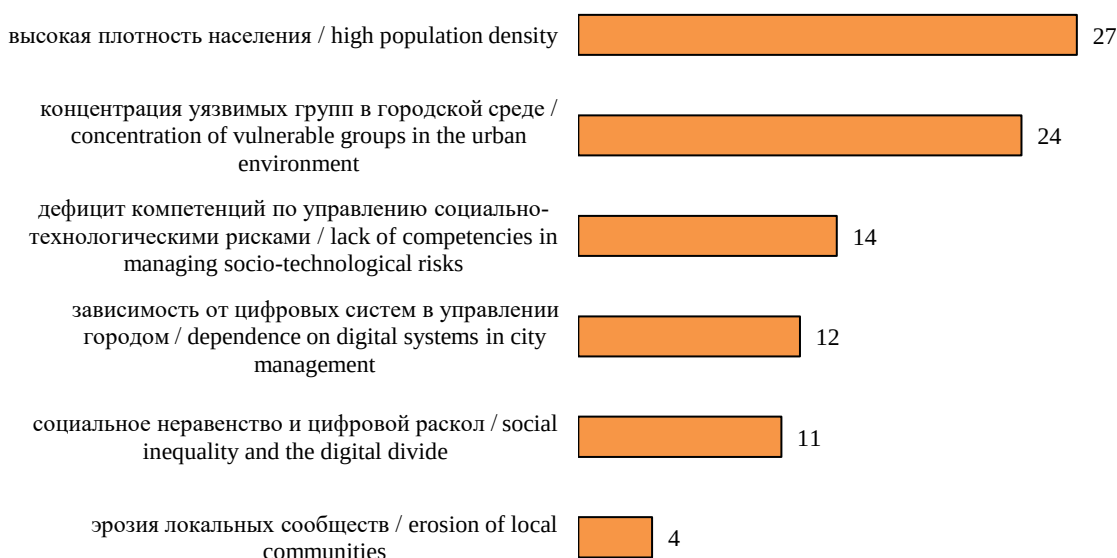

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Можно ли, на Ваш взгляд, выделить какие-либо особенности проявления социально-технологических опасностей и угроз применительно к крупному городу России? (укажите не более трех вариантов ответа)», чел.¹

Figure 2. Respondents' answers to the question: "In your opinion, is it possible to identify any particular features of the manifestation of socio-technological dangers and threats in relation to a large Russian city?", persons

Фундаментальная опасность крупного города Северной Евразии состоит в несоответствии между физической интегрированностью инфраструктуры и организационной раздробленностью управления. Теплоснабжение, электроснабжение, связь, транспорт, больницы и платежные сервисы образуют не отдельные отрасли, а сеть взаимозависимых сетей. Модель С. Булдырева и соавторов показывает, что в таких системах даже ограниченный первоначальный сбой способен вызвать нелинейный каскад отказов в сопряженных сетях (Buldyrev, Parshani, Paul, 2010). Для северо-евразийского города эта абстрактная закономерность особенно существенна из-за централизованного

¹ Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбирать несколько вариантов.

теплоснабжения, длительных отопительных сезонов и наследия крупных технических комплексов. Этнографическое исследование С. Кольера показывает, что постсоветская коммунальная инфраструктура одновременно является технической системой и институтом социальной политики: через тарифы, бюджетные обязательства и режимы подключения она распределяет не только тепло, но и социальную защищенность (Collier, 2011).

Социально-технологическая опасность здесь возникает, если коммунальные предприятия, муниципальные администрации, медицинские учреждения и операторы связи не имеют совместимых протоколов реагирования, общего представления о состоянии сети и защищенных каналов связи с населением. Особое значение имеет организационная культура: если сообщения о дефектах воспринимаются как угроза репутации руководства, система начинает накапливать скрытые отклонения. Небольшие аварии формально устраняются, но не превращаются в знания, меняющие регламенты. Социально-технологической угрозой та же взаимозависимость становится при целенаправленном воздействии на слабое звено: кибератаке на подрядчика, распространении ложного сообщения об аварии или эвакуации, создании искусственного дефицита информации либо намеренном нарушении координации между службами. Целью такого воздействия необязательно является физическое разрушение инфраструктуры; достаточно вызвать недоверие к официальным сообщениям и заставить людей действовать несогласованно.

Для арктических и субарктических городов физические процессы деградации мерзлоты образуют особенно наглядную связку природной и социально-технологической опасности. Пространственное моделирование показывает, что к середине XXI века значительная доля инфраструктуры в области распространения вечной мерзлоты окажется под повышенным риском повреждения (Hjort, J., Karjalainen, O., Aalto, 2018). Дмитрий Стрелецкий и соавторы отдельно оценили последствия этого процесса для зданий и инфраструктуры российских регионов на мерзлоте: (Streletskiy, Suter, Shiklomanov, 2019).

Однако социально-технологическая сторона риска определяется не температурой грунта как таковой, а тем, кто и как измеряет осадки фундаментов, кому принадлежат данные, существуют ли независимый аудит и процедура остановки эксплуатации, способен ли город переселять людей и обеспечивать резервные коммуникации. Опасность возрастает, когда мониторинг разделен между компаниями и ведомствами, а расходы на предупреждение ущерба несет один субъект, тогда как выгоду от продолжения эксплуатации получает другой. Угроза возникает, если заинтересованный актор сознательно занижает оценки, дискредитирует независимых экспертов, манипулирует общественными обсуждениями или использует административную зависимость жителей для блокирования сообщений о риске. Таким образом, климатический процесс становится средством деструктивного воздействия не сам по себе, а через управление информацией и зависимостями.

Не менее существенна деградация механизмов обратной связи между населением и институтами управления. Для крупного города жалоба, общественное обсуждение, журналистское расследование и сообщение работника о нарушении представляют собой сенсоры, без которых управляющий субъект теряет сведения о реальном состоянии системы. А. Желнина на материалах г. Санкт-Петербурга и г. Выборга показывает, что городская апатия может быть не исходным свойством граждан, а социально производимым результатом повседневного опыта: люди усваивают, что участие не приносит результата и что безопаснее не вмешиваться (Zhelnina, 2020). В рассматриваемой рамке это социально-технологическая опасность, поскольку субъект постепенно утрачивает способность к коллективному действию даже тогда, когда формальные каналы участия существуют. Если же консультации проектируются так, чтобы имитировать участие, заранее исключать нежелательные позиции и производить формальное согласие, они приобретают свойства

антитехнологии: институциональная форма обратной связи используется для блокирования самой обратной связи.

Особая группа опасностей связана с миграцией и социальной неоднородностью мегаполисов. Крупный город зависит от мобильного труда, но часто не создает понятной и доступной системы правовой навигации, языковой адаптации и проверки документов. Этнографическое исследование Мадлен Ривз в Москве показывает, что граница между «настоящим» и «поддельным» документом может производиться непрозрачными бюрократическими практиками, а не только поведением самого мигранта (Reeves, 2013). Социально-технологическая опасность состоит в том, что жители не могут надежно установить свой статус, получить достоверную консультацию и защититься от мошенничества. Это создает готовую инфраструктуру для угроз: вымогательства, целенаправленного распространения этнических слухов, провокации конфликтов и политической мобилизации через конструирование образа «опасной группы». Антитехнология здесь действует посредством социальной классификации: сложная городская проблема объясняется присутствием выбранной категории людей, после чего агрессия направляется не на источник проблемы, а на символически назначенную цель.

Информационная среда крупных городов характеризуется сочетанием традиционных СМИ, муниципальных каналов, платформ, районных сообществ и закрытых чатов. Ее опасность заключается не просто в наличии ложных сообщений, а в разрыве между скоростью распространения информации и скоростью институциональной проверки. Эмпирическая работа Д. Стукала, С. Сановича, Р. Бонно и Дж. Такера демонстрирует возможность выявлять политических ботов и подтверждает наличие автоматизированного вмешательства в публичную коммуникацию: (Stukal, Sanovich, Bonneau, Tucker, 2017). Кроме того, «в условиях острых международных противоречий, социально-политической нестабильности и конфликтов злонамеренное использование всё более совершенных технологий искусственного интеллекта (ИИ) представляет растущую угрозу информационно-психологической безопасности общества и, как следствие, для политических, социальных, экономических, культурных процессов и деятельности государственных и негосударственных институтов» (Пашенцев, Кузнецов, Чебыкина, 2025: 125). Исследование Е. Головченко, М. Хартманн и Р. Адлера-Ниссен на материале информационного конфликта вокруг Украины показывает более сложную картину, в которой дезинформацию распространяют не только централизованные операторы, но и гражданские «кураторы» контента, включенные в сетевой конфликт: (Golovchenko, Hartmann, Adler-Nissen, 2018). Поэтому само наличие множества сходных публикаций еще не доказывает существование единого центра управления, но позволяет исследовать координацию, временные паттерны и повторяющиеся нарративы.

Для города опасны ложные сообщения о заражении воды, работе больниц, дефиците топлива, действиях этнических групп или порядке эвакуации. Если администрация не имеет заранее подготовленного протокола проверки, а население не знает, какой канал считать первичным источником, даже стихийный слух способен произвести ущерб. Угрозой является намеренная фабрикация такого слуха, его координированное распространение через боты, псевдолокальные сообщества и поддельные документы, а также подавление корректирующей информации. Фактчекинг после публикации здесь недостаточен, поскольку негативный эффект может наступить до появления опровержения. Экспериментальные исследования превентивного обучения, включая игру «Go Viral!», показывают, что краткое знакомство с приемами эмоциональной манипуляции, ложной экспертности и конспирологического связывания событий способно повысить устойчивость к дезинформации в разных культурных контекстах (Basol, 2021). Социально-технологическая опасность, следовательно, состоит также в неспособности локализовать такие контртехнологии под языки, проблемы и реальные медиаканалы конкретного города.

Цифровизация городского управления усиливает двойственность социальных технологий. Камеры, биометрическая идентификация, цифровые пропуска, предиктивная аналитика и приложения обратной связи могут сокращать время реакции на аварии, но одновременно концентрируют данные и власть «классификации». Опасность появляется при непрозрачности алгоритма, отсутствии процедуры обжалования, низком качестве данных и зависимости гражданина от автоматического решения. Ошибочная запись способна ограничить доступ к услуге, а человек не всегда понимает, какой субъект отвечает за исправление ошибки.

Наиболее общей социально-технологической опасностью крупных городов Северной Евразии является, таким образом, потеря достоверной отрицательной обратной связи. Город остается управляемым, пока сведения об аварии, заболевании, конфликте или злоупотреблении могут пройти снизу вверх, быть проверены независимым способом и вызвать изменение решений. Опасность появляется, когда субъект не способен построить такую цепочку; угроза – когда другой актор сознательно загрязняет ее ложными сигналами, блокирует сообщения, фабрикует согласие или перенаправляет недовольство на ложную цель. Наиболее уязвим поэтому не обязательно технологически отсталый город, а город, в котором внешне развитые цифровые и административные системы не допускают проверки собственных ошибок.

При исследовании конкретного случая отрицательный эффект нельзя автоматически считать доказательством угрозы. Для такого вывода необходимо установить целевой объект воздействия, выбор соответствующего инструмента, координацию действий, устойчивое продолжение практики после того, как вред стал известен, а также попытки скрыть авторство или представить воздействие как естественный ход событий. Если эти признаки не обнаружены, корректнее говорить о социально-технологической опасности, организационной неспособности или непреднамеренном побочном эффекте. Такое различие принципиально: оно не позволяет объяснять любой городской кризис злым умыслом, но одновременно делает видимыми случаи, когда инфраструктурная зависимость, цифровая платформа, корпоративная социальная политика или общественное участие целенаправленно обращаются в анитехнологии.

При этом экспертное сообщество, определяя характерный для большинства типичный уровень представлений о социально-технологических опасностях и угрозах в крупных городах, в большинстве своем определяют его как низкий (Рисунок 3), что наглядно демонстрирует необходимость формирования и развития системы социально-технологической безопасности крупных городов.

Анализ экспертных оценок позволяет предположить, что типичный уровень представлений жителей крупных городов о социально-технологических угрозах характеризуется не столько полным отсутствием осведомленности, сколько ее фрагментарностью, ситуативностью и слабой возможностью перевода в практические действия. Граждане чаще распознают отдельные, широко освещаемые угрозы, однако не всегда понимают взаимозависимость технологических, информационных, институциональных и поведенческих факторов. Эксперты связывают уязвимость населения с дефицитом навыков верификации информации, отсутствием устойчивых алгоритмов поведения, переносом ответственности на государство и цифровые платформы, а также с недостатком доверия к официальным каналам коммуникации. При этом оценки указывают на социальную и территориальную неоднородность уровня готовности. Следовательно, формирование социально-технологической безопасности крупных городов требует перехода от эпизодического информирования к комплексной системе мониторинга, риск-коммуникации, практического обучения и межведомственного взаимодействия.

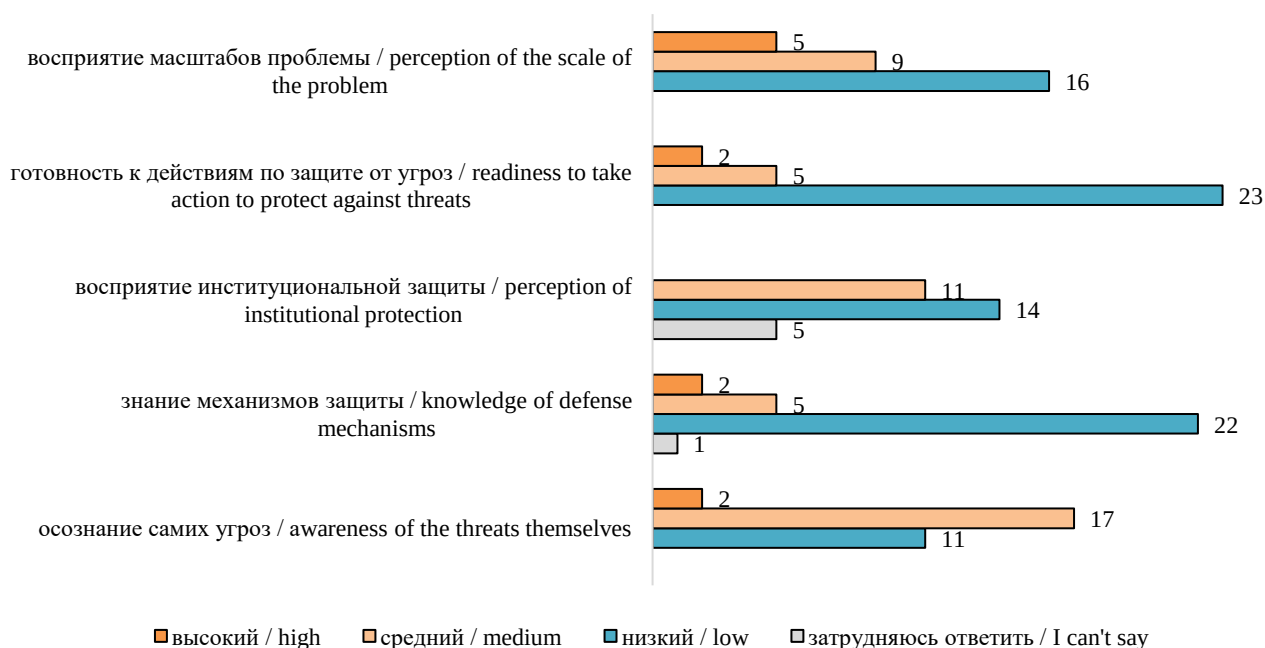

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как бы Вы определили типичный уровень представлений о социально-технологических опасностях и угрозах в крупных городах, характерный для большинства?», чел.

Figure 3. Respondents' answers to the question: "How would you define the typical level of understanding of socio-technological dangers and threats in large cities, characteristic of the majority?", persons

Социально-технологическая безопасность рассматривается нами как система социальных институций¹, совместная деятельность которых позволяет оптимальным образом минимизировать деструктивные по отношению к региональному сообществу или его отдельным элементам опасности и угрозы, либо устранить их последствия путем применения алгоритмически выстроенных процедур и операций. Для крупных городов Северной Евразии такая система является не факультативным управленческим дополнением, а условием сохранения городской жизнеспособности.

Необходимость такой системы вытекает из самой природы современных урбанизированных рисков, что было отмечено всеми опрошенными экспертами. Классическая работа Чарльза Перроу о «нормальных авариях» (Perrow, 1999) показывает, что в сложных и тесно связанных системах крупные сбои могут возникать не из-за одного грубого нарушения, а из-за непредсказуемого взаимодействия множества технических и организационных факторов. Для города Северной Евразии эта логика особенно значима, потому что городские системы жизнеобеспечения здесь не просто сложны, но и климатически нагружены. Исследования взаимозависимостей критической инфраструктуры показывают, что энергетика, связь, водоснабжение, транспорт и управление образуют систему, где нарушение одного элемента способно распространяться по цепочке (Rinaldi, Reerenboom, Kelly, 2001). Следовательно, социально-технологическая безопасность должна быть направлена не на изолированное тушение отдельных аварий, а на управление переходами между техническим, социальным, информационным и институциональным контурами кризиса.

¹ Институтция – система основанных на действующих социальных нормах правил, регулирующих поведение людей в какой-либо сфере жизни.

Возможность построения такой системы связана с тем, что необходимые научные, организационные и технологические основания уже существуют. Во-первых, современная теория устойчивости дает язык для описания того, что именно надо защищать. «Устойчивость системы – это не простое возвращение к прежнему состоянию, а способность сохранять функции в условиях возмущений и перестройки» (Holling, 1973). В обзоре определений городской устойчивости авторы подчеркивают, что городская устойчивость включает способность города выдерживать, адаптироваться и трансформироваться при шоках и хронических стрессах (Meerow, Newell, Stults, 2016). Для крупных городов Северной Евразии это означает, что целью должна быть не иллюзия полного предотвращения всех угроз, а создание институциональной способности обнаруживать, локализовать, компенсировать и осмысленно преодолевать сбои.

Во-вторых, существует развитая теория риск-управления и риск-коммуникации. Управление сложными рисками требует соединения экспертной оценки, участия заинтересованных сторон, прозрачной коммуникации и легитимных процедур принятия решений (Renn, Walker, 2010). Значит, система социально-технологической безопасности должна быть не закрытым штабом, который «знает лучше всех», а многоуровневым механизмом, где научная экспертиза, муниципальное управление, операторы инфраструктуры, школы, медиа, НКО, бизнес и районные сообщества включены в единую процедуру распознавания и обработки угроз.

В-третьих, возможность обеспечивается развитием цифровых инструментов мониторинга и моделирования. Спутниковые данные, городские сенсоры, геоинформационные системы, цифровые двойники инфраструктуры, анализ обращений граждан, мониторинг погодных и экологических параметров позволяют строить раннее предупреждение не только по факту аварии, но и по признакам приближения кризиса. Цифровые двойники выступают действенным способом соединять модели города с потоками данных и управленческими решениями (Batty, 2018). Однако для социально-технологической безопасности важно подчеркнуть, что цифровой двойник сам по себе не решает проблему. Он становится элементом безопасности только тогда, когда включен в алгоритм институционального действия: сигнал обнаруживается, проходит верификацию, получает классификацию по типу риска, сопоставляется со сценариями, передается ответственным субъектам, сопровождается публичным сообщением, затем проверяется по обратной связи и фиксируется в базе уроков.

Именно такой алгоритм должен стать ядром системы. В нормальном режиме город непрерывно собирает сигналы из физической среды, инфраструктуры и социальной коммуникации. Эти сигналы проходят проверку достоверности: инженерную, экспертную, статистическую, территориальную, медиалогическую. После этого событие классифицируется как обычное отклонение, локальная опасность, потенциальный каскадный сбой или целенаправленная социально-технологическая угроза. Далее включается сценарное моделирование: какие районы, группы, сети и службы будут затронуты, каковы критические сроки, где возможны вторичные эффекты. Затем выбирается протокол действия: ремонт, эвакуация, адресная помощь, ограничение движения, санитарные меры, информационное предупреждение, опровержение фейка, подключение волонтеров, перевод служб в особый режим. После выполнения протокола система собирает обратную связь, сравнивает прогноз с реальным ходом событий и корректирует процедуры. Такой алгоритм не является только программным кодом; это социальная технология, то есть формализованный порядок совместного действия институтов.

С точки зрения экспертов, обязательными элементами системы социально-технологической безопасности выступают: нормативно-правовая база (совокупность законов, регламентов и контрольных механизмов, обеспечивающих правовое регулирование защиты данных и ИТ-инфраструктуры); техническая защита (комплекс технологических

решений для предотвращения несанкционированного доступа, утечек и сбоев); образование и просвещение (программы повышения цифровой грамотности населения и специалистов); технологические инновации (передовые решения для прогнозирования и нейтрализации угроз); системы диспетчеризации и координации действий; системы оценки и управление биолого-социальными угрозами (Рисунок 4). К желательным были отнесены: институциональные механизмы (структуры и процедуры координации между ведомствами и обществом); инфраструктура доверия (меры по обеспечению прозрачности и подотчётности цифровых систем); вовлечение населения и развитие социальной инфраструктуры.

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если необходимо создание в крупных городах РФ системы социально-технологической безопасности, то какие элементы должна включать в себя эта система?», чел.

Figure 4. Respondents' answers to the question: "If it is necessary to create a social and technological security system in large cities of the Russian Federation, what elements should this system include?", persons

Таким образом, институционально систему социально-технологической безопасности можно представить как городской контур социально-технологической безопасности, где центральное место занимает не один «главный орган», а связка нескольких функций. Нужен городской или агломерационный центр анализа рисков, который соединяет данные о климате, инфраструктуре, здоровье населения, транспорте, экологии и информационной

среде. Нужен независимый научно-экспертный контур при участии университетов и исследовательских организаций, потому что доверие к решениям возрастает, когда они опираются не только на административную вертикаль, но и на проверяемую экспертизу. Нужен коммуникационный центр, который умеет говорить с населением до кризиса, во время кризиса и после него, причем не бюрократическим языком, а понятными сообщениями с указанием источников, неопределенностей и практических действий. Нужна сеть районных посредников: школ, поликлиник, управляющих компаний, библиотек, волонтерских групп, местных медиа, домовых и родительских чатов. Именно они превращают городскую безопасность из абстрактной политики в повседневную практику.

Особое значение имеет контур противодействия дезинформации. Он не должен сводиться к цензуре или механическому удалению сообщений, потому что такая стратегия часто только усиливает недоверие. Более продуктивна модель «эпистемической инфраструктуры» – город заранее создает проверяемые каналы информации, обучает жителей базовым процедурам проверки, публикует открытые данные, объясняет границы неопределенности и быстро реагирует на ложные сообщения. Исследования показывают, что психологическая инокуляция, то есть предварительное знакомство людей с типичными приемами манипуляции, повышает устойчивость к дезинформации (Roozenbeek, Linden, Nygren, 2020), а даже простое переключение внимания пользователя на точность информации может снижать распространение ложных сообщений (Pennycook et al, 2021). Поэтому в крупном городе нужны образовательные симуляторы, школьные и студенческие модули медиаграмотности, муниципальные фактчекинговые протоколы, боты предварительной проверки сообщений и публичные разборы резонансных фейков (т.к. «распространение противоречивых версий событий дезориентирует аудиторию, подрывая доверие к информационному контенту в целом» (Казун, 2025: 46)). Но все это должно быть встроено в общую систему доверия, иначе фактчекинг будет восприниматься как еще один голос в конфликте.

Важным условием возможности является полицентричность управления. Если вся безопасность строится только как вертикальная команда сверху вниз, система становится хрупкой: она медленно видит локальные сигналы, хуже учитывает контекст районов и провоцирует зависимость населения от указаний. В работах о полицентрическом управлении демонстрируется, что сложные коллективные проблемы лучше решаются через сочетание разных центров принятия решений, взаимного контроля и локального знания (Ostrom, 2010). Для крупного города это особенно важно: муниципальная власть должна задавать стандарты и обеспечивать координацию, но школы, больницы, коммунальные службы, научные организации, бизнес и местные сообщества должны обладать собственными процедурами обнаружения, сообщения и первичного реагирования. Тогда город становится не пирамидой, а сетью с устойчивыми узлами.

Однако возможность построения системы не означает ее автоматической реализуемости. Главные препятствия лежат не столько в отсутствии технологий, сколько в институциональной фрагментации. Данные часто принадлежат разным ведомствам и компаниям, стандарты несовместимы, ответственность размыта, стимулы к сокрытию проблем сильнее стимулов к раннему предупреждению, а публичная коммуникация включается уже после того, как доверие подорвано. Поэтому построение системы социально-технологической безопасности должно начинаться с изменения логики управления: от реагирования на чрезвычайную ситуацию к постоянной работе с предкризисными признаками; от ведомственной закрытости к совместимым данным; от разовой кампании к непрерывному обучению; от монологической пропаганды к доказательной коммуникации; от контроля населения к партнерству с ним.

Для крупных городов Северной Евразии такая система должна иметь региональный масштаб. Город не заканчивается административной границей: его безопасность зависит от пригородов, трасс, железных дорог, аэропортов, электросетей, водосборов, промышленных площадок, лесных массивов, миграционных потоков и цифровых платформ. Поэтому социально-технологическая безопасность должна строиться как агломерационная и межрегиональная. Это делает возможным создание сетей обмена сценариями, протоколами, картами рисков, образовательными модулями и результатами учений между городами.

Заключение (Conclusions). Необходимость системы социально-технологической безопасности определяется переходом городских рисков в режим каскадности и гибридности. Опасности уже не существуют отдельно как «природные», «технические», «социальные» или «информационные»: они переходят друг в друга. Угроза же возникает тогда, когда деструктивный актор целенаправленно использует эту связанность, превращая технический сбой в кризис доверия, социальное напряжение – в конфликт, неопределенность – в управляемую панику. Возможность построения системы безопасности определяется тем, что уже существуют научные модели устойчивости, риск-управления, полицентрического управления, цифрового мониторинга, фактчекинга и образовательной инокуляции против манипуляций. Главная задача теперь – собрать их в институционально оформленный городской механизм.

Такая система будет эффективной только при одном принципиальном условии: она должна минимизировать не только ущерб, но и произвол. Социально-технологическая безопасность не должна превращаться в тотальную систему наблюдения и подавления неопределенности. Ее смысл – не в том, чтобы заменить общество управляемой массой, а в том, чтобы повысить способность городского сообщества к рациональному совместному действию в условиях холода, риска, давления и информационной нестабильности. Для крупных российских городов Северной Евразии это, по существу, новая форма городской цивилизационной устойчивости: способность сохранять инфраструктуру, доверие, знание и солидарность тогда, когда внешняя среда и деструктивные акторы пытаются разрушить связи между ними.

Перспективы дальнейших исследований связаны прежде всего с переходом от общей концепции социально-технологической безопасности к ее эмпирической и методической операционализации. Необходимо разработать систему показателей, позволяющих измерять не только техническую надежность городской инфраструктуры, но и качество отрицательной обратной связи, скорость выявления слабых сигналов, уровень доверия к официальным каналам, устойчивость информационной среды, готовность населения к кооперации и способность институтов к самоисправлению. Без таких индикаторов социально-технологическая безопасность остается важной, но преимущественно теоретической рамкой.

Важной исследовательской задачей является моделирование гибридных угроз, возникающих на стыке технических, социальных и информационных процессов. Перспективными здесь могут быть сценарный анализ, агент-ориентированное моделирование, городские цифровые двойники, деловые игры и образовательные симуляторы. Однако такие инструменты должны учитывать не только материальные потоки и инфраструктурные зависимости, но и поведение граждан, динамику доверия, распространение слухов, медиапотребление, реакцию локальных сообществ и особенности риск-коммуникации.

Особого внимания требует изучение правовых и этических границ систем городской безопасности. Будущие исследования должны ответить на вопрос, каким образом можно совмещать мониторинг рисков, анализ больших данных и профилактику дезинформации с защитой гражданских прав, прозрачностью алгоритмов и общественным контролем. Иными

словами, перспективной становится не только инженерная или управленческая, но и нормативная теория социально-технологической безопасности, способная отличать легитимное предупреждение угроз от избыточного административного вмешательства.

Список литературы

- Бабинцев В. П. Социальные технологии в социологическом и «несоциологическом» измерении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26, № 1. С. 215-223. DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223. EDN: QEKZOB.
- Вильданов Х. С., Хабибуллин И. Г. Социальная безопасность и духовный суверенитет современного российского общества в условиях ментальных войн // Общество: философия, история, культура. 2025. № 12. С. 14-22. DOI: 10.24158/fik.2025.12.1. EDN: QTFNKH.
- Делез Ж., Гваттари П.-Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Т. 1. Москва: Рипол-Классик, 2025. 512 с.
- Делез Ж., Гваттари П.-Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Т. 2. Москва: Рипол-Классик, 2025. 768 с.
- Казун А. Д. «Очернить светлое и чистое, обелить темное и грязное»: представления россиян о потенциальных рисках фейковых новостей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17, № 3. С. 35-54. DOI: 10.19181/inter.2025.17.3.2. EDN: ZQUXKW.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва: Ин-т эксперим. социологии; Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 159 с.
- Пашенцев Е. Н., Кузнецов П. В., Чебыкина В. А. Злонамеренное использование искусственного интеллекта и угрозы информационно-психологической безопасности для Ирана: многоуровневая реальность. Восток (Oriens). 2025. № 3. С. 125-136. DOI: 10.31696/S086919080033177-1. EDN: ZMIMPA.
- Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: АСТ, 2025. 544 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2004. 781 с.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Москва: АСТ, 2003. 669 с. ISBN: 5-17-004183-7. EDN: QOCCFP.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. Москва: Аспект-пресс, 1996. 414 с.
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Basol M., Roozenbeek J., Berriche M., Uenal F., McClanahan W., van der Linden S. Towards psychological herd immunity: Cross-cultural evidence for two prebunking interventions against COVID-19 misinformation // Big Data & Society. 2021. Vol. 8. DOI: 10.1177/20539517211013868. EDN: NQUVWB.
- Batty M. Digital twins // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2018. Vol. 45, No. 5. Pp. 817-820. DOI: 10.1177/2399808318796416.
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.
- Buldyrev S., Parshani R., Paul G. et al. Catastrophic cascade of failures in interdependent networks // Nature. 2010. Vol. 464. Pp. 1025-1028. DOI: 10.1038/nature08932.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Chambers R. Vulnerability, Coping and Policy (Editorial Introduction) // IDS Bulletin. 2009. Vol. 37. Pp. 33-40.
- Collier S. J. Post-Soviet Social Neoliberalism Social Modernity Biopolitics. Princeton: Princeton University Press, 2011. DOI: 10.23943/princeton/9780691148304.001.0001.
- Cutter S. The Vulnerability of Science and the Science of Vulnerability // Annals of the Association of American Geographers. 2003. Vol. 93. Pp. 1-12. DOI: 10.1111/1467-8306.93101. EDN: MEUSTY.
- Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Golovchenko Y., Hartmann M., Adler-Nissen R. State, media and civil society in the information warfare over Ukraine: Citizen curators of digital disinformation // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. Pp. 975-994. DOI: 10.1093/ia/iyy148. EDN: ERFBWD.

Hjort J., Karjalainen O., Aalto J. et al. Degrading permafrost puts Arctic infrastructure at risk by mid-century // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. P. 5147. DOI: 10.1038/s41467-018-07557-4. EDN: ANNAYC.

Holling C. S. Resilience and Stability of Ecological Systems // *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics*. 1973. Vol. 4. Pp. 1-23. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245.

Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. Berlin; New York: De Gruyter, 1993.

Meerow S., Newell J. P., Stults M. Defining urban resilience: A review // *Landscape and Urban Planning*. 2016. Vol. 147. Pp. 38-49. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2015.11.011.

Moser C. *Confronting Crisis in Angyalfold, Budapest, Hungary*. Michigan: World Bank, 1997.

Ostrom E. Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // *American Economic Review*. 2010. Vol. 100, № 3. Pp. 641-672. DOI: 10.1257/aer.100.3.641.

Pennycook G., Epstein Z., Mosleh M., Arechar A. A., Eckles D., Rand D. G. Shifting attention to accuracy can reduce misinformation online // *Nature*. 2021. Vol. 592. Pp. 590-595. DOI: 10.1038/s41586-021-03344-2. EDN: VQQDWP.

Perrow C. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Renn O., Walker K. *Global Risk Governance: Concept and Practice Using the IRGC Framework*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2010.

Reeves M. Clean Fake: Authenticating Documents and Persons in Migrant Moscow // *American Ethnologist*. 2013. Vol. 40. DOI: 10.1111/amet.12036.

Rinaldi S. M., Peerenboom J. P., Kelly T. K. Identifying, understanding, and analyzing critical infrastructure interdependencies // *IEEE Control Systems*. 2001. Vol. 21, № 6. DOI: 10.1109/37.969131.

Roozenbeek J., van der Linden S., Nygren Th. Prebunking interventions based on the psychological theory of «inoculation» can reduce susceptibility to misinformation across cultures // *HKS Misinformation Review*. 2020. Vol. 1. DOI: 10.37016/mr-2020-008. EDN: QESJPI.

Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press, 2013.

Streletskiy D. A., Suter L. J., Shiklomanov N. I. et al. Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost // *Environmental Research Letters*. 2019. Vol. 14, № 2. 025003. DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6. EDN: AHATIK.

Stukal D., Sanovich S., Bonneau R., Tucker J. Detecting Bots on Russian Political Twitter // *Big Data*. 2017. Vol. 5. Pp. 310-324. DOI: 10.1089/big.2017.0038.

Zheltnina A. The apathy syndrome: How we are trained not to care about politics // *Social Problems*. 2020. Vol. 67, № 2. Pp. 358-378. DOI: 10.1093/SOCPRO/SPZ019. EDN: SRIGCY.

References

Babintsev, V. P. (2026), "Social technologies in the sociological and "nonsociological" dimensions", *RUDN Journal of Sociology*, 26 (1), 215-223, DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223, EDN: QEKZOB. (In Russian)

Vildanov, Kh. S. and Khabibullin, I. G. (2025), "Social Security and Spiritual Sovereignty of Modern Russian Society in the Context of Mental Wars", *Society: Philosophy, History, Culture*, (12), 14-22, DOI: 10.24158/fik.2025.12.1, EDN: QTFNKH. (In Russian)

Delez, Zh., Gvattari, P.-F. (2025), *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia], 1, Ripol-Klassik, Moscow, Russia. (In Russian)

Delez, Zh., Gvattari, P.-F. (2025), *Tsysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia], 2, Ripol-Klassik, Moscow, Russia. (In Russian)

Kazun, A. D. (2025), "To Tarnish the Pure and Illuminate the Tainted: Russian Perceptions of the Potential Risks of Fake News", *Interaction. Interview. Interpretation*, 17 (3), 35-54, DOI: 10.19181/inter.2025.17.3.2, EDN: ZQUXKW. (In Russian)

- Kastels, M. (2000), *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society, and Culture], GU VShE, Moscow, Russia. (In Russian)
- Liotar, Zh.-F. (1998), *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernism], In-t eksperm. sociologii, Moscow, Russia. (In Russian)
- Pashentsev, E. N., Kuznetsov, P. V. and Chebykina, V. A. (2025), “Malicious Use of Artificial Intelligence and Threats to Iran’s Psychological Security: A Multi-Level Reality”, *Vostok (Oriens)*, (3), 125-136, DOI: 10.31696/S086919080033177-1, EDN: ZMIMPA. (In Russian)
- Toffler, E. (2025), *Shok budushhego* [Future shock], AST, Moscow, Russia. (In Russian)
- Toffler, E. (2004), *Tretya volna* [The third wave], AST, Moscow, Russia. (In Russian)
- Toffler, E. (2003), *Metamorfozy vlasti* [Метаморфозы власти], AST, Moscow, Russia, ISBN: 5-17-004183-7, EDN: QOCCFP. (In Russian)
- Shtompka, P. (1996), *Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy* [Sociology of social change], Aspekt-press, Moscow, Russia. (In Russian)
- Bauman, Z. (2000), *Liquid Modernity*, Polity Press, Cambridge.
- Basol, M., Roozenbeek, J., Berriche, M., Uenal, F., McClanahan, W. and van der Linden, S. (2021), “Towards psychological herd immunity: Cross-cultural evidence for two prebunking interventions against COVID-19 misinformation”, *Big Data & Society*, 8, DOI: 10.1177/20539517211013868, EDN: NQUVWB.
- Batty, M. (2018), “Digital twins”, *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 45 (5), 817-820, DOI: 10.1177/2399808318796416.
- Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage, London.
- Buldyrev, S., Parshani, R., Paul, G. et al. (2010), “Catastrophic cascade of failures in interdependent networks”. *Nature*, 464, 1025-1028, DOI: 10.1038/nature08932.
- Buzan, B., Waeber, O., and de Wilde, J. (1998), *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, Boulder.
- Chambers, R. (2009), “Vulnerability, Coping and Policy (Editorial Introduction)”, *IDS Bulletin*, 37, 33-40.
- Collier, S. J. (2011), *Post-Soviet Social Neoliberalism Social Modernity Biopolitics*, Princeton University Press, Princeton NJ, DOI: 10.23943/princeton/9780691148304.001.0001.
- Cutter, S. (2003), “The Vulnerability of Science and the Science of Vulnerability”, *Annals of The Association of American Geographers – ANN ASSN AMER GEOGR*, 93, 1-12, DOI: 10.1111/1467-8306.93101, EDN: MEUSTY.
- Douglas, M. and Wildavsky, A. (1982), *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*, University of California Press, Berkeley.
- Giddens, A. (1990), *The Consequences of Modernity*, Stanford University Press, Stanford.
- Giddens, A. (1991), *Modernity and Self-Identity*, Stanford University Press, Stanford.
- Golovchenko, Y., Hartmann, M. and Adler-Nissen, R. (2018), “State, media and civil society in the information warfare over Ukraine: Citizen curators of digital disinformation”, *International Affairs*, 94, 975-994, DOI: 10.1093/ia/iyy148, EDN: ERFBDW.
- Hjort, J., Karjalainen, O., Aalto, J. et al. (2018), “Degrading permafrost puts Arctic infrastructure at risk by mid-century”, *Nat Commun*, 9, 5147, DOI: 10.1038/s41467-018-07557-4, EDN: ANNAYC.
- Holling, C. S. (1973), “Resilience and Stability of Ecological Systems”, *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics*, 4, 1-23, DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245.
- Luhmann, N. (1993), *Risk: A Sociological Theory*, De Gruyter, Berlin, New York.
- Meerow, S., Newell, J. P., and Stults, M. (2016), “Defining urban resilience: A review”, *Landscape and urban planning*, 147, 38-49, DOI: 10.1016/j.landurbplan.2015.11.011.
- Moser, C. (1997), *Confronting Crisis in Angyalfold, Budapest, Hungary*. World Bank, Michigan.
- Ostrom, E. (2010), “Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems”, *American Economic Review*, 100 (3), 641-72, DOI: 10.1257/aer.100.3.641.
- Pennycook, G., Epstein, Z., Mosleh, M., Arechar A. A., Eckles, D., and Rand, D. G. (2021), “Shifting attention to accuracy can reduce misinformation online”, *Nature*, 592, 590-595, DOI: 10.1038/s41586-021-03344-2, EDN: VQQDWP.
- Perrow, C. (1999), *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*, Princeton University Press, Princeton.

Renn, O. and Walker, K. (2010), *Global Risk Governance: Concept and Practice Using the IRGC Framework*, Springer Netherlands, Dordrecht.

Reeves, M. (2013), "Clean Fake: Authenticating Documents and Persons in Migrant Moscow", *American Ethnologist*, 40, DOI: 10.1111/amet.12036.

Rinaldi, S. M., Peerenboom, J. P. and Kelly, T. K. (2001), "Identifying, understanding, and analyzing critical infrastructure interdependencies", *IEEE Control Systems*, 21(6), DOI: 10.1109/37.969131.

Roozenbeek, J., van der Linden, S. and Nygren, Th. (2020), "Prebunking interventions based on the psychological theory of "inoculation" can reduce susceptibility to misinformation across cultures", *HKS Misinfo Rev*, 1, DOI: 10.37016/mr-2020-008, EDN: QESJPI.

Rosa, H. (2013), *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*, Columbia University Press, New York.

Streletskiy, D. A., Suter, L. J., Shiklomanov, N. I. [et al.] (2019), "Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost", *Environmental Research Letters*, 14 (2), 025003, DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6, EDN: AHATIK.

Stukal, D., Sanovich, S., Bonneau, R. and Tucker, J. (2017), "Detecting Bots on Russian Political Twitter", *Big Data*, 5, 310-324, DOI: 10.1089/big.2017.0038.

Zheltnina, A. (2020), "The apathy syndrome: How we are trained not to care about politics", *Social Problems*, 67 (2), 358-378, DOI: 10.1093/SOCPRO/SPZ019, EDN: SRIGCY.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2026 г. Поступила после доработки 18 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 12 June 2026. Revised 18 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ г. Санкт-Петербург, Россия.

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

УДК: 316.423

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-1

Оригинальная статья

Лебедева Т. В.

Правовые и институциональные механизмы управления образовательной миграцией как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия
shonohova@rambler.ru

Аннотация. В статье нашли отражение современные особенности государственного регулирования процесса образовательной миграции в Российской Федерации в условиях нестабильной международной политической и социально-экономической ситуации. Особо отмечено, что образовательная миграция является наиболее желательным и приветствуемым во всех странах мира миграционным потоком. Глубокий анализ нормативно-правовой базы и институциональных основ управления образовательным миграционным потоком был проведён с целью оценки условий, существующих для выполнения поставленных задач по дальнейшему расширению привлечения иностранцев на обучение в Российскую Федерацию. Подчёркивается, что в последние годы происходит постоянное обновление нормативно-правовой базы, регулирующей обучение иностранных граждан в российских образовательных организациях. Исследование проведено с использованием традиционных методов на основе системного подхода. Научная новизна проведённого анализа состоит в систематизации современных правовых документов, а также в оценке деятельности государственных институтов по нивелированию угроз национальной безопасности, связанных с привлечением на обучение в Российскую Федерацию образовательных мигрантов в новых геополитических реалиях. Результаты проведённого исследования позволили сделать вывод о формировании в последние годы действенной системы обеспечения национальной безопасности государства в области миграции с образовательными целями. При этом в заключительной части отмечается, что пока ещё сохраняются пробелы в нормативно-правовом регулировании образовательной миграции, препятствующие формированию целостной системы управления данной сферой.

Ключевые слова: образовательные мигранты; экспорт образования; правовые и институциональные основы, национальная безопасность.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова по теме НИР № 122020400065-2 «Исследование фундаментальных основ влияния образовательной миграции на социально-экономическое развитие Российской Федерации».

Информация для цитирования: Лебедева Т. В. Правовые и институциональные механизмы управления образовательной миграцией как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 171-181. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-1.

Tamara V. Lebedeva **Legal and institutional mechanisms of educational migration management as a factor in ensuring national security of the Russian Federation**

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
shonohova@rambler.ru

Abstract. The article reflects the modern features of state regulation of the process of educational migration in the Russian Federation in the context of an unstable international political and socio-economic situation. It is especially noted that educational migration is the most desirable and welcomed migration flow in all countries of the world. A deep analysis of the regulatory framework and institutional foundations for managing the educational migration flow was conducted in order to assess the conditions that exist for fulfilling the tasks set for further expanding the attraction of foreigners to study in the Russian Federation. It should be noted that the regulatory framework governing the education of foreign citizens in Russian educational organisations has undergone constant updates in recent years. The study was conducted using traditional methods based on a systems approach. The scientific novelty of the analysis consists in the systematization of modern legal documents, as well as in the assessment of the activities of state institutions to mitigate threats to national security associated with the attraction of educational migrants to study in the Russian Federation in new geopolitical realities. The results of the conducted research allowed us to conclude that in recent years an effective system of ensuring national security of the state in the field of migration for educational purposes has been formed. At the same time, in the final part it is noted that there are still gaps in the normative and legal regulation of educational migration, which prevent the formation of a holistic system of management in this area.

Keywords: educational migrants; export of education; legal and institutional framework, national security

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the state assignment of Lomonosov Moscow State University on the topic of research № 122020400065-2 “Study of the fundamental principles of the influence of educational migration on the socio-economic development of the Russian Federation”.

Information for citation: Lebedeva, T. V. (2026). “Legal and institutional mechanisms for managing educational migration as a factor in ensuring national security of the Russian Federation”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 171-184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-1.

Введение (Introduction). В условиях сложной политической и социально-экономической ситуации, глобальной неопределённости и обостряющейся экономической конкуренции происходит расширение международных миграционных потоков. Согласно статистическим данным Департамента экономических и социальных вопросов ООН, в 2024 г. в мире насчитывалось 304 млн международных мигрантов; в сравнении с 1990 г. значение данного показателя удвоилось. Российская Федерация является одним из

государств-лидеров по числу принимаемых иммигрантов¹. Вследствие данных обстоятельств возрастает значение исследований не только причин, объемов и последствий миграционного движения населения, но и влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие принимающего государства в контексте обеспечения его национальной безопасности.

В современном мире тенденцию к расширению имеет и образовательная мобильность, которая представляет собой транснациональные перемещения населения для получения образования, профессионального развития и обмена опытом в академической среде (Бочарова, 2018: 37). Данный вид миграции является наиболее желательным и приветствуемым во всех странах-реципиентах, поскольку приносит значительные финансовые доходы от экспорта образования, положительно влияет на развитие образовательной системы принимающей страны, а привлечение выпускников-иностранцев в экономику государства благоприятно сказывается на развитии рынка труда и демографической ситуации в стране (Ростовская, Скоробогатова, Лукьянец, 2021: 32-40). По мнению Л. Хоторна, развитие образовательной миграции способствует привлечению в страну талантов со всего мира, что положительно влияет на развитие производства и инноваций, а также способствует во многих странах смягчению ситуации со старением населения (Hawthorne, 2008).

Общая численность иностранных студентов в мире в 2024 г. составляла 5,69 млн человек, увеличившись с 2018 г. (4,28 млн человек) на треть². В Российской Федерации в 2024 г. в вузах и научных организациях обучалось 389 тыс. иностранных студентов. В соответствии с национальными целями развития Российской Федерации к 2030 году планируется достичь значений данного показателя в 500 тысяч человек³.

Однако наряду с большинством положительных последствий образовательной миграции (Лебедева, 2021: 114-116) имеет место ряд потенциальных вызовов, возникающих в связи с расширением данного потока. К их числу, например, относят «утечку умов» и сокращение интеллектуального потенциала в странах-экспортёрах образовательной миграции. В странах, принимающих образовательные миграционные потоки, увеличиваются государственные расходы на создание и поддержание учебной и социальной инфраструктуры мирового уровня, растут затраты на гранты и стипендии иностранным студентам. Образовательная миграция оказывает влияние на экономическую безопасность (Артемьев, Маковецкий, Брусиная, 2024: 17-28), поскольку усиливается конкуренция за рабочие места на местных и региональных рынках труда. Но самое главное при приёме на обучение иностранных студентов – это существование угрозы национальной безопасности государства.

Термин «национальная безопасность» одним из первых в мире употребил президент США Т. Рузвельт в послании к конгрессу страны в 1904 г., в котором речь шла о присоединении к США зоны Панамского канала, что обосновывалось интересами «национальной безопасности США» (Тутунин, Леонтьев, 2022: 2).

¹ UN DESA. International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. Department of Economic and Social Affairs. United Nations. NY. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf (Accessed 2 August 2025).

² Количество иностранных студентов. 2024 // Statbase. URL: <https://statbase.ru/datasets/science-and-education/number-of-international-students/?ysclid=mev556av3245325689> (дата обращения: 08.08.2025).

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. С. 58-59. Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

В Российской Федерации понятие национальной безопасности вошло в политико-правовую терминологию в 90-е годы XX века, когда происходило становление и укрепление российской государственности. Особую значимость для нашей страны вопросы безопасности приобрели после 2020 г. Вооружённые конфликты в российском приграничье, введение санкций западными странами, агрессивная политика военно-политического союза НАТО, распространение эпидемии COVID-19 – эти факторы оказали значительное влияние на социально-экономическое развитие Российской Федерации и повлияли на необходимость усиления её безопасности. Поэтому Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 была утверждена новая, действующая в настоящее время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту – Стратегия-2021)¹. В Стратегии-2021 содержится современная дефиниция понятия «национальная безопасность» – это «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»². При этом под угрозой национальной безопасности в документе понимается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации»³.

В числе угроз национальной безопасности Российской Федерации, обусловленных внешней образовательной миграцией, в первую очередь, следует назвать «утечку умов». Выезд на обучение за рубеж имеет положительные последствия для личностного роста образовательных мигрантов, поскольку способствует обретению новых знаний и навыков, овладению иностранным языком страны обучения, знакомству и приобщению к культуре принимающего государства, а также выступает способом получения карьерного доступа к рынку труда принимающего государства (Crossman, Clarke, 2010). Однако только четверть россиян, выпускников зарубежных вузов, после обучения возвращается в Россию⁴, вследствие чего российская экономика недополучает персонал высокой квалификации. Отток молодёжи за рубеж усугубляет демографическую ситуацию в России, поскольку в образовательной эмиграции принимает участие в основном молодёжь репродуктивного возраста.

При привлечении иностранцев на обучение в российские образовательные и научные организации важен учёт социально-культурных последствий образовательной миграции. Массовый приём на обучение граждан зарубежных стран предусматривает не только налаживание образовательного процесса, но и организацию обучения иностранцев русскому языку, решение вопросов социального и бытового взаимодействия с российскими студентами и выходцами из других стран мира, знакомство с культурой народов России, адаптацию образовательных мигрантов в принимающий социум (Погукаева, Коберник, Омелянчук, 2016).

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Официальный сайт Президента России. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.01.2025).

² Там же, п. 5.1

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. п. 5.5 // Официальный сайт Президента России. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.01.2025)

⁴ Комарова В. «К чему ж ты, Родина, не мила»: количество уезжающих за границу российских студентов продолжает расти // Readovka.news. 18 апреля 2024. URL: <https://readovka.news/news/188404/?ysclid=mevkapkpw2336152012> (дата обращения: 17.07.2025).

Особое внимание должно уделяться организации воспитательной работы в среде иностранных студентов, привлечению их к участию в культурно-массовых, спортивных и в других социально-значимых мероприятиях. Безразличие к пребыванию иностранцев, другие недоработки в этом направлении чреваты возникновением замкнутых изолированных сообществ, которые могут стать причинами возникновения межнациональных конфликтов (Трегубова, Стариков, 2017: 121-139). Важнейшим направлением деятельности местных органов власти и широкой общественности в местах обучения мигрантов является предупреждение ксенофобских настроений у местного населения, воспитание толерантного отношения к обучающимся иностранным гражданам.

Потенциальные угрозы вследствие приёма образовательных мигрантов существуют в виде шпионажа и «утечки» российских технологий, что требует разработки определённой системы доступа студентов-иностранцев к прорывным научно-технологическим разработкам и контролю над экспортом передовых знаний. Допустимой является вероятность проникновения в Россию по образовательным визам транснациональных террористов и экстремистов.

Обозначенные позиции подчёркивают особую значимость и актуальность темы проведённого исследования.

Методология и методы (Methodology and Methods). В настоящее время междисциплинарные подходы в области управления образовательной миграцией достаточно редки. В данной статье предпринята попытка проведения глубокого анализа современного правового и институционального сопровождения образовательной миграции в Российской Федерации в условиях активизации миграционного образовательного потока с целью грамотного управления образовательными миграционными потоками и недопущения угроз национальной безопасности страны. На основе полученных результатов будет проведено изучение влияния образовательной миграции на социально-экономическое развитие Российской Федерации в контексте национальной безопасности в рамках выполнения государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова по теме НИР № 122020400065-2 «Исследование фундаментальных основ влияния образовательной миграции на социально-экономическое развитие Российской Федерации».

В разработке материалов темы использовались традиционные методы научного исследования на основе системного подхода – аспектный анализ, сравнение, обобщение, контент-анализ. Материалы статьи могут представлять интерес для представителей органов власти, занимающихся вопросами регулирования образовательной миграции, для работников образовательных и научных организаций, осуществляющих планирование и обучение иностранных граждан, а также для студентов, аспирантов, экспертов, в круг научных интересов которых входят вопросы образовательной миграции.

Нормативно-правовые документы, анализ которых представлен в статье, заимствованы на официальных сайтах государственных органов власти, а также получены из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (СПС «КонсультантПлюс») и информационно-правового портала системы «Гарант» (ИПП «ГАРАНТ.РУ»).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Проведённый анализ показал, что первостепенное значение в обеспечении национальной безопасности в нашей стране всегда отводилось сбережению народа России и развитию человеческого потенциала, поскольку народ является главным достоянием государства. Обеспечение национальной безопасности в целях сбережения народа России и развития человеческого

потенциала осуществляется путём достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов¹.

Важнейшим стратегическим документом по обеспечению демографической безопасности нашей страны является Концепция демографической политики Российской Федерации, период действия которой длится с 2007 до 2025 годы². Однако полностью решить все поставленные в документе задачи не удалось, поскольку естественная убыль населения в России продолжилась, а достичь численности населения страны почти до 147 млн человек удалось, в основном, вследствие притока в нашу страну иммигрантов (Акрамов, Блиничкина, 2023: 29). Важным фактором сохранения демографической безопасности России, в том числе в контексте улучшения качества трудовых ресурсов, демографы считают дальнейшее привлечение в нашу страну образовательных мигрантов, поскольку качество привлекаемых людских ресурсов должно положительным образом влиять на социально-экономическое развитие экономики нашей страны в целях обеспечения её национальной безопасности (Акрамов, Блиничкина, 2023: 37).

В соответствии с основным законом нашей страны – Конституцией Российской Федерации (далее по тексту – Конституция) – предоставляются гражданские права иностранцам, находящимся на российской территории, но при этом устанавливается приоритет защиты национальных интересов государства. Основным документ нашей страны гарантирует всем находящимся на её территории общечеловеческие права и свободы: право на жизнь, равноправие перед законом и судом, равные права мужчин и женщин, свободу мысли, слова и вероисповедания, права на охрану здоровья и медицинскую помощь, на образование и др.³. При этом, согласно положениям статьи 13 Конституции, запрещается подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. В контексте образовательной миграции важными являются положения Конституции о том, что каждый, кто находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, а также свободно выезжать за пределы России. В ст. 29 подчёркивается недопущение пропаганды или агитации, которые возбуждают социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства⁴. Основным законом также установлено, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и выполняют обязанности наравне с гражданами нашей страны.

Доступ иностранцев к образовательным услугам в Российской Федерации регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»⁵. Документом закрепляется право каждого человека на образование и недопустимость дискриминации в образовательной сфере, свобода выбора получения образовательных услуг, создание условий

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Официальный сайт Президента России. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 22.01.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://clck.ru/3VceV9> (дата обращения: 27.01.2025).

³ Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 12.01.2025).

⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 27, 29 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в последней редакции) // Официальный сайт Правительства России. Документы. URL: <http://government.ru/docs/all/100618/> (дата обращения: 14.01.2025).

для получения образования в нашей стране иностранными гражданами и лицами без гражданства независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств.

В Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определяется порядок въезда, пребывания и обучения мигрантов¹. Иностранному гражданину, приехавшему с образовательными целями и поступившему на обучение по очной или очно-заочной форме в образовательную или научную организацию, разрешение на временное пребывание в Российской Федерации выдаётся на срок освоения соответствующей образовательной программы и сто восемьдесят календарных дней после окончания срока обучения (статья 6.2). В статье 5.1 данного федерального закона указано, что в целях обеспечения национальной безопасности и решения других задач внутренней и внешней политики государства правительство нашей страны вправе увеличить или сократить срок временного пребывания иностранного гражданина, прибывшего с целью получения образования. Статья 7.1 содержит основания отказа иностранному гражданину в выдаче либо аннулировании разрешения на временное проживание в целях получения образования, в числе которых действия, создающие угрозу национальной безопасности России и гражданам нашей страны. В числе таких действий определены: выступления за насильственное изменение конституционного строя нашей страны, планирование или финансирование террористических и экстремистских актов, наличие судимости за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления и другие.

Согласно Стратегии-2021, государственная социально-экономическая политика России в образовательной сфере направлена на расширение возможностей для получения качественного среднего и высшего профессионального образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями российского рынка труда. Особый акцент в документе сделан на необходимости развития системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности. Важное место в Стратегии-2021 отведено защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, духовно-нравственному и патриотическому воспитанию граждан страны, укреплению позиций русского языка.

В целях обеспечения и защиты национальных интересов, сформулированных в Стратегии-2021, Президентом Российской Федерации и Правительством России принят ряд нормативно-правовых документов. В числе наиболее значимых из них с точки зрения организации обучения российских и иностранных граждан в образовательных организациях нашей страны можно назвать следующие.

В ноябре 2022 г. Президентом Российской Федерации были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей². В принятом документе сформулировано определение понятия «традиционные ценности», под которыми понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в последней редакции) // Информационно-правовой портал системы «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://base.garant.ru/184755/?ysclid=maifw6shf5900022872> (дата обращения: 15.01.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // ИПП системы «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=ma8o34of3d481997791> (дата обращения: 07.02.2025).

пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹. В Указе приводится перечень традиционных ценностей, даётся оценка ситуации, основных угроз и рисков для традиционных ценностей, раскрываются цели и задачи государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных ценностей.

В марте 2023 г. Президентом России утверждена Концепция внешней политики Российской Федерации². Наряду с другими направлениями внешней политики государства документом предусмотрено усиление значимости нашей страны в мировом гуманитарном пространстве, укрепление позиций русского языка в мире, развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, а также подготовка национальных кадров для дружественных государств.

В 2024 г. Президентом Российской Федерации подписана Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации³. В документе сформулированы понятия «ксенофобия» и «русофобия», а также уточнено содержание терминов «радикализм», «противодействие экстремизму» и «субъекты противодействия экстремизму». Отдельное внимание уделено противодействию распространения идей радикального национализма и неонацизма в контексте проведения СВО и включения в состав страны новых регионов. Важная роль в документе отводится участию институтов гражданского общества, образовательных организаций в противодействии экстремистским проявлениям.

Основные положения Стратегии-2021 учтены в нескольких государственных нормативно-правовых документах, принятых в 2025 г. Так, согласно Федеральному закону от 28.02.2025 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» усиливается контроль над организацией и функционированием образовательных организаций медицинского профиля, в том числе по разработке и утверждению дополнительных профессиональных программ медицинского образования.

Внесение изменений в статьи 19 и 20 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»⁴ по созданию федеральных и региональных учебно-методических объединений будет способствовать более качественной разработке ФГОСов, федеральных государственных требований к программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), образовательных программ среднего профессионального образования. Нововведения, несомненно, будут способствовать повышению качества образования и росту конкурентоспособности российской образовательной системы в мире.

В феврале 2025 г. статья 167 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, была дополнена квалифицирующим признаком. Теперь преступление считается более тяжким, если оно совершено по мотивам политической, идеологической, расовой,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // ИПП системы «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://clck.ru/3VcegD> (дата обращения: 07.02.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Информационно-правовой портал системы «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://clck.ru/3VcehD> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 14.02.2025).

⁴ Федеральный закон от 28.02.2025 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 20 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Информационно-правовой портал системы «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://base.garant.ru/411574163/?ysclid=ma9z2690k1562885269> (дата обращения: 11.03.2025).

национальной или религиозной ненависти, вражды, а также по мотивам ненависти к какой-либо социальной группе¹. Данное изменение не только будет назиданием для студенческой молодёжи, но и поспособствует усилению защиты иностранных студентов от посягательств со стороны российских радикально настроенных и антиобщественных элементов.

Фундаментальным документом, который утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г., является Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (далее по тексту – Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики)².

В Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики отмечается устойчивая положительная динамика до 2025 г. основных медико-демографических показателей. Однако снижение уровня рождаемости, откладывание вступления в брак и деторождения на более поздний период, переход к малодетным и однопоколенным моделям семьи, старение населения негативно отражаются на показателях естественного движения населения, поэтому с 2017 г. в России отмечается естественная убыль населения. Вследствие этого Российская Федерация является одной из основных стран мира, принимающих население из других государств в рамках миграционных процессов. Притом, что документ ориентирует российское общество на проведение семейно ориентированной демографической политики в стране, важным фактором сокращения убыли населения на период до 2036 г. останется миграционный прирост. Данное обстоятельство требует особого внимания к вопросам языковой и культурной адаптации мигрантов, привлечения в Российскую Федерацию соотечественников и иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности. В числе приоритетных мер документом предусматривается расширение приёма иностранных граждан в российские образовательные организации, повышение внимания к языковой, социальной и культурной адаптации детей мигрантов в процессе получения образования, а также привлечение иностранных специалистов высокой квалификации в Россию на постоянное место жительства³.

Обеспечению функционирования систем обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и компьютерных инцидентов будет способствовать исполнение положений Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», принятого 07.04.2025 г.⁴, что позволит широко использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе при обучении иностранных граждан.

¹ Федеральный закон от 28.02.2025 г. № 31-ФЗ «О внесении изменения в статью 167 Уголовного кодекса Российской Федерации» изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // ИПП «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://base.garant.ru/411574169/?ysclid=ma9zh843jz426999009> (дата обращения: 04.03.2025).

² Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г. № 615-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Документы. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 17.03.2025).

³ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г. № 615-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Документы. URL: <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 17.03.2025).

⁴ Федеральный закон от 07.04.2025 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации”» // Официальный сайт Президента России. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51814> (дата обращения: 09.04.2025).

В 2025 г. закончилась реализация государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»¹, раздел III которой содержал меры по адаптации и интеграции в российское общество талантливых иностранных студентов, а также по активному участию российской молодёжи в международных проектах и программах. Реализация мероприятий способствовала вхождению студентов-иностранцев в российский социум и развитию межкультурного и межконфессионального диалога студенческой молодёжи.

Наряду с нормативно-правовым регулированием ключевая позиция в обеспечении национальной безопасности России в сфере образовательной миграции принадлежит совокупности институциональных механизмов, осуществляющих координацию действий органов государственной власти, профильных министерств, ведомств и образовательных организаций по реализации принятых законодательных актов. Благодаря функционированию такой сложной системы обеспечивается реализация правовых норм и контроль над осуществлением образовательной миграции, предотвращаются риски незаконных действий и таким образом укрепляется безопасность страны.

В Правительстве Российской Федерации вопросами национальной безопасности в сфере образовательной миграции занимаются несколько министерств и ведомств. Важнейшую роль играет Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России), в котором функционирует Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ МВД). В отношении образовательной миграции ГУВМ МВД осуществляется контроль въезда, пребывания и выезда иностранных студентов, оформление виз, разрешений на временное проживание и видов на жительство, пресекаются случаи нелегальной миграции среди студентов². Визовый и миграционный контроль со стороны МВД России способствует обеспечению легальности пребывания студентов-иностранцев в России и предотвращению нелегальной миграции молодёжи.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 02.04.2025 г. № 205, в целях совершенствования государственного управления миграционными процессами на базе ГУВМ МВД формируется Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан (далее по тексту – Служба)³. С учётом важности вопросов, курируемых создаваемой структурой, начальник Службы будет находиться в статусе первого заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации. В Службе будет функционировать ряд департаментов: по вопросам паспортной и регистрационной деятельности, разрешительно-визовой работы, цифрового развития и информационных технологий, внешней трудовой миграции и др.

В случае противоправных действий или угроз на территории страны в отношении образовательных мигрантов или со стороны иностранных студентов, в выяснении ситуации участвуют и другие структуры МВД России, например, Главное управление по противодействию экстремизму, Главное управление по контролю за оборотом наркотиков и др. В расследовании и пресечении деструктивных и экстремистских проявлений среди образовательных мигрантов и в отношении иностранных студентов участвуют также Федеральная служба безопасности Российской Федерации и Федеральная служба войск

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (в последней редакции). Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 1642 // ИПП «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://base.garant.ru/71848426/?ysclid=mal8nnu2p2304639405> (дата обращения: 10.04.2025).

² Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт МВД России. Положение о Главном управлении по вопросам миграции. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/5565633> (дата обращения: 07.04.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // Официальный сайт Президента России. Документы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51787> (дата обращения: 08.04.2025).

национальной гвардии Российской Федерации. В современных условиях немаловажно, чтобы в деятельности силовых структур сохранялся баланс между контролем образовательной миграции и созданием комфортных условий для иностранных студентов, чтобы Россия могла оставаться страной, привлекательной для обучения иностранных граждан и конкурентоспособной на международном рынке образовательных услуг.

Основное число образовательных мигрантов в России обучается по программам высшего образования, поэтому во время пребывания в нашей стране большинство студентов-иностранцев находится под надзором Минобрнауки России. Совместно с Россотрудничеством Минобрнауки России отвечают за привлечение и координацию приёма иностранных студентов, в том числе в рамках квоты на образование иностранных граждан/лиц без гражданства и грантовой поддержки талантливых студентов-иностранцев¹. Минобрнауки России активно сотрудничает с другими государственными структурами в разработке миграционного законодательства и контролирует выполнение обучающимися иностранцами миграционных правил. Министерство, кроме образовательных и воспитательных функций, ответственно также за идеологическую, социальную и культурную адаптацию иностранных студентов, которая необходима в целях обеспечения в стране межнационального и межконфессионального мира и согласия. Минобрнауки России приходится постоянно сохранять равновесие между открытостью международного образования и защитой национальных интересов, предотвращая потенциальные угрозы в этой сфере².

В обеспечении национальной безопасности, связанной с привлечением на обучение в нашу страну иностранных граждан, принимают участие и другие государственные структуры. Так, за проведение визовой политики и визовую поддержку для студентов ответственно Министерство иностранных дел Российской Федерации, которое, в соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации³, осуществляет защиту прав, свобод и законных интересов российских граждан и защиту российских организаций от иностранных противоправных посягательств.

Минцифры России не только курирует и функционирование государственной системы миграционного и регистрационного учёта⁴, но и в рамках своей компетенции проводит мероприятия по противодействию терроризму и взаимодействует с образовательными организациями, осуществляя меры как общего разъяснительного характера, так и адресной и индивидуальной профилактики, принимает участие в методическом обеспечении профилактической работы⁵.

Координацию межведомственного взаимодействия в сфере государственной миграционной политики осуществляет Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики. Комиссия выполняет ряд функций по анализу миграционной ситуации в стране,

¹ О Россотрудничестве. Деятельность // Официальный сайт Россотрудничества. URL: <https://rs.gov.ru/activities/> (дата обращения: 12.04.2025).

² Положение о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 15.06.2018 г. № 682 // Официальный сайт Правительства России. Документы. URL: <http://government.ru/docs/all/117035/> (дата обращения: 12.04.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 // Официальный сайт МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ О Министерстве // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ministry> (дата обращения: 14.04.2025).

⁵ Взаимодействие с образовательными организациями // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/open-ministry/anti-terror/education-coloboration> (дата обращения: 21.04.2025).

по выявлению внутренних и внешних угроз национальной безопасности в сфере миграции, рассмотрению и экспертизе проектов документов в области миграционной политики и др.¹.

Обеспечению государственной безопасности способствует также мониторинг деятельности образовательных организаций с точки зрения их противодействия иностранному вмешательству в подготовку образовательных программ и организацию образовательного процесса, соблюдения квотирования и целевого набора, где приоритет отдаётся выходцам из стран-участниц СНГ и дружественных государств. Особое внимание уделяется надзору за организацией работы со студентами-иностранцами по их адаптации в учебную и социальную среду, профилактике радикальных настроений через образовательные и внеучебные культурно-массовые и спортивные мероприятия.

Заключение (Conclusions). Результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод о том, что сложившаяся в настоящее время система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в сфере образовательной миграции базируется на серьёзном правовом регулировании и межведомственном взаимодействии.

В последние годы нормативно-правовая база обеспечения национальной безопасности в сфере образовательной миграции значительно обновлена. Внесение изменений в действующие федеральные законы, а также принятие Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, значительно усилили позиции России в осуществлении контроля государственной безопасности в области миграции с образовательными целями.

Однако, до настоящего времени в российском законодательстве имеется ряд недоработок, препятствующих решению государственных задач, поставленных в принятых стратегических документах. Так, например, не разработаны и не приняты государственные меры по возвращению в нашу страну российских специалистов и учёных, бывших студентов образовательных организаций зарубежных стран. Показательным в этом отношении является опыт Китая по возвращению своих учёных. Китайская программа «Тысяча талантов» 2009 г. (позднее дополненная программой «Тысяча молодых талантов»), по которой выделялись значительные финансовые меры поддержки молодых учёных, позволила за 10 лет привлечь в КНР около 7 тыс. квалифицированных кадров. Подобные программы репатриации талантов приняты в Республике Корея, в Бразилии (Волкова, 2025). Стимулирование возврата на родину обучавшихся за границей россиян позволит не только решить обозначенные выше проблемы, но и будет способствовать повышению интеллектуального потенциала населения страны.

Экспертное сообщество и работники вузов высказывают предложения о необходимости закрепления в Законе «Об образовании в Российской Федерации» основных институциональных понятий в области образовательной миграции («экспорт образования», «академическая мобильность», «транснациональное образование» и др.), а также сокращения бюрократических барьеров и предоставления большей свободы вузов в работе с иностранными студентами. Подчёркивается, что должны быть созданы все условия для повышения конкурентоспособности российской системы образования (Ростовская, Скоробогатова, Васильева, 2023: 11- 16).

Представляется перспективной разработка целостной системы поддержки иностранных студентов в Российской Федерации, которая сопровождала бы их на всех этапах - от поступления в образовательную организацию до выпуска, включая вопросы трудоустройства или возвращения в страну исхода.

¹ Положение о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики. Утверждено Указом Президента России от 10.02. 2022 г. № 48 // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/about/commission/MVK_SGMP/ (дата обращения: 05.05.2025).

Государственное регулирование образовательной миграции требует выверенного баланса между повышением международной привлекательности российского образования и обеспечением национальной безопасности и социальной стабильности в стране.

Список литературы

Акрамов Ш. Ю., Блиничкина Н. Ю. Демографическая безопасность в контексте международной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 28-39. DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.2. EDN: CESHQP.

Артемов Н. В., Маковецкий М. Ю., Брусина М. Е. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. 2024. Серия 1: Экономика и управление. № 2 (49). С. 17-28. DOI: 10.21777/2587-554X-2024-2-17-28. EDN: DGHXIL.

Бочарова З. С. Роль образовательной миграции в современном мире // Информационное общество. 2018. № 2. С. 36-40. EDN: YBMSKD.

Волкова О. «Тысяча молодых талантов»: как Китай возвращал своих учёных // Эконс. Экономический разговор. 15 апреля 2025 г. URL: <https://clck.ru/3Vcf9c> (дата обращения: 28.06.2025).

Лебедева Т. В. Учебная миграция в Российскую Федерацию: социальные аспекты. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 199 с. ISBN: 978-5-907427-40-2. EDN: BILVOF.

Погукаева А. В., Коберник Л. Н., Омелянчук Е. Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651> (дата обращения: 14.07.2025).

Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Васильева Е. Н. Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов: монография. М.: Проспект, 2023. 128 с.

Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Лукьянец А. С. Особенности образовательной миграции в контексте цифровизации // Информационное общество. 2021. № 3. С. 32-40. DOI: 10.52605/16059921_2021_03_32. EDN: NBPRTN.

Треугова Н. Д., Стариков В. С. Образовательная миграция и этносоциальные конфликты в вузах России, Украины и США // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1(137). С. 121-139. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.08. EDN: YORVTT.

Тутунин Н. К., Леонтьев В. Н. Современное понимание термина «национальная безопасность» // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2022. № 2. С. 2. URL: <https://clck.ru/3VcfCW> (дата обращения: 17.04.2025).

Crossman J. E., Clarke M. International experience and graduate employability: stakeholder perceptions on the connection // Higher Education. 2010. Vol. 59. № 5. Pp. 599-613. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10734-009-9268-z> (дата обращения: 26.05.2025). DOI: 10.1007/s10734-009-9268-z. EDN: GUIJSV.

Hawthorne L. The Growing Global Demand for Students as Skilled Migrants // Migration Policy Institute, Washington DC, 2008. URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/growing-global-demand-students-skilled-migrants> (дата обращения: 14.05.2025).

References

Akramov, Sh. Yu., Blinichkina, N. Yu. (2023), "Demographic security in the context of international migration", *DEMIS. Demographic studies*, 3(2), 28-39, DOI: 10.19181/demis.2023.3.2.2, EDN: CESHQP. (In Russian)

Artemyev, N. V., Makovetsky, M. Yu., Brusina, M. E. (2024), "The impact of migration processes on the economic security of the Russian Federation", *Bulletin of Moscow Witte University, Series 1: Economics and Management*, 2 (49), 17-28, DOI: 10.21777/2587-554X-2024-2-17-28, EDN: DGHXIL. (in Russian)

Bocharova, Z. S. (2018), "The role of educational migration in the modern world", *Information Society*, (2), 36-40, EDN: YBMSKD. (In Russian)

Volkova, O. (2025) "A Thousand Young Talents: How China Brought Back Its Scientists", *Ekons. Economic Conversation*, April, 15, [Online], available at: <https://clck.ru/3Vcf9c> (Accessed 28 June 2025). (In Russian)

Lebedeva, T. V. (2025), *Uchebnaya migratsiya v Rossiyskuyu Federatsiyu: sotsialnye aspekty* [Educational migration to the Russian Federation: social aspects], Ekon-Inform Publishing House, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-907427-40-2, EDN: BILVOF. (In Russian)

Pogukaeva, A. V., Kobernik, L. N., Omelyanchuk, E. L. (2016), "Adaptation of Foreign Students at a Russian University", *Modern Problems of Science and Education*, (3), [Online], available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651> (Accessed 14 July 2025). (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Skorobogatova, V. I., Vasilyeva, E. N. (2023), *Obrazovatel'naya migratsiya v kontekste geopoliticheskikh vyzovov* [Educational Migration in the Context of Geopolitical Challenges], Monograph, Prospect, Moscow, Russia. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Skorobogatova, V. I., Lukyanets, A. S. (2021) "Features of Educational Migration in the Context of Digitalization", *Information Society*, (3), 32-40, DOI: 10.52605/16059921_2021_03_32. EDN: NBPRTN. (In Russian)

Tregubova, N. D., Starikov, V. S. (2017), "Educational Migration and Ethnosocial Conflicts in Universities of Russia, Ukraine and the USA", *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1 (137), 121-139, DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.08, EDN: YORVTT. (In Russian)

Tutunin, N. K., Leontiev, V. N. (2022), "Modern understanding of the term "national security"", *Alley of Science Scientific and Practical Electronic Journal*, (2), 2, [Online], available at: <https://clck.ru/3VcfCW> (Accessed 17 April 2025). (In Russian)

Crossman, J. E., Clarke, M. (2010), "International experience and graduate employability: stakeholder perceptions on the connection", *Higher Education*, 59 (5), 599-613, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10734-009-9268-z> (Accessed 26 May 2025), DOI: 10.1007/s10734-009-9268-z, EDN: GUIJSV.

Hawthorne, L. (2008), "The Growing Global Demand for Students as Skilled Migrants", *Migration Policy Institute, Washington DC*, [Online], available at: <https://www.migrationpolicy.org/research/growing-global-demand-students-skilled-migrants> (Accessed 14 May 2025).

Статья поступила в редакцию 03 сентября 2025 г. Поступила после доработки 17 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 03 September 2025. Revised 17 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Лебедева Тамара Васильевна, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Tamara V. Lebedeva, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Research Fellow, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia.

УДК 314.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-2

Исследовательская статья

Леденева В. Ю.

Региональная инфраструктура в формировании адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов

Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
улица Фотиевой, дом 6/1, Москва, 119333, Россия
vy.ledeneva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается региональная инфраструктура как фактор формирования адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов. Обосновывается необходимость перехода от анализа миграции преимущественно на уровне федерального регулирования и индивидуальных адаптационных траекторий к исследованию региональной среды как условия адаптационного и демографического поведения мигрантов. Показано, что региональная инфраструктура является не только комплексом социальных объектов, но и доступными для мигрантов ресурсами, институтами и сервисами их повседневного пребывания и взаимодействия с принимающим обществом. Автор предлагает рассматривать региональную инфраструктуру как совокупность жилищных, медицинских, образовательных, административно-сервисных, цифровых, информационных и транспортно-территориальных условий. Цель статьи – раскрыть региональную инфраструктуру как социологическую категорию анализа адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов и обосновать подход к ее операционализации, разработать интегральную модель региональной инфраструктуры. В предложенном теоретико-методологическом подходе проанализировано, каким образом доступность жилья, медицинской помощи, образования, административных услуг, цифровой информации и территориальной мобильности, а также правовой статус мигранта влияют на семейные и репродуктивные решения мигрантов, установки на оседлость, интеграцию или сегрегацию. Сделан вывод о необходимости использования инфраструктурного подхода при разработке региональных механизмов миграционной политики и оценки адаптационного потенциала субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: международная миграция; региональная инфраструктура; адаптация мигрантов; демографическое поведение; семейные стратегии; репродуктивные установки; индикаторная модель; региональная миграционная политика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Специфика региональной инфраструктуры и локальных социокультурных практик в формировании моделей демографического поведения международных мигрантов в субъектах Российской Федерации» № 25-28-02801.

Информация для цитирования: Леденева В. Ю. Региональная инфраструктура в формировании адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 185-200. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-2.

Viktoria Yu. Ledeneva

Regional infrastructure in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants

Institute of Social Demography,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
vy.ledeneva@yandex.ru

Abstract. The article examines regional infrastructure as a factor in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants. It substantiates the need to move from analyzing migration mainly at the level of federal regulation and individual adaptation trajectories to studying the regional environment as a condition of migrants' adaptation and demographic behavior. It is shown that regional infrastructure is not only a complex of social facilities, but also a set of resources, institutions and services available to migrants in their everyday stay and interaction with the host society. The author proposes to consider regional infrastructure as a combination of housing, medical, educational, administrative-service, digital, information, transport and territorial conditions. The purpose of the article is to reveal regional infrastructure as a sociological category for analyzing adaptation and demographic strategies of international migrants and to substantiate an approach to its operationalization, as well as to develop an integral model of regional infrastructure. The proposed theoretical and methodological approach analyzes how access to housing, healthcare, education, administrative services, digital information and territorial mobility, as well as the migrant's legal status, influence family and reproductive decisions, attitudes toward settlement, integration or segregation. The conclusion is made about the need to use the infrastructural approach in developing regional mechanisms of migration policy and assessing the adaptive potential of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: international migration; regional infrastructure; adaptation of migrants; demographic behavior; family strategies; reproductive attitudes; indicator model; regional migration policy

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The specificity of regional infrastructure and local sociocultural practices in the formation of models of demographic behavior of international migrants in the constituent entities of the Russian Federation", No. 25-28-02801.

Information for citation: Ledeneva, V. Yu. (2026), "Regional infrastructure in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 185-200. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-2.

Введение (Introduction). Современная международная миграция в России все в большей степени приобретает регионально дифференцированный характер. Миграционные потоки концентрируются в субъектах Российской Федерации с различным уровнем социально-экономического развития, неодинаковой деятельностью институтов социальной поддержки, различной доступностью жилья, образования, медицинской помощи, административных процедур и цифровых сервисов. В этих условиях поведение международных мигрантов не может быть объяснено только федеральными правилами

въезда, пребывания, трудоустройства и получения правового статуса. Существенное значение приобретает региональная среда, в которой мигрант повседневно проживает, работает, создает семью, воспитывает детей, выстраивает отношения принимающим населением.

В большинстве исследований миграционные процессы рассматриваются либо на макроуровне через анализ государственной миграционной политики, правового регулирования, рынка труда и демографической динамики, либо на микроуровне через изучение индивидуальных траекторий адаптации, мотиваций, идентичности и социальных сетей мигрантов. В последнее время появляется много исследований, посвященных региональным особенностям миграционной политики, однако, среди них не так много рассматривают региональную инфраструктуру как определяющий фактор оседлости мигрантов и включения их в социальную, экономическую и демографическую жизнь принимающего общества. В тоже время именно на региональном уровне права и обязанности мигрантов, закрепленные в федеральном законодательстве, сталкиваются с реальными условиями их реализации, а индивидуальные стратегии получают конкретное повседневное содержание.

Региональная инфраструктура – это не набор объектов социальной сферы, а система условий, через которые мигрант получает или, напротив, не получает доступ к базовым ресурсам адаптации: жилью, медицинской помощи, образованию для детей, оформлению документов, информации, цифровым сервисам и транспортной доступности. Эти условия определяют не только качество повседневной жизни, но и более долгосрочные решения: остаться в регионе или рассматривать его как временное место заработка; перевезти семью или сохранять транснациональную модель семейной жизни; рожать и воспитывать детей в России или откладывать репродуктивные планы; стремиться к интеграции или ориентироваться на закрытые мигрантские сети. Таким образом, с одной стороны, инфраструктура выступает условием социальной адаптации, с другой стороны, имеет демографическое значение, поскольку влияет на семейные и репродуктивные стратегии мигрантов.

Научная проблема заключается в недостаточной разработанности теоретико-методологических подходов, позволяющих объяснить, каким образом региональная инфраструктура влияет на адаптационные и демографические стратегии международных мигрантов. В исследовательской практике инфраструктурные условия часто фиксируются фрагментарно: отдельно анализируется доступность жилья, отдельно медицинских или образовательных услуг, отдельно административных процедур. Однако для понимания поведения мигрантов необходима интегральная модель, позволяющая рассматривать инфраструктурный профиль региона как совокупность взаимосвязанных условий, влияющих на адаптацию, семейные решения, репродуктивные установки и планы длительного проживания.

Цель статьи – раскрыть региональную инфраструктуру как социологическую категорию анализа адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов и обосновать подход к ее операционализации, разработать интегральную модель региональной инфраструктуры.

Методология и методы (Methodology and Methods). Методологическую основу статьи составляют социологический, институциональный и инфраструктурный подходы к анализу международной миграции. Также применен метод операционализации понятий, позволивший выделить основные индикаторные блоки региональной инфраструктуры: жилищный, медицинский, образовательный, административно-сервисный, цифровой и информационный, транспортно-территориальный. Эмпирическая база в данной статье не анализируется, поскольку работа имеет теоретико-методологический характер и направлена

на обоснование исследовательской модели для последующего изучения адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов в регионах Российской Федерации.

Региональную инфраструктуру в рамках международной миграции необходимо рассматривать по нескольким теоретическим направлениям: теориям миграционного поведения, адаптации и интеграции мигрантов, социального пространства и регионального развития. Совокупность данных направлений позволяет рассматривать регион не просто как территорию проживания мигрантов, а особую социально-институциональную среду, в которой формируется адаптационное и демографическое поведение.

В классических теориях международной миграции основное внимание традиционно уделялось факторам, определяющим начало и продолжение миграционного движения. В классических источниках миграция объяснялась через закономерности пространственного перемещения населения. В последующих экономических теориях миграции акцент был сделан на различиях в заработной плате, структуре рынков труда и спросе на рабочую силу. Так, М. Пиоре в теории двойного рынка труда связывал международную миграцию с устойчивой потребностью принимающих экономик в работниках для вторичного сегмента рынка труда (Piore, 1979). Обобщая разные подходы, Д. Мэсси, Х. Аранго, Г. Хьюго, А. Куоучи, А. Пеллегрини и Дж. Тейлор показали, что теории миграции можно разделить на объясняющие начало миграции и объясняющие ее воспроизводство во времени и пространстве (Massey et al., 1993). В обзоре авторы показали, что разные миграционные теории не являются логически противоречивыми по своей сути, так как представляют разные уровни миграции, а выбор между теориями, наоборот, необходим для того, чтобы реализовать по-настоящему интегрированную теоретическую модель.

Сам факт перемещения еще не доказывает успешность проживания и трудовой деятельности мигранта. Важно понять, каким образом мигрант включается в принимающее общество после прибытия и какие условия влияют на его дальнейшие жизненные решения. В модели Дж. Берри адаптации, интеграции и аккультурации – все эти стратегии рассматриваются как изменения, возникающие в результате межкультурного контакта (Berry, 1997). Важна сама идея о том, что выбор стратегии зависит не только от установок мигранта, но и от условий принимающего общества.

Близкая по содержанию модель культурного шока и межкультурной адаптации К. Уорда, С. Бочнера и А. Фернхэма. В рамках ABC-модели адаптация описывается через три взаимосвязанных компонента: А – affective / аффективный компонент, В – behavioral / поведенческий компонент, С – cognitive / когнитивный компонент (Ward, Bochner, Furnham, 2001). Иными словами, адаптация включает эмоциональное состояние мигранта, освоение новых моделей поведения и понимание норм принимающего общества. Для анализа региональной инфраструктуры эта модель важна тем, что позволяет рассматривать инфраструктурные условия как фактор повседневного взаимодействия мигранта с институтами, услугами и местным населением.

Существенный вклад в понимание интеграции мигрантов внесли А. Агер и А. Странг, предложившие систему индикаторов интеграции (Ager, Strang, 2008). В их подходе ключевыми сферами интеграции выступают занятость, жилье, образование и здравоохранение, а также социальные связи, язык, культура, безопасность, права и гражданство.

В европейской исследовательской традиции Р. Пеннинкс и Б. Гарсес-Маскареньяс предлагают рассматривать миграционную интеграцию через многоуровневый характер управления как результат общего взаимодействия мигрантов, региональных институтов, органов власти, работодателей и других субъектов миграционных отношений (Penninx, Garcés-Mascreñas, 2016).

Принципиально значимым трудом отметим работу М. Чжоу о сегментированной ассимиляции. В отличие от линейных моделей ассимиляции, предполагающих постепенное включение мигрантов в принимающее общество, теория сегментированной ассимиляции показывает, что траектории включения могут быть различными: восходящая интеграция, сохранение этнических ресурсов при успешной адаптации, либо нисходящая мобильность и закрепление в маргинализированных сегментах общества. Проще говоря, мигранты могут включаться как в формальные институты принимающего общества, так и в закрытые этнические или религиозные сети (Zhou, 1997).

Вместе с тем многие зарубежные теории интеграции изначально разрабатывались на материале стран с устойчивыми иммиграционными режимами и развитой системой муниципальной интеграционной политики. Для России характерны свои особенности миграционного регулирования, а региональные формы адаптации мигрантов могут сильно различаться, поскольку на миграционную ситуацию в конкретном регионе влияет неоднородность условий жизни, занятости, получения услуг и повседневного взаимодействия мигрантов с принимающим населением.

В современной научной литературе категории «адаптация» и «интеграция» нередко используются как близкие или взаимозаменяемые, однако их содержательное различие необходимо как для теоретического анализа, так и для разработки управленческих решений в сфере миграционной политики. В. Ю. Леденева и Л. А. Кононов, подчеркивая теоретико-методологическую неопределенность понятий адаптации и интеграции международных мигрантов и ее влияние на формирование миграционной политики, отмечали, что региональная инфраструктура может обеспечивать первичную адаптацию мигранта – доступ к информации, услугам, документам, жилью, медицине, образованию, тогда как полноценная интеграция предполагает более глубокое включение в социальные связи, институты и нормы принимающего общества (Кононов, Леденева, 2021).

Сходную позицию занимает А. А. Илимбетова, рассматривая условия, цели и подходы к адаптации и интеграции мигрантов и обращая внимание на необходимость разграничения этих процессов как взаимосвязанных, но не тождественных (Илимбетова, 2021).

В контексте государственного и муниципального регулирования процессы адаптации и интеграции мигрантов рассматриваются в работах автора данной статьи. В этом отношении региональная инфраструктура может быть понята как практический уровень реализации миграционной политики (Леденева, 2021).

В работах В. И. Мукомеля и К. С. Григорьевой акцент сделан на вызовах, реалиях и индикаторах адаптации и интеграции мигрантов в России, что позволяет перейти от общего описания миграционной ситуации к измерению условий и результатов включения мигрантов в принимающее общество (Мукомель, Григорьева, 2022).

Отдельное значение имеют исследования об образовательной инфраструктуре как базовом индикаторе адаптационного потенциала региона и одним из ключевых каналов межпоколенческой адаптации мигрантов и формирования долгосрочных семейных стратегий.

Д. А. Александров и его коллеги одними из первых провели крупное исследование детей мигрантов в российских школах, где показали, что распределение детей мигрантов по школам определяется не только этническим происхождением, но и социальным положением семьи, а также характеристиками образовательной среды (Александров, 2012). Н. С. Путулян и В. Г. Закирова рассматривают адаптацию детей мигрантов в российской школе через экспертную диагностику адаптационных трудностей (Путулян, Закирова, 2021). Е. А. Железнякова анализирует языковую адаптацию детей из семей мигрантов через социально-интеграционные условия (Железнякова, 2023). Т. Н. Юдина рассматривает

барьеры адаптации подростков с миграционной историей, ожидания родителей от системы поддержки в московской агломерации (Юдина, 2025).

В отечественных исследованиях региональная специфика адаптации мигрантов, имеющая локальное измерение, раскрывается на материалах Нижегородской области, Красноярского края, Рязанской и Калужской областей, Москвы и Московской области, Республики Тыва и других субъектов РФ; при этом демографическое поведение мигрантов чаще анализируется на материалах Московской агломерации, Санкт-Петербурга и исследований мигрантских семей из стран Центральной Азии (Савоскул, 2012; Лакомова, 2016; Труфанов и др., 2024; Сарыглар, 2021; Осадчая и др., 2023; Омельченко, 2021; Бредникова, Сабирова, 2015).

Анализ теоретических подходов позволил выделить несколько важных положений:

- во-первых, миграция не завершается фактом въезда в страну или регион; она продолжается в виде адаптации, социального включения и выработки дальнейших жизненных стратегий;
- во-вторых, адаптация зависит не только от индивидуальных возможностей мигранта, но и от условий принимающей среды;
- в-третьих, интеграция имеет многоуровневый характер и связана с доступом к институтам, услугам, правам, социальным связям и возможностям участия в жизни принимающего общества;
- в-четвертых, демографическое поведение мигрантов формируется не изолированно, а в связи с условиями проживания, семейного устройства, воспитания детей и планирования будущего.

Таким образом, в современных российских исследованиях все более отчетливо проявляется переход к изучению адаптации и интеграции как многоуровневых процессов, зависящих от институтов, региональной среды, образовательной системы, локальных практик, информационной доступности и управленческих механизмов. Однако категория региональной инфраструктуры пока не получила достаточной самостоятельной концептуализации. Чаще всего отдельные элементы инфраструктуры – жилье, школа, медицина, документы, информация – рассматриваются фрагментарно. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы объединить эти элементы в единую социологическую категорию и показать, каким образом региональная инфраструктура влияет на адаптационные и демографические стратегии международных мигрантов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Региональная инфраструктура как фактор адаптационных стратегий международных мигрантов.* В рамках настоящего исследования *региональная инфраструктура* понимается как совокупность жилищных, медицинских, образовательных, социальных, административно-сервисных, цифровых и транспортно-территориальных условий региона, которые определяют возможности адаптации международных мигрантов, ведения семейной жизни, рождения и воспитания детей, получения услуг, оформления правового статуса и формирования установок на длительное проживание.

Для анализа адаптационных и демографических стратегий мигрантов имеет значение не только наличие учреждений и сервисов, но и их реальная доступность для конкретных групп мигрантов. Например, наличие поликлиники не означает фактической доступности медицинской помощи. Наличие школы не гарантирует включение детей мигрантов в образовательную среду. Наличие цифрового сервиса не означает его использования мигрантом. Даже при наличии мотивации мигрантов к легальному пребыванию, занятости и включению в принимающую среду эти установки реализуются только при фактическом доступе к институтам и сервисам региона. Поэтому важно различать формальную и фактическую доступность инфраструктуры, т.е. реальную возможность мигранта ею

пользоваться с учетом правового статуса, регистрации, языка, стоимости, информации, расстояния и опыта взаимодействия и т.д.

Важный вывод заключается в прикладном характере региональной инфраструктуры: если инфраструктура влияет на адаптацию и демографическое поведение мигрантов, то она может и должна рассматриваться как управляемый фактор миграционно-демографической устойчивости региона. Органы власти и местные институты не могут напрямую управлять семейными и репродуктивными решениями мигрантов, но они могут влиять на условия, в которых эти решения принимаются: доступность жилья, медицинской помощи, образования, административных процедур, информации, цифровых сервисов и транспорта.

Региональная инфраструктура выступает связующим звеном между адаптацией и демографическим поведением. На уровне демографического поведения она влияет на решения о браке, воссоединении семьи, рождении детей, воспитании детей в данном регионе, длительности проживания и получении более устойчивого правового статуса. Следовательно, инфраструктурный профиль региона может рассматриваться как фактор формирования различных моделей миграционного поведения: временной трудовой миграции, семейной миграции, оседлой стратегии, транснациональной семейной, интеграционной или сегрегационной.

Для операционализации региональной инфраструктуры от общего понятия «условия региона» необходимо перейти к более точным характеристикам, влияющим на адаптационные и демографические стратегии мигрантов. В соответствии с логикой исследования выделим шесть блоков, которые могут быть использованы как основа для построения частных индексов и последующего интегрального индекса инфраструктурной пригодности региона для мигранта:

- жилищную инфраструктуру;
- медицинскую инфраструктуру;
- образовательную инфраструктуру;
- административно-сервисную инфраструктуру;
- цифровую и информационную инфраструктуру;
- транспортную и территориальную доступность услуг.

Жилищная инфраструктура определяет возможность устойчивого проживания в регионе и является основным условием семейной миграции, поскольку именно жилье создает предпосылки для перевоза семьи, устройства детей, формирования установок на длительное проживание.

Медицинская инфраструктура связана не только с общим качеством жизни, возможностью поддержания здоровья и обращения за помощью, но и с репродуктивными решениями, безопасностью беременности, родов и заботой о детях.

Образовательная инфраструктура влияет на решение о воспитании детей в принимающем регионе и на перспективы межпоколенческой интеграции. Через школу, детский сад, кружки и дополнительные образовательные возможности происходит включение семьи мигранта в локальную социальную среду. Образовательные организации становятся пространством контакта с принимающим обществом, освоения языка и норм поведения.

Административно-сервисная инфраструктура определяет возможность легализации, оформления документов и получения государственных услуг. Если взаимодействие с государственными и муниципальными сервисами воспринимаются как непонятные, сложные и затратные, мигрант обращается к посредникам и неформальным или этническим каналам помощи.

Цифровая и информационная инфраструктура влияет на способность мигранта ориентироваться в правилах и процедурах региона. Цифровая инфраструктура – это не

только наличие интернета или мобильной связи. Важно учитывать, умеет ли мигрант пользоваться цифровыми сервисами, понимает ли язык интерфейсов, доверяет ли официальным каналам информации.

Транспортная и территориальная доступность фактически решает возможность пользоваться всеми перечисленными ресурсами и связывает их в единую систему. Даже при наличии медицинских, образовательных или административных учреждений их адаптационный эффект снижается, если мигрант фактически не может до них добраться из-за удаленности, стоимости дороги, неудобного расписания транспорта или других причин.

Следовательно, региональная инфраструктура влияет на адаптационные стратегии мигрантов не напрямую, а через систему доступов и барьеров. Она может обеспечивать мигранту понятные и доступные каналы взаимодействия с институтами принимающего общества, ориентировать на легальное пребывание, но, при труднодоступной инфраструктуре, наоборот, формирует альтернативные и чаще всего неформальные стратегии выживания. В таком случае возрастает роль мигрантских сетей, которые и компенсируют слабость формальной инфраструктуры. Родственники, знакомые, земляки и посредники помогают найти жилье, работу, врача, школу, способ оформления документов. И надо отметить, что вопросы эти решаются достаточно быстро и понятно. Фактически неформальные сети становятся главным и почти единственным каналом адаптации, а мигранты все больше взаимодействуют со своим собственным сообществом в этих параллельных практиках. Учитывая такой путь адаптации мигрантов, региональную инфраструктуру мы рассматриваем как элемент управления миграционными процессами в регионе и часть социальной технологии адаптации.

Для дальнейшего анализа мы предлагаем различать несколько типов адаптационных стратегий, связанных с инфраструктурной средой региона.

Первый тип – институционально ориентированная адаптация. Она формируется в ситуации, когда мигрант имеет доступ к официальным каналам получения информации, документов, медицинских, образовательных и социальных услуг.

Второй тип – сетевая адаптация. Она основана преимущественно на помощи родственников, земляков, знакомых, работодателей и посредников.

Третий тип – зависимая адаптация. Она возникает в ситуации, когда доступ к жилью, работе, документам или информации контролируется работодателем, посредником или узким кругом социальных связей.

Четвертый тип – барьерная или фрагментарная адаптация. Она характерна для ситуаций, когда мигрант сталкивается с множественными инфраструктурными ограничениями: трудностями оформления документов, недоступностью жилья, медицины, образования, информации, транспорта.

Предложенная типология носит аналитический характер и позволяет связать инфраструктурные условия региона с различными вариантами поведения мигрантов. При этом один и тот же мигрант может сочетать несколько стратегий: например, пользоваться официальными административными сервисами, но искать жилье через земляков; устраивать детей в школу через формальные процедуры, но получать информацию о медицине через неформальные каналы. Поэтому речь идет не о жестких типах адаптации мигрантов, а о преобладающих способах в конкретной региональной среде.

Региональная инфраструктура как фактор демографических стратегий международных мигрантов. Под демографическими стратегиями международных мигрантов мы будем понимать устойчивые ориентации и практики, связанные с браком, семейным воссоединением, рождением и воспитанием детей, длительностью проживания в принимающем регионе, получением более устойчивого правового статуса и выбором между временной, маятниковой, транснациональной или оседлой моделью жизни.

Демографические стратегии связаны с более долгосрочными планами мигрантов: рассматривает ли мигрант принимающий регион только как место заработка или как пространство семейной жизни и будущего детей.

В этом смысле инфраструктура региона выступает условием перехода от индивидуальной трудовой миграции к семейной и оседлой модели.

Наряду с адаптационными стратегиями можно выделить несколько демографических стратегий мигрантов, чувствительных к состоянию региональной инфраструктуры.

Первый тип – временная трудовая стратегия, при которой регион воспринимается преимущественно как место заработка, а семья, дети и основные жизненные планы остаются связанными со страной происхождения.

Второй тип – транснациональная семейная стратегия, при которой мигрант поддерживает семью на расстоянии, регулярно перемещается между страной происхождения и принимающим регионом, но не всегда рассматривает регион как место постоянной семейной жизни.

Третий тип – стратегия семейного воссоединения, предполагающая перевоз супруга, детей или других членов семьи в принимающий регион при наличии минимально достаточных жилищных, образовательных, медицинских и правовых условий.

Четвертый тип – оседлая демографическая стратегия, при которой мигрант связывает с регионом длительное проживание, рождение и воспитание детей, получение устойчивого правового статуса и включение семьи в местные институты.

Пятый тип – сегрегированная семейная стратегия, при которой семья мигранта физически присутствует в регионе, но основные практики повседневной жизни, воспитания детей, поиска помощи и социального взаимодействия замкнуты преимущественно внутри этнических, земляческих или религиозных сетей.

Таким образом, региональная инфраструктура выступает фактором не только адаптационных, но и демографических стратегий международных мигрантов. Через доступность жилья, медицины, образования, административных услуг, цифровой информации и территориальной мобильности регион влияет на то, будет ли мигрант рассматривать его как временное место заработка или как пространство семейной жизни, рождения и воспитания детей, длительного проживания и интеграции. Именно поэтому инфраструктурный анализ позволяет связать повседневные условия адаптации с более долгосрочными демографическими решениями мигрантов.

Операционализация региональной инфраструктуры: ключевые измерения и индикаторные блоки. В перспективе понятие региональной инфраструктуры мы планируем перевести из теоретической категории в исследовательский инструмент для эмпирического изучения адаптационных и демографических стратегий мигрантов. Для этого в данной статье предложена разработанная автором система измеряемых критериев, индикаторов и переменных.

Для сохранения аналитической точности методологически важно разграничивать инфраструктурные и социокультурные факторы, а также отделять их от субъективных оценок и локальных практик. К инфраструктурным (объективным) факторам относятся те условия, которые обеспечивают доступ мигранта к базовым ресурсам жизни в регионе. Локальные социокультурные практики (субъективные) характеризуют отношение принимающего населения, мигрантские сети, этноконфессиональную среду и нормы взаимодействия с мигрантами и должны рассматриваться как связанный, но самостоятельный блок факторов.

В предлагаемой модели инфраструктурные блоки выступают независимыми переменными, характеризующими региональные условия. Их задача – объяснить, каким образом доступность или ограниченность инфраструктуры связана с зависимыми

переменными: планами перевезти семью, готовностью жить в регионе длительное время, желанием получить более устойчивый правовой статус, планами рождения детей, готовностью рожать детей в России, оценкой региона как места для семейной жизни. Таким образом, цепочка анализа выглядит следующим образом: *инфраструктура региона → адаптация мигрантов → семейные и репродуктивные установки → оседлость и интеграция в регионе*.

Для последующего эмпирического анализа каждый инфраструктурный блок можно рассматривать через совокупность показателей, критериев и индексов. При этом важны три типа показателей:

- во-первых, показатели доступности инфраструктуры;
- во-вторых, показатели барьеров;
- в-третьих, показатели значимости условий для адаптационных и демографических установок мигранта.

Жилищная инфраструктура характеризует возможность устойчивого проживания в регионе. В качестве критериев могут использоваться форма проживания, доступность аренды жилья, пригодность для семьи и др.

Медицинская инфраструктура включает доступность медицинской помощи для взрослых, детей, а также помощи при беременности и родах. Критерии оценки учитывают как наличие медицинских учреждений, так и опыт отказа от обращения в медицинские учреждения из-за стоимости документов, расстояния, языка или иных барьеров.

Образовательная инфраструктура отражает доступность детских садов, школ, кружков, секций и дополнительных образовательных возможностей. Ее критериями могут быть возможность устройства детей, наличие трудностей при поступлении в образовательные организации (например, тестирование на знание русского языка) и др.

Административно-сервисная инфраструктура связана с возможностью оформления документов, получения государственных и муниципальных услуг, взаимодействия с МФЦ и иными сервисами сопровождения. Критериями здесь выступают доступность оформления документов, понятность процедур, опыт обращения за помощью, зависимость от посредников.

Цифровая и информационная инфраструктура включает доступность мобильной связи, интернета, цифровых сервисов и достоверной информации о документах, работе, медицине, образовании и правилах проживания.

Транспортная и территориальная доступность услуг характеризует возможность фактического использования инфраструктуры. Даже при наличии медицинских, образовательных или административных учреждений их адаптационный эффект снижается, если они территориально удалены, дороги или неудобны для посещения.

Для унификации данных может быть использована единая шкала доступности: 1 – совсем недоступно; 2 – скорее недоступно; 3 – и да, и нет; 4 – скорее доступно; 5 – полностью доступно; 9 – не применимо / нет опыта пользования. Такой формат позволяет рассчитывать средние значения по каждому инфраструктурному блоку и сравнивать регионы между собой.

Барьеры целесообразно кодировать как бинарные переменные: 0 – барьер не выбран; 1 – барьер выбран. Например, отдельно могут фиксироваться барьеры, связанные с документами, стоимостью, расстоянием, языком, отношением сотрудников, недостатком информации или цифровых навыков. Это особенно важно для межрегионального сравнения, т.к. регионы могут различаться структурой препятствий для мигрантов.

На основе отдельных переменных могут быть построены частные индексы: индекс жилищной устойчивости, индекс медицинской доступности, индекс образовательной

доступности, индекс административной доступности, индекс цифровой доступности, индекс территориальной доступности.

В аналитическом виде индикаторная модель региональной инфраструктуры представлена в Таблице.

Таблица

Индикаторная модель региональной инфраструктуры

Table

Indicator model of regional infrastructure

Индикаторный блок / Indicator block	Основные критерии / Main criteria	Возможные переменные / Possible variables	Возможный индекс / Possible index
Жилищная инфраструктура Housing infrastructure	Доступность и устойчивость проживания / Accessibility and stability of residence	тип жилья; форма проживания; доступность жилья; наличие жилищных барьеров; пригодность жилья для семьи; влияние жилья на планы остаться и рожать детей / type of housing; form of residence; housing accessibility; presence of housing barriers; suitability of housing for family life; influence of housing on plans to stay and have children	Индекс жилищной устойчивости; индекс жилищной доступности / Housing stability index; housing accessibility index
Медицинская инфраструктура Healthcare infrastructure	Доступность медицинской помощи для взрослых, детей, беременности и родов / Accessibility of healthcare for adults, children, pregnancy and childbirth	доступность взрослой медицины; доступность детской медицины; доступность помощи при беременности и родах; отказ от обращения из-за барьеров; влияние медицины на репродуктивные планы / accessibility of adult healthcare; accessibility of pediatric healthcare; accessibility of pregnancy and childbirth care; refusal to seek medical care due to barriers; influence of healthcare on reproductive plans	Индекс медицинской доступности; индекс медицинских барьеров / Healthcare accessibility index; medical barriers index

Индикаторный блок / Indicator block	Основные критерии / Main criteria	Возможные переменные / Possible variables	Возможный индекс / Possible index
Образовательная инфраструктура Educational infrastructure	Доступность образования и социализации детей / Accessibility of education and children's socialization	доступность детского сада; доступность школы; доступность кружков и секций; трудности устройства детей; оценка региона как места воспитания детей / accessibility of kindergarten; accessibility of school; accessibility of clubs and extracurricular activities; difficulties in enrolling children; assessment of the region as a place for raising children	Индекс образовательной доступности; индекс семейно-образовательной пригодности региона / Educational accessibility index; family and educational suitability index of the region
Административно-сервисная инфраструктура Administrative and service infrastructure	Доступность документов и государственных услуг / Accessibility of documents and public services	доступность оформления документов; доступность госуслуг; понятность процедур; наличие административных барьеров; зависимость от посредников / accessibility of document processing; accessibility of public services; clarity of procedures; presence of administrative barriers; dependence on intermediaries	Индекс административной доступности; индекс административных барьеров / Administrative accessibility index; administrative barriers index
Цифровая информационная инфраструктура Digital information infrastructure	Доступность связи, интернета, цифровых сервисов и информации / Accessibility of communication, the Internet, digital services and information	доступность мобильной связи; доступность интернета; достаточность информации; источники информации; доступность цифровых сервисов / accessibility of mobile communication; accessibility of the Internet; sufficiency of information; sources of information; accessibility of digital services	Индекс цифровой доступности; индекс информационной обеспеченности / Digital accessibility index; information provision index

Индикаторный блок / Indicator block	Основные критерии / Main criteria	Возможные переменные / Possible variables	Возможный индекс / Possible index
Транспортная и территориальная доступность / Transport and territorial accessibility	Возможность добраться до ключевых услуг / Ability to reach key services	время доезда до работы, поликлиники, школы, детского сада, МФЦ; удобство транспорта; пространственные барьеры / travel time to work, clinic, school, kindergarten, multifunctional public services center; convenience of transport; spatial barriers	Индекс территориальной доступности; индекс транспортных барьеров / Territorial accessibility index; transport barriers index

Предложенная индикаторная модель позволяет рассматривать региональную инфраструктуру как совокупность измеряемых условий и сопоставлять регионы по блокам, а также связывать инфраструктуру с адаптационными и демографическими стратегиями мигрантов, что создает основу для последующего эмпирического межрегионального сравнения субъектов Российской Федерации.

Заключение (Conclusions). Проведенный анализ позволяет рассматривать региональную инфраструктуру как значимую социологическую категорию исследования международной миграции. Региональная инфраструктура выступает системой условий, через которые мигрант получает доступ к жилью, медицинской помощи, образованию, административным услугам, цифровой информации, транспортной мобильности и другим ресурсам повседневной жизни.

В статье показано, что инфраструктурные условия региона оказывают влияние на адаптационные и демографические стратегии международных мигрантов. Поэтому регион может восприниматься мигрантом либо как временное место заработка, либо как территория для семейной жизни и будущего детей.

Предложенная индикаторная модель региональной инфраструктуры включает шесть основных блоков: жилищную, медицинскую, образовательную, административно-сервисную, цифровую и информационную инфраструктуру, а также транспортную и территориальную доступность услуг. Такая структура позволяет рассматривать адаптацию мигрантов как результат управления миграцией в регионе, поскольку органы власти, не имея возможности напрямую влиять на семейные и репродуктивные решения мигрантов, способны влиять на среду, в которой эти решения принимаются. Таким образом, концептуализация и операционализация региональной инфраструктуры открывают возможности для более точного анализа миграционно-демографических процессов. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая апробация предложенной модели на материалах различных субъектов Российской Федерации, выявление региональных типов инфраструктурной обеспеченности и их связи с адаптационными и демографическими стратегиями международных мигрантов.

Список литературы

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176-199. DOI: 10.17323/1814-9545-2012-1-176-199. EDN: OXIMQV.

- Бредникова О. Е., Сабирова Г. А. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127-152. EDN: UZNOJN.
- Железнякова Е. А. Языковая адаптация детей из семей мигрантов в российской школе // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 3 (149). С. 109-116. DOI: 10.25730/VSU.7606.23.041. EDN: GDXIME.
- Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144-155. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. EDN: TSSPGZ.
- Кононов Л. А., Леденева В. Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 103-112. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112. EDN: BDHOAF.
- Лакомова А. А. Социальная адаптация мигрантов в Нижегородской области: проблемы и способы решения // Наука. Мысль. 2016. № 6-2. С. 119-124. EDN: WADNYH.
- Леденева В. Ю., Кононов Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: РУДН, 2021. 296 с. ISBN: 978-5-209-10212-0. EDN: XSUKPP.
- Мукомель В. И., Григорьева К. С. (ред.). Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. ISBN: 978-5-89697-407-9. EDN: YKKOSI.
- Омельченко Е. А. Дети из семей мигрантов в Рязанской и Калужской областях: проблемы интеграции в российское общество // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 142-157. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-142-157. EDN: IYAHVE.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78-91. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5. EDN: OFLPIM.
- Путулян Н. С., Закирова В. Г. Адаптация детей мигрантов в российской школе: опыт применения метода экспертных оценок в диагностике адаптации // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3 (146). С. 165-172. DOI: 10.51379/kpj.2021.147.3.023. EDN: JHCPVO.
- Савоскул М. С. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 2. С. 59-64. EDN: PAOSXT.
- Сарыглар С. А. Образ мигранта в представлениях населения приграничного региона // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 2. С. 136-152. DOI: 10.14258/ssi(2021)2-03. EDN: YQKJZZ.
- Труфанов Д. О., Васильева О. В., Рафиков Р. Г. Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе: на материалах социологических исследований в Красноярском крае // Россия и современный мир. 2024. № 3. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02. EDN: HIUSGA.
- Юдина Т. Н. Адаптация подростков с миграционной историей сквозь призму родительского восприятия: ключевые барьеры и ожидания от системы поддержки // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 39-64. DOI: 10.14258/SSI(2025)3-02. EDN: KUKARS.
- Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, № 2. Pp. 166-191. DOI: 10.1093/jrs/fen016.
- Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46, № 1. Pp. 5-68. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
- Massey Douglas S. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. Pp. 431-66. JSTOR. DOI: 10.2307/2938462.
- Penninx R., & Garcés-Mascreñas B. The concept of integration as an analytical tool and as a policy concept. 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_2.
- Piore M. J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 229 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572210.
- Ward C., Bochner S., Furnham A. The Psychology of Culture Shock. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2001.
- Zhou M. Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation // The International Migration Review. 1997. № 31 (4). Pp. 975-1008. DOI: 10.2307/2547421. EDN: GWSNBj.

References

- Aleksandrov, D. A., Ivanyushina, V. A. and Kazartseva, E. V. (2012), "Migrant children and parents in interaction with the Russian school", *Voprosy obrazovaniya*, (1), 176-199, DOI: 10.17323/1814-9545-2012-1-176-199, EDN: OXIMQV. (In Russian)
- Brednikova, O. E. and Sabirova, G. A. (2015), "Children in migrant families: parental strategies in transnational contexts", *Antropologicheskoy forum*, (26), 127-152, EDN: UZNOJN. (In Russian)
- Zheleznyakova, E. A. (2023), "Language adaptation of children from migrant families in Russian school", *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (149), 109-116, DOI: 10.25730/VSU.7606.23.041, EDN: GDXIMF. (In Russian)
- Ilimbetova, A. A. (2021), "Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches", *Vestnik Instituta ekonomiki Rossyskoy akademii nauk*, (2), 144-155, DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155, EDN: TSSPGZ. (In Russian)
- Kononov, L. A. and Ledeneva, V. Yu. (2021), "Adaptation and integration of international migrants: theoretical and methodological problems", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65 (4), 103-112, DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112, EDN: BDHOAF. (In Russian)
- Lakomova, A. A. (2016), "Social adaptation of migrants in the Nizhny Novgorod region: problems and ways of solution", *Nauka. Mysl*, (6-2), 119-124, EDN: WADNYH. (In Russian)
- Ledeneva, V. Yu. and Kononov, L. A. (2021), *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoy Rossii* [State and municipal regulation of adaptation and integration of migrants in contemporary Russia], RUDN University, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-209-10212-0. EDN: XSUKPP. (In Russian)
- Mukomel, V. I. and Grigorieva, K. S. (eds.) (2022), *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory* [Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators], FCTAS RAS, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022, ISBN: 978-5-89697-407-9, EDN: YKKOSI. (In Russian)
- Omelchenko, E. A. (2021), "Children from migrant families in the Ryazan and Kaluga regions: problems of integration into Russian society", *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, (2), 142-157, DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-142-157, EDN: IYAHVE. (In Russian)
- Osadchaya, G. I., Yudina, T. N. and Kocherbaeva, A. A. (2023), "Reproductive behavior of migrants from Central Asia in the Moscow agglomeration", *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 3 (4), 78-91, DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5, EDN: OFLPIM. (In Russian)
- Putulyan, N. S. and Zakirova, V. G. (2021), "Adaptation of migrant children in Russian school: experience of applying expert assessment method in diagnosing adaptation", *Kazansky pedagogichesky zhurnal*, 3 (146), 165-172, DOI: 10.51379/kpj.2021.147.3.023, EDN: JHCPVO. (In Russian)
- Savoskul, M. S. (2012), "Adaptation of ethnic migrants in Russian regions", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, (2), 59-64, EDN: PAOSXT. (In Russian)
- Saryglar, S. A. (2021), "The image of a migrant in the perceptions of the population of a border region", *Society and Security Insights*, 4 (2), 136-152, DOI: 10.14258/ssi(2021)2-03, EDN: YQKJZZ. (In Russian)
- Trufanov, D. O., Vasilieva, O. V. and Rafikov, R. G. (2024), "Factors of adaptation of foreign labor migrants in a Russian region: based on sociological studies in Krasnoyarsk Krai", *Rossiya i sovremenniy mir*, (3), DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02, EDN: HIUSGA. (In Russian)
- Yudina, T. N. (2025), "Adaptation of adolescents with a migration history through the prism of parental perception: key barriers and expectations from the support system", *Society and Security Insights*, 8 (3), 39-64, DOI: 10.14258/SSI(2025)3-02, EDN: KUKARS. (In Russian)
- Ager, A. and Strang, A. (2008), "Understanding Integration: A Conceptual Framework", *Journal of Refugee Studies*, 21 (2), 166-191, DOI: 10.1093/jrs/fen016.
- Berry, J. W. (1997), "Immigration, acculturation, and adaptation", *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1), 5-68, DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
- Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A. and Taylor, J. E. (1993), "Theories of International Migration: A Review and Appraisal", *Population and Development Review*, 19 (3), 431-466, DOI: 10.2307/2938462.

Penninx, R. and Garcés-Mascareñas, B. (2016), "The concept of integration as an analytical tool and as a policy concept", *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors*, Springer Open, Cham, 11-29, DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_2.

Piore, M. J. (1979), *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, DOI: 10.1017/CBO9780511572210.

Ward, C., Bochner, S. and Furnham, A. (2001), *The Psychology of Culture Shock*, 2nd ed., Routledge, London and New York.

Zhou, M. (1997), "Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation", *The International Migration Review*, 31 (4), 975-1008, DOI: 10.2307/2547421, EDN: GWSNBJ.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2026 г. Поступила после доработки 16 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 30 April 2026. Revised 16 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Viktoria Yu. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

316.346.32-053.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-3

Исследовательская статья

¹Петровская Ю. А.

²Федосеева О. В.

³Фадеева Н. Л.

⁴Сачук Д. И.

⁵Андреева Н. О.

**Социальный портрет молодежи Республики Карелия
в условиях трансформации геополитического
пространства Севера Евразии:
результаты эмпирического исследования**

Петрозаводский государственный университет,
проспект Ленина, дом 33, Петрозаводск, 185910, Россия

¹julia_petrovskaya85@mail.ru

²ovo.fedoseeva@mail.ru

³nata84fa@mail.ru

⁴sachuk_ptz@mail.ru

⁵natandreeva.01@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования социального портрета молодежи Республики Карелия в условиях трансформации геополитического пространства Севера Евразии. Карелия – не просто регион российского Севера, но и стратегический приграничный субъект, граничащий с Финляндией и имеющий самую протяженную государственную границу с Европейским союзом и странами НАТО. Трансформация геополитического пространства происходит здесь особенно интенсивно. Именно это актуализирует изучение ценностных установок молодежи как ключевого человеческого ресурса приграничья, индикатора и агента трансформаций. Исследование восполняет дефицит комплексных социологических данных о молодежи в регионе. Теоретическая рамка – подход Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова к исследованию молодежи в обществе риска и концепция региональной идентичности М. Китинга. Методы: анкетирование (n=3024). Выявлены и ранжированы ценности, проблемы, жизненные планы, факторы реализации, изучены политическая активность и патриотизм. Кластерный анализ позволил выделить группы по уровню участия, включая социально пассивную «группу риска». Ключевые характеристики карельской молодежи: «укорененность», адаптивный прагматизм, семейная ориентация, системный пессимизм, региональная амбивалентность. Зафиксированы различия между столицей и районами в адаптационных стратегиях и миграционных настроениях. Доминирование традиционалистской идентичности при сохранении тенденций может обернуться для России потерей устойчивости на северных рубежах.

Ключевые слова: молодежь; социальный портрет; ценности; патриотизм; общественная активность; молодежная политика

Благодарность: исследование проведено в рамках программы «Регион для молодых» Национального проекта «Молодежь и дети» при поддержке Управления по молодежной политике Республики Карелия.

Информация для цитирования: Петровская Ю. А., Федосеева О. В., Фадеева Н. Л., Сачук Д. И., Андреева Н. О. Социальный портрет молодежи Республики Карелия в условиях трансформации геополитического пространства Севера Евразии: результаты эмпирического исследования // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 201-214. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-3.

¹Yuliya A. Petrovskaya

²Olga V. Fedoseeva

³Natalya L. Fadeeva

⁴Denis I. Sachuk

⁵Natalya O. Andreeva

Social portrait of the youth of the Republic of Karelia in the context of the transforming geopolitical space of Northern Eurasia: results of an empirical study

Petrozavodsk State University,
33 Lenin Ave., Petrozavodsk, 185910, Russia

¹julia_petrovskaya85@mail.ru

²ovo.fedoseeva@mail.ru

³nata84fa@mail.ru

⁴sachuk_ptz@mail.ru

⁵natandreeva.01@gmail.com

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the social portrait of youth of the Republic of Karelia in the context of transformation of geopolitical space of the North of Eurasia. Karelia is not just a region of the Russian North, but also a strategic border region bordering Finland and having the longest state border with the European Union and NATO countries. The transformation of the geopolitical space is particularly intense here. This is what actualizes the study of the value attitudes of youth as a key human resource of the border region, an indicator and agent of transformation. The study makes up for the lack of comprehensive sociological data on youth in the region. The theoretical framework is the approach of Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov to the study of youth in a risk society and the concept of regional identity by M. Keating. Methods: questionnaires (n=3024). Values, problems, life plans, implementation factors are identified and ranked, political activism and patriotism are studied. Cluster analysis made it possible to identify groups by level of participation, including the socially passive “risk group”. Key characteristics of Karelian youth: “rootedness”, adaptive pragmatism, family orientation, systemic pessimism, regional ambivalence. Differences between the capital and the districts in adaptation strategies and migration attitudes are recorded. The dominance of a traditionalist identity, while maintaining trends, may lead to a loss of stability for Russia on its northern borders.

Keywords: youth; social portrait; values; patriotism; social activism; youth policy

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the “Region for the Young” program of the National project “Youth and Children” with support from the Department of Youth Policy of the Republic of Karelia.

Information for citation: Petrovskaya, Yu. A., Fedoseeva, O. V., Fadeeva, N. L., Sachuk, D. I., Andreeva, N. O. (2026), “Social portrait of the youth of the Republic of Karelia in the context of the transforming geopolitical space of Northern Eurasia: results of an empirical study”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 201-214. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-3.

Введение (Introduction). Российское общество переживает социальные, демографические, политические и мировоззренческие изменения. Указ Президента РФ № 809 закрепляет курс на сохранение традиционных ценностей, адресованный прежде всего молодежи, поскольку это ключевая группа, определяющая долгосрочные перспективы, но её пессимизм может снижать социальную активность (Потемкин, 2018: 273). Ценностные

ориентации молодежи неустойчивы, в периоды кризиса наблюдается аномия (Щербакова, 2013: 224). Таким образом, важно понимать, какое влияние оказывает социально-политическая ситуация в стране на молодежь, ее систему взглядов и ценностей, содержание гражданской и региональной идентичности.

Республика Карелия является не просто регионом российского Севера, а стратегическим приграничным субъектом, имеющим самую протяженную государственную границу с Европейским союзом и странами НАТО. Трансформация геополитического пространства происходит здесь особенно интенсивно. Изменилась военно-политическая ситуация. После вступления Финляндии в НАТО регион превратился из относительно спокойного приграничья в зону прямого соприкосновения с блоком. Это создает принципиально новый контекст для жизни местного населения. Также произошла экономическая переориентация: международные санкции и разрыв экономических связей с ЕС затронули лесоперерабатывающую отрасль, туризм, приграничную торговлю, которые исторически ориентировались на сотрудничество с Финляндией и Европой. Молодежь, выбирающая профессиональный путь, сталкивается с закрытием прежних ниш и появлением новых. Происходящие изменения, безусловно, коснулись информационной и культурной сфер. Население Карелии исторически привыкло к интенсивному информационному обмену с сопредельной Финляндией. В текущих условиях молодежь оказывается в эпицентре конкурирующих нарративов: как со стороны федеральных СМИ, так и со стороны других источников (интернет, социальные сети, личные контакты).

Северная идентичность молодежи устойчива и связана с «привязанностью к месту» (Симакова и др., 2025: 39), однако социальное самоопределение современной, в том числе карельской, молодежи формируется в этот уникальный переходный период. Традиционные методики изучения ее социального портрета часто не учитывают пространственный контекст, концентрируя внимание на ценностях и поведенческих паттернах. Исследование социального портрета молодежи Карелии восполняет пробел в данных о том, как ее ценности, проблемы и социальная активность влияют на развитие северного геополитического фронта. Молодежь выступает индикатором и агентом трансформаций. Изучение ее социального портрета позволяет ответить на стратегические вопросы: как карельская молодежь определяют свою национальную, гражданскую и региональную идентичность? Происходит ли «национализация» сознания под влиянием внешней угрозы?

Главный вопрос: готова ли карельская молодежь оставаться в регионе, который может стать зоной повышенного риска или, наоборот, точкой экономического роста и выступить его опорой в новых условиях? Проблемой исследования авторы обозначили отсутствие точного социального портрета молодежи, которое мешает оценке динамики ценностей и эффективности государственной молодежной и информационной политики, а также региональной экономической стратегии. Таким образом, изучение социального портрета молодежи Карелии – насущная задача для обеспечения политической стабильности, экономической безопасности и сохранения человеческого капитала на стратегически важном северо-западном направлении России.

Объектом исследования явилась молодежь Республики Карелия. Предметом исследования – социальный портрет молодежи Республики Карелия в условиях геополитических трансформаций.

Задачи, поставленные авторами: 1) определить ключевые ценности; 2) классифицировать основные проблемы; 3) охарактеризовать жизненные планы и факторы их реализации; 4) описать спектр общественно-политических практик молодежи; 5) раскрыть структуру патриотических установок молодежи.

Методология и методы (Methodology and Methods). Методом исследования выступило анкетирование молодежи ($n = 3024$). Выборка – квотная, репрезентативна по

критериям места проживания; пола, вида занятости. Основа выборки – данные Карелиястата за 2024 г.

Современная молодежь формирует жизненные стратегии на фоне социально-экономических изменений, что особенно значимо для северных и приграничных территорий, где трансформация внешних условий сочетается с демографическими, трудовыми и инфраструктурными ограничениями. В настоящем исследовании геополитическая трансформация рассматривается, как контекст, в котором проявляются соответствующие изменения, а не как непосредственно измеряемая причинная переменная. Актуализируется вопрос, каким образом молодежь адаптируется к изменяющейся социальной среде, формирует жизненные стратегии, определяет отношение к территории проживания и включается в общественную жизнь.

Теоретической основой исследования выступает подход Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, рассматривающий молодежь как группу, самоопределяющуюся в условиях внешней неопределенности. В этой перспективе ценностные ориентации и жизненные стратегии выступают взаимосвязанными характеристиками: система приоритетов молодежи отражает не только декларируемые представления о желаемом, но и способы адаптации к существующим социальным условиям (Чупров, Зубок, Уильямс, 2003; Чупров, Зубок, Певцова, 2009; Зубок, Чупров, 2019).

Для настоящего исследования данный подход имеет эмпирическое значение, позволяя рассматривать ценности, проблемы, жизненные планы и условия их реализации как взаимосвязанные характеристики положения молодежи. Региональные исследования подтверждают, что социальное самочувствие молодежи связано с материальным положением, профессиональными перспективами, ценностными ориентациями и представлениями о будущем (Ивченков, Сайганова, Шахматова, 2022). При этом сочетание традиционных ценностей семьи и здоровья с ориентацией на материальное благополучие, самостоятельность и самореализацию показывает, что различные ценностные ориентации могут сосуществовать в структуре жизненных стратегий молодежи в зависимости от социального и территориального контекста (Калинникова, Толок, 2024).

Вторым направлением анализа выступает отношение молодежи к территории проживания и связанная с ним готовность к мобильности. Для его интерпретации используется концепция региональной идентичности М. Китинга, в которой принадлежность к региону формируется под воздействием социальных, экономических, политических и культурных условий (Китинг, 2003). В рамках данного подхода регион может одновременно восприниматься как пространство принадлежности и как ресурс реализации жизненных планов. Региональная идентичность при этом не исключает мобильности: человек может сохранять чувство принадлежности к территории одновременно с готовностью временно или постоянно перемещаться ради образования, работы или самореализации. Это позволяет рассматривать миграционные установки не только как показатель желания покинуть регион, но и как элемент жизненной стратегии молодежи. Данный вывод подтверждается исследованиями молодежи приграничных и северных регионов России. Исследование молодых калининградцев показывает, что региональная идентичность может сочетаться с миграционными намерениями, если переезд рассматривается как часть образовательной или профессиональной стратегии (Омельченко, Омельченко, 2022). Исследования молодежи Арктической зоны России также свидетельствуют о региональной специфике миграционных установок и значении территориальной принадлежности для их формирования (Симакова, Хотеева, Степуть, Аверьянов, 2024). При этом северная идентичность, выражающаяся в эмоциональной привязанности к территории и ощущении принадлежности к сообществу северян, может выступать фактором сдерживания миграционных установок. Таким образом, при анализе молодежи Республики Карелия важно различать привязанность к региону,

намерение остаться и готовность к мобильности. Их сочетание может отражать не противоречие, а разные способы построения жизненной стратегии.

Третьим направлением анализа является общественная и гражданская активность молодежи. Ее включение в социальный портрет позволяет сопоставить ценностные установки с практиками участия. Исследования показывают, что наличие гражданских ценностей само по себе не означает готовности к участию в общественной жизни; существенное значение имеют также гражданские знания, доверие к институтам и воспринимаемые возможности влияния (Schulz, 2024). Поэтому в настоящем исследовании общественная и политическая активность рассматривается как самостоятельная характеристика молодежи наряду с ценностями и жизненными стратегиями.

На основании рассмотренных подходов социальный портрет молодежи Республики Карелия в настоящем исследовании рассматривается через четыре взаимосвязанных блока характеристик:

- ценностные ориентации и социальное самочувствие;
- воспринимаемые проблемы, жизненные планы и условия их реализации;
- территориальная принадлежность и миграционные установки;
- общественная, политическая и гражданская активность.

Также одной из опорных точек исследования стали результаты ежегодного мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи, проводимого Институтом изучения детства, семьи и воспитания, показавшие, что родители и педагоги разделяют традиционные ценности, но не передают эти ценности своим детям и ученикам. (Ежегодный мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи. 2022 год, 2022: 24; Мониторинг ценностных ориентаций детей и молодежи, 2025). По мнению В.В. Гаврилюк и Н.А. Трикоз, механизм воспроизводства ценностных ориентаций замещается адаптацией к текущим изменениям – сохранением прежней системы ценностей и отчуждением от «новой» (Гаврилюк, Трикоз, 2000). Мониторинги Института воспитания свидетельствуют о приоритете индивидуального и материального, при пассивном патриотическом конформизме. Как отмечают Гаврилюк и Трикоз, ценности, «спущенные сверху», воспринимаются молодёжью как абстракция и не ведут к немедленной смене социокультурных моделей.

При анализе общероссийских данных о молодёжи необходимо учитывать региональную специфику, особенно в приграничных регионах, таких как Карелия, с особым геополитическим влиянием.

Под молодежью понимается социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 Федерального закона № 489-ФЗ от 30.12.2020), имеющих гражданство Российской Федерации¹. Однако, для опроса нами привлекалась молодежь от 16 лет, что обусловлено критерием зрелости. Социальный портрет понимается как совокупность социально-демографических, ценностных и поведенческих характеристик группы (Меньшикова, 2006).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Ценности и социальное самочувствие.* Представляя результаты эмпирического исследования, обратимся, прежде всего к рейтингу ценностей карельской молодежи. В «Топ-5» оказались семейное счастье (безусловно лидирующая ценность), здоровье, материальная обеспеченность, богатство; верные друзья, любовь (Рисунок 1). Данный набор приоритетов выступает базовым условием субъективного благополучия и минимизации социальных рисков. Наименее значимы: власть, слава, «возможность приносить пользу другим». Это указывает

¹ О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон №489-ФЗ от 30.12.2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://clcl.li/PkALv> (дата обращения: 19.01.2026).

на прагматизм, обусловленный невысоким уровнем жизни. Данный результат согласуется с положениями Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова о том, что в обществе риска происходит смещение ценностей с инновационных к адаптивным. Низкие позиции данных ценностей указывают на слабую выраженность в молодёжной среде ориентаций на публичное признание, социальное лидерство и альтруистическую самореализацию. Доминирование материальной обеспеченности и здоровья над «возможностью приносить пользу другим» отражает не столько эгоизм молодежи, сколько ее вынужденную реакцию на нестабильность, где базовые ценности (выживание) подавляют ценности самоактуализации (смысложизненные).

Выявленная иерархия ценностей согласуется с общероссийскими трендами в динамике ценностных ориентаций молодёжи, характеризующиеся устойчивым доминированием частных ценностей над публичными. В контексте Карелии данная закономерность может быть дополнительно обусловлена спецификой социально-экономического развития территории, включая ограниченные возможности для карьерной и общественной самореализации.

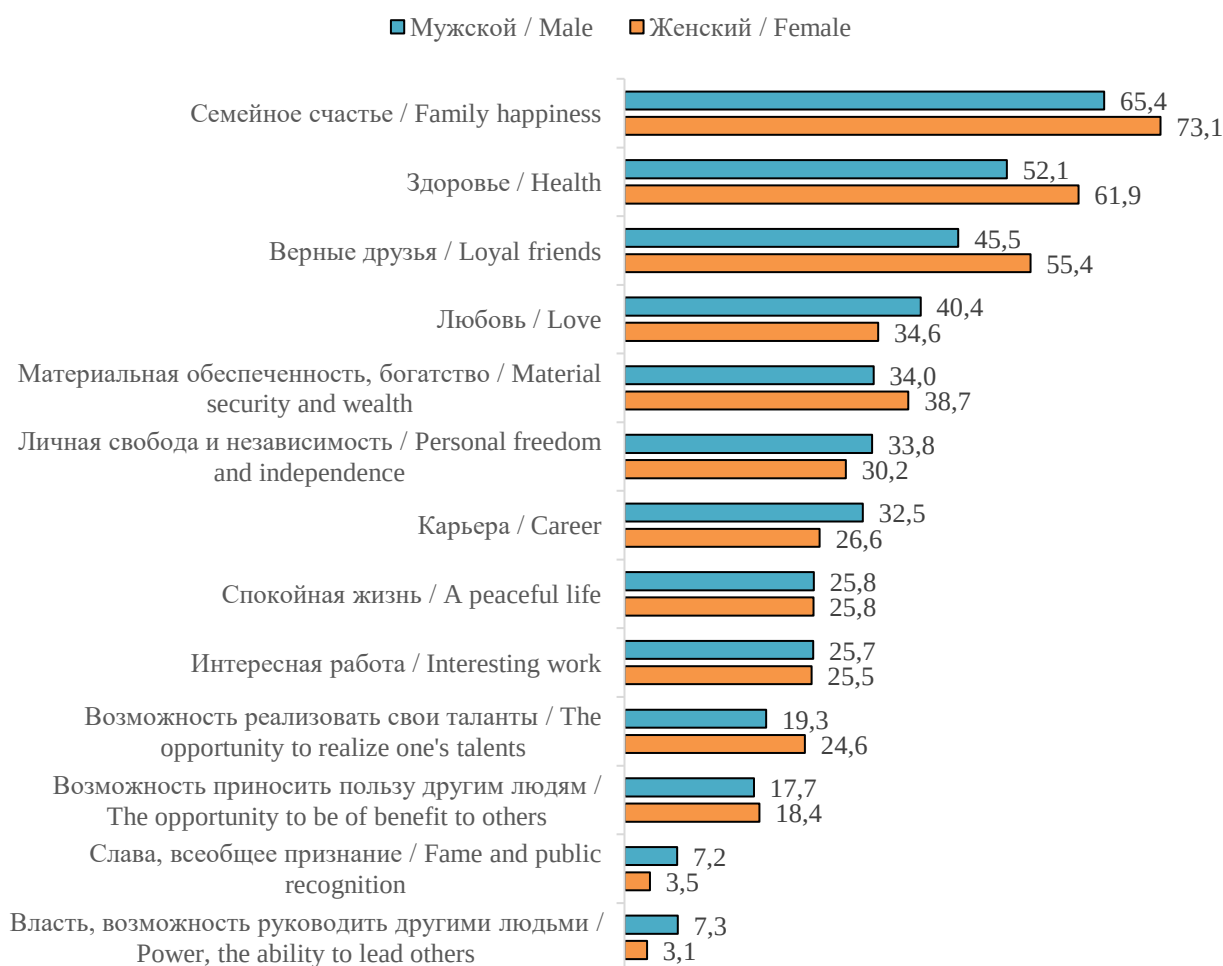

Рисунок 1. Наиболее важные ценности карельской молодежи в зависимости от пола, %
Figure 1. Most important values of Karelian youth by gender, %

Проблемы. Наиболее остро стоящие сегодня перед молодежью Карелии проблемы: невозможность купить жильё (острее всего у 23-29 лет – 87,3%), безработица (особенно в районах), негативное отношение к здоровью, мало возможностей для саморазвития (Таблица 1.).

Таблица 1

Проблемы, наиболее остро стоящие перед карельской молодежью
в зависимости от возраста респондентов, %

Table 1

Most acute problems faced by Karelian youth by age group, %

Вариант ответа / Possible answer	Возраст респондентов / Age of respondents			
	16-17	18-22	23-29	30-35
Невозможность приобрести собственное жильё / Inability to buy your own home	50,8	75,6	87,3	80,4
Негативное отношение к собственному здоровью / Negative attitude towards your own health	42,3	34,5	24,5	26,0
Мало возможностей для саморазвития / Few opportunities for self-development	40,6	29,7	33,9	27,1
Безработица / Unemployment	39,3	41,2	40,5	44,0
Недоступность качественного образования / Inaccessibility of quality education	33,5	21,0	20,1	27,1
Недостаток мест культурного досуга / Lack of places of cultural leisure	24,9	23,4	33,0	30,6
Пренебрежение социальными нормами и ценностями / Disregard for social norms and values	22,9	27,5	27,1	33,4
Участие в общественно опасных мероприятиях / Participation in socially dangerous events	13,6	9,4	6,6	7,1
Другое / Another	2,7	1,5	2,2	2,7

Пик жилищной проблемы в группе 23-29 летних объясняется тем, что именно в этом возрасте у большинства формируются устойчивые партнёрские отношения, появляются планы на создание семьи и рождение детей, – а значит, потребность в собственном жилье становится критической.

Безработица как социальная проблема носит системный характер: она актуальна и для тех, кто только выходит на рынок труда, и для более опытных молодых специалистов. Такая ситуация отражает структурные ограничения регионального рынка труда – дефицит подходящих вакансий, разрыв между квалификацией и требованиями работодателей, а также территориальную неравномерность распределения рабочих мест.

Ограниченные возможности для саморазвития отражают дефицит ресурсов для построения желаемой индивидуальной траектории. Пик в группе 16–17 лет говорит о том, что старшеклассники ощущают нехватку площадок для освоения социальных ролей и приобретения практического опыта.

Карьера. При оценке собственных возможностей респонденты опираются преимущественно на личные качества (60%) и поддержку близких (54%), однако основными препятствиями для трудоустройства и самореализации называют дефицит информации о вакансиях и возрастную дискриминацию. Наиболее перспективными сферами для работы молодежи в Карелии сами респонденты назвали ИТ-сферу и сферу цифровых технологий,

строительство, сферу здравоохранения и медицину. Однако при поиске работы молодежь часто сталкивается с требованиями к опыту работы, а их зарплатные ожидания более высоки по сравнению с предложениями на рынке труда. Более 74% респондентов в той или иной степени удовлетворены качеством образования. При этом 77% согласны, что для успеха нужны полезные знакомства.

Миграция. Одним из наиболее острых вопросов в Карелии являются миграционные настроения молодежи. В этой связи мы задавали вопрос о планах относительно переезда в другой регион в ближайшие 3 года (Рисунок 2).

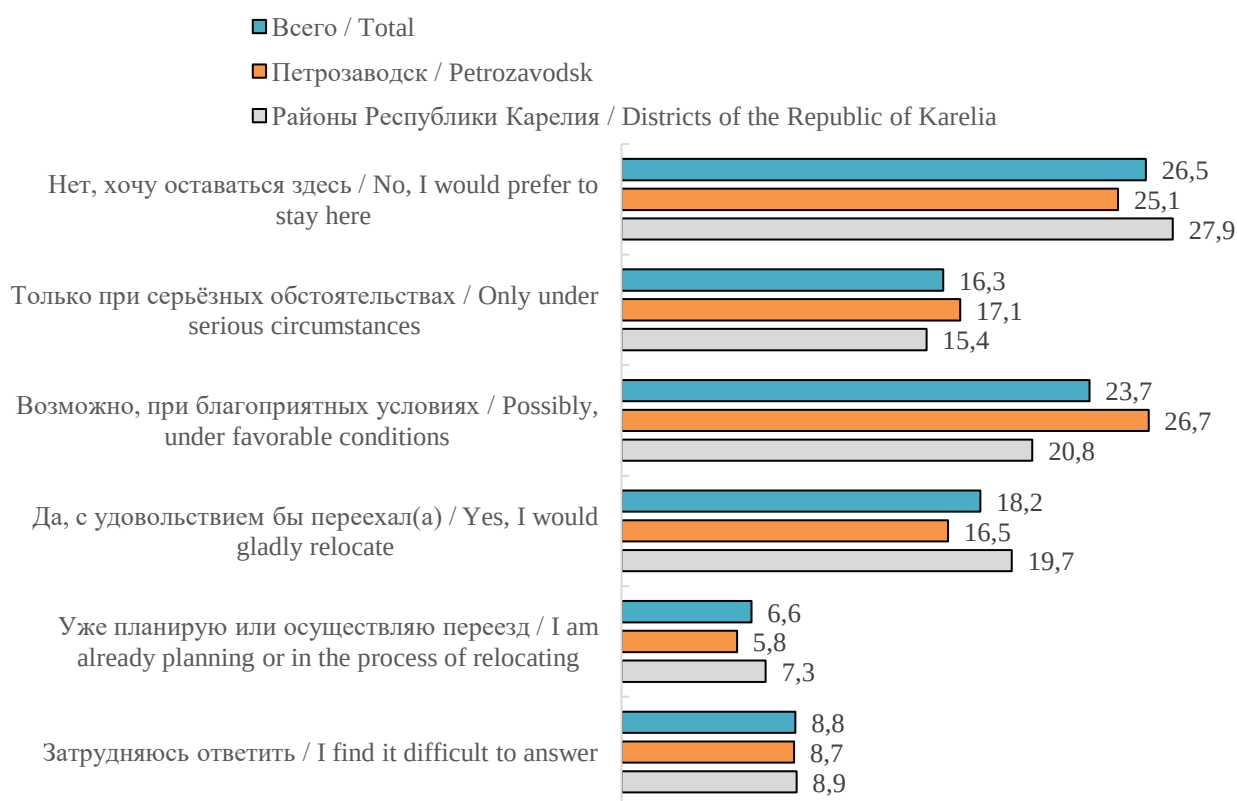

Рисунок 2. Наличие планов, связанных с переездом в другой регион в ближайшие три года в зависимости от территории, в %
Figure 2. Percentage of people with plans to move to another region within the next three years, by region

Большинство хочет остаться в Карелии, особенно представители более старшего возраста (42,6% 30-35 лет). У 16-17-летних миграционные ожидания выше (планы на учёбу в столицах). При благоприятных условиях (найденная работа) переезд возможен для 28,4% 18-22 лет. Сдерживающий фактор – семья и занятость. Можно было бы предположить, что геополитическая нестабильность (вступление Финляндии в НАТО) могла бы усиливать миграцию, но в полученных данных она не выявлена, и мы видим «укорененность».

Семья и семейные ценности. Семья в структуре социального портрета выступает не отдельной ценностью, а одним из механизмов территориальной укорененности: она одновременно задаёт значимую жизненную перспективу и ограничивает мобильность.

Подавляющее большинство молодых людей (83%) считают, что у каждого человека должна быть семья, и не согласны с утверждением о том, что семья мешает карьерному росту (73%). Более 90% респондентов считают, что в семье все должно строиться на доверии. Результаты опроса демонстрируют относительно невысокую степень признания

необязательности официальной регистрации брака в молодёжной среде: лишь 12,4 % респондентов полностью согласны с тем, что регистрация брака сегодня не является обязательной. Две трети опрошенных придерживаются позиции, согласно которой каждый человек в той или иной мере ориентирован на создание семьи. В иерархии семейных ценностей лидирующие позиции занимают любовь, единство, взаимовыручка и эмоциональный комфорт.

Гражданские установки и общественная активность. Полученные данные показывают расхождение между ценностным и поведенческим уровнями гражданской включенности. Абсолютное большинство респондентов считают или скорее считают себя патриотами. Содержательно патриотизм выражается в: любви к Родине (69,3%), гордости за достижения (50%), готовности защищать (39%). С возрастом растёт понимание патриотизма как исполнения обязанностей гражданина (с 30,5% у 16-17-летних до 48,1% у 30-35-летних) (Таблица 2).

Таблица 2

Представления о патриотизме среди карельской молодежи в зависимости от возраста, %

Table 2

Perceptions of patriotism among Karelian youth, by age, %

Вариант ответа / Possible answer	Возраст респондентов / Age of respondents			
	16-17	18-22	23-29	30-35
Любовь к Родине / Love for the country	71,4	68,6	70,2	67,0
Гордость за достижения страны / Pride in the country's achievements	49,4	50,1	48,1	51,7
Готовность защищать Родину / Fulfillment of the duties of a citizen, compliance with the laws of the state	48,1	37,3	33,9	33,4
Исполнение обязанностей гражданина, соблюдение законов государства /	30,5	35,8	45,7	48,1
Вера в великое будущее страны / Belief in the great future of the country	28,6	27,9	27,1	23,5
Знание культуры страны / Knowledge of the country's culture	28,2	28,9	37,6	32,5
Активная борьба с угрозами, которые разрушают страну изнутри / Actively fighting threats that destroy the country from the inside	16,9	19,4	14,0	10,6
Ностальгия вдали от Родины / Nostalgia away from the motherland	14,4	13,5	8,1	7,3
Затрудняюсь ответить /	9,3	6,3	6,1	7,3
Другое / Another	1,7	1,1	1,1	2,1

Несмотря на высокую распространенность патриотической самоидентификации, практическое участие молодежи в общественной деятельности остается ограниченным: около половины респондентов участвуют редко или не участвуют вовсе. Волонтерская деятельность не относится к приоритетным видам активности среди молодежи Республики Карелия: 30 % респондентов не принимали участия в волонтерстве и не планируют в нём участвовать; ещё треть опрошенных вовлечены в волонтерскую деятельность эпизодически.

Это позволяет предположить, что позитивное отношение к стране и гражданская самоидентификация сами по себе не обеспечивают включения в локальные практики

участия. Полученный результат согласуется с исследованиями, разграничивающими гражданские установки и практическое участие молодежи в общественной деятельности.

Каждый третий считает, что молодежь не влияет на политику. Интерес к политике минимален, молодежь сознательно ограничивает потребление политических новостей из-за недоверия и негативного фона.

Наибольшую общественную активность проявляет «старшая» молодежь 30-35 лет. При этом большинство предпочитает дистанцироваться от решения общественных проблем, что подтверждается тем, что 69,2 % опрошенных не обращались в местную администрацию при их возникновении.

Низкая общественная активность и дистанцирование от решения проблем на местном уровне могут быть интерпретированы в рамках подхода Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова как проявление механизма самосохранения в условиях риска. Молодежь избегает публичных практик, где не видит гарантированного результата, предпочитая «горизонтальные» сети общения (друзья, семья) вертикальным институциональным структурам. Это подтверждается и данными фокус-групп, где респонденты отмечали недоверие к формальным политическим процедурам.

Дополнительно проведенный кластерный анализ позволил конкретизировать эти выводы. На основе иерархической кластеризации (метод Уорда) по критерию общественного участия выделены пять групп, которые мы условно обозначили как «Патриоты», «Активные общественники», «Избегающие», «Неопределившиеся» и «Созерцатели». В рамках данной статьи особый интерес представляет кластер «Избегающие» (20,8% выборки, 629 человек). Это преимущественно молодежь до 23 лет, обучающаяся, проживающая с родителями. Для этого кластера характерен не просто низкий, а демонстративно нулевой уровень участия в любых формах общественной деятельности: 50,9% никогда не участвовали в волонтерстве и не планируют этого (при среднем по выборке 30,3%), а доля тех, кто считает себя патриотами, здесь минимальна и сочетается с размытым пониманием патриотизма.

При этом 69,4% представителей этого кластера никогда не обращались в местную администрацию, что значительно выше среднего по выборке. Именно в этой группе выше доля жителей Петрозаводска и несколько выше самооценка материального положения в связи с наличием, в силу возраста, родительской поддержки. Это позволяет интерпретировать кластер «Избегающих» не как следствие социальной депривации, а как результат сформировавшейся модели социального самоисключения – латентную группу риска, которая при утрате опоры на родителей может резко дезадаптироваться.

Остальные четыре кластера демонстрируют более дифференцированную картину. Кластеры № 1 («Патриоты») и № 2 («Активные общественники») отличаются высоким уровнем патриотизма и активным участием, причём именно второй является главным «мотором» гражданской активности. Кластер № 4 («Неопределившиеся») – потенциальный ресурс: здесь много как разочаровавшихся, так и планирующих начать участвовать в общественной жизни. Кластер № 5 («Созерцатели») близок к «Избегающим» по пассивности, но с более определённой патриотической позицией.

Территориальные различия. Петрозаводск представлен мобильной, студенческой молодежью, ценящей самореализацию и карьеру; районы – оседлой семейной, ориентированной на безопасность и стабильность. Миграция в столице воспринимается как этап развития, в районах – как вынужденный шаг, сдерживаемый семьёй и корнями. Адаптация: в Петрозаводске – гибкий реализм, в районах – ригидный пессимизм. Эта дифференциация соответствует типологии М. Китинга: столичная молодежь – «современные регионалисты», районная – «региональные традиционалисты». Кластер «Избегающие» в значительной степени представлен петрозаводчанами (54,7%), однако территориальный разрез проявляется не в доле пассивных, а в характере их миграционных настроений.

В столице даже при нулевой общественной активности миграция остаётся инструментом шагом (учёба, карьера); в районах та же пассивность усугубляется безысходностью – отток воспринимается как единственный выход, и в случае экономических трудностей семья перестаёт быть надёжным сдерживающим фактором. Таким образом, отсутствие гражданской активности везде снижает социальный капитал, но в районах последствия критичнее: провоцируется безвозвратная потеря молодежи на периферии, что создаёт прямой риск для геополитической устойчивости приграничья.

Заключение (Conclusions). Социальный портрет карельской молодежи внутренне дифференцирован по территориальному и кластерному признакам. Устойчивая укоренённость, адаптивный прагматизм и семейная ориентация сочетаются с системным пессимизмом и разрывом между столицей и районами (гибкий реализм и ригидное принятие). Эти черты подтверждают модель Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова отражающую доминирование адаптивных ценностей в обществе риска, а также дилемму М. Китинга о преобладании «региональных традиционалистов» над «современными регионалистами». Особую тревогу вызывает кластер «Избегающие» (каждый пятый) – латентная группа риска, чья пассивность при утрате родительской опоры может перерасти в дезадаптацию и отток. В условиях геополитической трансформации Северной Евразии, когда Карелия стала зоной прямого соприкосновения с НАТО, сохранение человеческого капитала становится стратегическим приоритетом. Молодёжь пока не стала ресурсом трансформации макрорегиона: преобладает традиционалистская идентичность с сильным аффективным компонентом, но слабой инструментальной готовностью к действию. Если текущие тенденции сохранятся, северо-западные рубежи России могут потерять устойчивость, что требует пересмотра молодёжной политики – с акцентом на вовлечение «группы риска» и создание реальных социальных лифтов в районах.

Список литературы

Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 104-108. URL: <https://belbsi.by/library/dinamika-cennostnyh-orientacii-v-period-socialnoj-transformacii/?ysclid=mkclcxhg9z873594884> (дата обращения: 19.01.2026).

Ежегодный мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи. 2022 год // Институт воспитания. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/1d6/mmszf6z2737imxwxgg32297kfqu94gz8.pdf> (дата обращения: 19.01.2026).

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164-186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614. EDN: SBTVHF.

Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В. Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51-59. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59. EDN: WMHVKI.

Калинникова М. В., Толок Е. С. Ценностные ориентации регионального студенчества: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 124-131. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-2-124-131. EDN: PUJEU.

Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6(40). С. 67-116.

Меньшикова О. И. Высшее образование как элемент формирования социально-трудового потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 65-73. EDN: JVIDAX.

Мониторинг ценностных ориентаций детей и молодежи // Институт воспитания, 2025. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/f49/rtgj08mg2rdakpolos53kv631m8ztas5.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

Мониторинг ценностных ориентаций молодежи: результаты, выводы, предложения // Институт воспитания, 2023. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/225/92v94a62ylydo1fr8ldrxi7xglsayn5p.pdf> (дата обращения: 19.01.2026).

Мотивационные драйверы миграции населения (на примере молодежи Арктической зоны России) / Степуть И. С., Аверьянов А. О., Хотеева Е. А., Симакова А. В., Шаббаева С. В. // Регион: экономика и социология. 2024. № 3. С. 98-125. DOI: 10.15372/REG20240305. EDN: AKRTJM.

Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309-332. DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2317. EDN: XZDGTM.

Потемкин В. К. Молодежь в системе современных общественных отношений // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 2. С. 270-276.

Региональный аспект миграционных установок молодёжи в российской Арктике / Симакова А. В., Хотеева Е. А., Степуть И. С., Аверьянов А. О. // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 136-152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152. EDN: CQTIQX.

Симакова А. В., Аверьянов А. О., Степуть И. С., Хотеева Е. А. Северная идентичность как фактор сдерживания миграционных установок молодежи Арктической зоны России // Социологический журнал. 2025. №31(1). С. 25-46. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.2. EDN: JUONVY.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Певцова Е. А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. Москва: ОАО «ТИД «Русское слово – РС», 2009.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Москва: Наука, 2003. ISBN: 5-02-006294-4. EDN: YABOOB.

Щербакова В. П. Трансформация ценностных ориентаций молодежи как показатель ее социальной адаптации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 220-230. EDN: RCRYZJ.

Schulz W. Young people's trust in institutions, civic knowledge and their dispositions toward civic engagement // Large-scale Assessments in Education. 2024. Vol. 12. Article 23. DOI: 10.1186/s40536-024-00210-1. EDN: YVCYOH.

References

Gavrilyuk, V. V., Trikoz, N. A. (2000), "Dynamics of value orientations in the period of social transformation (generational approach)", *Sociological Research*, (12), 104-108, [Online], available at: <https://belbsi.by/library/dinamika-cennostnyh-orientacii-v-period-socialnoj-transformacii/?ysclid=mklcjxhg9z873594884> (Accessed 19 January 2026). (In Russian)

"Annual monitoring of the value orientations of modern youth" (2022), *Institute of Education*. [Online], available at: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/1d6/mmszf6z2737imxwxgg32297kfqu94gz8.pdf> (Accessed 19 January 2026). (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2019), "Self-regulation of meaningful values in the cultural space of youth", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 10(4), 164-186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614, EDN: SBTVHF. (In Russian)

Ivchenkov, S. G., Sayganova, E. V. and Shakhmatova, N. V. (2022), "Dynamics of social well-being of Saratov youth: employment, values and concerns", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 22 (1), 51-59, DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59, EDN: WMHVKI. (In Russian)

Kalinnikova, M. V. and Tolok, E. S. (2024), "Value orientations of regional students: a sociological analysis", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 24 (2), 124-131, DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-2-124-131, EDN: PUJEVU. (In Russian)

Keating, M. (2003), "The New Regionalism in Western Europe", *Logos*, (6(40)), 67-116. (In Russian)

Menshikova, O. I. (2006), "Higher education as an element of the formation of social and labour potential", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 65-73, EDN: JVIDAX. (In Russian)

“Monitoring the value orientations of children and youth” (2025), *Institute of Education*, [Online], available at:
<https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/f49/rtgj08mg2rdakpolos53kv631m8ztas5.pdf>
(Accessed 25 January 2026). (In Russian)

“Monitoring of youth's value orientations: results, conclusions, suggestions” (2023), *Institute of Education*, [Online], available at:
<https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/225/92v94a62ylydo1fr8ldrx17xg1sayn5p.pdf>
(Accessed 19 January 2026). (In Russian)

Stepus, I. S., Averyanov, A. O., Khoteeva, E. A., Simakova, A. V. and Shabaeva, S. V. (2024), “Motivational drivers of population migration (the case of youth in the Arctic zone of Russia)”, *Region: ekonomika i sotsiologiya*, (3), 98-125, DOI: 10.15372/REG20240305, EDN: AKRTJM. (In Russian)

Omelchenko, D. A. and Omelchenko, E. L. (2022), “In search of home. Regional identity of young people in Kaliningrad: life strategies and migration intentions”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (6), 309-332, DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2317, EDN: XZDGTM. (In Russian)

Potyomkin, V. K. (2018), “Youth in the system of modern social relations”, *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, (2), 270-276. (In Russian)

Simakova, A. V., Khoteeva, E. A., Stepus, I. S. and Averyanov, A. O. (2024), “Regional aspect of migration attitudes among youth in the Russian Arctic”, *Narodonaselenie*, 27 (1), 136-152, DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152, EDN: CQTIQX. (In Russian)

Simakova, A. V., Averyanov, A. O., Stepus, I. S., Khoteeva, E. A. (2025), “Northern Identity as a Factor of Restraining Youth Migration: Attitudes in the Russian Arctic Zone”, *Sociological Journal*, 31 (1), 25-46, DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.2, EDN: JUONVY. (In Russian)

Chuprov, V. I., Zubok, Yu. A., Pevtsova, E. A. (2009), *Molodezh i krizis: dialektika neopredelennosti i opredelennosti v sotsialnom razvitii* [Youth and crisis: the dialectic of uncertainty and certainty in social development], JSC “TID “Russian word – RS”, Moscow, Russia. (In Russian)

Chuprov, V. I., Zubok, Yu. A., Williams, K. (2003), *Molodezh v obshchestve riska* [Youth in a society at risk], Science, Moscow, Russia. (In Russian)

Scherbakova, V. P. (2013), “Transformation of youth's value orientations as an indicator of their social adaptation”, *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, (3-1), 220-230, EDN: RCRYZJ. (In Russian)

Schulz, W. (2024), “Young people's trust in institutions, civic knowledge and their dispositions toward civic engagement”, *Large-scale Assessments in Education*, 12, 23, DOI: 10.1186/s40536-024-00210-1, EDN: YVCYOH.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2026 г. Поступила после доработки 25 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 24 June 2026. Revised 25 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Петровская Юлия Александровна, заведующий кафедрой политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент, Петрозаводск, Россия.

Yuliya A. Petrovskaya, Head of the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk, Russia.

Федосеева Ольга Владимировна, доцент кафедры политических и социальных наук, заведующий лабораторией социологических исследований, Петрозаводского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент, Петрозаводск, Россия.

Olga V. Fedoseeva, Associate Professor at the Department of Political and Social Sciences, Head of the Sociological Research Laboratory, Petrozavodsk State University; Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk, Russia.

Фадеева Наталья Леонидовна, старший преподаватель кафедры политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Natalya L. Fadeeva, Senior Lecturer at the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Сачук Денис Игоревич, старший преподаватель кафедры политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Denis I. Sachuk, Senior Lecturer at the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Андреева Наталья Олеговна, социолог лаборатории социологических исследований Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, Россия.

Natalya O. Andreeva, Sociologist at the Sociological Research Laboratory, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-4

Исследовательская статья

¹Рыбакова М. В.

²Иванова Н. А.

Влияние цифровых технологий на эффективность государственного управления в Узбекистане и Таджикистане: взгляд студентов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Ломоносовский проспект, дом 27, корпус 4, Москва, 119991, Россия

¹rybakovamv2005@yandex.ru

²na-an.ivanova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена представлениям студенческой молодежи Узбекистана и Таджикистана о качестве государственного управления и роли цифровых технологий в его обеспечении. Продemonстрирована роль цифровых технологий в системе государственного управления, их влияние на темпы экономического роста и конкурентоспособность государства. Поднимаются проблемы внедрения цифровых технологий в систему государственного управления Республики Узбекистан и Республики Таджикистан и их влияние на ее эффективность. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные с помощью опроса студентов из Средней Азии в виде текстов эссе (n=103). Объект – студенческая молодежь Узбекистана и Таджикистана как потенциальная когорта государственных служащих. Предмет – нормативные представления студентов о качестве государственного управления и о месте цифровых технологий в его обеспечении. Цель – выявить структуру этих представлений и зафиксировать межстрановые различия в понимании качества управления. Для обработки полученных данных использовался метод контент-анализа текстов эссе студенческих работ. При подготовке статьи авторами использовались кросскультурный и междисциплинарный подходы, которые помогли показать современные вызовы и проблемы цифровизации и отношение к ней молодежной аудитории. Материал интерпретируется в рамках концепции качества государственного управления, связывающей беспристрастность институтов с доверием, прозрачностью и снижением коррупционных рисков. Установлено, что цифровизация оказывает существенное воздействие на требования к квалификации госслужащих. Интеграция цифровых технологий расширяет арсенал инструментов, доступных государственным служащим. Это, в свою очередь, требует пересмотра квалификационных критериев для претендентов на должности государственной гражданской службы путем расширения перечня требуемых компетенций. Практическая значимость работы состоит в формулировании направлений развития цифровых государственных услуг, кадровых компетенций и коммуникации органов власти с гражданами.

Ключевые слова: государственное управление; государственные служащие; ценности; имидж; цифровизация; студенты

Информация для цитирования: Рыбакова М. В., Иванова Н. А. Влияние цифровых технологий на эффективность государственного управления в Узбекистане и Таджикистане: взгляд студентов // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 215-232. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-4.

¹Marina V. Rybakova

²Natalia A. Ivanova

The impact of digital technologies on the efficiency of public administration in Uzbekistan and Tajikistan: students' view

Lomonosov Moscow State University,
Bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119991, Russia

¹rybakovamv2005@yandex.ru

²na-an.ivanova@yandex.ru

Abstract. The article examines the normative perceptions of students from Uzbekistan and Tajikistan concerning the quality of public administration and the role of digital technologies in ensuring this quality. The article demonstrates the role of digital technologies in the public administration system, their impact on the rate of economic growth and competitiveness of the state. The problems of introducing digital technologies into the public administration system of the Republic of Uzbekistan and the Republic of Tajikistan and their impact on its efficiency are raised. The empirical basis of the study was data obtained through a survey of students from Central Asia in the form of essay texts (n = 103). The object of this study is students in Uzbekistan and Tajikistan as a potential cohort of civil servants. The subject is students' normative perceptions of the quality of public administration and the role of digital technologies in ensuring it. The goal is to identify the structure of these perceptions and document cross-country differences in understandings of governance quality. To process the obtained data, the method of content analysis of student essay texts was used. In preparing the article, the authors used cross-cultural and interdisciplinary approaches, which helped to show the modern challenges and problems of digitalization and the attitude of the youth audience towards it. It was established that digitalization has a significant impact on the requirements for the qualifications of civil servants. The analysis draws on the Quality of Government framework, which links impartial institutions to trust, transparency and lower corruption risks. The introduction of digital technologies expands the arsenal of tools available to civil servants. This, in turn, requires a revision of the qualification criteria for applicants for civil service positions by expanding the list of required competencies. The article offers practical implications for digital public services, civil-service competencies and public communication.

Keywords: public administration; civil servants; values; image; digitalization; students

Information for citation: Rybakova, M. V., Ivanova, N. A. (2026), "The impact of digital technologies on the efficiency of public administration in Uzbekistan and Tajikistan: students' view", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 215-232. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-4.

Введение (Introduction). Государственное управление – это не просто система, организующая и контролирующая деятельность государства, но и один из важнейших факторов, который определяет стабильность, безопасность и процветание общества.

Качество государственного управления зависит от многих факторов и прежде всего от реализации принятого в стране законодательства и строгого выполнения государственными служащими своих функций, без учета личных интересов и использования личных связей или этнической идентичности или политической принадлежности (Rothstein, Teorell, 2008).

Цифровая трансформация меняет способы предоставления государственных услуг, взаимодействия органов власти с гражданами и требования к компетенциям публичных

служащих. Однако сама по себе технологизация не тождественна повышению качества государственного управления: ее эффект зависит от того, способствуют ли цифровые решения прозрачности процедур, равному доступу к услугам, защите данных и подотчетности институтов.

Эффективность управления оказывает влияние на развитие всех сфер жизни, включая экономику, социальную сферу, образование, здравоохранение и безопасность. В условиях глобализации, стремительного технологического прогресса и изменяющегося общественного контекста понятие эффективности управления трансформируется и принимает новые формы.

В современную эпоху, характеризующуюся цифровой трансформацией институтов государственного управления (Лихтин, 2021), цифровые технологии стали доминирующим фактором, влияющим на темпы экономического роста и определяющим конкурентоспособность государства. Успешность внедрения цифровых технологий определяется эффективностью их работы, их популярностью и востребованностью со стороны населения и в целом положительным влиянием на общество (Саморуков, 2022: 12), но в то же время цифровизация наряду с положительным эффектом имеет и отрицательные стороны (Демура, Путивцева, 2021: 29).

Цифровая трансформация требует от государства не только активного подхода к развитию цифровых инфраструктур и технологий, но и переосмысления роли государства в цифровой экономике. Государство должно стать активным участником цифрового развития, создавая благоприятные условия для инноваций, регулируя новые цифровые рынки и защищая интересы граждан в цифровой среде. Успех цифровой трансформации зависит в первую очередь от качественного решения управленческих задач в процессе оказания государственных услуг (Чмут, 2022: 35). Вместе с тем эффективность управленческих решений зависит от доверия, существующего в обществе, не только к государственным структурам, но и к социальным институтам, уровню развития социального капитала в обществе. Не только цифровые технологии, но и активность граждан, и прежде всего молодежи, участие в различных мероприятиях волонтерских программах, клубах позволяет формировать доверие прежде всего друг к другу и к государственным служащим, через оценку их поведения (Rothstein B., Stolle D, 2008).

В стремительно меняющихся политических и экономических условиях все более актуальным становится повышение качества государственного управления (Орлова, 2022, Добролюбова, Южаков, Старостина, 2024).

Для анализа этой связи используется концепция качества государственного управления (Quality of Government). В ее основе находится принцип беспристрастности: при реализации публичных полномочий должностное лицо руководствуется общими правилами, а не личными связями, статусом или частным интересом. Честность, справедливость, прозрачность и неподкупность рассматриваются не как разрозненные моральные требования, а как характеристики качества публичных институтов, связанные с доверием и легитимностью. Набирает актуальность и критика концепции Good Governance, Качество управления (Agnafors, 2013).

Актуальность сопоставления Узбекистана и Таджикистана определяется продолжающейся цифровой трансформацией в обеих странах и сравнительно небольшим числом русскоязычных исследований, рассматривающих студенческие представления о качестве управления в межстрановой перспективе. Вместе с тем настоящее исследование не измеряет фактическую эффективность институтов и не позволяет судить о мнениях всего населения. Оно фиксирует позиции ограниченной группы студентов, которые могут рассматриваться как потенциальная когорта будущих специалистов, но не как представители действующего корпуса государственных служащих.

В научном дискурсе отражается роль цифровых технологий в системе государственного управления, в т.ч. в странах Средней Азии, в целях повышения качества предоставления государственных услуг и эффективности взаимодействия государства, бизнеса и общества (Рыбакова, Иванова, 2024).

В странах Средней Азии наблюдается эволюция государственного управления (Алимов, Рахимова, Хамидулин, 2022; Гафуров, 2022). Правительства стран ставят в приоритеты устранение барьеров на пути развития частного сектора, повышение прозрачности и подотчетности государственного сектора для улучшения качества услуг, в том числе на государственных предприятиях (Мигранян, Кришталь, 2024: 123).

Теоретико-методологическая база исследования включает анализ цифровизации государственной службы в различных странах на основе принципов системного и компаративного анализа, использования структурно-функционального анализа и акторно-сетевой теории (Латур, 2014), изучается влияние цифровой среды на культуру и ценности молодежи (Уэллман, Фрэнк, 2001).

Методология и методы (Methodology and Methods). Методологической рамкой при подготовке исследования, авторами использовались теории и концепции публичного управления концепция NPM (New Public Management) и концепция Good Governance. Элементы западных концепций зачастую используются в странах Центральной Азии для формирования концепций государственного управления и проведения административных реформ в условиях цифровизации, а очевидное воздействие названных идей на управленческую практику недостаточно учитывает национальные особенности той или иной страны в процессе административной реформы (Купряшин, 2018).

Ее сторонники (G. Pinchot, R. Waterman, G. Peters, D. Savoie, D. Kettl и др.) рассматривают основные характеристики сервисного государства, которые заключаются в следующем: рост бизнес-моделей и перенос их в управлении государством; предоставляемые услуги должны соответствовать высокому качеству и учитывать скорость обслуживания, доброжелательность, эмпатию, умение решать нестандартные задачи; увеличение контроля и оценка государственных учреждений и их бюджет по их результативности; увеличение самоорганизации и локальных центров принятия решений; этический контроль и некоторые другие аспекты (Васильева, Мирзоян, 2017). Концепция Good Governance зачастую рассматривается как парадигма административного реформирования и предусматривает максимальное участие общества в управлении государством, механизмах принятия решения, объединении ресурсов государственного и частного партнерства (World Bank, 1992). В рамках данной парадигмы предусматривается согласование интересов всех социальных групп населения, сотрудничество, в основе которого лежит ответственность перед обществом, оценка эффективности выполнения поставленных целей и задач с учетом доверия между населением и властью, предоставление подлинной задачи государства публично оглашенными целями (Красильников, Сивинцева, Троицкая, 2014). Вместе с тем внесение элементов данных моделей во многих странах зависят от культурных традиций и определенных условий, а также основы институционального контекста для «преодоления иллюзию глобальной конвергенции» (Hesse, 2000; Pollitt, 2001).

Кросскультурный и междисциплинарный подход, анализ документов позволили выявить основные направления и законодательную базу цифровизации государственной службы, современные вызовы и проблемы цифровизации и отношения к ней молодежной аудитории. В рамках исследования были представлены основные характеристики молодежной среды. В декабре 2024 г. авторами было проведено социологическое исследование среди студентов, обучающихся в филиалах в Узбекистане и Таджикистане ведущего московского университета на тему влияния эффективности государственного управления на национальную безопасность, исследования ценностных установок

государственных служащих и внедрения цифровизации в структуры государственного управления. Студенты, обучающиеся в этих учебных заведениях прошли жесткий конкурсный отбор, владеют как минимум тремя иностранными языками, занимают активную жизненную позицию, участвуют в волонтерском движении, принимают участие в международных научных проектах. Рассуждения студентов Республики Узбекистан и Республики Таджикистан на вышеперечисленные темы легли в основу исследования, так как на взгляд авторов их обобщенное мнение имеет большое значение для понимания восприятия молодежью трансформаций государственного управления в условиях цифровизации в странах Центральной Азии.

Объект исследования – студенческая молодежь Узбекистана и Таджикистана, обучающаяся в двух филиалах одного московского вуза. Предмет исследования – нормативные представления студентов о качестве государственного управления и о месте цифровых технологий в его обеспечении. Цель – выявить структуру этих представлений, описать их межстрановые различия и определить, каким образом цифровизация связывается респондентами с прозрачностью, доступностью услуг и доверием к государственным институтам.

Для обработки полученных данных использовался метод контент-анализа текстов эссе студенческих работ. Проведенный авторами анализ литературы и источников по теме исследования дает общее представление о подходах к изучению влияния цифровых технологий на эффективность государственного управления.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные с помощью опроса студентов. Общий объем выборки составил 103 человека (студенты из высших учебных заведений Узбекистана (n=47) и Таджикистана (n=56)). Возраст респондентов от 18 до 25 лет (Узбекистан: 18-19 лет – 11%, 20-22 – 60%, 23-25–29%; Таджикистан: 18-19 лет – 13%, 20-22–54%, 23-24 – 33%). Распределение участников опроса по гендерному признаку следующее: студенты из Узбекистана – женщин 56%, мужчин 44%; из Таджикистана – женщин 58%, мужчин 42%. Студенты обучаются по направлениям подготовки бакалавров «Государственное и муниципальное управление» (56%), и «Реклама и связи с общественностью» (44%). В исследовании приняли участие студенты 1 курса – 6%, 2 курса – 14%, 3 курса – 44%, 4 курса – 36%.

Единицей наблюдения является текст эссе объемом 1-2 страницы, единицей счета (единицей контекста) – смысловое высказывание или фрагмент текста, содержащий законченную мысль об эффективности государства, качествах чиновника или цифровизации. Авторы разработали кодировочную схему из пяти укрупненных категорий, которые стали основой таблицы частот. Результаты количественного подсчета упоминаний каждой категории внутри групп (Узбекистан/Таджикистан) позволили провести сравнительный анализ. Интерпретация качественного анализа заключалась в следующих подходах: для визуализации наиболее часто встречающихся лексем использовались облака слов, приводились живые формулировки респондентов в виде цитат, а также осуществлено межстрановое сравнение. В качестве респондентов выступала группа студенческой молодежи, представляющая собой потенциальную когорту будущих государственных служащих, чьи нормативные установки определяют вектор реформ в перспективе на 10-15 лет. Контент-анализ позволил перевести субъективные рассуждения студентов в измеряемые показатели, сопоставить их с международными индексами (CPI, WGI) и зафиксировать структурные различия в восприятии «хорошего управления» между двумя соседними обществами.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Поскольку выборка сформирована в пределах нескольких вузов, результаты исследования характеризуют изученную группу и имеют разведывательный характер.

Единицей анализа являлось смысловое высказывание – фрагмент эссе, содержащий оценку государства, государственного служащего, цифровых технологий, проблем управления либо ожидаемого результата публичной политики. Для систематизации материала предлагается кодировочная схема из пяти укрупненных категорий: (1) процедурное качество управления – открытость, прозрачность, справедливость, честность, неподкупность и обратная связь; (2) результативное качество – стабильность, развитие, уровень жизни, безопасность и рациональное использование ресурсов; (3) цифровизация как инструмент – электронные услуги, автоматизация, межведомственная интеграция и снижение бюрократических барьеров; (4) риски цифровизации – цифровое неравенство, дефицит инфраструктуры и компетенций, защита данных, кибербезопасность; (5) доверие к институтам и образ государственного служащего.

Для установления статистической закономерности была составлена таблица частот аналитических категорий, используемых в эссе студентов на основе полного кодирования корпуса (Таблица).

Таблица

Частота аналитических категорий в эссе студентов

Table

Frequency of analytical categories in students' essays

Категория / Category	Узбекистан / Uzbekistan (n=47)	Таджикистан / Tajikistan (n=56)	Всего / Total (n=103)
Процедурное качество управления / Procedural quality of management	38	26	64
Результативное качество управления / Effective quality of management	35	24	59
Цифровизация как инструмент / Digitalization as a tool	39	27	66
Риски цифровизации / Digitalization risks	31	14	45
Доверие к институтам / образ служащего / Trust in institutions / the image of the employee	41	28	69

Приведем примеры цитат из эссе студентов из Узбекистана, характеризующие оценку эффективности государственного управления:

– «в Узбекистане, находящемся на пути активных реформ, государственное управление играет решающую роль в модернизации страны»;

– «реформы, проводимые в последние годы в Узбекистане, нацелены на внедрение инноваций, цифровизацию, повышение открытости государственных органов, оптимизацию бюрократических процедур, борьбу с коррупцией»;

– «в Узбекистане, как и в других странах Центральной Азии, особое внимание уделяется обеспечению стабильности, поскольку регион имеет сложную историческую и геополитическую специфику»;

– «эффективное государственное управление позволяет укреплять межэтнический и межконфессиональный диалог»;

– «государство, способное эффективно управлять страной, повышает социальную сплоченность и, следовательно, укрепляет свою безопасность»;

– «современный Узбекистан стремится к трансформации государственного аппарата в институт, ориентированный на гражданина. Эффективность госуправления в данном

контексте – это способность государственных органов действовать прозрачнее, доступнее, оперативнее»;

– «эффективность предполагает наличие обратной связи: онлайн-платформы и мобильные приложения (например, портал tu.gov.uz) используются для того, чтобы граждане могли быстро получить услугу или пожаловаться на недостатки. Принятие законов о доступе к информации, развитие “открытых данных”, снижение административных барьеров также являются признаками усиливающейся эффективности»;

– «госслужащий в современном Узбекистане должен быть носителем ряда ценностей, соответствующих новым вызовам и приоритетам страны: честность и неподкупность; профессионализм и компетентность; патриотизм и лояльность общественным интересам; прозрачность и открытость; готовность к инновациям и цифровым решениям; этическая ответственность»;

– «в последние годы прилагаются значительные усилия к повышению уровня культуры обслуживания: проводятся тренинги, вводятся стандарты обслуживания, применяются индикаторы эффективности»;

– «цифровизация государственной службы в Узбекистане – ключевой элемент текущих реформ, направленных на модернизацию управления, повышение эффективности и доступности услуг для граждан».

Для сравнения приведем мнение студентов из Таджикистана об эффективности государственного управления:

– «эффективность государственного управления характеризуется положительным балансом доходов и расходов в секторе экономики, лидирующие позиции в международной торговле, независимостью от других стран»;

– «государство, которое успешно выполняет все функции, это государство, которое обеспечивает безопасность, справедливость и высокий уровень жизни для граждан, в нем достигаются цели в различных сферах общественной жизни, должно обеспечивать выполнение всех законов и защиту прав граждан»;

– «государство, которое оптимально использует ресурсы и внедряет новые технологии»;

– «максимально эффективно распределяет задачи и функции управления между государственными органами, что приводит к улучшению благосостояния населения»;

– «государство, которое справляется со своими задачами и функциями. Это страна, в которой наблюдается стабильный экономический рост, отсутствует зависимость от других стран, способствует развитию общества и территорий, адаптируется под изменения, происходящие в мире вследствие глобализации и технического прогресса».

Студенты из Таджикистана придерживаются точки зрения, что эффективное государство – это государство, которое способно обеспечить достойный уровень жизни для своих граждан путем развития всех сфер жизнедеятельности, когда все процессы внутри государства работают как хорошо отлаженный механизм. Например, если в стране высокий уровень бедности или безработицы, а государственные программы направлены на то, чтобы действительно помогать людям выбраться из сложной ситуации.

В эссе обеих групп качественное государственное управление описывается через сочетание ценностных, процедурных и результативных признаков. Респонденты связывают его с честностью, профессионализмом, ответственностью, справедливостью и готовностью служащих действовать в общественных интересах. В логике концепции качества управления эти характеристики могут быть интерпретированы как ожидание беспристрастной и подотчетной работы институтов.

Цифровизация в высказываниях студентов имеет преимущественно инструментальное значение. Она связывается с доступностью услуг, сокращением бюрократических барьеров, возможностями обратной связи, большей открытостью действий государственных органов и снижением коррупционных рисков. Вместе с тем респонденты указывают на риски: неравный доступ к инфраструктуре, дефицит цифровых навыков, недостаточную интеграцию систем и угрозы безопасности данных. Следовательно, цифровые технологии рассматриваются как условно полезный инструмент, результативность которого зависит от организационной и институциональной среды.

Эффективное государственное управление также должно подразумевать устойчивость и гибкость. В условиях современного мира, когда все очень быстро меняется, государственные органы и структуры должны уметь адаптироваться к изменениям и быстро принимать необходимые меры. Государство должно постоянно взаимодействовать с населением. Например, по вопросам социальной поддержки, чтобы у всех были равные возможности.

Для государственного управления стран Центральной Азии западноевропейские теории не всегда оказываются эффективными. Исследователи в области моделей государственного управления отмечают, что при заимствовании элементов этих моделей на их эффективность оказывают определяющее влияние: культурная институциональная среда, учитывающая административные традиции гражданского общества и активность политического участия населения; управленческая среда, предполагающее наличие рационального бюрократического аппарата; экономическая среда, способная взять на себя выполнение некоторых государственных функций и оказание ряда услуг населению; свободное предпринимательство и другие механизмы свободного распределения средств в обществе (Красильников, Сивинцева, Троицкая, 2014).

Используя облако слов для анализа представлений студентов из Узбекистана об эффективности государственного управления (Рисунок 1), можно сделать вывод, что на нее оказывают влияние поставленные цели, обозначенные задачи, организация действий, затраченные ресурсы.

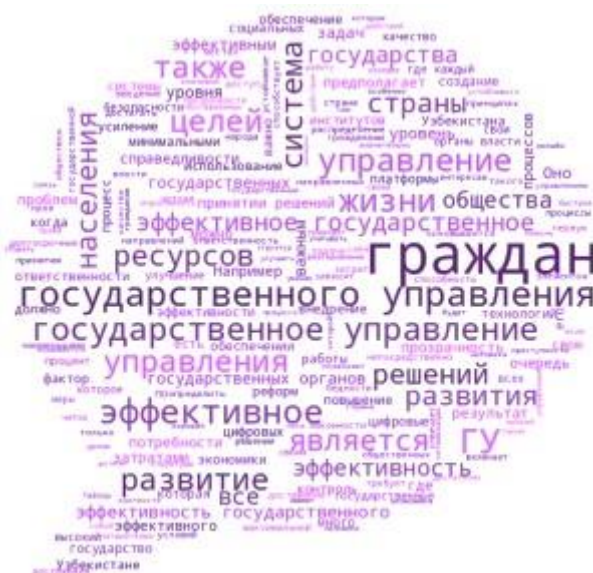

Рисунок 1. Характеристика эффективности государственного управления
(составлено по ответам студентов из Узбекистана)

Figure 1. Characteristics of the effectiveness of public administration
(compiled based on the responses of students from Uzbekistan)

Государство эффективно управляет процессом жизнедеятельности органов власти, обеспечивая высокий уровень жизни населения, успешно выполняет задачи, поставленные перед ним, и отвечает за благополучие общества

Слова в облаке: государство, эффективно, управляет, процессом, жизнедеятельности, органы, власти, обеспечивая, высокий, уровень, жизни, населения, успешно, выполняет, задачи, поставленные, перед, ним, и, отвечает, за, благополучие, общества.

Figure 2. Characteristics of the effectiveness of public administration
(compiled based on the responses of students from Tajikistan)

[illegible]

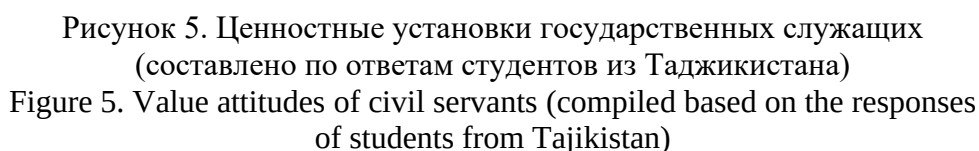
Figure 3. Ideas about the role of public administration
(compiled based on the responses of students from Uzbekistan)

Определяя качества, которыми должен обладать государственный служащий (Рисунок 4), студенты из Узбекистана наиболее часто отмечали такие ценности, как «честность», «ответственность», «патриотизм» и «профессионализм». С точки зрения респондентов такое качество, как «справедливость», в меньшей степени присутствует при определении ценностных установок.

Figure 4. Value attitudes of civil servants
(compiled based on the responses of students from Uzbekistan)

Сравним с ответами студентов из Таджикистана на вопрос о ценностных ориентациях государственных служащих (Рисунок 5).

Подводя итоги ответов студентов из Таджикистана, необходимо отметить, что под эффективным государственным управлением большинство респондентов понимают правовое регулирование и институциональное развитие, экономическую эффективность, социальную справедливость, экологическую устойчивость, внедрение цифровых технологий.

Среди наиболее часто встречающихся в ответах студентов проблемах можно выделить следующие:

1. Политическая нестабильность – частые изменения власти и политические кризисы могут дестабилизировать систему управления, снижая ее эффективность.
2. Низкий уровень профессионализма и квалификации государственных служащих – отсутствие компетентных кадров в органах власти может препятствовать принятию качественных решений и снижать результативность работы государственного аппарата.
3. Коррупция, которая приводит к нецелевому расходованию ресурсов, тем самым ведет к снижению эффективности государственного управления.
4. Отсутствие инноваций и цифровизации – в условиях быстрого технологического прогресса государственное управление должно внедрять инновации, автоматизацию процессов и использовать современные информационные технологии для повышения своей эффективности.

По данным Всемирного банка за 2024 год, по индексу восприятия коррупции в государственном секторе экспертами и предпринимателями Узбекистан занимает 121 место из 180 стран, Таджикистан – 162 место¹. Таким образом, можно подтвердить, что представления респондентов в рамках проведенного исследования совпадают с внешними оценками положения дел в их странах.

В Узбекистане постепенно внедряются электронные правительства, создаются базы данных, интегрирующие разные ведомства, упрощаются процедуры получения документов. Однако барьеры остаются – недостаточная цифровая грамотность части персонала, недостаточно развитая цифровая инфраструктура в отдаленных регионах, потребность в повышении информационной безопасности.

Среди проблемы, с которыми сталкиваются в Узбекистане при внедрении цифровых технологий, студенты отмечают следующие:

- недостаточная инфраструктура. В ряде регионов отсутствует стабильный доступ к высокоскоростному интернету и современному оборудованию, что ограничивает реализацию цифровых инициатив;
- низкий уровень цифровой грамотности. Как у сотрудников, так и у граждан наблюдается нехватка знаний и навыков для использования цифровых платформ, что снижает эффективность их применения;
- сопротивление изменениям. Некоторые сотрудники госслужбы опасаются внедрения технологий, связывая их с усложнением работы или сокращением рабочих мест;
- слабая защита данных. Недостаточная кибербезопасность и утечка данных ставят под угрозу доверие к цифровым инициативам;
- отсутствие интеграции систем. Разрозненные платформы и стандарты усложняют взаимодействие между ведомствами, замедляя обмен данными и реализацию инициатив.

Студенты из Узбекистана в качестве перспектив цифровизации государственной службы отмечают следующее:

- повышение доступности услуг. Электронные госуслуги обеспечивают гражданам возможность получать помощь удаленно, исключая бюрократические барьеры;
- увеличение прозрачности.

Несмотря на то, что цифровизация государственного управления открывает новые перспективы для повышения прозрачности и улучшения качества государственных услуг, существует несколько проблем:

- во-первых, необходимо решать проблему цифрового неравенства; независимо от

¹ Worldwide Governance Indicators, Всемирный банк. Официальный сайт. URL: worldbank.org (дата обращения: 29.08.2026).

социального положения граждане должны иметь доступ к цифровым сервисам. Для этого нужно развивать инфраструктуру и проводить обучение;

– во-вторых, использование цифровых технологий требует разработки эффективных методов защиты данных и предотвращения кибератак. В условиях глобальных угроз, таких как киберпреступность, важно создать надежную систему информационной безопасности, которая обеспечит защиту конфиденциальной информации и предотвратит утечки данных.

Студенты из Узбекистана отмечают, что, несмотря на существующие проблемы – коррупцию, недостаточную квалификацию некоторых кадров, устаревшую бюрократию, – тенденция к улучшению очевидна. Цифровые технологии, новые подходы к HR-менеджменту в госструктурах, публичная отчетность и привлечение молодых специалистов, владеющих цифровой культурой, постепенно создают новую реальность, в которой эффективное госуправление становится не абстрактной целью, а реальным достижимым стандартом.

Согласно данным UN E-Government Survey 2024 года и аналитическим материалам, основанным на этом докладе, показатели Узбекистана и Таджикистана находятся на высоком уровне развития. Индекс E-Government Development Index (EGDI) Узбекистана составляет 0,8162. Онлайн-услуги (Online Services Index, OSI) Узбекистана демонстрируют активное развитие. В опросах граждан отмечаются рост доступности услуг, однако респонденты указывают на проблемы со скоростью обработки запросов и необходимость дальнейшего расширения функционала. В Таджикистане основной прорыв связан с внедрением системы «Единое окно», что значительно упростило получение справок и регистрацию документов. Индекс растет за счет автоматизации рутинных задач и снижения бюрократических барьеров. Индекс развития телекоммуникационной инфраструктуры (Telecommunication Infrastructure Index, TII) в Узбекистане показывает прогресс в проникновении мобильного интернета и развитии сетей связи. Однако сохраняется цифровой разрыв между столицей и регионами (проблема покрытия в отдаленных районах). В Таджикистане инфраструктурный индекс остается наиболее уязвимым местом. Отмечается нехватка средств на приобретение оборудования и расширение доступа к широкополосному интернету в горных и сельских местностях, что долгое время удерживало страну в средней группе рейтинга. Если рассматривать индекс человеческого капитала (Human Capital Index, HCI), то необходимо отметить, что обе страны имеют традиционно высокий базовый уровень грамотности населения благодаря развитой системе школьного образования, но в то же время главной угрозой для этого показателя становится дефицит узкопрофильных IT-кадров и специалистов по кибербезопасности, необходимых для поддержки государственных цифровых систем. Уровень цифровой грамотности именно в части использования электронных сервисов требует повышения через государственные образовательные программы. Индекс электронного участия (E-Participation Index) соотносится с рассуждениями студентов об обратной связи и диалоге с гражданами¹.

Успешное национальное государственное управление, формируемое в стране на основе элементов концепции публичного управления и качественного управления, требует создание положительного образа служащих, что включает в себя не только повышение их компетентности, но и укрепление таких качеств, как честность, открытость и уважение к людям. Формирование имиджа государственного служащего можно рассматривать в контексте обсуждения доверия к институтам государственной власти. Недоверие к образу госслужащих требует не только улучшения профессиональных навыков и повышения моральных стандартов, но и целенаправленной работы по перестройке отношений с

¹ Организации Объединенных Наций. Официальный сайт. UN E-Government Survey, индексы EGDI и E-Participation. URL: <https://publicadministration.desa.un.org/> (дата обращения: 29.08.2026).

гражданами. Когда люди начнут видеть в государственных служащих профессионалов, искренне стремящихся к улучшению жизни общества, имидж госслужбы начнет меняться в лучшую сторону.

Практические рекомендации. Для Узбекистана приоритетным направлением является сочетание расширения цифровых сервисов с повышением их процедурной прозрачности: публикацией понятных регламентов, отслеживанием статуса обращений, развитием обратной связи и независимой оценкой удобства сервисов. Важно развивать цифровые компетенции служащих и граждан, особенно в регионах с менее устойчивым доступом к инфраструктуре, а также обеспечивать совместимость межведомственных систем и защиту персональных данных.

Для Таджикистана цифровые инициативы целесообразно связывать с ощутимыми для граждан результатами: доступностью базовых услуг, сокращением временных и транспортных издержек, адресностью социальной поддержки и повышением предсказуемости административных процедур. Параллельно необходимы инвестиции в инфраструктуру и обучение пользователей, поскольку без них цифровизация может усиливать, а не сокращать неравенство доступа.

Для обеих стран важны единые меры: включение цифровой грамотности, этики публичной службы, работы с данными и кибербезопасности в программы подготовки кадров; внедрение понятных механизмов обратной связи; регулярная оценка доступности сервисов для различных групп граждан; раскрытие данных о результативности программ в форме, пригодной для общественного контроля.

Заключение (Conclusions). Система государственного управления в странах Средней Азии находится в процессе масштабной реорганизации. Важно отметить, что под эффективностью государственного управления подразумевается управление, ориентированное на благо граждан, устойчивое развитие, доверие и справедливость и прозрачность. Элементы концепций Good Governance и New Public Management, используемые в рамках государственного управления, позволяют формировать эффективные стратегии.

Исследование показывает, что студенты из изученной выборки связывают качество государственного управления с честностью, профессионализмом, ответственностью, прозрачностью и ориентацией на общественные интересы. Цифровые технологии воспринимаются ими преимущественно как средство реализации этих ожиданий: они могут упростить получение услуг, повысить открытость процедур и уменьшить пространство для коррупционных контактов, но требуют инфраструктурной, кадровой и правовой поддержки.

Студенты из Узбекистана высоко оценивают процессы по трансформации системы государственного управления. Эффективность управления понимается как способность государства быть открытым, ответственным, компетентным, готовым к инновациям и ориентированным на общественные интересы. Национальные источники показывают, что правительство стремится к усилению кадрового потенциала, формированию у госслужащих ценностей честности, ответственности и современного мышления.

Государственные служащие должны обладать рядом ценностей, которые обеспечивают качество и стабильность государственного управления. Прежде всего, это честность и этичность. Публичные должности подразумевают высокую степень доверия со стороны общества, и государственные служащие должны действовать в интересах народа, избегая личных выгод и коррупционных схем.

Профессионализм также является важной ценностью. Грамотный, квалифицированный специалист способен принимать взвешенные решения, основанные на анализе фактов и данных, а не на эмоциях или личных интересах. Ответственность – еще одна важная

ценность. Государственные служащие должны понимать, что их действия могут существенно влиять на жизнь миллионов людей, и поэтому важно принимать решения с высокой долей ответственности и анализа рисков.

Цифровизация оказывает существенное воздействие на требования к квалификации госслужащих. Интеграция цифровых технологий расширяет арсенал инструментов, доступных государственным служащим, что влечет за собой необходимость обновления их компетенций. Это, в свою очередь, требует пересмотра квалификационных критериев для претендентов на должности государственной гражданской службы путем расширения перечня требуемых компетенций. В то же время студенты ценят цифровизацию инструментально, как технологию обеспечения беспристрастности, сокращающую пространство субъективизма чиновника и число коррупциогенных контактов. Таким образом, цифровизацию можно рассматривать во взаимосвязи с ценностными ориентациями государственных служащих.

По мнению студентов из Средней Азии, задача государства заключается в способности обеспечить своим гражданам удовлетворение их потребностей и улучшение их качества жизни путем защиты прав и свобод, доступа к медицине, самореализации, пособиям и субсидиям, образованию, безопасности, помощи в бизнесе и т.д. Эффективное управление подразумевает создание систем, которые не только работают, но и приносят ощутимую пользу гражданам.

Приводимые облака слов и цитаты обнаруживают систематическое различие между двумя выборками. Студенты из Узбекистана описывают эффективное управление преимущественно через открытость, прозрачность, честность, ориентацию на гражданина и готовность к инновациям, то есть в процедурной логике. Студенты из Таджикистана – через стабильность, развитие, уровень жизни, благосостояние и рациональное использование ресурсов, то есть в логике результата.

Качественный анализ позволяет предположить различие смысловых акцентов: у узбекских студентов сильнее выражены процедурные критерии хорошего управления, у таджикских – результативные. Таким образом, научная новизна работы заключается в следующем выводе: два соседних общества с сопоставимым институциональным наследием обнаруживают расхождения в базовом понимании того, что считать хорошим государством.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением и диверсификацией выборки, сравнением взглядов студентов с мнениями действующих государственных служащих и населения, а также с сопоставлением нормативных представлений респондентов с международными и национальными индикаторами цифрового развития и качества управления. Это позволит различить ожидания будущих специалистов, опыт пользователей государственных услуг и институциональные характеристики стран.

Список литературы

Алимов Б. Б., Рахимова Д. Н., Хамидулин М. Б. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Республика Узбекистан // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 4 (138). С. 103-118. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-4-103-118. EDN: ALBGFT.

Васильева Е. В., Мирзоян М. В. Проблемы формирования кадрового потенциала государственной службы в контексте реализации нового государственного менеджмента // Управленческие науки. 2017. Т. 7, № 4. С. 80-89. EDN: YMAQID.

Гафуров А. Д. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Республика Таджикистан // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 1 (135). С. 93-118. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-1-93-118. EDN: ASWJRO.

Демура Н. А., Путивцева Н. П. Цифровизация: сущность и роль в развитии экономики страны и региона // Научный результат. Экономические исследования. 2021. Т. 7, № 1. С. 22-31. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-1-0-3. EDN: GBRGYS.

Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Старостина А. Н. Оценка качества государственного управления: обоснованность, результативность, эффективность. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.

Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2014. № 2. С. 45-62. EDN: SLJNWL.

Купряшин Г. Л. Калейдоскоп административных реформ в Европе: опыт и оценки элиты государственной службы // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2018. № 1. С. 197-205. EDN: YTZIBE.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко; НИУ ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с. ISBN: 978-5-7598-0819-0. EDN: SYZVMJ.

Лихтин А. А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // *Управленческое консультирование*. 2021. № 4. С. 18-26. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-4-18-26. EDN: TZTKPZ.

Мигранян А., Кришталь И. Экономика Таджикистана: факторы роста на фоне низкого уровня жизни // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № IV (LXV), С. 120-132. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-120-132. EDN: EPRVOH.

Орлова С. Ю. Актуальные проблемы повышения качества государственного управления // *Государственная служба*. 2022. Т. 24, № 1 С. 39-45. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-1-39-45. EDN: XMUIHK.

Рыбакова М. В., Иванова Н. А. Цифровая трансформация государственной службы в Узбекистане в условиях новой глобализации: мнение студентов // *Научный результат. Социология и управление*. 2024. Т. 10, № 3. С. 217-228. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-31-4. EDN: CHCNVY.

Саморуков А. А. Цифровая трансформация государственного управления // *Вестник Поволжского института управления*. 2022. Т. 22, № 1. С. 4-13. DOI: 10.22394/1682-2358-2022-1-4-13. EDN: EMFFIO.

Уэллман Б., Фрэнк К. Сетевой капитал в многоуровневом мире: получение поддержки в личных сообществах // *Социальный капитал: теория и исследования*. Чикаго: Олдин Дегруйтер, 2001. 273 с.

Чмут Г. А. Цифровая трансформация государственного управления на современном этапе // *Вестник университета*. 2022. № 12. С. 30-36. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-12-30-36. EDN: KCBJEX.

Agnafors M. Quality of Government: Toward a More Complex Definition // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, No. 3. Pp. 433-445.

Andersen T. B. E-Government as an Anti-Corruption Strategy // *Information Economics and Policy*. 2009. Vol. 21, № 3. Pp. 201-210. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2008.11.003.

Hesse J. Public Sector Report 2000. Central and Eastern Europe. Report to the XVth Meeting of Experts on the United Nations Programme in Public Administration and Finance. Paris 2000. P. 8.

Holmberg S., Rothstein B., Nasiritousi N. Quality of Government: What You Get // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. Pp. 135-161. DOI: 10.1146/annurev-polisci-100608-104510.

Pollitt C. Convergence: The Useful Myth? // *Public Administration*. 2001. Vol. 79, № 4. P. 942. DOI: 10.1111/1467-9299.00287.

Rothstein B. The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 2011. DOI: 10.7208/chicago/9780226729589.001.0001.

Rothstein B., Stolle D. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // *Comparative Politics*. 2008. Vol. 40, № 4. Pp. 441-459. DOI: 10.5129/001041508X12911362383354.

Rothstein B., Teorell J. What Is Quality of Government? A Theory of Impartial Government Institutions // *Governance*. 2008. Vol. 21, № 2. Pp. 165-190. DOI: 10.1111/j.1468-0491.2008.00391.x.

References

Alimov, B. B., Rakhimova, D. N., Khamidulin, M. B. (2022), "Evolution of public administration in the post-Soviet countries. Republic of Uzbekistan", *Gosudarstvennaya sluzhba*, 24 (4), 103-118, DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-4-103-118, EDN: ALBGFT. (In Russian)

Vasilieva, E. V., Mirzoyan, M. V. (2017), "Problems of Forming the Human Resources Potential of the Civil Service in the Context of the Implementation of the New Public Management", *Upravlencheskie nauki*, 7 (4), 80-89, EDN: YMAQID. (In Russian)

Gafurov, A. D. (2022), "Evolution of public administration in the post-Soviet countries. Republic of Tajikistan", *Gosudarstvennaya sluzhba*, 24 (1), 93-118, DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-1-93-118, EDN: ASWJRO. (In Russian)

Demura, N. A. and Putivtseva, N. P. (2021), "Digitalization: the essence and role in the development of the economy of the country and the region", *Research Result. Economic Research*, 7 (1), 22-31, DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-1-0-3, EDN: GBRGYS. (In Russian)

Dobrolyubova, E. I., Yuzhakov, V. N., Starostina, A. N. (2021), *Otsenka kachestva gosudarstvennogo upravleniya: obosnovannost, rezultativnost, effektivnost* [Assessment of the quality of public administration: validity, effectiveness, efficiency], Izdatelsky dom «Delo» RANXiGS, Moscow, Russia. (In Russian)

Krasilnikov, D. G., Sivintseva, O. V., Troitskaya, E. A. (2014), "Modern Western Management Models: A Synthesis of New Public Management and Good Governance", *Ars Administrandi*, (2), 45-62, EDN: SLJNWL. (In Russian)

Kupryashin, G. L. (2018), "Kaleidoscope of Administrative Reforms in Europe: Experience and Assessments of the Civil Service Elite", *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, (1), 197-205, EDN: YTZIBE. (In Russian)

Latour, B. (2014), *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Translated by Polonskaya, I., Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-7598-0819-0, EDN: SYZVMJ. (In Russian)

Likhtin, A. A. (2021), "Transformation of Public Administration in the Context of Digitalization", *Upravlencheskoe konsultirovanie*, (4), 18-26, DOI: 10.22394/1726-1139-2021-4-18-26, EDN: TZTKPZ. (In Russian)

Migranyan, A. and Krishtal, I. (2024), "The Economy of Tajikistan: Growth Factors against the Background of Low Living Standards", *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, (IV), 120-132, DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-120-132, EDN: EPRVOH. (In Russian)

Orlova, S. Yu. (2022) "Current Problems of Improving the Quality of Public Administration", *Gosudarstvennaya sluzhba*, 24 (1), 39-45, DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-1-39-45, EDN: XMUIHK. (In Russian)

Rybakova, M. V. and Ivanova, N. A. (2024), "Digital Transformation of Civil Service in Uzbekistan in the Context of the New Globalization: Students Opinions", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (3), 217-228, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-31-4, EDN: CHCNVY. (In Russian)

Samorukov, A. A. (2022), "Digital Transformation of Public Administration", *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, 22(1), 4-13, DOI: 10.22394/1682-2358-2022-1-4-13, EDN: EMFFIO. (In Russian)

Wellman, B. and Frank, K. (2001), *Setevoy kapital v mnogourovnevnom mire: poluchenie podderzhki v lichnykh soobshchestvakh* [Network Capital in a Multi-Level World: Gaining Support in Personal Communities], Chicago, Aldine DeGruyter. (In Russian)

Chmuth, G. A. (2022), "Digital Transformation of Public Administration at the Current Stage", *Vestnik universiteta*, (12), 30-36, DOI: 10.26425/1816-4277-2022-12-30-36, EDN: KCBJEX. (In Russian)

Agnafors, M. (2013), "Quality of Government: Toward a More Complex Definition", *American Political Science Review*, 107(3), 433-445.

Andersen, T. B. (2009) "E-Government as an Anti-Corruption Strategy", *Information Economics and Policy*, 21(3), 201-210, DOI: 10.1016/j.infoecopol.2008.11.003.

Hesse, J. (2000), *Public Sector Report 2000. Central and Eastern Europe. Report to the XVth Meeting of Experts on the United Nations Programme in Public Administration and Finance*, Paris, 8.

Holmberg, S., Rothstein, B., Nasiritousi, N. (2009), "Quality of Government: What You Get", *Annual Review of Political Science*, 12, 135-161, DOI: 10.1146/annurev-polisci-100608-104510.

Pollitt, C. (2001), "Convergence: The Useful Myth?", *Public Administration*, 79(4), 942, DOI: 10.1111/1467-9299.00287.

Rothstein, B. (2011), *The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective*, University of Chicago Press, Chicago, DOI: 10.7208/chicago/9780226729589.001.0001.

Rothstein, B., Stolle, D. (2008), "The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust", *Comparative Politics*, 40 (4), 441-459, DOI: 10.5129/001041508X12911362383354.

Rothstein, B., Teorell, J. (2008), "What Is Quality of Government? A Theory of Impartial Government Institutions", *Governance*, 21 (2), 165-190, DOI: 10.1111/j.1468-0491.2008.00391.x.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2025 г. Поступила после доработки 13 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 30 July 2025. Revised 13 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Рыбакова Марина Владимировна, доктор социологических наук, профессор, факультет государственного управления, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Marina V. Rybakova, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Federal Scientific Research Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иванова Наталья Анатольевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Natalia A. Ivanova, Candidate of Sociological Sciences, Researcher, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.